

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Заместитель председателя

Executive Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Университет правоохранительной службы Монголии	БОКНЧУЛУУНЫ В.-Е., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed
scientific journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 18.12.2015. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 26,7. Уч.-изд. л. 24.

Тираж 1000 экз. Заказ N 163. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие к N 4 (34) 2015	7	Foreword to Volume 34 (2015), Issue 4
Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности		Section 1. Methodology of law enforcement activities
КУЗЬМИН И.А. Специфика реализации международно-правовой ответственности в общетеоретическом измерении	8	KUZMIN I.A. The specificity of implementing international legal liability in general-theoretical aspect
МЕШКО Г. Вклад профессора Маклецова А.В. в становление и развитие словенской криминологии	16	MEŠKO G. Contribution of professor Alexander Makletsov to the establishment and development of slovenian criminology
Раздел 2. Охрана и защита прав человека		Section 2. Human rights protection
БОЛГОВА В.В., НОВОПАВЛОВСКАЯ Е.Е. Обеспечение баланса публичного интереса и неприкосновенности частной жизни посредством конституционного судопроизводства	22	BOLGOVA V.V., NOVOPAVLOVSKAYA E.E. Ensuring the balance of public interest and privacy by means of the constitutional legal proceedings
ТИЩЕНКО И.В., МЕНЯЙЛО Л.Н., МАКСИМЕНКО А.В. Основания освобождения от гражданско-правовой ответственности при причинении вреда транспортным средством как источником повышенной опасности	31	TISCHENKO I.V., MENYAYLO L.N., MAKSIMENKO A.V. Grounds for exemption from civil liability when causing harm by vehicle as a source of increased danger
Раздел 3. Уголовный закон		Section 3. Criminal Law
ШАРАПОВ Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла	36	SHARAPOV R.D. Joint criminal activity with no evidence of complicity: implication in a crime, participation in a crime without joint intent
МОРОЗОВ В.И., ЦЫГАНКОВ С.Л. Генезис и особенности квалификации фиктивного банкротства	42	MOROZOV V.I., TSYGANKOV S.L. The genesis and characteristics of classifying fictitious bankruptcy
Раздел 4. Криминологическая наука		Section 4. Criminology
МАЙОРОВ А.В. О концепции виктимологического противодействия преступности	50	MAYOROV A.V. On the concept of victimological combating crime
ИОГОЛЕВИЧ Н.И., ИОГОЛЕВИЧ В.А. Профилактика профессиональной виктимности как составляющая высшего образования	58	IOGOLEVICH N.I., IOGOLEVICH V.A. Prevention of professional victimhood as a component of higher education
МЕРКУРЬЕВ В.В., АГАПОВ П.В., ИВАНОВ Р.С. Детерминанты и особенности террористической преступности в приграничных регионах Российской Федерации	64	MERKURYEV V.V., AGAPOV P.V., IVANOV R.S. Determinants and characteristics of terrorist crime in the border regions of the Russian Federation
Раздел 5. Пенитенциарная система		Section 5. Penitentiary system
СТУКАНОВ В.Г. Правосознание личности осужденных к пожизненному заключению как объект исправительного воздействия (на примере Республики Беларусь)	74	STUKANOV V.G. Legal conscience of the person sentenced to life imprisonment as the object of correction (on the example of the Republic of Belarus)

Раздел 6. Правоохранительная политика

ТЮШНЯКОВА О.В. «Бессистемная» система уголовных наказаний

80

Section 6. Law enforcement policy

TYUSHNYAKOVA O.V. "Unsystematic" system of criminal punishment

ЕПИХИН А.Ю. Межотраслевые проблемы квалификации незаконного понуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ)

86

EPIKHIN A.Yu. Interdisciplinary problems of qualification of illegal compulsion of evidence (art. 302 of the Criminal code of the Russian Federation)

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

АБШИЛАВА Г.В. Правовые основания для заключения соглашения о сотрудничестве между сторонами и проведения процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ

91

Section 7. Criminal procedural review

ABSHILAVA G.V. Legal grounds for concluding a cooperation agreement between the parties and conducting the procedure, provided by chapter 40.1 of the Criminal procedure code of the Russian Federation

КАЧАЛОВА О.В. Оптимальный момент для рассмотрения уголовного дела с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве

95

KACHALOVA O.V. Perfect time for consideration of the criminal case with the pre-trial agreement on cooperation concluded

КРИВОЩЕКОВ Н.В. Наложение ареста на имущество, полученное в ходе преступной деятельности, находящееся у «других лиц»: особенности практики

102

KRIVOSHCHEKOV N.V. Seizure of property obtained in the course of criminal activity and held by other persons: features of practice

МАШОВЕЦ А.О. О получении судебных доказательств в рамках процедур судебного контроля в ходе досудебного производства

110

MASHOVETS A.O. On obtaining judicial evidence under the procedure of judicial review during pre-trial proceedings

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

МАЙОРОВА С.А. Формы участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности

115

Section 8. Improving law enforcement practice

MAYOROVA S.A. Forms of participation of citizens in maintaining public order and ensuring public safety

ДИЗЕР О.А. Проблемы доставления полицией граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться, в медицинские организации

122

DIZER O.A. The problems of transporting the persons being drunk in public places and having lost the ability to move independently to medical organizations by police

КЛИМОВИЧ Е.В., КУЗНЕЦОВ А.В. Правовое регулирование применения специальных технических средств фиксации нарушений правил дорожного движения – проблемы и перспективы

132

KLIMOVICH E.V. KUZNETSOV A.V. Legal regulation of using special technical means for fixing violations of traffic rules – problems and prospects

ГОРБУНОВ В.Ю. Дефекты механизма реализации гражданами полицейских полномочий в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности

140

GORBUNOV V.Yu. Defects in the mechanism of implementing police powers by citizens in the field of maintaining public order and ensuring public safety

ВАГИН П.А. Розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда, на территории Содружества Независимых Государств: проблемы и пути их решения

148

VAGIN P.A. Search for fugitives from investigation and trial on the territory of the commonwealth of Independent States: problems and ways of their solution

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ПОПОВ В.Л. Особенности производства портретных экспертиз по низкокачественным видеоизображениям **156**

ЯДЖИН Н.В., ЕГОРОВ В.А. Организационно-правовое и информационное обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи **163**

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

ДОНГ Ш., ЛИ Кс. Защита личной пользовательской информации в социальных сетях: дилеммы правоохранительной практики Китая **170**

ЗИГМУНТ О.А., ПЕТРОВСКИЙ А.В. Кибер- и интернет-преступность в Германии и России: возможности сравнительного исследования **180**

ИМАНОВ И.А. Система и эффективность актов прокурорского надзора в противодействии коррупции в Республике Казахстан **189**

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

СИДОРОВА М.В. Соотношение законности и дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел **199**

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ВВЕДЕНСКАЯ О.Ю. Особенности слеодообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет **209**

НАДУЕВ М.Н. Особенности применения сокрытия данных о личности как меры безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении **217**

СЕРЕДНЕВ В.А. Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «против» **221**

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

POPOV V.L. Characteristics of conducting portrait expertise of low quality videos

YADZHIN N.V., EGOROV V.A. Organizational, legal and information support of investigation of crimes committed with the use of mobile communication

Section 10. Comparative studies and foreign experience

DONG Sh., LI X. Protection of user's personal information on social networks: dilemmas of law enforcement practice in China

SIEGMUNT O.A., PETROVSKIY A.V. Cyber and internet crime in the Federal Republic of Germany and the Russian Federation: possibilities for a comparative research

IMANOV I.A. The system and effectiveness of acts of prosecutor's supervision in fight against corruption in the Republic of Kazakhstan

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

SIDOROVA M. V. The relation of legality and discipline in the activities of law enforcement officers

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

VVEDENSKAYA O.Yu. Characteristics of leaving traces while committing internet crimes

NADUEV M.N. The peculiarities of applying the concealment of the identity as a security measure at the stage of checking the reported crime

SEREDNEV V.A. Polygraph tests in criminal proceedings: arguments against

ПРЕДИСЛОВИЕ К N 4 (34) 2015

Вышел в свет тридцать четвертый — заключительный в этом году номер международного рецензируемого журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика». Журнал заметно отличается участием авторов из дальнего зарубежья, предлагающих результаты сравнительно-правовых исследований, изучения национального законодательства и правоохранительной практики своих государств.

Читателю будет интересно узнать о связи словенской криминологической науки и русской школы уголовного права, а также оценить значение научного вклада профессора А.В. Маклецова — российского ученого, эмигрировавшего из страны после революции.

В рубрике «Уголовный закон» представлена познавательная в научно-теоретическом отношении уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению и совместного участия в преступлении лиц при отсутствии между ними совместности умысла как форм совместной преступной деятельности нескольких лиц без признаков соучастия.

Концептуальный материал о виктимологическом противодействии преступности как комплексе государственных и общественных мер, ориентированных на обеспечение безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства путем реализации виктимологической профилактики и поддерживающих политику социального контроля над преступностью, размещен в криминологическом разделе журнала.

Пенитенциарные исследования представлены материалом о правосознании личности осужденных к пожизненному заключению, поступившим из Республики Беларусь. Пожизненное заключение, на первый взгляд, не предусматривает цели исправления осужденного; тем не менее закон дает таким осужденным шанс получить освобождение. Возможен ли исправительный характер отбывания данного наказания? Ответ читатель также найдет в этом номере.

С критикой установленного перечня уголовных наказаний, не отвечающего требованиям системности, можно ознакомиться в разделе «Правоохранительная политика». Система наказаний должна быть целостным и исчерпывающим перечнем видов наказаний, расположенных в иерархически заданной последовательности, в зависимости от их функционального назначения, а также характера и сравнительной строгости.

В области уголовного судопроизводства продолжается обсуждение проблемных вопросов заключения соглашения о сотрудничестве между сторонами защиты и обвинения, в том числе правовых оснований и предмета соглашения, оптимального момента рассмотрения уголовного дела с заключенным соглашением.

Рубрика «Совершенствование правоохранительной практики» предлагает актуальные материалы об участии граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Приглашаем к обсуждению форм такого участия и дефектов механизма реализации гражданами полицейских полномочий в этой сфере.

Повод к научной дискуссии дает методика производства портретной экспертизы по видеоизображениям низкого качества. Когда идентификация преступника по видеозаписи невозможна, может помочь профилировка лица человека, подробная информация о которой предлагается в экспертно-криминалистическом разделе издания.

Современный и своевременный материал предлагают читателю наши зарубежные авторы. Редакция представляет результаты исследования социальных сетей с позиции безопасности пользовательских данных и неприкосновенности частной жизни на материалах правоохранительной практики Китая. Сформулированы два подхода к решению проблемы сохранения конфиденциальности данных пользователей.

Значительный интерес представляет сравнительный анализ российского и германского уголовного законодательства, устанавливающего признаки и иные особенности преступлений в кибер- и интернет-сферах.

Различные теоретические и прикладные проблемы обозначаются и решаются и в других материалах, подготовленных как признанными, так начинающими исследователями из Германии, Беларуси, Казахстана, Китая, Словении и России, представленной авторами из пятнадцати регионов.

Редакция журнала выражает признательность исследователям, направившим актуальные и интересные материалы для опубликования, а также особо благодарит внешних экспертов, внесших вклад в улучшение качества представленных статей.

С удовольствием извещаем наших авторов и читателей, что теперь журнал индексируется и в European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS) — общеевропейской базе данных журналов открытого доступа. Проект ERIH PLUS известен преподавательскому сообществу, поскольку показатели публикационной активности, установленные Минобрнауки России, предусматривают отчетность по статьям, опубликованным в журналах, включенных в эту базу данных.

Редакционная коллегия

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>КУЗЬМИН И.А., кандидат юридических наук, grafik-87@mail.ru Кафедра теории и истории государства и права; Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1</p>	<p>KUZMIN I.A., Candidate of Legal Sciences, grafik-87@mail.ru Chair of theory and history of state and law; Irkutsk Law Institute (branch), Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Shevtsov St. 1, Irkutsk, 664035, Russian Federation</p>
---	--

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Реферат. Представлена динамика одной из наиболее специфических разновидностей юридической ответственности – международно-правовой ответственности. Обозначены ее отличительные свойства, позволяющие проводить отграничение от иных видов ответственности. Разграничено понимание юридической ответственности в объективном смысле (как закрепленных в нормах права мер государственного принуждения в виде лишений личного, имущественного и организационного характера, которые можно применить за противоправное деяние) и субъективной юридической ответственности (как субъективной обязанности конкретного правонарушителя претерпеть меры государственного принуждения в виде определенных лишений за совершенное противоправное деяние). На основе концепции двуединого (объективного и субъективного) воплощения ответственности и общетеоретической модели реализации юридической ответственности и механизма ее возложения охарактеризованы стадии реализации международно-правовой ответственности. Обозначены стадии: а) возбуждения дела о привлечении к юридической ответственности; б) подготовки материалов юридического дела; в) рассмотрения юридического дела и принятия по нему решения; г) исполнения принятого по юридическому делу решения; д) контроля над исполнением решения по юридическому делу. Проанализированы добровольная и принудительная формы реализации международно-правовой ответственности государств и международных организаций. Рассмотрен состав международно-противоправного деяния (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) как фактического основания возникновения международно-правовой ответственности. Выявлены базовые особенности международного правоприменительного процесса в контексте процедурных правил Международного Суда Организации Объединенных Наций. Резюмируется, что международно-правовая ответственность проявляется в различных общественных отношениях, регулируемых международным правом, а ее реализация нуждается в специальных (предметных) исследованиях и более эффективном правовом регулировании.

Ключевые слова: глобализация, юридическая ответственность в объективном смысле, субъективная юридическая ответственность, международно-правовая ответственность, стадии международно-правовой ответственности, механизм возложения международно-правовой ответственности.

THE SPECIFICITY OF IMPLEMENTING INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY IN GENERAL-THEORETICAL ASPECT

Abstract. The article presents the dynamics of international legal liability, one of the most specific types of legal liability. Its distinctive features that distinguish it from other types of liability are revealed. The comprehension of objective legal liability (as measures of state coercion embodied in rules of law through forfeit of personal, property and organizational character which can be applied for committing wrongful act) and subjective legal liability (as a subjective responsibility of a particular offender to undergo measures of state coercion in form of certain deprivations for committing wrongful act) is differentiated. Stages of international legal liability implementation are characterized basing on the concept of dual (objective and subjective) implementation of responsibility, theoretical model of implementing legal liability, mechanism of imposing liability. The stages are as follows: a) initiation of proceedings on bringing to legal liability; b) preparing case materials; c) hearing of legal case and issuing the judgment; d) execution of the judgment; e) control over the judgment execution. Voluntary and involuntary forms of implementing international legal liability of states and international organizations are analyzed.

The author examines the elements of internationally wrongful act (object, objective aspect, subject, subjective aspect) as an actual ground for bringing to international legal liability. The study reveals primary peculiarities of international law enforcement process within the context of procedural rules of International Court of Justice of the UN. It's summarized that international legal liability manifests itself in various public relations regulated by international law and its implementation requires special research and more effective legal regulation.

Keywords: globalization, objective legal liability, subjective legal liability, international legal liability, stages of international legal liability, mechanism of imposing international legal liability.

Глобализация как наиболее масштабный социокультурный процесс современного общества выражается в возникновении, развитии и активном функционировании ряда международных (межгосударственных) институтов. Интегративные процессы в правовой сфере привели к образованию «наднациональной» системы права с присущими только ей особенностями структуры и правовыми средствами. Данные (интернациональные) отношения обладают большим значением, в связи с чем для их правового урегулирования субъекты за счет согласования своих волей, заключения международных договоров учреждают взаимные права и обязанности, согласовывают и меры ответственности за нарушение норм, содержащихся в международных актах. Я. Броунли по этому поводу высказался следующим образом: «“Международная ответственность” связана как с нарушениями договора, так и с другими нарушениями правовых обязанностей» (Броунли Я., 1977). Ответственность за нарушение норм международного публичного права, обособившаяся в отдельный правовой феномен (отрасль), именуется международно-правовой.

Отрасль международно-правовой ответственности занимает свое прочное положение в международной правовой системе и выражается в совокупности международно-правовых норм, содержащих меры негативного воздействия, которые должен претерпеть субъект за нарушение международно-правового обязательства и порядка осуществления соответствующей охранительной деятельности.

Исследованию международно-правовой ответственности посвящено множество работ, тем не менее ряд важных аспектов этой категории требует дополнительного изучения и обоснования [1, с. 49; 2, с. 20-39].

Обозначим авторское видение проблемы международно-правовой ответственности и ее реализации.

Международно-правовая ответственность отличается от иных (в том числе внутригосударственных) видов юридической ответственности:

1) по цели установления и сфере применения (меры международно-правовой ответственности устанавливаются в целях обеспечения международного правопорядка и гармонизации межнациональных отношений);

2) нормативному закреплению (меры международно-правовой ответственности закрепляются в нормах международного права);

3) фактическому основанию (международно-правовая ответственность наступает за совершение международного противоправного деяния);

4) субъектному составу (делинквентами, как правило, являются государства и международные организации, а субъекты, возлагающие ответственность, — компетентные международные организации или суверенные государства);

5) форме реализации (международно-правовая ответственность реализуется в рамках международных правоотношений преимущественно в добровольной форме, что не исключает возможности применения принудительной формы);

6) документальному оформлению (возложение международно-правовой ответственности, как правило, оформляется специальными актами применения права: распоряжениями глав государств, резолюциями международных организаций и т.д.);

7) процедуре реализации (как отмечают Ю.В. Трунцевский, Р.С. Маковик и О.Ш. Петросян, «реализация международно-правовой ответственности... недостаточно развита, но закреплена в нормах МПП*, “разбросанных” по отраслям МПП» [3, с. 307]).

Несмотря на отсутствие единства во взглядах относительно юридической от-

* МПП — международное процессуальное право. (Примеч. авт.).

ветственности в целом и международно-правовой ответственности (как ее разновидности) в частности, определенные универсальные подходы в этом направлении сформированы. Автор настоящей статьи придерживается концепции двуединого (объективного и субъективного) воплощения негативной юридической ответственности. Согласно концепции юридическая ответственность в объективном смысле – это закрепленные в санкциях норм права меры государственного принуждения в виде лишений личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к лицу за совершение противоправного деяния, а субъективная юридическая ответственность – субъективная обязанность конкретного лица претерпеть соответствующие лишения за уже совершенное противоправное деяние. Следовательно, ответственность в объективном смысле существует на уровне общих правоотношений как нормативно закрепленные меры принуждения, а ответственность в субъективном смысле – на уровне конкретных правоотношений в форме обязанности правонарушителя претерпеть соответствующие негативные меры [4, с. 55].

Процесс реализации юридической ответственности рассматривается автором с позиции стадий реализации права (основанных, в свою очередь, на стадиях правового регулирования), в силу чего проходит три обязательных стадии: 1) стадию общего действия права (стадия юридической ответственности в объективном смысле); 2) стадию возникновения субъективных прав и обязанностей (стадия возникновения субъективной юридической ответственности); 3) стадию реализации субъективных прав и обязанностей (стадия реализации субъективной юридической ответственности).

Специфические особенности реализации международно-правовой ответственности, исходя из общей модели (механизма) реализации юридической ответственности, могут быть обнаружены в следующем:

1. Стадия международно-правовой ответственности в объективном смысле (на уровне общих правоотношений) наступает после закрепления данного феномена в источниках международного права.

И. Гиони в своем диссертационном исследовании пришла к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что «реализация международно-правовой ответственности зависит от наличия или отсутствия санкции, ее предусматривающей, а также от возможности применения такой санкции» [5, с. 10].

Основная часть мер международно-правовой ответственности получает свое отражение в источниках международного права, наиболее значимыми из них являются: Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.; Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г. и некоторые другие.

Меры (санкции) международно-правовой ответственности принято подразделять на материальные (имущественные) и нематериальные (морально-политические) [2, с. 6-10]. К формам нематериальной ответственности в международном праве можно отнести сатисфакцию, реторику, невооруженные репрессалии и другие [6, с. 6-7]. В числе мер материальной (имущественной) международно-правовой ответственности обычно упоминают репарации, реституцию и субституцию.

2. Стадия возникновения субъективной международно-правовой ответственности (на уровне конкретных правоотношений) наступает после совершения международного противоправного деяния (фактического основания возникновения ответственности).

Различают три категории международных противоправных деяний: международные преступления (общественно опасные деяния, посягающие на основы международного правопорядка), преступления международного характера (общественно опасные деяния, вышедшие на межнациональный уровень и затрагивающие интересы двух и более государств или лиц, например, преступления в сфере компьютерной информации [7, с. 28-31; 8, с. 7-8, 19-57, 235-236]) и международные деликты (общественно вредные деяния, противоречащие нормам международного права и затрагивающие интересы двух и более государств).

Привлечение к международно-правовой ответственности возможно только за часть международных преступлений и международных деликтов, поскольку за преступления международного характера наступает ответственность по национальному законодательству. Кроме того, некоторые субъекты, совершившие определенные международные преступления и деликты, также могут быть привлечены к ответственности по национальному праву (если такие санкции предусмотрены законодательством).

Состав международно-противоправного деяния рассматривается с различных позиций. Обратимся к официальной трактовке. Согласно положениям проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятого к сведению резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН N 56/589 от 12 декабря 2001 г., соответствующие деяния включают в себя два элемента. В силу ст. 2 проекта «международно-противоправное деяние государства имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: а) присваивается государству по международному праву; б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства». Статья 12 данного проекта закрепляет правило: «Нарушение государством международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данного государства не соответствует тому, что требует от него данное обязательство, независимо от его происхождения или характера»*.

Статья 8 проекта статей об ответственности международных организаций (в ред. дополнения N 10 A/63/10, утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН в 2008 г.) гласит: «Нарушение международной организацией международно-правового обязательства имеет место, когда деяние данной международной организации не соответствует тому, что требует от нее данное обязательство, независимо от его происхождения или характера». В статье 3 проекта об ответственности международных организаций оговаривается, что «международно-противоправное деяние

международной организации имеет место, когда какое-либо поведение, состоящее в действии или бездействии: а) присваивается международной организации по международному праву; б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этой международной организации»**.

Из сказанного следует:

1) объектом международно-противоправного деяния выступают отношения, основанные на международно-правовом обязательстве;

2) объективная сторона международно-противоправного деяния включает в себя один базовый элемент – противоправное деяние, выраженное в форме действия или бездействия (вредные последствия подразумеваются как неизбежный результат противоправного деяния);

3) основными субъектами международно-правовой ответственности являются государства и международные организации, которые допускают нарушения международно-правовых обязательств;

4) субъективная сторона в виде вины подразумевается в силу нарушения субъектом международного обязательства, но к обязательным элементам международного противоправного деяния не относится.

3. Стадия реализации субъективной международно-правовой ответственности проходит преимущественно в добровольной форме, что не исключает возможности ее осуществления в государственно-принудительной форме (на основе актов международных юрисдикционных органов).

Мы отмечаем, что модель привлечения делинквентов к международно-правовой ответственности не имеет четкой регламентации и может воплощаться в неюрисдикционной (добровольной, непосредственной) или юрисдикционной (процессуальной, принудительной) форме.

Процессуальным основанием возникновения международно-правовой ответственности является добровольное решение субъекта международного права о возложении на себя меры ответственности либо акт компетентного органа (международной организации) о возложении меры

* Организация Объединенных Наций: сайт. URL: http://www.un.org/ru/ga/sixth/56/sixth_res.shtml

** Организация Объединенных Наций: сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/coventions...intorg

ответственности на субъекта международного права. Заметим, что Ю.А. Ясносокирский предлагает широкую трактовку процессуальных оснований международно-правовой ответственности, понимая под ними всю процедуру возложения ответственности [9, с. 106].

Неюрисдикционный порядок привлечения к ответственности в международном праве является основным и заключается в добровольных действиях субъекта международного права, свидетельствующих о признании своего противоправного деяния и самостоятельном претерпевании меры международно-правовой ответственности. Например, государство, которое запустило крылатую ракету, сбившую гражданский самолет другого государства, приносит свои соболезнования и компенсирует причиненный вред в имущественном выражении. Такое положение вещей во многом обуславливается принципами суверенитета каждого государства, нерушимости его границ, а также невмешательства в дела государства. Следует согласиться с С.А. Лобановым в том, что «правовое значение в стадии реализации международно-правовой ответственности государства имеет не только оценка правонарушения управомоченным субъектом... но и оценка правонарушения и его последствий самим государством-нарушителем, а также его действия, связанные с такой оценкой. В том случае, если правонарушитель прекращает правонарушение, возмещает причиненный им вред, совершает другие действия, направленные на обеспечение и поддержание международного правопорядка, управомоченный субъект... может оценить и принять данное возмещение и ответственность будет реализована без помощи средств правового, во всяком случае, принудительного воздействия на правонарушителя» [1, с. 52].

Рассуждая о специфике ответственности международных организаций, А.Ю. Ключня и А.М. Солнцев обоснованно отмечают, что нарушившая нормы международного права организация «...обязана предоставить полное возмещение вреда потерпевшим субъектам международного права, который включает любой ущерб, как материальный, так и моральный» [10, с. 140; 11, с. 18-22].

Юрисдикционный порядок привлечения к международно-правовой ответс-

твенности имеет место, когда какой-либо «сторонний» субъект международного права (помимо правонарушителя и потерпевшего) обладает полномочиями по возложению меры ответственности на правонарушителя и реализует их. В этом случае компетентный субъект действует в рамках уже установленной процедуры (регламента-статута, международной процессуальной формы) и издает акт применения права, в котором конкретизируются мера и объем негативной санкции. А.Е. Русецкий заметил, что «...в одних случаях эта процедура детально регламентирована в международно-правовых актах, в других – ее выбор оставлен на усмотрение органов, применяющих меры ответственности» [12]. Как обоснованно заметил А.В. Мелешников, «ответственность за международные правонарушения должна реализовываться, прежде всего, с помощью универсальной имплементационной системы, представленной... следственной и согласительной процедурами, арбитражным и судебным разбирательством, образующим основной процессуальный блок механизма реализации ответственности за правонарушения» [13, с. 18]. Например, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (действующий согласно положениям Устава ООН) по результатам международного расследования своей резолюцией вводит санкцию в виде запрета на ввоз в государство сырья, которое может быть использовано при создании ядерного оружия.

В своем диссертационном исследовании С.В. Ушаков высказал мысль о том, что особое значение в процессе привлечения к международно-правовой ответственности приобретает международное правосудие (осуществляемое соответствующими судебными инстанциями при международных организациях), правовой статус которого до конца не определен (Ушаков С.В., 2009).

Характерные черты механизма возложения международно-правовой ответственности напрямую зависят от процессуальных норм, определяющих процедуру органа/организации, рассматривающих дело. Так, при анализе Статута Международного Суда ООН, который является неотъемлемой частью Устава ООН, можно выделить следующие этапы (стадии) производства (в том числе по делу об ответственности):

1) возбуждение дела (в зависимости от обстоятельств или на основании нотификации специального соглашения, письменного заявления на имя Генерального секретаря ООН);

2) подготовка материалов дела, так называемое «письменное судопроизводство» (на этом этапе сторонами принимаются любые временные меры, которые должны быть осуществлены для обеспечения прав каждой из сторон, сообщение Суду и сторонам меморандумов, контрмеморандумов и, если потребуется, ответов на них, а равно всех подтверждающих их бумаг и документов, требования Суда от представителей сторон документов или объяснений, проведение экспертиз и т.д.);

3) рассмотрение (слушание) дела, так называемое «устное судопроизводство» (слушание дела в Суде производится публично; когда представители, адвокаты и поверенные закончили под руководством Суда свои объяснения по делу, слушание объявляется законченным);

4) принятие решения по делу (Суд удаляется для обсуждения решения в совещательную комнату, где проводит закрытое заседание и разрешает вопросы большинством голосов, после чего составляет мотивированное решение в письменной форме, которое оглашается в открытом заседании);

5) факультативный этап: пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам (которые по своему характеру могут оказать решающее влияние на исход дела и которые при вынесении решения не были известны ни Суду, ни стороне, просящей о пересмотре, при том неременном условии, что такая неосведомленность не была следствием небрежности).

Если проанализировать вышеназванные стадии, то станет очевидной их преемственность по отношению к стадиям механизма возложения юридической ответственности. В аспекте сказанного С.В. Черниченко аргументированно заявил, что «специфика реализации ответственности в международном праве заключается не в существовании каких-то особых стадий такой реализации, а в том, что эта реализация протекает на межгосударственном уровне, при отсутствии органов, стоящих над субъектом нарушения и заинтересованными сторонами» [14, с. 283].

Отдельного исследования заслуживает феномен процессуальной ответственности в международном праве (международно-процессуальной ответственности), отраслевая проблематика которого в литературе была затронута [15, с. 15; 16, с. 8, 20-21; 13, с. 14], но практически не разработана.

На основании вышеизложенного подведем итоги проведенного исследования:

1) особенности международно-правовой системы предопределяют специфику юридической ответственности, которая наступает за нарушение соответствующих правовых норм и которая существенно отличается от иных видов ответственности по ряду критериев (по цели установления и сфере применения, нормативному закреплению, фактическому основанию, процедуре реализации и т.д.);

2) общая схема (модель) реализации юридической ответственности включает в себя три стадии:

– стадию юридической ответственности в объективном смысле (юридической ответственности на уровне общих правоотношений);

– стадию возникновения субъективной юридической ответственности (статички юридической ответственности на уровне конкретных правоотношений);

– стадию реализации субъективной юридической ответственности (динамики субъективной юридической ответственности на уровне конкретных правоотношений);

3) международно-правовая ответственность осуществляется согласно общей схеме (модели) реализации юридической ответственности и связывается с установлением данного вида ответственности в международно-правовых нормах (на первой стадии), с совершением лицом международно-противоправного деяния, за которое может наступить ответственность (на второй стадии), и принятием решения о претерпевании наказания конкретным правонарушителем (на третьей стадии);

4) состав международно-противоправного деяния, как и любой состав правонарушения, объединяет в себе четыре базовых элемента: объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону, содержание каждого из которых обладает рядом свойств;

5) по общему правилу международно-правовая ответственность реализуется в добровольной форме (неюрисдикционной – самим правонарушителем), но может осуществляться и в государственно-принудительной форме (юрисдикционной – при возложении на нарушителей норм международного права наказания в специальном процессуальном порядке компетентными субъектами);

6) модель возложения международно-правовой ответственности также основана на общей схеме механизма возложения ответственности и наиболее ярко

проявляется в правоприменительной деятельности властных субъектов международного права (международных юрисдикционных органов, в том числе Международного Суда ООН).

Таким образом, феномен международно-правовой ответственности находит себя в различных сферах, регулируемых нормами международного права, общественных отношений, а его реализация нуждается в специальных (предметных) исследованиях и более эффективном правовом регулировании.

Список литературы

1. Лобанов С.А. Понятие международно-правовой ответственности: дискуссионные вопросы // Вызовы глобального мира. Вестник ИМТП. 2014. N 2-3. С. 47-54.
2. Прошина Е.А. Международно-правовая ответственность государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 148 с.
3. Международное право: учеб. пособие / Р.С. Маковик [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 455 с.
4. Кузьмин И.А. О двуедином (объективном и субъективном) воплощении юридической ответственности // Академический юридический журнал. 2013. N 1. С. 52-57.
5. Гиони И. Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 33 с.
6. Кривенкова М.В. Нематериальная ответственность государств в современном международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 25 с.
7. Вадапалас В.А. Реализация ответственности государств за международные преступления: проблема индивидуальных ответных мер // Известия вузов. Правоведение. 1987. N 4. С. 26-33.
8. Евдокимов К.Н. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. Иркутск: Иркутск. юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2013. 267 с.
9. Ясносокирский Ю.А. Международно-правовая ответственность и ответственность по защите: к вопросу о терминологии // Глобальный научный потенциал. 2013. N 7. С. 105-111.
10. Ключня А.Ю., Солнцев А.М. Вопросы развития института ответственности международных организаций // Вестник международных организаций. 2013. N 2. С. 130-142.
11. Сазонова К. Л. Международно-правовая ответственность международных организаций: проблемы и перспективы // Международное право. 2012. N 1. С. 16-25.
12. Русецкий А.Е. Понятие и основания международно-правовой ответственности // Библиотека учебной и научной литературы: сайт. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/rusetskiy_ponyatiya_and_osnovaniya/ (дата обращения: 26 авг. 2015 г.).
13. Мелешников А.В. Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1985. 22 с.
14. Черниченко С.В. Международное право: современные теоретические проблемы. М.: Междунар. отношения, 1993. 295 с.
15. Бирюков П.Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2000. 228 с.
16. Махнборода И.Н. Международное процессуальное право и международное судопроизводство: особенности взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.

References

1. Lobanov S.A. *Ponyatie mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti: diskussionnye voprosy* [The concept of international legal responsibility]. *Vyzovy global'nogo mira. Vestnik IMTP – Calls debatable issues of global peace. Herald of IMTP*, 2014, no. 2-3, pp. 47-54.
2. Proshina E.A. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstv. Kand. Diss.* [The international legal responsibility of States. Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 148 p.
3. Makovik R.S. [i dr.]. *Mezhdunarodnoe pravo* [International law]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2010. 455 p.

4. Kuz'min I.A. *O dvuedinom (ob'ektivnom i sub'ektivnom) voploshchenii yuridicheskoy otvetstvennosti* [About triune (objective and subjective) incarnation of legal liability]. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal* – Academic legal journal, 2013, no. 1, pp. 52-57.

5. Gioni I. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstv za narushenie obyazatel'stv v sfere zashchity prav cheloveka v evropeyskom prave. Avtoref. Kand. Diss.* [The international legal responsibility of States for breach of obligations in the field of protection of human rights in European law. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 33 p.

6. Krivenkova M.V. *Nematerial'naya otvetstvennost' gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave. Avtoref. Kand. Diss.* [Immaterial responsibility of States in contemporary international law. Autoabstract Cand. Diss.]. Kazan, 2009. 25 p.

7. Vadapalas V.A. *Realizatsiya otvetstvennosti gosudarstv za mezhdunarodnye prestupleniya: problema individual'nykh otvetnykh mer* [The implementation of State responsibility for international crimes: the problem of the individual responses]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* – Proceedings of the universities. Jurisprudence, 1987, no. 4, pp. 26-33.

8. Evdokimov K.N. *Sozdanie, ispol'zovanie i rasprostranenie vredonosnykh komp'yuternykh programm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* [Create, use and distribution of malicious computer programs: criminal-legal and criminological aspects]. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2013. 267 p.

9. Yasnokirskiy Yu.A. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' i otvetstvennost' po zashchite: k voprosu o terminologii* [International legal responsibility and the responsibility to protect: the question of terminology]. *Global'nyy nauchnyy potentsial* – Global scientific potential, 2013, no. 7, pp. 105-111.

10. Klyunya A.Yu., Solntsev A.M. *Voprosy razvitiya instituta otvetstvennosti mezhdunarodnykh organizatsiy* [Issues of development of institute of responsibility of international organizations]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* – Bulletin of international organizations, 2013, no. 2, pp. 130-142.

11. Sazonova K.L. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' mezhdunarodnykh organizatsiy: problemy i perspektivy* [The international legal responsibility of international organizations: problems and prospects]. *Mezhdunarodnoe pravo* – International law, 2012, no. 1, pp. 16-25.

12. Rusetskiy A.E. *Ponyatie i osnovaniya mezhdunarodno-pravovoy otvetstvennosti* [The concept and the basis of international legal responsibility]. *Biblioteka uchebnoy i nauchnoy literatury (internet-sayt (resurs) sbiblio.com): Sayt* [Library of educational and scientific literature: website]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/rusetskiy_ponyatiya_and_osnovaniya/ (Accessed 26 August 2015).

13. Meleshnikov A.V. *Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost': ponyatie, protsessual'nye voprosy realizatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [International legal responsibility: the concept, procedural implementation issues. Autoabstract Cand. Diss.]. Leningrad, 1985. 22 p.

14. Chernichenko S.V. *Mezhdunarodnoe pravo: sovremennye teoreticheskie problemy* [International law: the modern theoretical problems]. Moscow, 1993. 295 p.

15. Biryukov P.N. *Normy mezhdunarodnogo ugolovno-protsessual'nogo prava v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* [The norms of international criminal procedural law in the legal system of the Russian Federation]. Voronezh, Vornezh State University, 2000. 228 p.

16. Makhniboroda I.N. *Mezhdunarodnoe protsessual'noe pravo i mezhdunarodnoe sudoproizvodstvo: osobennosti vzaimodeystviya. Avtoref. Kand. Diss.* [International procedural law and international litigation: features of interaction. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 22 p.

<p>МЕШКО Г., PhD, профессор криминологии, Gorazd.Mesko@fvv.uni-mb.si Факультет уголовной юстиции и безопасности; Мариборский университет, ул. Сломскова, 15, Марибор 2000, Словения</p>	<p>MEŠKO G., PhD, Professor of Criminology, Gorazd.Mesko@fvv.uni-mb.si Faculty of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Slomskov St. 15, Maribor 2000, Republic of Slovenia</p>
---	---

ВКЛАД ПРОФЕССОРА МАКЛЕЦОВА А.В. В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛОВЕНСКОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Реферат. Рассмотрена биография, подробно показан научный и педагогический вклад профессора Маклецова А.В. в становление и развитие словенской научной криминологической школы. Дается краткая характеристика научных работ Александра Васильевича, демонстрируется созданный им научно-теоретический фундамент. Аргументируется, что подготовленные им работы по криминологии не утратили своей актуальности и сегодня, спустя почти столетие с момента их выхода в свет. Библиография А.В. Маклецова включает свыше 120 трудов (книги, научные доклады, статьи, рецензии и т.д.), которые были опубликованы на различных языках. Констатируется, что прежде всего профессор Маклецов А.А. состоялся как исследователь в области уголовного права, специализировавшийся на вопросах субъективной стороны состава преступления. Особо отмечено его участие в подготовке фундаментального труда – Народной энциклопедии научных и прикладных знаний, в специальной главе которой он изложил свою точку зрения на материальное и процессуальное уголовное право. Значение материально-правовых предписаний определяется главным образом эффективностью процедур их применения, недостаточное внимание к которым (порядок реализации санкций), по существу, парализует действие всего механизма уголовно-правового регулирования. Результатом многолетней работы автора стал первый словенский учебник криминологии (1947 г.), предназначенный для студентов юридического факультета. Положения учебника сохраняют научно-педагогическую актуальность и сегодня, так как побуждают современного студента к размышлению о причинах и факторах преступного поведения. В результате профессор Александр Васильевич Маклецов признается одним из основателей криминологии как научной дисциплины в Словении и Югославии.

Ключевые слова: Маклецов Александр Васильевич, криминологическая наука, уголовное право, словенская криминология.

CONTRIBUTION OF PROFESSOR ALEXANDER MAKLETSOV TO THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF SLOVENIAN CRIMINOLOGY

Abstract. The scientific and pedagogical contribution of Professor Makletsov to the establishment and development of Slovenian scientific criminological school as well as his biography are considered. A brief characteristic of his scientific papers is given. The scientific and theoretical foundation created by professor is presented. It's argued that his works on criminology haven't lost their relevance today, after almost a century since their publication. The bibliography of Alexander Makletsov includes more than 120 works (books, scientific reports, articles, reviews, etc.) published in different languages. It's stated that Professor Makletsov is primarily a researcher in the field of criminal law, specializing in issues concerning the subjective side of corpus delicti. His participation in preparing a fundamental work of the People's encyclopedia of scientific and applied knowledge is emphasized. In one of its chapters he outlined his views on the substantive and procedural criminal law. The value of the substantive regulations is mainly determined by the efficiency of their implementation procedures, insufficient attention to which (the procedure of sanctions implementation) paralyzes the entire mechanism of criminal legal regulation. The first Slovenian textbook on Criminology (1947) designed for law students became the result of professor's many years work. The provisions of the textbook remain relevant today, as they encourage contemporary students to reflect on the causes and factors of criminal behavior. Consequently, Professor Alexander Makletsov is recognized as one of the founders of criminology as an academic discipline in Slovenia and Yugoslavia.

Keywords: Alexander Makletsov, criminological science, criminal law, Slovenian criminology.

Своими трудами в области криминологии А.В. Маклецов положил начало словенской криминологии. Конечно, будущие научные исследования в этой области деятельности откроют новые точки зрения и взгляды, получат новые результаты. Но ни один из нас, словенцев, кто будет заниматься криминологией, не имеет права пройти мимо богатого сокровища, которое нам на этом поприще создал без какого-либо эгоизма и оставил ушедший из жизни Маклецов Александр Васильевич.

Г. Кушей, 1950 г.

Александр Васильевич Маклецов родился 16 ноября 1884 года в Харьковской губернии, в имении, в селе Городное. Обучался в классической гимназии в Пензе, после окончания которой в 1902 году поступил на юридический факультет в Харькове. В 1908 году с отличием закончил Харьковский университет, пройдя обучение на кафедре под руководством профессора М.П. Чубинского, автора работ: «Обратное действие уголовного закона» (1896 г.); «Очерки уголовной политики: понятие и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права» (1895 г.). Как указал Г. Кушей, во время обучения в университете А.В. Маклецовым был написан научный доклад под названием «Формы виновности в уголовном праве» [1, с. 5-23]. За эту работу факультет наградил его золотой медалью. В 1912 году А.В. Маклецов получил научную степень кандидата юридических наук по специализации уголовного и уголовно-процессуального права. В период с 1912 по 1919 годы он занимал должность приват-доцента в Харьковском университете на юридическом факультете. Кроме того, с 1915 года преподавал право в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства. Подававшему большие надежды А.В. Маклецову была выделена стипендия, на средства которой он в 1914 году поехал в Берлин, где совершенствовал свои знания на семинарах и лекциях известных профессоров Франца фон Листа, Йозефа Колера, Левина Гольдшмидта и Вильгельма Каля.

Первая мировая война прервала его обучение за рубежом, а гражданская война — научную деятельность в России. В 1920 году он эмигрировал в Югославию. С 1921 года до середины 1926 года преподавал на русском юридическом факультете в Праге. В апреле 1926 года по рекомендации Метода Доленца — профессора, доктора наук, декана юридического

факультета в Любляне — он был принят на должность внештатного преподавателя уголовного права и криминальной политики. В 1929 году профессор А.В. Маклецов получил гражданство Югославии и уже в следующем, 1930 году, был зачислен на должность штатного профессора этого же факультета. На юридическом факультете университета в Любляне он работал до конца своей жизни. Умер А.В. Маклецов 7 сентября 1948 года [2, с. 22-27].

Библиография А.В. Маклецова насчитывает свыше 120 трудов (книги, научные доклады, статьи, рецензии, и т.д.), которые были опубликованы на различных языках в словенских и иностранных печатных изданиях. Работы А.В. Маклецова датируются различными периодами его жизни. В начале своей научной карьеры и деятельности он почти целиком посвятил себя области уголовного права. Он изучал вопросы теории уголовного права, связанные с субъективной стороной преступления: «Формы виновности в уголовном праве» (1908 г.); «К вопросу о формах виновности в уголовном праве» (1913 г.). Результатом его исследований стала специальная глава для национальной энциклопедии «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний», в которой он изложил свою точку зрения на уголовное материальное и процессуальное право, считая, что правовое регулирование зависит не только от того, насколько точно соответствующие потребности (и возможности) общества отразятся в нормах материального права, но и от того, насколько успешно эти нормы будут применяться. Невнимание к процессуальному порядку реализации санкции нормы материального права может, по существу, парализовать ее действие и механизм уголовно-правового регулирования может быть верно осмыслен лишь в результате уяснения места уголовного права в системе публичного права, его взаимоотношений с другими отраслями.

В 1913-1916 гг. А.В. Маклецов изучал проблемы видов наказания и исправительных мер, применяемых в Российской империи, что в итоге привело к подаче предложений о внесении дополнений в пенитенциарное право России, а в 1916 году он написал доклад о правилах для органов исполнения уголовных наказаний. Одновременно с рассмотрением уголовно-правовых вопросов он изучал вопрос защиты детей от преступных посягательств в рамках социальной проблемы военного периода («Охрана детства как социальная проблема современности» (1917 г.) [1, с. 5-23]).

Будучи профессором уголовного права на русском юридическом факультете в Праге, он начал изучение формирующегося советского уголовного права и написал об этом документальную работу, в которой наглядно показал возможные пути развития этого права, а сама работа была опубликована на русском и немецком языках в 1925 году. Ученый также изучал преступность несовершеннолетних и криминальную политику. Об этом свидетельствуют доклады о проблеме наказаний (1923 г.), о новейшем законодательстве по защите несовершеннолетних в Германии (1924 г.), о социальной опеке молодежи в Чехословакии (1926 г.) и о характеристике взглядов на общую и уголовную политику немецкого философа и педагога-этика В. Фостера [3, с. 293-302].

Перед приездом в Люблян А.В. Маклецов выучил словенский язык и в 1927 году опубликовал свой первый доклад под названием «Охрана детства как проблема уголовной и социальной политики» в журнале «Словенский юрист» [4]. В данной статье автор делает вывод, что с точки зрения более справедливого права для защиты детей необходимо искать пути не только в области реорганизации уголовного права, но и в области исполнения социального законодательства, а на практике судебным органам необходимо совместно действовать с работниками органов социальной опеки, врачами и педагогами. В другой статье — «Биологическое направление в современной криминологии» (1932 г.) А.В. Маклецов критикует биологическую доктрину, указывая, что стремление к применению индивидуализации в уголовном праве предполагает не только рассмотрение уголовного преступления, но и учет

особенностей личности преступника, его мотивов и особенностей поведения [5]. Он упоминает новое югославское уголовное законодательство, которое учитывает принцип индивидуального подхода, и прежде всего при рассмотрении ответственности несовершеннолетних за совершение ими уголовного преступления. В завершение статьи автор высказывает критику того, что суд должен рассматривать только то моментальное психофизическое состояние лица и его характер, которое имеет значение в смысле назначения уголовного наказания, а не всю историю криминализации личности. А.В. Маклецов утверждает, что необходимо размышлять о том, что индивидуализация имеет свои границы и не может углубляться так, как это делает медицина в ходе лечения. Но, несмотря на свою критику, он отмечает, что уголовно-биологические методы могут стать новым и полезным средством для органов по приведению в исполнение наказаний и мер пресечения.

В работе «Уголовная социология и этика» (1936 г.) А.В. Маклецов указывает, что понятие преступления является центральным, и если мы хотим с социологической точки зрения определить, что такое преступление, то при этом необходимо исходить из отдельных примеров из жизни, когда нужно наказывать, кроме того, необходимо повсеместно устанавливать, какие деяния особо опасны для общества и неприемлемы с точки зрения социальной этики [6].

В журнале «Словенский юрист» А.В. Маклецов опубликовал большое количество своих докладов и статей, в том числе «Условия невменяемости в плане для единого Уголовного кодекса Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС)» (1928 г.), «Уголовно-педагогические взгляды на право по делам несовершеннолетних» (1929 г.), «Смягчительные судебные решения в системе современного права» (1932 г.), «Аналогия в уголовном праве» (1935 г.), «Новый чехословацкий план Уголовного кодекса» (1939 г.), «Институты криминологии за рубежом и у нас» (1937 г.) [3, с. 293-302].

Его труды регулярно публиковались и в «Сборнике научных докладов» юридического факультета. Первый его доклад «Уменьшенная (ограниченная) вменяе-

мость в плане для единого Уголовного кодекса Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС)» был опубликован в указанном сборнике в 1928 г. Далее были: «Правовой характер судебных решений в отношении детей и младших несовершеннолетних» (IX, 1933 г.), «О понятии и задачах уголовной политики» (X, 1934 г.), «Правовой характер обязательного оглашения судебного решения» (XI, 1935 г.), «Югославская юдикатура о смягчительных судебных решениях» (XII, 1937 г.), «Типология уголовников» (XIV, 1938 г.), «Уголовная этиология» (XV, 1939 г.), «Вменяемость, вина и опасность» (XVI, 1940 г.), «Печать и преступление (Уголовно-этиологическое исследование)» (XVII, 1941 г.), «Типология уголовников в новом законодательстве Италии» (XIX, 1943 г.), «Женщина и преступление» (XX, 1944 г.), «Жизненные явления и причины преступности несовершеннолетних» (XXI, 1946 г.) и «Криминальная география как проблема криминологии» (XXII, 1948 г.). В XIII выпуске «Сборника научных работ» автор опубликовал свой труд под названием «Уголовно-правовая наука и криминология», в котором рассматриваются вопросы классификации криминологических наук.

В докладе на тему «Личность преступника в современном уголовном праве» (1938 г.) А.В. Маклецов написал, что индивидуализация уголовной репрессии медленно внедряется в позитивное уголовное право современных государств [7]. Факты свидетельствуют о том, что новейшие уголовные кодексы и проекты законов содержат предписания о типологии совершивших уголовные преступления лиц, а также их юридические определения. Центральное место в статье отведено сравнительному анализу уголовного законодательства Франции, Англии, Италии, Германии, Бельгии, Чехословакии и Югославии. Под влиянием антропологическо-позитивистской школы идея о типологическом распределении уголовных преступлений, в смысле индивидуализации уголовной репрессии, была наиболее успешной в Италии. Идея была отражена в проекте Уголовного кодекса Италии 1921 года, инициатором которого был Энрико Ферри. Автор упоминает известную формулу Листа, которая предусматривает не наказание уголовного преступления, а на-

казание совершившего его преступника. Формулой, конечно же, предусматривается и учет особенностей личности преступника в смысле уголовной ответственности. Автор указывает, что последовательное применение индивидуализации возможно только при условии применения уголовно-типологической категории, к которой относится преступник. Но он также говорит о том, что индивидуализация уголовной репрессии сама по себе не является целью, а имеет свое значение, и она оправдана только в том случае, если борьба с криминалом станет более эффективной и успешной. Кроме того, автор подчеркивает, что необходимо особо внимательно подходить к внесению в закон типологических определений, в отношении которых мнения ученых разделены. Делая выводы, автор сообщает, что и югославский Уголовный кодекс присоединился к процессу развития общего уголовного права, хотя он и не содержит определений отдельных типов преступников, мысль об уголовной типологии предоставляет возможность расширения развития в соответствии с достижениями науки и потребностями жизненной практики.

В Любляне А.В. Маклецов работал совместно с профессором юридического факультета М. Доленцом. В 1934 году они совместно издали учебник с названием «Система всего уголовного права в Королевстве Югославии», который через год был переведен на сербский язык. Совместную работу юристы продолжили в 1938 году, издав «Уголовно-процессуальный судебный кодекс» с краткими пояснениями. На основании материалов своих научных исследований Маклецов написал работу «Введение в криминологию с особым взглядом на уголовную политику» (1947 г.), в которой представил свой взгляд на уголовную политику [8]. Эта работа стала учебником для студентов юридического факультета в Любляне.

На основании приказа о юридических факультетах университетов в Белграде, Загребе и Любляне в 1938 году для преподавания уголовного права были выбраны три кафедры, в частности, кафедра уголовного права, уголовно-процессуальных действий и судебной медицины. На кафедре уголовного права преподавали следующие предметы: уголовную психологию и психи-

атрию, уголовную социологию, уголовную политику и педагогику; на кафедре уголовно-процессуальных действий преподавали также уголовную технику, а на кафедре судебной медицины – судебную психиатрию [9, с. 85-96]. До Второй мировой войны на люблянском юридическом факультете начали читать лекции по уголовной и социальной политике, а также по уголовной социологии, и проводили семинары по криминологии и другим вспомогательным уголовно-правовым наукам, которыми руководил профессор А.В. Маклецов. После его смерти в 1948 году криминология долгое время не преподавалась. В 1954 году в Люблянском университете был учрежден Институт криминологии, который успешно работает по сей день [10].

Итак, исходя из изложенного выше, подведем итоги. Основателем развития и становления криминологии как научной дисциплины в Словении и Югославии, наряду с Франом Мильчинским, первым судьей по делам несовершеннолетних в Австро-Венгрии и автором научных трудов в области преступлений несовершеннолетних, был русский иммигрант, ученый Александр Васильевич Маклецов, профессор уголовного права и криминологии. Его работы и темы по криминологии, которыми он занимался, актуальны по сей день. А.В. Маклецов преподавал криминологию и уголовно-правовые науки на юридическом факультете в Любляне. Его плодотворная деятельность в области криминологии и уголовного права

отводит ему самое видное место среди ученых в Словении. Труды, подготовленные по результатам исследования различных проблем, публиковались в словенских и иностранных печатных изданиях. Этими работами он также прокладывал путь криминологическим исследованиям. Талант и просвещенность профессора четко прослеживаются в его большом литературном наследии. Уверены, что его работа в области криминологии и уголовного права очень важна как в период его деятельности, так и сегодня, поскольку его познания являются исходными точками для дальнейших исследований в различных сферах криминологии, а его размышления на темы криминологии актуальны по сей день.

А.В. Маклецов составил первый словенский учебник криминологии (1947 г.), в котором наглядно показал соотношение между уголовным правом и криминологией, криминологией и уголовной политикой, типологией совершивших уголовные преступления лиц, а также уголовной этиологией как наукой о причинах преступности. Учебник был предназначен в первую очередь для студентов права, обучающихся на люблянском юридическом факультете. Содержание данного учебника является актуальным и сегодня, так как криминологические и уголовно-правовые темы, которые он преподавал, побуждали студентов к размышлению об относительном влиянии многих факторов на развитие преступности и преступного поведения.

Список литературы

1. Кушей Г. Маклецов Александр Васильевич: сб. науч. докл. 1950. С. 523 (На словенском языке).
2. Брглез А., Селяк М. Русские профессора в Университете в Любляне // Рабочие тетради ISK – Nacionalni razred. 2007. N 1 (2). С. 22-27. (На словенском языке).
3. Лучовник Х. Александр Маклецов. Журнал криминалистики и криминологии. 1958. N 9 (1). С. 293-302. (На словенском языке).
4. Маклецов А. Охрана детства как проблема уголовной и социальной политики // Словенский юрист. 1927. (На словенском языке).
5. Маклецов А. Биологическое направление в современной криминологии // Архив юридических и общественных наук, XXV (XLII). Белград. 1932. (На словенском языке).
6. Маклецов А. Уголовная социология и этика // Словенский юрист. 1936. (На словенском языке).
7. Маклецов А. Типология преступника в современном законодательстве // Архив юридических и общественных наук, 3. Белград, 1938. (На словенском языке).
8. Маклецов А. Введение в криминологию с особым взглядом на уголовную политику. Любляна: Юридический факультет, 1947. (На словенском языке).
9. Лучовник Х. Обучение криминологии и институты криминологии // Журнал криминалистики и криминологии. 1956. N 7 (23). С. 85-96. (На словенском языке).
10. Мешко Г., Тичар Б. Словенская криминология и ее современное развитие в сфере Уголовной юстиции и безопасности // Уголовное судопроизводство. 2008. N 2. С. 299-312. (На английском языке).

References

1. Kushey G. *Makletsov Aleksandr Vasil'evich* [Makletsov Alexander]. 1950. 523 p. (in Slovene).
2. Brglez A., Selyak M. *Russkie professory v Universitete v Lyublyane* [Russian professor at the University in Ljubljana]. *Rabochie tetradi ICK – Nacionalni razred – Workbooks ICK – Nacionalni razred*, 2007, no. 1 (2), pp. 22-27. (In Slovenian).
3. Luchovnik Kh. *Aleksandr Makletsov* [Alexander Makletsov]. *Zhurnal kriminalistiki i kriminologii – Journal of Criminalistics and Criminology*, 1958, no. 9 (1), pp. 293-302. (In Slovenian).
4. Makletsov A. *Okhrana detstva kak problema ugovolnoy i sotsial'noy politiki* [Protection of the child as a problem of criminal and social policy]. *Slovenskiy yurist – Slovenian lawyer*, 1927 (in Slovene).
5. Makletsov A. *Biologicheskoe napravlenie v sovremennoy kriminologii* [Biological direction in modern criminology]. *Arkhiv yuridicheskikh i obshchestvennykh nauk, XXV (XLII)* [Archive of legal and social sciences, XXV (XLII)]. Belgrade. 1932 (in Slovene).
6. Makletsov A. *Ugovolnaya sotsiologiya i etika* [Criminal sociology and ethics]. *Slovenskiy yurist – Slovenian lawyer*, 1936. (in Slovene).
7. Makletsov A. *Tipologiya prestupnika v sovremenom zakonodatel'stve* [Typology of criminal law in the modern]. *Arkhiv yuridicheskikh i obshchestvennykh nauk, 3. Belgrad, 1938* [Archive of legal and social sciences, 3. Belgrade, 1938]. (in Slovene).
8. Makletsov A. *Vvedenie v kriminologiyu s osobym vzglyadom na ugovolnuyu politiku* [Introduction to criminology with a particular view on the criminal policy]. Ljubljana, Faculty of Law, 1947 (in Slovene).
9. Luchovnik Kh. *Obuchenie kriminologii i instituty kriminologii* [Study of Criminology and the Institute of Criminology]. *Zhurnal kriminalistiki i kriminologii – Journal of Criminalistics and Criminology*, 1956, no. 7 (23), pp. 85-96. (In Slovenian).
10. Meshko G., Tichar B. *Slovenskaya kriminologiya i ee sovremennoe razvitie v sfere Ugolovnoy yustitsii i bezopasnosti* [Slovenian criminology and its modern development in the field of criminal justice and safety]. *Ugovolnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings*, 2008, no. 2, pp. 299-312. (In English).

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

БОЛГОВА В.В., доктор юридических наук, профессор, vv1976@mail.ru Кафедра государственно-правовых дисциплин; Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71	BOLGOVA V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, vv1976@mail.ru Chair of state and legal disciplines; Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Gorky St. 71, Belgorod, 308024, Russian Federation
НОВОПАВЛОВСКАЯ Е.Е., кандидат юридических наук, доцент, novopavlovskaya@gmail.com Кафедра государственно-правовых дисциплин; Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71	NOVOPAVLOVSKAYA E.E., Candidate of Legal Sciences, associate professor, novopavlovskaya@gmail.com Chair of state and legal disciplines; Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Gorky St. 71, Belgorod, 308024, Russian Federation

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Реферат. На современном этапе развития юридической практики и правотворчества пределы реализации прав и свобод человека и гражданина (как индивидуальных, так и коллективных) все чаще ставятся в зависимость от характера и степени выраженности публичного интереса. При этом на судебные органы, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации, возлагается обязанность не только конкретизировать публичный интерес, но и определять иерархические связи между публичным и частным интересом, допуская возможность ограничения частной жизни в публичных интересах. Такое ограничение возможно только в установленных законом пределах, с соблюдением законной цели, соответствующей демократическим и правовым устоям российского общества. В противном случае не исключается возможность превращения конституционных ценностей, в том числе основных прав и свобод личности, в некую условность, в инструмент для решения общих задач, масштаб и перечень которых ничем не определены. Обозначаются и рассматриваются отдельные векторы взаимосвязи публичных интересов и частной жизни человека, анализируются современные подходы, характерные для практики судебного балансирования, подтверждаемые решениями Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации. Приведены статистические данные практики конституционного судопроизводства. Названы основные проблемы в области конституционно-правовой политики государства в исследуемой сфере и внесены отдельные предложения по совершенствованию российского законодательства. Делается вывод о необходимости изменения баланса частных и публичных средств правового регулирования в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: публичный интерес, частная жизнь, ограничения, пределы, конституционное судопроизводство, судебный нормоконтроль, судебное балансирование.

ENSURING THE BALANCE BETWEEN PUBLIC INTEREST AND PRIVACY BY MEANS OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL PROCEEDINGS

Abstract. At the present stage of legal practice and law-making development, the limits of realization of rights and freedoms of man and citizen (both individual and collective) often depend on the nature and degree of public interest. At the same time the judiciary, including the RF Constitutional Court, are obliged not only to specify public interest, but also to determine the hierarchical relationship between public and private interest, admitting the possibility of restrictions on private life in the public interest.

Such restriction is possible only to the extent permitted by law, in compliance with the legitimate objective, appropriate to democratic and legal foundations of the Russian society. Otherwise, we can't exclude the possibility of transforming the constitutional values, including fundamental rights and freedoms of the individual, into certain convention, the tool to solve common tasks, the scope and list of which isn't defined. Some vectors of the relationship of public interests and private life are considered. Modern approaches typical of the practice of judicial balancing, confirmed by the decisions of the European Court of Human Rights, the RF Constitutional Court, the RF Supreme Court, are analyzed. The statistical data concerning the practice of constitutional legal proceedings are provided. The main problems in the field of constitutional and legal policy of the state in the studied area are identified. Some proposals on improving the Russian legislation are made. The conclusion about the need to change the balance between private and public means of legal regulation in the sphere of ensuring privacy is made.

Keywords: public interest, private life, restrictions, limits, constitutional legal proceedings, judicial normative control, judicial balancing.

На современном этапе государственно-правового строительства все более пристальное внимание уделяется вопросу обеспечения баланса публичных и частных интересов. Изучение практики конституционного судопроизводства дает основание констатировать, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) признает многоаспектный характер обеспечения баланса публичных и частных интересов, рассматривая как: принцип права (постановление КС РФ от 21 октября 2014 г. N 25-П)*; требование, вытекающее из положений ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и обращенное к носителям публичной власти (постановление КС РФ от 6 ноября 2014 г. N 27-П)**; обязанность федерального законодателя (постановление КС РФ от 6 ноября 2014 г. N 27-П)***; необходимость (определение КС РФ от 29 сентября 2014 г. N 016-О)****; конституционную ценность (определение КС РФ от 18 сентября 2014 г. N 2098-О)***** и др.

Различные трактовки обеспечения баланса публичных и частных интересов предлагаются и научным сообществом. В частности, его рассматривают как один из критериев оценки обоснованности определенных решений, принимаемых правотворческими и правоприменительными органами, ориентир в процессе толкования норм права; юридически значимый кри-

терий для правильного разрешения гражданско-правовых споров и др. [1].

Требование соблюдения баланса интересов – один из базовых критериев оценки правотворческих решений не только в практике КС РФ, но и внутригосударственных правоприменительных решений в практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Концепция балансирования хорошо известна в США [2], где появилась в конце 1930-х – начале 1940-х годов в связи с рассмотрением в Верховном Суде США актов, принятых в рамках Нового курса Рузвельта [3, с. 45-48]. Принцип баланса публичных и частных интересов позволил при толковании конституционных норм учесть реальную социально-экономическую ситуацию, оценить положения Конституции с позиций утилитаризма, а также в определенной степени отойти от ревностного следования идеям либерализма и абсолютной свободы экономической жизни от вмешательства государства [2]. КС РФ систематически подчеркивает необходимость обеспечения баланса публичных и частных интересов, причем упоминание об этом можно найти в решениях, затрагивающих нормы различных отраслей права, как материальных, так и процессуальных, в том числе в рамках проверки конституционности гражданского (постановление КС РФ от 18 мая 2015 г. N 10-П*****), жилищного (постановление КС РФ от 24 марта 2015 г. N 5-П*****), лесного (постановление КС РФ от 2 июня 2015 г. N 12-П*****), уголовно-процессуального законодательства (постановление КС РФ от 16 июля 2015 г.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 44. Ст. 6128.

** Там же. 2014. N 46. Ст. 6425.

*** Там же.

**** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

***** Там же.

***** Там же.

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 24. Ст. 3547.

№ 23-П*, определение КС РФ от 2 июля 2015 г. № 1541-О**) и др.

С момента возникновения и до сегодняшнего дня практика судебного балансирования подвергается критике. Оценивая ее, исследователи справедливо обращают внимание на следующие обстоятельства:

— суд принимает решение о наличии или отсутствии баланса публичных и частных интересов без сколько-нибудь четкого и однозначного представления о том, каков, собственно, объем публичного и частного интереса, что именно необходимо относить к каждой из групп интересов;

— балансирование предполагает свободу судебного усмотрения, которое может быть субъективным, неограниченным и др. КС РФ в своих решениях неоднократно указывал на различные аспекты свободы судебного усмотрения. Так, в постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П КС РФ отметил, что конституционно-правовой статус судьи и природа осуществляемой им деятельности по отправлению правосудия не предполагают привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку в случае, если «судья действовал в рамках судебного усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права»;

— оценка норм закона с точки зрения некоего баланса интересов делает сам закон релятивным, условным, размывает принцип законности, создает опасность подмены законности целесообразностью;

— конституционные ценности, в первую очередь, права человека, превращаются в условность, в инструмент для решения неких общих задач, масштаб и перечень которых не определен;

— балансирование расширяет возможности судебного правотворчества, нарушая тем самым принцип разделения властей, на что в разные годы обращал внимание и КС РФ (например, постановление КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П***, постановление КС РФ от 14 мая 2013 г. № 9-П**** и др.);

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Там же.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 5. Ст. 403.

**** Там же. 2013. № 21. Ст. 2692.

— в условиях децентрализованной судебной системы, основанной на принципе независимости судей, возможно принятие различных решений в однотипных ситуациях.

Ряд критических замечаний в адрес концепции судебного балансирования можно продолжить, хотя представляется, что в общих чертах мы обозначили их достаточно полно. Но, как справедливо отмечает Роберт Алекси, если бы этот метод был лишен всякой объективности и рациональности, то он бы не вошел в конституционное право так легко и прочно, он был бы просто вытеснен [4, с. 114].

Весьма показательно, что концепция судебного балансирования сегодня применяется не только в странах англо-американского права, система которого исторически формировалась в условиях свободы судебного усмотрения и признания судебного прецедента. Она востребована и в континентальной правовой семье, в частности, довольно активно используется в практике ЕСПЧ.

Как уже отмечалось выше, баланс интересов как принцип и отправная точка изначально использовался в оценке правовых актов, затрагивающих конституционные основы экономической жизни. Причем необходимость в применении данного принципа возникла тогда, когда государство вышло за рамки функции «ночного сторожа». Новый курс Рузвельта, как отправная точка концепции судебного балансирования, основан на представлении о государстве как организаторе экономических потоков, а об индивидуальном предпринимательском интересе — как об инструменте в руках такого организатора.

Постепенно идея ограниченной частной свободы переходит и в нормы позитивного закона. Так, ряд стран континентальной Европы в послевоенный период зафиксировал в своих конституционных актах идею социального служения личности общему интересу. Например, в соответствии со ст. 2 Конституции Италии от 27 декабря 1947 г. Республика требует выполнения неотъемлемых обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности. Боннская Конституция 1949 г. содержит норму о том, что «собственность обязывает». При этом «отчуждение собствен-

ности допускается только в целях общего блага. Оно может производиться только по закону или на основании закона, регулирующего характер и размеры возмещения. Возмещение определяется со справедливым учетом интересов общества и затронутых лиц». Положения Конституции Франции, принятые в 1946 г. и подтвержденные в 1958 г., основаны на современном западном представлении о собственности: «Всякое имущество, всякое предприятие, эксплуатация которого имеет или приобретает черты национальной общественной службы или фактической

монополии, должно стать коллективной собственностью».

В настоящее время весьма распространена практика оценки пределов индивидуальной экономической свободы, свободы собственности, в том числе посредством конституционного судопроизводства. Оценка подобного рода производится с точки зрения интересов социальной общности. Нормы, регламентирующие вопросы собственности и иных вещных прав, систематически проверяются КС РФ на их конституционность, что наглядно подтверждают данные статистики (см. табл.).

Таблица

Обращения в КС РФ по вопросам гражданского права [5]

Тематика	Количество поступивших в КС РФ обращений			
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	I, II кв. 2015 г.
Вопросы гражданского права, в том числе:	1 285	975	1 051	920
вопросы права собственности и иных вещных прав	359 (27,3 % от общего числа обращений по вопросам гражданского права)	317 (32,5 %)	295 (28,1 %)	571 (27,8 %)

Более того, можно говорить и о сформировавшейся в той или иной степени теоретической основе сопоставления публичных и частных интересов в сфере экономических отношений, к которой можно отнести: концепции социальной ответственности бизнеса [6], социального партнерства, конституционной экономики [7]. В решениях КС РФ можно встретить упоминание о различных составляющих социальной ответственности предпринимателей. Например, в контексте возложения обязанности на предпринимателей компенсировать работникам расходы на оплату стоимости проезда и провоза багажа к месту использования отпуска и обратно на условиях и в порядке, предусмотренных коллективными договорами, локальными актами и др. (постановление КС РФ от 9 февраля 2012 г. N 2-П*). Нужно констатировать и обширную практику КС РФ по вопросам, касающимся социального партнерства как одного из

принципов регламентации трудовых отношений (например, постановление КС РФ от 26 мая 2011 г. N 10-П**, постановление КС РФ от 24 октября 2013 г. N 22-П***). При этом нужно заметить, что сфера трудовых правоотношений составляет весомую часть дел, рассматриваемых в порядке конституционного судопроизводства, что наглядно подтверждают данные статистики. Так, за период 2012 г. — I, II кв. 2015 г. в КС РФ поступило 1 525 обращений по вопросам охраны трудовых прав граждан, что составило 9,2 % от общего числа обращений по вопросам конституционного статуса личности [5].

Однако помимо экономической сферы во всем многообразии ее проявлений сегодня практика судебного балансирования распространилась на сферы, которые ранее относились к сугубо индивидуальной, частной области человеческого существования

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 9. Ст. 1152.

** Там же. 2011. N 23. Ст. 3356.

*** Там же. 2013. N 44. Ст. 9756.

ния, причем воспринимаемой как «индивидуальное» на неком интуитивном уровне.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что существует круг личных и имущественных отношений, которые самым тесным образом окружают отдельное лицо в его ежедневной жизни, которые ему наиболее близки, и которые он готов защищать с отчаянным мужеством. Речь идет об отношениях человека к жене, детям, родителям, участку земли, т.е. ко всему тому, что человек определяет словом «мое». Здесь господствует эгоизм, которому государство вынуждено дать удовлетворение и обеспечение [8, с. 513-567; 9, с. 50-78; 10, с. 24-36]. Заметим, что Г.Ф. Шершеневич рассматривает сферу, условно обозначаемую им как «мое», в контексте обязанностей государства ее гарантировать и обеспечивать (а не ограничивать!).

Но сегодня мы все чаще сталкиваемся с ситуацией, когда эта область и, соответственно, интересы, определяющие позицию и линию поведения социальных субъектов, «взвешиваются» на весах публичной безопасности, целесообразности, стратегических задач, национальных интересов. При этом подобные публичные ценности все чаще выступают в качестве ограничителей индивидуальной сферы, границ ее существования и даже параметров оценки правомерности и справедливости тех или иных притязаний частного субъекта. Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* в числе сфер реализации национальных интересов и национальных приоритетов наряду с экономическим ростом и национальной обороной названы культура, здравоохранение, наука, образование. Еще более детальная градация областей и форм проявления публичного интереса предлагалась в не действующей сегодня Концепции национальной безопасности Российской Федерации**.

В том же ключе развивается и судебная практика, весьма ярко демонстрирующая и возможности, и основные подходы государства к проблеме ограничения частной, личной сферы человека в публичных интересах.

Безусловно, национальные правоприменительные практики весьма многообразны, и мы ни в коей мере не претендуем на полноту их анализа и исчерпывающий характер выводов, но тем не менее попробуем обозначить некоторые общие моменты в оценке баланса интересов в сфере, которую с большой степенью условности можно обозначить как «частная жизнь».

I. Понятие «частная жизнь» в законодательстве и правоприменительной практике определяется широко, причем зачастую в системе позитивного регулирования сознательно не фиксируются «горизонты» таких определений. Так, например, в практике ЕСПЧ понятие «личная жизнь» охватывает информацию, относящуюся к личности, такую как имя лица, его фотографии, физическую и моральную неприкосновенность, право на уважение решений о том, чтобы стать родителем и не становиться им, право выбора обстоятельств для того, чтобы стать родителем, физическую неприкосновенность лица, поскольку тело человека составляет наиболее интимный аспект личной жизни, к сфере «личной жизни» относятся и персональные данные человека. КС РФ обращает внимание на тот факт, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает право человека контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. При этом данное право не просто законодательно зафиксировано. Существует целый спектр механизмов, направленный на обеспечение его гарантированности государством, о чем неоднократно писал КС РФ (например, определение КС РФ от 26 января 2010 г. N 158-О-О***). Действие данных гарантий распространяется и на институт семьи (например, постановление КС РФ от 31 января 2014 г. N 1-П****), включая различные его составляющие, в том числе тайну усыновления (удочерения). ЕСПЧ в своих актах напоминает, что «в соответствии с прецедентной практикой по ст. 8 Конвенции понятие “личной жизни” является широким и не подлежит исчерпывающему определению». Как отмечает КС РФ, понятие «частная жизнь» включает в себя

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 20. Ст. 2444.

** Рос. газ. 1997. N 247.

*** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 7. Ст. 735.

определенную область жизнедеятельности человека, относящуюся к отдельному лицу и касающуюся только его. КС РФ также подчеркивает, что частная жизнь не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер (определение КС РФ от 26 января 2010 г. N 158-О-О*, постановление КС РФ от 16 июня 2015 г. N 15-П** и др.).

Прием формирования «открытого перечня» использует и российский законодатель, в п. 1 ст. 150 ГК РФ указывая на существование «иных нематериальных благ», принадлежащих гражданину от рождения или в силу закона. Заметим, что в практике ЕСПЧ, как правило, устанавливается общий режим защиты частной и личной жизни, поэтому, думается, что не было бы ошибкой говорить о том, что суд использует эти понятия как синонимы. В российском законодательстве (ст. 152.2 ГК РФ) личная жизнь определяется как часть, элемент частной жизни, при этом установлены общие принципы охраны.

II. Современные правовые порядки организованы по европейскому типу и основаны на признании ценности личных прав и свобод человека, на защиту которых регулярно «встает» КС РФ. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые статистические показатели. За период 2012 г. — I, II кв. 2015 г. в КС РФ поступило 517 обращений по вопросам охраны личных прав граждан, что составило 3,1 % от общего числа обращений по вопросам конституционного статуса личности [5]. Следует заметить, что в отдельную группу объединены обращения граждан по вопросам гражданства, а также судебной защиты и обжалования действий (бездействия) органов власти и управления. При этом удельный вес последних в общем количестве обращений по вопросам конституционного статуса личности весьма существенен. За обозначенный выше период он составил 18,5 % — 3 083 обращения, направленных на защиту права на судебную защиту, обжалование действий (бездействия). Как верно указал КС РФ, признаваемые и «созданные государством» права и свободы человека «поставлены на вершину сис-

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 260. Ст. 3944.

темы ценностей, что делает необходимым личное и общественное самоопределение, в известной мере свободное от решающего участия государства» (постановление КС РФ от 26 мая 2011 г. N 10-П***).

Однако такое признание принципиально допускает возможность ограничения их прав в публичных интересах. Верховный Суд Российской Федерации в определении от 10 декабря 2014 г. по делу N 5-АПГ14-55 указывал, что нормы международного законодательства признают допустимым право государства ограничивать права и свободы граждан, в том числе иностранных, если вмешательство со стороны публичных властей осуществлено в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Верховный Суд Израиля установил принцип, согласно которому публичный интерес в национальной безопасности и общественном порядке может накладывать ограничения на свободу слова или свободу вероисповедания в случае, если с большой долей уверенности можно сказать, что использование этих прав точно нанесет серьезный ущерб национальной безопасности и общественному порядку [11].

В деле L.H. против Латвии (L.H. v. Latvia) (N 52019/07) (постановление ЕСПЧ от 29 апреля 2014 г. (вынесено IV Секцией) предметом рассмотрения стали, в частности, положения национального законодательства Латвии, предоставляющие Инспекции контроля качества медицинской помощи и трудоспособности возможность собирать и анализировать персональные данные пациентов медицинских организаций без их согласия в объеме, «необходимом для целей лечения (или) предоставления или оказания услуг здравоохранения».

III. Вмешательство в область частной жизни человека со стороны публичных властей, хотя и принципиально допустимо, но должно быть оправданным. При этом оценка «оправданности» вмешательства производится с учетом следующих критериев.

1. Ограничения в отношении благ и интересов, составляющих частную жизнь,

*** Там же. 2011. N 23. Ст. 3356.

должны быть предусмотрены законом (например, дело «Александра Дмитриева против Российской Федерации», постановление ЕСПЧ от 3 ноября 2011 г.).

Современная трактовка принципа верховенства закона, сложившаяся в европейской правоприменительной практике, исходит из того, что закон должен оцениваться не только с точки зрения его формального качества как особого нормативного акта, но и подвергаться содержательной оценке.

ЕСПЧ напоминает, что в соответствии с его постоянной и последовательной прецедентной практикой норма не может рассматриваться в качестве «закона», если она не сформулирована с достаточной точностью, чтобы гражданин мог — при необходимости с помощью соответствующей консультации — предвидеть в степени, разумной при данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь такое действие*.

Правовые предписания, предусматривающие ограничение частной жизни человека и содержащиеся в законе, должны быть:

1) доступны для ознакомления любому лицу и предсказуемы с точки зрения последствий (дело «Ротару против Румынии», жалоба N 28341/95);

2) условия ограничения личной жизни должны оговариваться четко, не допуская двойственного либо расширительного толкования (дело «Мэлоун против Соединенного Королевства», постановление ЕСПЧ от 2 августа 1984 г.);

3) степень точности, требуемая от национального законодательства, зависит в значительной степени от содержания рассматриваемого документа, области его применения и числа и статуса лиц, которым он адресован (дело «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria), жалоба N 30985/96);

4) закон должен четко устанавливать границы полномочий компетентных государственных органов, то есть предус-

матривать адекватную правовую защиту для лица, права которого ограничиваются (дело «Х против Финляндии», жалоба N 34806/04).

ЕСПЧ отмечает: «...опыт показывает, что абсолютная точность недостижима, и что необходимость избегать чрезмерной жесткости и следовать за изменяющимися обстоятельствами ведет к тому, что многие законы неизбежно излагаются в выражениях, которые в большей или меньшей степени неопределенны» (дело «"Санди таймс" против Соединенного Королевства»). Например, в деле «Агеевы против Российской Федерации» (жалоба N 7075/10) ЕСПЧ, оценивая положения Семейного кодекса Российской Федерации на предмет соблюдения принципа верховенства права, указал: «обстоятельства, при которых может возникнуть необходимость передачи ребенка под публичную опеку, столь разнообразны, что едва ли было бы возможно сформулировать закон, охватывающий каждый случай».

2. Ограничения со стороны публичной власти должны иметь законную цель. При этом подобные цели в значительной степени формализованы в соответствии с п. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) целями ограничения частной жизни человека являются: 1) интересы национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны; 2) предотвращение беспорядков или преступлений; 3) охрана здоровья или нравственности; 4) защита прав и свобод других лиц.

3. Ограничения должны быть необходимы в демократическом обществе. Оценка такой «потребности» производится с учетом конкретных обстоятельств (дело «Пек против Соединенного Королевства», жалоба N 44647/98). Чаще всего именно на этом этапе возникает вопрос баланса индивидуальных и публичных интересов, а также их иерархии.

Важно отметить, что буквальное толкование п. 2 ст. 8 Конвенции связывает саму возможность ограничения «личной жизни» человека с характером социальных связей (демократическое общество). Представляется, что не было бы ошибкой говорить о том, что сама возможность ограничения права на частную жизнь в пуб-

* См. в числе других примеров постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства (N 1)» (Sunday Times v. United Kingdom) (N 1), § 49, Series A, N 30, и постановление ЕСПЧ от 25 мая 1993 г. по делу «Коккинакис против Греции» (Kokkinakis v. Greece), § 40, Series A, N 260-A.

личных интересах, названных нами выше, рассматривается как одна из гарантий демократии.

ЕСПЧ подчеркивает, что понятие «необходимости в демократическом обществе» предполагает, что вмешательство соотносится с настоятельной общественной потребностью и, в частности, соразмерно одной из преследуемых государством правомерных целей (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А, В и С против Ирландии» (A, B and C v. Ireland) от 16 декабря 2010 г., жалоба N 25579/05).

В терминологии ЕСПЧ оправданность ограничений и вмешательства в частную жизнь связывается «с настоятельной общественной потребностью», «неотложным публичным интересом» в охране интересов, предусмотренных п. 2 ст. 8 Конвенции.

IV. Очень интересная, на наш взгляд, практика сложилась в части дифференциации правоприменительных подходов к оценке возможности ограничения частной жизни лиц, которые в том или ином качестве осуществляют функции публичной власти (являются главами государств, государственными служащими и др.). Признается, что сам факт принадлежности лица к системе публичной власти, его согласие занимать определенную должность создают возможность более масштабного ограничения права такого лица на неприкосновенность частной жизни. Связывается это с публичным интересом в получении информации о таком лице, который в иерархической связи признается приоритетным. Например, в деле «Кудерк и компания “Ашетт Филиппакки ассосье”» (Couderc and Hachette Filippacchi Associates) против Франции» (жалоба N 40454/07) ЕСПЧ рассматривал вопрос о правомерности привлечения к ответственности издателей, опубликовавших статью и фотографии, которые раскрывали информацию о наличии у монарха (князя Монако) тайного ребенка*.

Разрешая вопросы права, суд отметил, что «в деле конкурировали требования защиты личной жизни князя и обсуждение будущего наследственной монархии. Поскольку это являлось вопросом политического значения, общественность имела законный интерес в знании о существова-

нии ребенка и в возможности дискуссии о вероятных последствиях этого для политической жизни Княжества Монако», а, следовательно, приватность в данном случае могла быть ограничена.

Публичный интерес в получении информации в таком случае в иерархии поставлен выше частного интереса в неприкосновенности сведений о личной жизни.

Следует отметить, что подобная практика ЕСПЧ носит устойчивый характер. В деле «ООО “Ивперсс” и другие против Российской Федерации» (жалобы N 33501/04, 38608/04, 35258/05 и 35618/05) суд указал: «Политические деятели решили заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в СМИ то, как они исполняли или исполняют свои обязанности».

Не ставя перед собой цель исчерпывающим образом охарактеризовать проблему соотношений публичных интересов и частной жизни человека, тем не менее сделаем несколько обобщений.

Во-первых, принцип первичности прав человека, закрепленный в современной конституционной практике и международных актах, предполагает принципиальную возможность публичного вмешательства в частную жизнь.

Во-вторых, публичный интерес, конкретизация которого проводится сегодня исключительно судебными органами [12, с. 84-89], в иерархической связи признается превалирующим по отношению к интересу в сохранении частной жизни.

В-третьих, общие пределы ограничения частной жизни напрямую увязываются с местом человека в аппарате публичной власти государства.

В-четвертых, ограничения частной жизни в публичных интересах устанавливаются законом, с соблюдением законной цели, необходимой в демократическом обществе.

И, наконец, в законодательстве догматически не определяются ни пределы самой частной жизни, ни виды публичных интересов, а обязанность выявления их истинного содержания и соотношения возложена на судебные органы государства [13, с. 28-31].

* Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. N 10.

Список литературы

1. Соблюдение баланса публичных и частных интересов – юридически значимый критерий для правильного разрешения гражданско-правовых споров об истребовании жилых помещений из владения граждан. URL: <http://genproc.gov.ru/documents/espch/document-76442> (дата обращения: 30 июля 2015 г.).
2. Васькова Е.П., Храмова Т.М. Соотношение публичных и частных интересов при разрешении споров экономического характера: сравнительно-правовое исследование опыта судебного правотворчества РФ и США. URL: <http://ppt.ru/news/123334> (дата обращения: 27 июля 2015 г.).
3. Жеребцова Е.Е. Становление и развитие судебного конституционного контроля в США // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2009. N 6. С. 45-48.
4. Алекси Р. Сбалансированность, конституционный контроль и представительство // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 2 (55).
5. Статистика по решениям Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru> (дата обращения: 31 июля 2015 г.).
6. Williams Cynthia A. Corporate Social Responsibility in a Comparative Perspective // The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility / Crane, A., et.al. Oxford: Oxford University Press, 2008.
7. Конституционная экономика: учебник / П.Д. Баренбойм, Г.А. Гаджиев, В.И. Лафитский, В.А. Мау. М., 2006.
8. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Рига, 1924.
9. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права: в 2 т. Т. 1. Казань, 1901.
10. Шершеневич Г.Ф. Задачи и метод гражданского правоведения. Казань, 1898.
11. Aleinikoff A. *Semblances of Sovereignty: The Constitution, the State, and American Citizenship*. Harvard U. Press. 2002.
12. Коновалова Е.В. Публичный интерес и право: проблемы взаимодействия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. N 1 (111). С. 84-89.
13. Болгова В.В. Публичный интерес в параметрических характеристиках // Вопросы экономики и права. 2010. N 19. С. 28-31.

References

1. *Soblyudenie balansa publichnykh i chastnykh interesov – yuridicheski znachimyy kriteriy dlya pravil'nogo razresheniya grazhdansko-pravovykh sporov ob istrebovanii zhilykh pomeshcheniy iz vladeniya grazhdan* [Balancing public and private interests – a legally meaningful criterion for the correct resolution of civil disputes for the recovery of possession of residential premises citizens.]. Available at: <http://genproc.gov.ru/documents/espch/document-76442> (Accessed 30 July 2015).
2. Vas'kova E.P., Khramova T.M. *Sootnoshenie publichnykh i chastnykh interesov pri razreshenii sporov ekonomicheskogo kharaktera: sravnitel'no-pravovoe issledovanie opyta sudebnogo pravotvorchestva RF i SShA* [The ratio of public and private interests in the resolution of economic disputes: a comparative legal research experience of judicial lawmaking Russia and the US]. Available at: <http://ppt.ru/news/123334> (Accessed 27 July 2015).
3. Zherebtsova E.E. *Stanovlenie i razvitie sudebnogo konstitutsionnogo kontrolya v SShA* [Formation and development of the judicial constitutional control in the United States]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* – Herald of the Saratov State Academy of Law, 2009, no. 6, pp. 45-48.
4. Aleksy R. *Sbalansirovannost', konstitutsionnyy kontrol' i predstavitel'stvo* [Balance, constitutional review and representation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review, 2006, no. 2 (55).
5. *Statistika po resheniyam Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Statistics on the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ofitsial'nyy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Official site of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru> (Accessed 31 July 2015).
6. Williams Cynthia A. *Corporate Social Responsibility in a Comparative Perspective* // The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility / Crane, A., et. al. Oxford: Oxford University Press, 2008.
7. Barenboym P.D., Gadzhiev G.A., Lafitskiy V.I., Mau V.A. *Konstitutsionnaya ekonomika* [Constitutional economics]. Moscow, 2006.
8. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Riga, 1924.
9. Shershenevich G.F. *Kurs grazhdanskogo prava. V 2 t. T. 1* [The course of civil law. In 2 volumes. Volume 1]. Kazan, 1901.
10. Shershenevich G.F. *Zadachi i metod grazhdanskogo pravovedeniya* [Objectives and methods of Civil Law]. Kazan, 1898.
11. Aleinikoff A. *Semblances of Sovereignty: The Constitution, the State, and American Citizenship*. Harvard U. Press. 2002.
12. Konovalova E.V. *Publichnyy interes i pravo: problemy vzaimodeystviya* [Public interest law: the problem of interaction]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* – Herald of Samara State University of Economics, 2014, no. 1 (111), pp. 84-89.
13. Bolgova V.V. *Publichnyy interes v parametricheskikh kharakteristikakh* [Public interest in parametric characteristics]. *Voprosy ekonomiki i prava* – Problems of Economics and Law, 2010, no. 19, pp. 28-31.

- ТИЩЕНКО И.В.,
кандидат юридических наук,
irochkatishenko@mail.ru
Кафедра гражданско-правовых дисциплин;
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
- ТИЩЕНКО I.V.,
Candidate of Legal Sciences,
irochkatishenko@mail.ru
Chair of civil law disciplines;
Belgorod Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after I.D. Putilin,
Gorky St. 71, Belgorod, 308024,
Russian Federation
- МЕНЯЙЛО Л.Н.,
кандидат политических наук,
menyilo.dmitriy@yandex.ru
Кафедра гражданско-правовых дисциплин;
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
- МЕНЯЙЛО L.N.,
Candidate of Political Sciences,
menyilo.dmitriy@yandex.ru
Chair of civil law disciplines;
Belgorod Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after I.D. Putilin,
Gorky St. 71, Belgorod, 308024,
Russian Federation
- МАКСИМЕНКО А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Mav1202@yandex.ru
Правовое отделение;
Белгородский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
- МАКСИМЕНКО A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor, Mav1202@yandex.ru
Legal department;
Belgorod Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
named after I.D. Putilin,
Gorky St. 71, Belgorod, 308024,
Russian Federation

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ КАК ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Реферат. Рассматриваются основания освобождения от гражданско-правовой ответственности при причинении вреда жизни и здоровью транспортным средством как источником повышенной опасности: 1) наличие непреодолимой силы; 2) наличие умысла потерпевшего, направленного на причинение ему вреда; 3) грубая неосторожность самого потерпевшего; 4) выбытие транспортного средства из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц. Известно, что возложение такой ответственности не зависит от виновности владельца в причинении вреда. Основанием освобождения владельца источника повышенной опасности от возмещения вреда является непреодолимая сила как непредотвратимость при данных конкретных обстоятельствах, невозможность предотвратить обстоятельства конкретным лицом имеющимися у него средствами в конкретных условиях. Рассматриваются также умысел и грубая неосторожность как формы вины потерпевшего, что является основанием для уменьшения размера возмещения вреда. Авторы аргументируют необходимость внесения дополнений в ст. 1083 ГК РФ, содержащую понятия грубой и простой неосторожности. Исследуется и такое основание освобождения от ответственности, которое предусмотрено ч. 2 ст. 1079 ГК РФ, когда владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц. В этом случае учитывается вина владельца источника повышенной опасности (отсутствие вины исключает ответственность). Позиция судебной практики состоит в том, что если автомобиль оставлен закрытым на замок с сигнализацией, то это не может быть признано неосмотрительностью.

Ключевые слова: основания освобождения от гражданско-правовой ответственности, источник повышенной опасности, транспортное средство, возмещение вреда.

GROUNDINGS FOR EXEMPTION FROM CIVIL LIABILITY WHEN CAUSING HARM BY VEHICLE AS A SOURCE OF INCREASED DANGER

Abstract. Grounds for exemption from civil liability when causing harm to life and health by vehicle as a source of increased danger are considered. They are as follows: irresistible force; victim's intent aimed at causing harm; gross negligence of the victim; removal of the vehicle from the possession of its owner as a result of third parties' illegal actions. It's known that imposing such liability doesn't depend on the culpability of the owner in causing harm. The ground for exemption of the owner of the source of increased danger from compensation for damage is irresistible force as the inability to prevent the circumstances by means that are at disposal of a particular person in specific conditions. Intent and gross negligence are considered as forms of victim's guilt, that's the reason for reducing the amount of compensation for damage. The authors argue the necessity of amending Article 1083 of the RF Civil Code containing the concepts of gross and simple negligence. The ground for exemption from liability, provided by part 2 of Article 1079 of the RF Civil Code, is analyzed: the owner of the source of increased danger is not responsible for damage caused by this source if he proves that the source was out of his possession as a result of other persons' illegal actions. In this case, the guilt of the owner is taken into account (absence of guilt excludes liability). The judicial practice is that if the car is left locked and the car alarm is on, it can't be considered negligence.

Keywords: grounds for exemption from civil liability, source of increased danger, vehicle, compensation for damage.

В литературе высказывалось мнение, что при отсутствии вины владельца источника повышенной опасности возмещение им вреда не может выступать в качестве меры гражданско-правовой ответственности, то есть нет вины — нет ответственности [1]. На наш взгляд, при детальном рассмотрении такого понятия, как источник повышенной опасности, вышеназванные положения теряют свой смысл. Данный факт имеет место, поскольку в дорожно-транспортных происшествиях участвует как минимум одно транспортное средство, а оно обладает вредоносными свойствами, и поэтому в случае неосознанного и небрежного обращения с ним транспортное средство может выйти из-под контроля владельца, что будет означать некую причастность к причинению вреда этим транспортным средством.

Отмечается, что особенность правил возложения ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, которым является автомобиль, состоит в том, что данная ответственность может быть возложена на лицо, не обязательно виновное в причинении вреда.

Проводя анализ оснований освобождения владельца источника повышенной опасности от возмещения вреда, прежде всего необходимо назвать непреодолимую силу. В статье 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) этот термин определен как чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства.

Несмотря на наличие законодательно закрепленного определения рассматриваемого понятия, его содержание остается дискуссионным. Анализируя содержание этого правового понятия, следует избегать крайностей: 1) при слишком широком толковании непреодолимой силы происходит фактическое сужение ответственности владельца источника повышенной опасности и уравнение ее с общими случаями деликтной ответственности; 2) напротив, сужение пределов данного понятия ведет к безграничному расширению ответственности владельцев источников повышенной опасности.

В научной литературе имеется большой интерес к данной категории. Так, еще Т.М. Яблоков рассматривал признаки чрезвычайности и непредотвратимости, закрепленные сейчас в ст. 401 ГК РФ, и, в частности, две теории: непреодолимая сила — это объективно непредотвратимое вредоносное событие или объективно предотвратимое, но которое не может быть предотвращено в данных условиях, несмотря на крайнюю старательность [2, с. 4].

Современная доктрина гражданского права восприняла субъективный подход. Признак непреодолимой силы — это непредотвратимость при данных конкретных обстоятельствах, невозможность предотвратить обстоятельства конкретным лицом имеющимися у него средствами в конкретных условиях. Вполне возможно, что непредотвратимое в конкретных условиях обстоятельство не будет таковым в другом конкретном случае.

Пожалуй, наиболее полный учет всех рассматриваемых в литературе признаков непреодолимой силы содержит следующее определение: непреодолимая сила — это внешнее неотвратимо наступившее чрезвычайное (независимо от предвидения) при данных условиях обстоятельство, последствия которого делают исполнение договорного обязательства абсолютно невозможным либо своим воздействием вызывают причинение вреда независимо от деятельности лица. Ссылка на обстоятельства непреодолимой силы не допускается, если их последствия не были предупреждены и (или) ликвидированы вследствие неприятия лицом всех возможных для него и для других лиц, похожих по роду и условиям деятельности, мер заботливости и осмотрительности [3].

От умысла отличается грубая неосторожность потерпевшего. Виновные действия потерпевшего, при доказанности его грубой неосторожности и причинной связи между такими действиями и возникновением или увеличением вреда, являются основанием для уменьшения размера возмещения вреда [4]. При этом уменьшение размера возмещения вреда ставится в зависимости от степени вины потерпевшего. Если при причинении вреда жизни или здоровью гражданина имела место грубая неосторожность потерпевшего и отсутствовала вина причинителя вреда, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения вреда должен быть уменьшен судом, но полный отказ в возмещении вреда в этом случае не допускается (ч. 2 ст. 1083 ГК РФ).

В цивилистической литературе утвердилось и существует до настоящего времени древнеримское определение грубой неосторожности как нарушения (игнорирования) обычных (элементарных), очевидных для всех требований (правил безопасности).

Считаем необходимым согласиться с мнением К.Н. Литовко о дополнении ч. 2 ст. 1083 ГК РФ понятиями грубой и простой неосторожности, сформулированными автором: «При грубой неосторожности лицо не соблюдает, нарушает обычные при сложившихся обстоятельствах требования внимательности, осмотрительности, безопасности, вследствие чего либо предвидит возможный вредный результат, но рассчи-

тывает его предотвратить, либо, хотя и не предвидит, но осознает, что совершаемые действия могут вызвать подобный результат. При простой неосторожности лицо соблюдает обычные, элементарные при данных обстоятельствах меры предусмотрительности, осторожности, внимательности, которые оказываются недостаточными для предотвращения вреда» [1].

В соответствии с данным определением достаточно просто оценить неосторожность потерпевшего по рассматриваемой категории дел — это несоблюдение правил дорожного движения — элементарных мер предусмотрительности и осторожности. В судебной практике, в сущности, так и происходит — грубой неосторожностью потерпевшего признается переход проезжей части вне пешеходного перехода, выход на проезжую часть в состоянии сильного алкогольного опьянения, добровольно совершенная поездка в автомобиле с водителем, заведомо находящимся в состоянии алкогольного опьянения, передвижение пешехода по проезжей части в темной одежде в условиях темного времени суток, по неосвещенному участку пути, создание помех для движения транспортных средств и др.*

Наконец, последнее основание освобождения от ответственности предусмотрено ч. 2 ст. 1079 ГК РФ, в соответствии с которой владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный этим источником, если докажет, что источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц [5, с. 86].

Данный случай — один из немногих в рассматриваемых правоотношениях, когда учитывается вина владельца источника повышенной опасности. Если нет вины, то ответственность исключается, если есть — ответственность по возмещению вреда может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности, в долевом порядке в зависимости от степени вины каждого из них [2].

* Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения дел о возмещении вреда, причиненного дорожно-транспортным происшествием. Подготовлена судебной коллегией по гражданским делам Свердловского обл. суда 14 марта 2006 г.

В научной литературе отмечается, что сам факт неправомерного изъятия не может служить автоматическим основанием освобождения владельца от ответственности. Например, если автомобиль был просто где-то оставлен закрытым на замок с сигнализацией, сегодня этого уже недостаточно для признания владельца автомобиля проявившим достаточную степень заботливости и осмотрительности для исключения противоправного изъятия [6].

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» указано, что владелец источника повышенной опасности освобождается от ответственности в случаях:

1. Умысла потерпевшего.
2. Действия непреодолимой силы*.

Считаем, что некоторые положения постановления Пленума Верховного Суда РФ базируются на гражданско-правовых нормах. Так, согласно статье 1083 ГК РФ вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит.

В перечисленных выше случаях владелец источника повышенной опасности освобождается от ответственности за причиненный моральный вред.

Кроме того, причинение вреда посредством источника повышенной опас-

ности в состоянии необходимой обороны влечет применение правил, закрепленных в статье 1066 ГК РФ: «Не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы».

Итак, подведем итоги.

1. Анализ судебной практики позволяет выделить множество разнообразных ситуаций, но случаев, подобных указанному В.Н. Паршенко и Ю.А. Холкиной [6], нами обнаружено не было, что вполне понятно. Действительно, если автомобиль оставлен закрытым на замок с сигнализацией, то это не может быть признано неосмотрительностью. Исходя из позиции вышеназванных авторов, следует, вероятно, требовать, чтобы все автовладельцы хранили свои транспортные средства в гаражах (или дежурили рядом с оружием). Требование об осмотрительности в обращении с источником повышенной опасности является важным, но его нельзя доводить до абсурда.

2. Основаниями освобождения от ответственности при причинении вреда жизни и здоровью транспортным средством являются: 1) наличие непреодолимой силы; 2) наличие умысла потерпевшего, направленного на причинение ему вреда; 3) грубая неосторожность самого потерпевшего; 4) выбытие транспортного средства из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц.

* Рос. газ. 2010. 5 февр.

Список литературы

1. Литовко К.Н. Учет вины потерпевшего как основание освобождения от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. N 3 (20). С. 50-52.
2. Яблоков Т.М. Понятие непреодолимой силы в гражданском праве. Ярославль, 1911.
3. Боуш К.С. Правовые аспекты соотношения юридической и гражданско-правовой ответственности // Современные тенденции в фундаментальных и прикладных исследованиях: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (г. Рязань, 27 февраля 2015 г.). Рязань, 2015.
4. Головин Н.М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2013. С. 12.
5. Кузнецов А.В. Основания освобождения владельца источника повышенной опасности от обязанности возмещения вреда // Академический вестник. 2012. N 1 (19).
6. Паршенко В.Н., Холкина Ю.А. О некоторых вопросах, связанных с применением ответственности к владельцам источников повышенной опасности // Наука и современность. 2014. N 27.

References

1. Litovko K.N. *Uchet viny poterpевshego kak osnovanie osvobozhdeniya ot otvetstvennosti za vred, prichinennyi istochnikom povыshennoy opasnosti* [The account of fault of the victim as grounds for exemption from liability for

harm caused by a source of increased danger]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* – Herald of the St. Petersburg Academy of Law, 2013., no. 3 (20), pp. 50-52.

2. Yablokov T.M. *Ponyatie nepreodolimoy sily v grazhdanskom prave* [The Concept of force majeure in the civil law]. Yaroslavl, 1911.

3. Boush K.S. *Pravovye aspekty sootnosheniya yuridicheskoy i grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti* [Legal aspects of the relationship between the legal and civil liability (materials of the International correspondence scientific-practical conference)]. *Sovremennye tendentsii v fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniyakh* [Modern trends in fundamental and applied research]. Ryazan, 2015.

4. Golovin N.M. *Fenomen nepreodolimoy sily: tsivilisticheskoe issledovanie. Kand. Diss.* [The phenomenon of force majeure: scientific research. Cand. Diss.]. Perm, 2013.

5. Kuznetsov A.V. *Osnovaniya osvobozhdeniya vladel'tsa istochnika povyshennoy opasnosti ot obyazannosti vozmeshcheniya vreda* [Bases of exemption of the owner of the source of increased danger from the obligation of reparation]. *Akademicheskyy vestnik* – The Academic Herald, 2012, no. 1 (19).

6. Parshenko V.N., Kholkina Yu.A. *O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniem otvetstvennosti k vladel'tsam istochnikov povyshennoy opasnosti* [On some issues concerning the application of liability to the owners of high-risk sources]. *Nauka i sovremennost'* – Science and modernity, 2014, no. 27.

Раздел 3. Уголовный закон

ШАРАПОВ Р.Д., доктор юридических наук, профессор, srd72@mail.ru	SHARAPOV R.D., Doctor of Legal Sciences, professor, srd72@mail.ru
Кафедра уголовного права и процесса; Тюменский государственный университет, 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38	Chair of criminal law and criminal procedure; Tyumen State University, Lenina St. 38, Tyumen, 625000
Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

СОВМЕСТНАЯ ПРЕСТУПНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЗ ПРИЗНАКОВ СОУЧАСТИЯ: ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ, УЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРИ ОТСУТСТВИИ СОВМЕСТНОСТИ УМЫСЛА

Реферат. Дана уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению и совместного участия в преступлении лиц при отсутствии между ними совместности умысла как форм совместной преступной деятельности нескольких лиц без признаков соучастия. Общей их чертой является то, что каждая из названных форм отличается от соучастия в преступлении отсутствием какого-либо объективного или субъективного признака. Раскрываются основания уголовной ответственности лиц, виновных в преступной прикосновенности к другому преступлению, виды такой прикосновенности. В самом общем виде прикосновенность к преступлению определяется как совершение лицом умышленного преступления в связи с преступлением, совершенным другим лицом, но при отсутствии с ним причинно-следственной связи. Уголовно-правовое значение имеют три формы прикосновенности к преступлению: заранее не обещанное укрывательство преступления, заранее не обещанное попустительство преступлению и недонесение о преступлении. Особенностью совместного участия в преступлении лиц при отсутствии между ними совместности умысла является то, что преступный результат умышленного преступления объективно достигается совместными усилиями нескольких лиц, однако осознает данное обстоятельство только один из участников содеянного. Уголовная ответственность субъектов, действовавших в тени как «организаторы», «подстрекатели» или «пособники», объективная помощь которых не воспринимается исполнителем преступления как умышленное содействие его совершению, возможна, если в их действиях (бездействии) фактически имеются признаки самостоятельного состава преступления, например, злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК) или злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК), оставления в опасности (ст. 125 УК), укрывательства преступлений (ст. 316 УК) и др.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, соучастие в преступлении, совместная преступная деятельность, совместность умысла, укрывательство, попустительство.

JOINT CRIMINAL ACTIVITY WITH NO EVIDENCE OF COMPLICITY: IMPLICATION IN A CRIME, PARTICIPATION IN A CRIME WITHOUT JOINT INTENT

Abstract. Criminal law characteristics of implication in crime and participation in crime involving persons having no joint intent as forms of joint criminal activity of several persons with no evidence of complicity is given. Their common feature is that each of these forms differs from complicity in crime by lack of any objective or subjective element. Grounds for criminal liability of persons guilty of criminal implication to another crime as well as types of such implication are analyzed. Implication in crime is generally defined as committing intended crime by one person in connection with the crime committed by another person, but without any causation. Three forms of implication in crime have criminal legal meaning: concealment of crime, condoning crime, failure to report a crime. The peculiarity of participation in crime involving persons having no joint intent is that the criminal result of

deliberate crime is really achieved by joint efforts of several persons, but only one of the participants is aware of this fact. Criminal liability of persons acting in the shadows as "organizers", "instigators" or "accomplices", whose objective assistance is not perceived by the perpetrator as intentional facilitation of crime commission, is possible if their actions (omission) actually have separate elements of crime. For example: abuse of power (Article 201 of the RF Criminal Code), abuse of authority (Article 285 of the RF Criminal Code), abandonment in danger (Article 125 of the RF Criminal Code), concealment of crime (Article 316 of the RF Criminal Code), etc.

Keywords: implication in a crime, participation in a crime, joint criminal activity, joint intent, concealment, condoning.

Настоящая статья является продолжением уголовно-правовой характеристики форм совместной преступной деятельности, не являющихся соучастием, начатой автором ранее*. Напомним, что характерной чертой таких форм (посредственное исполнение, неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению, совместное участие в преступлении лиц при отсутствии между ними совместности умысла) является то, что каждая из них отличается от соучастия отсутствием какого-либо объективного или субъективного признака, свойственного соучастию в преступлении.

На этот раз речь пойдет о так называемой прикосновенности к преступлению, а также о совместном участии в преступлении лиц при отсутствии между ними совместности умысла (взаимной осведомленности) — явлениях, не столь уж редких в правоприменительной практике по уголовным делам.

Прикосновенность к преступлению. В отличие от УК РСФСР 1960 г., отводившего регламентации прикосновенности две статьи Общей части (ст. 18 «Укрывательство», ст. 19 «Недонесение»), в Общей части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) о данной форме взаимосвязанной преступной деятельности нескольких лиц упоминания нет. Прикосновенность к преступлению принципиально отличается от посредственного причинения и неосторожного сопричинения, которые, как и соучастие, характеризуются сопричинением несколькими лицами единого для них преступного результата. В случае прикосновенности имеется иной тип взаимосвязи преступных деяний нескольких лиц, строящийся не

по принципу причастности их к одному и тому же преступлению, а по принципу «соприкосновения» самостоятельных преступлений, совершенных разными лицами, как правило, в разное время (например, совершение хищения чужого имущества одним лицом и последующее приобретение этого заведомо похищенного имущества другим лицом).

Преступная деятельность, образующая прикосновенность к преступлению, является вторичной по отношению к другому совершенному преступлению, именуемому в теории и практике уголовного права как основное или предикативное преступление. Это, однако, не означает, что вторичное преступление всегда имеет место после совершения основного преступления. Вторичное преступление, хотя и связано с основным преступлением, однако чаще совершается после фактического окончания основного преступления (когда общественно опасное последствие наступило и преступная деятельность лица завершена), реже на стадии оконченного покушения (когда основной виновник выполнил весь объем действий, необходимых для наступления общественно опасного последствия, но последнее еще не наступило). Наконец, в самых редких случаях вторичное преступление может сопутствовать по времени совершению основного преступления, протекая параллельно с ним, либо даже предшествовать ему, но без содействия виновнику основного преступления в причинении общественно опасного последствия (например, укрывательство основного преступления на стадии его приготовления или покушения, когда укрыватель не ставит об этом в известность субъекта основного преступления, действуя инкогнито).

Ввиду такой, как принято говорить, касательной связи, вторичное преступление, образующее прикосновенность, никак не обуславливает наступление общественно опасного последствия основно-

* См.: Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: посредственное исполнение, неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. N 2 (32). С. 31-38.

го преступления, поэтому не находится в причинно-следственной связи с преступным результатом основного преступления, совершенного другим лицом. Этим прикосновенность принципиально отличается от соучастия, при котором деяния всех соучастников причинно связаны с общим для них преступным результатом. Поэтому при прикосновенности к преступлению отсутствует такой объективный признак соучастия, как совместность участия лиц в преступлении. За прикосновенность к преступлению лицо несет самостоятельную уголовную ответственность независимо от ответственности лица, виновного в совершении основного преступления. Таким образом, прикосновенность к преступлению – это совершение лицом умышленного преступления в связи с преступлением, совершенным другим лицом, но при отсутствии с ним причинно-следственной связи.

В теории уголовного права обычно выделяют три формы прикосновенности к преступлению: заранее не обещанное укрывательство преступления, заранее не обещанное попустительство преступлению и недонесение о преступлении.

Заранее не обещанное укрывательство преступления может выражаться в сокрытии самого преступника (утаивание его в своем жилище, изменение его внешности, предоставление ему поддельного удостоверения личности и т.п.), сокрытии средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем (их уничтожение, маскировка, хранение, утаивание и т.д.). Данная форма прикосновенности направлена на то, чтобы затруднить раскрытие или расследование правоохранительными органами основного преступления, помочь преступнику избежать правосудия. Укрывательство считается заранее не обещанным, если лицо, укрывающее преступление, не обещало виновнику основного преступления до его совершения (на стадии приготовления) или во время его совершения (на стадии неоконченного покушения) совершить укрывательство его преступления. Соответственно, заранее обещанным считается укрывательство, которое было обещано укрывателем другому лицу до или во время совершения им преступления [1, с. 24]. Заранее обещанное укрывательство умышленного преступления,

в том числе совершение укрывательства в период приготовления к преступлению или в период неоконченного покушения на преступление, если главный виновник был об этом осведомлен, расценивается как соучастие в данном преступлении в виде пособничества. Напротив, уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство наступает при условии, если укрываемое преступление является особо тяжким (ст. 316 УК).

Согласно материалам уголовного дела, Лугин во время распития спиртных напитков рассказал Фафину о том, что его сосед халатно относится к сохранности чужого имущества и оставляет ткань гобелен в автобусе без охраны. Ночью Фафин совместно с Калашниковым и еще одним соучастником принесли в дом Лугина 8 отрезков гобелена. Затем при совместном распитии спиртного Лугин узнал о том, что гобелен ими похищен из автобуса, в который они проникли через окно. Фафин попросил Лугина спрятать ткань, пообещав через два дня забрать и заплатить за хранение деньги. Лугин согласился.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу об отсутствии сговора Лугина с Фафиным на хищение указанного имущества, которое к тому моменту, когда он согласился оставить на хранение ткань, уже было окончено, что исключает квалификацию действий Лугина как соучастие в краже в форме подстрекательства. Действия Лугина подлежат квалификации как заранее не обещанное укрывательство преступления [2, с. 4].

Разновидностями укрывательства преступления являются заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Уголовная ответственность за данные виды прикосновенности к преступлению предусмотрена ст. 175 и ст. 174 УК соответственно. Однако если совершенная легализация преступно приобретенного имущества была заранее обещана лицу, приобретшему это имущество в результате совершения основного преступления, то содеянное, помимо ст. 174 УК, квалифицируется как пособничество основному

преступлению. В диспозиции ст. 174 УК нет указания на то, что легализация должна быть заранее не обещанной. Поэтому легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, может выходить за рамки прикосновенности к преступлению, оставаясь исключительно вторичной преступной деятельностью, не исключающей соучастия [3, с. 45].

Заранее не обещанное попустительское преступлению в теории уголовного права обычно определяется как непринятие мер по предотвращению готовящегося, пресечению совершаемого или изобличению совершенного преступления. Пленум Верховного Суда РФ так разъяснил понятие попустительства по службе в составе получения взятки: «К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения» [4, с. 4]. Особенность заранее не обещанного попустительства состоит в том, что его субъектом является лицо, на которое возложена юридическая обязанность по предотвращению или пресечению преступлений, изобличению преступника (сотрудники органов внутренних дел, должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, и т.п.).

Строго говоря, заранее не обещанное попустительское в виде непредотвращения готовящегося или непресечения совершаемого преступления не является прикосновенностью к преступлению. В таких случаях попустительское лица, обязанного воспрепятствовать преступной деятельности других лиц, создает благоприятные условия для беспрепятственного совершения преступления, тем самым обуславливая наступление общественно опасного последствия основного преступления. Следовательно, такое попустительское, пусть даже оно не было обещано заранее, фактически является содействием другому лицу в совершении им преступления и, таким образом, находится с данным преступлением в причинной связи. Другое дело – заранее не обещанное попустительское в виде непринятия мер по изобличению преступника и совершенного им преступ-

ления, которое может иметь место только после фактического окончания основного преступления и которое, тем самым, не находится в причинной связи с преступной деятельностью главного виновника. Этот вид попустительства, являющийся, по существу, разновидностью заранее не обещанного укрывательства преступления и выделяющийся из него исключительно по признаку специального субъекта, соответствует понятию прикосновенности к преступлению.

Уголовная ответственность за прикосновенность в виде заранее не обещанного попустительства преступлению наступает по статьям УК, предусматривающим составы так называемых служебных преступлений (ст.ст. 201, 285, 286.1), либо по ст. 316 УК за заранее не обещанное укрывательство преступления. Заранее обещанное попустительское преступлению должно расцениваться как пособничество его совершению.

Недонесение о преступлении состоит в несообщении лицом правоохранительным органам о достоверно известном ему готовящемся или совершенном преступлении. В УК не предусмотрена ответственность за недонесение о преступлении в любой его форме (недонесение о готовящемся преступлении и недонесение о совершенном преступлении, заранее обещанное и заранее не обещанное недонесение). Российское законодательство не возлагает на обычных граждан обязанности сообщать в соответствующие государственные органы о ставших им известными готовящихся и совершенных преступлениях. Такая обязанность возлагается на отдельные категории лиц, например, на должностных лиц. В этом случае недонесение о преступлении расценивается как попустительское преступлению.

Участие в преступлении при отсутствии совместности умысла. Характерной особенностью данной формы совместной преступной деятельности является то, что преступный результат умышленного преступления объективно (а иногда и субъективно) достигается совместными усилиями нескольких лиц, однако осознает данное обстоятельство только один из участников содеянного. Другие участвующие в преступлении лица не осведомлены о том, что в совершении данного преступления

фактически задействованы несколько лиц, и полагают, что совершают умышленное преступление в одиночку либо вообще не осознают своей причастности к умышленному преступлению, совершаемому другим лицом. Здесь отсутствует требуемая для соучастия двусторонняя субъективная связь участников преступления (взаимная осведомленность между ними), именуемая в теории и практике уголовного права совместностью умысла соучастников. Напротив, такая связь носит односторонний характер, поскольку осознание совместности преступной деятельности имеется на стороне только одного участника преступления.

В зависимости от того, кто из участников преступления (непосредственный исполнитель или другие объективно содействующие ему лица) осведомлен о факте причастности к преступлению нескольких лиц, можно выделить две ситуации, когда имеет место совместное участие в преступлении лиц при отсутствии между ними взаимной осведомленности.

В первой ситуации, если осведомленность о факте причастности к преступлению других лиц имеется только у исполнителя преступления, тогда как другие объективно содействующие исполнителю лица не осознают своей причастности к совершению умышленного преступления, ответственность за данное преступление несет исключительно исполнитель преступления. Причем содеянное им не может квалифицироваться как преступление, совершенное в соучастии. Лица, которые объективно способствовали совершению умышленного преступления, но не осознавали данного обстоятельства, либо вообще не несут никакой уголовной ответственности, либо привлекаются к ответственности за другое преступление, которое может иметь место в их поведении. Например, продавец оружейного магазина, продавший в установленном порядке огнестрельное оружие охотнику, задумавшему совершение убийства, о чем продавец не знал, не может нести уголовную ответственность. Если при тех же обстоятельствах огнестрельное оружие было продано в нарушение установленного порядка, продавец может нести уголовную ответственность за незаконный сбыт оружия (ст. 222 УК), а ответственность за пособничество убийс-

тву ввиду отсутствия умысла исключается. Напротив, лицо, допустившее небрежное хранение огнестрельного оружия, чем воспользовалось другое лицо, совершившее с помощью этого оружия убийство, будет нести уголовную ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия по ст. 224 УК, ответственность за пособничество убийству здесь также исключена.

Иная ситуация имеет место, когда лица, оказывающие содействие исполнителю преступления, осознают данное обстоятельство и, таким образом, понимают свою причастность к совершению умышленного преступления, однако сам исполнитель об этом не догадывается, полагая, что совершает преступление в одиночку. Таковы, например, упомянутые выше случаи заранее не обещанного попустительства преступлению в виде непредотвращения готовящегося или непресечения совершаемого преступления, когда исполнитель либо вообще не осведомлен о том, что ему помогает тайный покровитель, либо полагает, что последний действует не умышленно, а по неосторожности. Например, охранник, наблюдающий при помощи средств видеонаблюдения факт проникновения вора на охраняемый объект, умышленно не принимает никаких мер к пресечению хищения, о чем не знает вор, считающий, что его никто не видит. В подобных ситуациях исполнитель несет уголовную ответственность за индивидуально совершенное им преступление без признаков соучастия. Что касается лиц, умышленно содействовавших исполнителю преступления тайно для последнего, то, несмотря на то, что объективно и субъективно такие лица способствовали совершению преступления исполнителем, они не могут признаваться соучастниками данного преступления. Соучастниками эти лица могут считаться при условии, если исполнитель преступления будет осведомлен об умышленном содействии с их стороны (если, допустим, в приведенном выше примере вор договорится с охранником о попустительстве со стороны последнего, бездействие охранника следует квалифицировать как пособничество хищению в виде устранения препятствий для его совершения).

Уголовная ответственность субъектов, которые фактически действовали в тени как «организаторы», «подстрекате-

ли» или «пособники», объективная помощь которых не воспринимается исполнителем преступления как умышленное содействие его совершению, возможна, если в их действиях (бездействии) фактически имеются признаки самостоятельного

состава преступления, например, злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК) или злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК), оставления в опасности (ст. 125 УК), укрывательства преступлений (ст. 316 УК) и др.

Список литературы

1. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. 599 с.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. N 10.
3. Лапунин М.М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации. М., 2006. 240 с.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 9.

References

1. *Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federatsii) po ugovnym delam* [Collection of Plenum of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR (Russian Federation) on criminal cases]. Moscow, 1995. 599 p.
2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court]. 1995, no. 10.
3. Lapunin M.M. *Vtorichnaya prestupnaya deyatel'nost': ponyatie, vidy, problemy kvalifikatsii, kriminalizatsii i penalizatsii* [Secondary criminal activity: concept, types, problems of qualification, criminalization and penalization]. Moscow, 2006. 240 p.
4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court]. 2013, no. 9.

<p>МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75</p>	<p>MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honoured lawyer of the Russian Federation, vik-mor@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
<p>ЦЫГАНКОВ С.Л., klop561@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75</p>	<p>TSYGANKOV S.L., klop561@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>

ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ФИКТИВНОГО БАНКРОТСТВА

Реферат. Исследуется законодательство, регулирующее процедуру банкротства, а также уголовная ответственность, предусмотренная ст. 197 УК РФ. Показаны редкие примеры судебной практики, когда предприниматели пытались ложно объявить себя банкротами. Отмечается высокий динамизм законодательства, регулирующего институт банкротства в Российской Федерации. Установление банкротства физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, расширило круг субъектов уголовной ответственности за противоправные действия при банкротстве. Дана оценка влияния последних изменений и дополнений законодательства на условиях привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства. На основе проведенного исследования авторами предлагаются варианты квалификации действий лиц, виновных в совершении фиктивного банкротства. Во-первых, в силу того, что объявление себя банкротом не может повлечь причинения какого-либо ущерба кредиторам по причине особенности процедуры банкротства, содеянное следует квалифицировать как покушение на фиктивное банкротство со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ. Во-вторых, если виновный занимается фальсификацией доказательств своего мнимого банкротства, то его действия требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ. В завершение авторы приходят к выводам о том, что: 1) норма, содержащаяся в ст. 197 УК РФ, не соответствует установленной процедуре признания хозяйствующего субъекта банкротом; 2) предусмотренная действующим законодательством о банкротстве процедура практически исключает возможность совершить данное деяние; 3) наиболее оптимальным решением является исключение названной статьи из Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: преступления в сфере банкротства, практика применения уголовного законодательства, совершенствование уголовного законодательства.

THE GENESIS AND CHARACTERISTICS OF CLASSIFYING FICTITIOUS BANKRUPTCY

Abstract. The legislation regulating bankruptcy procedure and criminal liability under Art. 197 of the RF Criminal Code are analyzed. Rare examples of judicial practice in cases when entrepreneurs tried to falsely declare themselves bankrupt are given. A high dynamism of the legislation regulating the institution of bankruptcy in Russia is noted. Declaring bankruptcy of a physical person not being an individual entrepreneur expanded the range of subjects of criminal liability for illegal activities in bankruptcy. The impact of the recent changes and amendments to the legislation on terms of bringing to criminal liability for bankruptcy crimes is estimated. Basing on the results of the research, the authors propose

the ways of classifying the actions of persons guilty of committing fictitious bankruptcy. Firstly, due to the fact that declaring bankruptcy itself may not entail causing any damage to creditors due to the bankruptcy procedure peculiarities, the action should be classified as attempted fictitious bankruptcy with reference to part 3 of Art. 30 of the RF Criminal Code. Secondly, if the offender is engaged in falsification of evidence of his alleged bankruptcy, his actions require additional qualification under part 1 of Art. 303 of the RF Criminal Code. Finally, the authors conclude that: the rule contained in Art. 197 of the RF Criminal Code doesn't meet the established procedure of recognizing business entity a bankrupt; the procedure provided by current legislation on bankruptcy virtually eliminates a possibility to commit such an act; the best solution is to exclude the mentioned article from the RF Criminal Code.

Keywords: bankruptcy crimes, practice of criminal legislation application, improving criminal legislation.

Нормативные правовые акты, регулирующие институт банкротства в гражданском праве Российской Федерации, являются довольно динамичными (вообще отечественное право изменяется настолько динамично, что можно говорить о его неустойчивости).

Достаточно сказать, что только в декабре 2014 года было принято четыре федеральных закона, вносящих изменения в ключевой для данного института Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». При этом наиболее значимые, на наш взгляд, нормы содержит Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 476-ФЗ, который ввел процедуру банкротства физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, что, безусловно, повлекло важнейшие изменения и в уголовном законодательстве, регулирующем уголовную ответственность за противоправные действия при банкротстве, расширив круг субъектов рассматриваемых преступлений.

В настоящее время к числу субъектов рассматриваемого состава преступления следует отнести:

1) руководителя предприятия-должника либо его собственника, который имеет право давать обязательные для должника (его руководителей) указания или имеет возможность иным образом руководить их действиями;

2) индивидуальных предпринимателей;

3) главных бухгалтеров предприятия-должника, совершивших действия, которые могут быть охарактеризованы как сокрытие бухгалтерской информации об имуществе, его размерах, местонахождении, сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность должника;

4) временных управляющих предприятия-должника, которые на этапе наблюдения имеют возможность реально влиять на экономическую политику руководства предприятия, но вместе с тем могут вступить в преступный сговор с руководством и работниками бухгалтерии предприятия-должника;

5) внешних управляющих, которые на этапе внешнего управления являются фактическими руководителями предприятия-должника;

6) конкурсных управляющих, возглавляющих ликвидационную комиссию на этапе конкурсного производства;

7) заместителей внешних или конкурсных управляющих;

8) конкурсных кредиторов, принимающих удовлетворение своих имущественных требований в ущерб другим кредиторам, зная об отданном им предпочтение несостоятельным должником;

9) последнюю на сегодняшний день категорию несостоятельных должников – граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Одной из проблем уголовного законодательства, регулирующего уголовную ответственность за преступления в сфере банкротства, является ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство», наличие которой, на наш взгляд, снижает эффективность применения норм, предусматривающих уголовную ответственность за данные преступления.

Статья 197 УК РФ практически не изменилась с момента введения в действие Уголовного кодекса РФ. Впервые с 1996 г. изменения в нее были внесены Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ, когда изменилась санкция статьи, а также изменен порядок исчисления размеров наказания в виде штрафа.

Затем изменения в ст. 197 УК РФ были внесены в 2005 г. Федеральным законом

от 19 декабря 2005 г. N 161-ФЗ, когда из числа признаков преступления исключили указания на цели совершения преступления — введение в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов.

В третий раз изменения были внесены Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. N 476-ФЗ, который в связи с вышеуказанными изменениями в законодательстве расширил круг субъектов данного преступления за счет граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

Статья 197 УК РФ определяет фиктивное банкротство как ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Таким образом, в ст. 197 УК РФ содержится несколько схожих составов, различающихся только субъектами преступления. Содержание статьи носит бланкетный характер, отсылая к законодательству, регулиющему процедуру банкротства. Состав по конструкции материальный, так как предусматривает последствия в виде крупного ущерба.

Объективная сторона фиктивного банкротства складывается из следующих элементов:

1) действия, выражающиеся в ложном публичном объявлении руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, сделанном публично, о своей несостоятельности, при отсутствии признаков несостоятельности;

2) причинение крупного ущерба;

3) причинная связь между действиями виновного и наступившей неплатежеспособностью физических и юридических лиц.

Признак публичности характерен для преступлений, совершаемых, как правило, путем информационного воздействия. Данный признак содержится в тексте ст.ст. 128.1, 137, 205.2 УК РФ и ряде других.

Признак публичности в целом характеризуется обращением к публике, аудитории, т.е. неопределенному кругу лиц, с которыми виновный может быть и не знаком.

Таким образом, буквальное прочтение позволяет определить объективную сторону рассматриваемого преступления как сделанное субъектом преступления (руководителем предприятия или гражданином) заявление, обращенное к неопределенному кругу лиц, о невозможности удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей при имеющейся возможности выполнить все свои обязательства в полном объеме.

Уголовная ответственность за фиктивное банкротство может наступить только после такой официальной публикации.

Именно такая процедура банкротства дала основание А.В. Наумову утверждать, что деяние, предусмотренное ст. 197 УК РФ, может выражаться в форме обращения в арбитражный суд, объявления о банкротстве при условии письменного согласия всех кредиторов, опубликованного в «Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» [1].

Поскольку норма, содержащаяся в ст. 197 УК РФ, носит бланкетный характер, то в целях наиболее полного понимания объективной стороны данного состава преступления необходимо рассмотреть вопрос эволюции отечественного законодательства, регулиющего процедуру банкротства.

19 ноября 1992 г. был принят Закон Российской Федерации N 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (далее — Закон о банкротстве 1992 г.). Указанный закон устанавливал процедуру объявления о банкротстве самим должником — ст. 51 предусматривала добровольную процедуру ликвидации предприятия-должника под контролем кредиторов.

Разумеется, предоставляемая возможность урегулировать проблемы долга должника-банкрота без привлечения судебной процедуры создавала почву для злоупотреблений, что порождало необходимость противодействовать им правовыми средствами.

Во введении к Закону о банкротстве 1992 г. фиктивное банкротство определя-

лось как заведомо ложное объявление предприятием о своей несостоятельности с целью введения в заблуждение кредиторов для получения от них отсрочки и (или) рассрочки причитающихся кредиторам платежей или скидки с долгов, согласно статье 48 Закона о банкротстве за неправомерные действия была предусмотрена ответственность в соответствии с законодательными актами Российской Федерации, т.е. имелась отсылка к нормам иных актов, предусматривающих ответственность. Однако, к сожалению, у законодателя «дошли руки» до создания уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность, только в 1996 году, в ходе принятия нового Уголовного кодекса.

В УК 1996 г. наконец-то были включены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере банкротства. Его содержание во многом определялось Законом о банкротстве 1992 г. Однако вскоре после вступления в силу УК РФ произошли значительные изменения, создавшие существенные препятствия на пути его применения: был принят новый Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. N 6-ФЗ, вступивший в силу с 1 марта 1998 г. (далее — Закон о банкротстве 1998 г.), который изменил основания и условия добровольного объявления о банкротстве должника: добровольное объявление о банкротстве должника и его ликвидации может быть сделано на основании решения собственника имущества должника, уполномоченного в соответствии с учредительными документами должника на принятие решения о ликвидации, при условии получения письменного согласия всех кредиторов должника.

Кроме того, Закон о банкротстве 1998 г. стал определять фиктивное банкротство как заявление должника, поданное должником в арбитражный суд при наличии у должника возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме (ст. 10 Закона). Очевидно, что подобное понятие фиктивного банкротства уже вступило в противоречие с определением понятия фиктивного банкротства, данного в УК РФ и основанного на тексте прежнего Закона о банкротстве 1992 г.

В соответствии со статьей 2 ныне действующего Федерального закона от

26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон), несостоятельность (банкротство) — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. В соответствии со ст. 6 Закона производство по делу о банкротстве может быть возбуждено только арбитражным судом, а в соответствии с ч. 3 ст. 33 Закона дело о банкротстве не может быть передано в третейский суд. Форма заявления определяется ст. 37 Закона. Однако простого обращения в арбитражный суд недостаточно для признания должника банкротом. В статье 38 Закона оговаривается перечень документов, которые необходимо приложить к тексту заявления. К ним относятся документы, подтверждающие:

- наличие задолженности, а также неспособность должника удовлетворить требования кредиторов в полном объеме;

- основание возникновения задолженности;

- иные обстоятельства, на которых основывается заявление должника;

- учредительные документы должника — юридического лица, а также свидетельство о государственной регистрации юридического лица или документ о государственной регистрации индивидуально-предпринимателя;

- список кредиторов и должников заявителя с расшифровкой кредиторской и дебиторской задолженностей и указанием адресов кредиторов и должников заявителя;

- бухгалтерский баланс на последнюю отчетную дату или заменяющие его документы либо документы о составе и стоимости имущества должника-гражданина;

- решение собственника имущества должника — унитарного предприятия или учредителей (участников) должника, а также иного уполномоченного органа должника об обращении должника в арбитражный суд с заявлением должника при наличии такого решения;

- решение собственника имущества должника — унитарного предприятия или учредителей (участников) должника, а также иного уполномоченного органа должника об избрании (назначении)

представителя учредителей (участников) должника или представителя собственника имущества должника — унитарного предприятия;

— протокол собрания работников должника, на котором избран представитель работников должника для участия в арбитражном процессе по делу о банкротстве, если указанное собрание проведено до подачи заявления должника;

— отчет о стоимости имущества должника, подготовленный оценщиком, при наличии такого отчета.

Должник вправе подать в арбитражный суд заявление должника в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что он будет не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок.

Руководитель должника или индивидуальный предприниматель обязан обратиться с заявлением должника в арбитражный суд в случаях, если:

— удовлетворение требований одного или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения должником денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами;

— органом должника, уполномоченным в соответствии с его учредительными документами на принятие решения о ликвидации должника, принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением;

— органом, уполномоченным собственником имущества должника — унитарного предприятия, принято решение об обращении в арбитражный суд с заявлением должника;

— обращение взыскания на имущество должника существенно осложнит или сделает невозможной хозяйственную деятельность должника; должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Таким образом, Закон лишил должника права самостоятельно объявлять о своем банкротстве и требует от должника обращаться в арбитражный суд для признания его таковым.

Как видим, законодательство, регулирующее процедуру банкротства, существенно

изменилось в сторону формализации и жесткого контроля такого специфического органа государства, как арбитражный суд. Теперь для признания должника банкротом необходимо решение арбитражного суда. Простого обращения в суд с соответствующим заявлением совершенно недостаточно. Далее следует длительная процедура в суде. Столь сложная процедура нашла свое отражение и в числе оснований для отказа признать должника банкротом. Если в первоначальной редакции ст. 55 Закона о банкротстве к основаниям отказа признать должника банкротом относились отсутствие признаков банкротства, предусмотренных законом, установление фиктивного банкротства, иные предусмотренные Законом случаи, то в настоящий момент законодатель оставил только одно основание — отсутствие признаков банкротства.

Исходя из вышеперечисленного, можно сказать, что определение объективной стороны фиктивного банкротства, данное в ст. 197 УК РФ, совершенно не соответствует тому порядку банкротства, который в настоящее время предусмотрен законодательством Российской Федерации. Указанное обстоятельство следует учитывать при анализе публикаций авторов, посвященных вопросам уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства.

Некоторые авторы рассматривают объявление о банкротстве как обращение должника в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом [2, с. 122; 3, с. 169; 4].

Большинство же авторов справедливо, на наш взгляд, сходятся во мнении, что преступление, квалифицируемое по ст. 197 УК РФ, выражается в совершении процессуальных действий, предусмотренных законодательством о несостоятельности, а сообщение о своей несостоятельности, сделанное вне предусмотренной законом процедуры, не образует фиктивного банкротства, а может образовать состав иного преступления [5, с. 441; 6; 2, с. 133; 4; 7, с. 14].

Для такого объявления должник подает заявление в письменной форме в суд. В этом заявлении содержатся сведения, касающиеся кредиторов, расшифровка кредиторской и дебиторской задолженностей, бухгалтерский баланс и др. Если

эти данные не соответствуют реальному финансовому состоянию коммерческой организации или индивидуального предпринимателя, а свидетельствуют о якобы имеющейся несостоятельности должника, то подача указанного заявления образует состав фиктивного банкротства [8].

Очевидно, что такой обширный перечень документов создает серьезные препятствия для лица, желающего ложно объявить себя или возглавляемое им предприятие банкротом. Так, например, общество с ограниченной ответственностью «Шаимская нефтесервисная компания» обратилось в Арбитражный суд ХМАО – Югры с заявлением о признании его несостоятельным (банкротом) по упрощенной процедуре банкротства как ликвидируемого должника. В качестве обоснования заявитель сослался на факт нахождения в процедуре ликвидации с февраля 2008 г., а также на невозможность удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, поскольку размер задолженности превышает размер имеющегося у должника имущества.

В удовлетворении заявления Арбитражный суд ХМАО – Югры отказал исходя из следующего: кредиторская задолженность, которая не оспаривалась должником, составляла 39 999 078 руб. 18 коп., в том числе 22 615 480 руб. 99 коп. – задолженность перед ООО «Бурение-сервис» по договору займа N 2 от 21 августа 2007 г., из которых 18 750 342 руб. – основной долг, 3 865 138 руб. 99 коп. – проценты по займу.

Согласно пунктам 1.2, 2.4 указанного договора Шаимская нефтесервисная компания была обязана возвратить заем по истечении года с момента его получения, т.е. после 21 августа 2008 г. Следовательно, срок исполнения обязательства, на которое сослался заявитель, на момент заявления в суд и на момент судебного разбирательства не наступил. Кроме того, суд указал, что должник предъявил не все имущество, которое ему принадлежало, в частности, транспортные средства, которые использовались для оказания транспортных услуг*.

Из приведенного примера становится очевидно, что попытка хозяйствующе-

го субъекта объявить себя банкротом при наличии возможности вернуть кредиторам долги натолкнулась на препятствие в лице арбитражного суда.

Каковы могут быть действия недобросовестного должника, если он решит фиктивно объявить себя банкротом в рамках действующей процедуры, и как их можно квалифицировать с точки зрения уголовного закона?

Само по себе обращение в суд, как уже было показано выше, – всего лишь первый шаг на длинном пути к признанию должника банкротом. Для положительного решения суда его «проблемы» недобросовестный должник должен либо создать (увеличить) кредиторскую задолженность, либо предпринять меры по сокрытию (уменьшению) активов. В противном случае должник не сможет обратиться в суд с заявлением о банкротстве ввиду отсутствия оснований.

Создать указанные основания возможно исключительно путем фальсификации бухгалтерских, налоговых и иных документов, свидетельствующих о наличии у должника определенного количества активов и пассивов, т.е. совершения преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ.

В качестве примера можно привести выдержки из приговора, вынесенного по ст. 197 УК РФ в отношении Хачатурьяна В.Р., Хачатурьяна А.Р. Армавирским городским судом Краснодарского края в 2010 году.

Желая уклониться от удовлетворения требований кредиторов, в марте 2009 г. в городе Армавире директор ООО «ПКФ "Х"» Хачатурьян В.Р., заручившись поддержкой соучредителя Хачатурьяна А.Р. на оказание пособничества, решил фиктивно объявить общество банкротом.

Дословно процитируем приговор: «во исполнение преступного умысла Хачатурьян В.Р. был должен: перевести расчеты с контрагентами ООО "ПКФ "Х" на заранее подготовленное ООО "Х", передать указанной организации запасы товара, прекратить предоставление отчетов и допуск сотрудников банков для проверки запасов товара и проведения анализа рисков, скрыть документы бухгалтерского учета организации, составить и лично подписать фиктивные документы об отсутствии имущества для удовлетворения требований кредиторов и уполномоченного

* Определение по делу N А75-3967/2008 // Архив арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа.

органа, публично объявить о банкротстве организации.

Хачатурьян А.Р., в рамках оказания пособничества, должен был принять в ООО "Х" запасы товара ООО "ПКФ "Х", принять обязательства ООО "ПКФ "Х" перед покупателями и избранными поставщиками, получать от покупателей за ООО "ПКФ "Х" оплату товара, составить и лично подписать фиктивные документы об отсутствии имущества для удовлетворения требований кредиторов и уполномоченного органа.

Действуя по заранее разработанному плану, с марта 2009 года директор ООО «ПКФ "Х" Хачатурьян В.Р. прекратил предоставление банкам возможности для проверки по документам и фактического наличия товара, являющегося предметом залога. Он же, совместно с Хачатурьян А.Р. направил покупателям письма и договоры цессии, по которым ООО "П" (ООО "Х") принимало права требования и обязательства ООО "ПКФ "Х", что являлось основанием для перечисления покупателями денег на расчетный счет ООО "ТД "Х".

Продолжая действия, направленные на фиктивное банкротство организации, руководитель ООО "ПКФ "Х" Хачатурьян В.Р. составил фиктивную инвентаризационную опись товарно-материальных ценностей, в которой существенно занизил стоимость остатков товара на складе, которую также подписал соучредитель Хачатурьян А.Р.

Хачатурьян В.Р., при наличии возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме, составил, подписал и представил в Арбитражный суд Краснодарского края заявление о признании несостоятельным (банкротом) ООО "ПКФ "Х", в котором указал ложные, заведомо заниженные показатели остатков товарно-материальных ценностей, скрыл наличие расчетного счета в ОАО "С" и дебиторской задолженности. В нарушение п. 5 ст. 42 Федерального закона от 26 октября 2002 года N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" Хачатурьян В.Р. и Хачатурьян А.Р. умышленно не представили в суд документы бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, где было отражено, что активы организации существенно превышали ее обязательства^{*}. Обращаем внимание на

то, что в вину осужденным не вменялось преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ, хотя его признаки с очевидностью усматриваются в представленной фабуле.

Как видим, подсудимые стали совершать действия, составляющие объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, за исключением описания обстановки совершения преступления – наличия признаков банкротства.

Отсутствие упоминания о подобных действиях в тексте ст. 197 УК РФ может привести к возникновению ситуации, когда виновный, фактически совершивший только одно преступление, должен нести ответственность и по ст. 196, и по ст. 197 УК РФ (так называемая «сцепленная совокупность» [9, с. 122]).

В данной ситуации можно согласиться с И.Ю. Михалевым, который утверждал, что фиктивность применительно к банкротству можно воспринимать лишь как характеристику особенностей одного из способов сокрытия имущества и (или) имущественных прав, но не как признак, определяющий преступность объявления о несостоятельности. Без сокрытия имущества, составляющего суть традиционного понимания банкротства, «фиктивность» не может представлять общественной опасности [10, с. 131].

Далее рассмотрим ситуацию, когда виновный публикует тем или иным способом – в печати, сети Интернет и т.д. – сообщение о собственном банкротстве. Указанные сообщения юридически ничтожны. Опубликованное в СМИ и (или) обращенное к неопределенному кругу лиц заявление о несостоятельности должника – юридического лица или предпринимателя, совершенное без обращения в арбитражный суд, само по себе не влечет каких-либо правовых последствий (следовательно, не может повлечь причинение ущерба), а потому не является деянием, предусмотренным ст. 197 УК РФ.

Очевидно, что право на обращение в суд о несостоятельности хозяйствующего субъекта имеют не только должники, но и кредиторы.

Как следует квалифицировать действия виновного, если он своим систематическим поведением создал видимость банкротства или ложным заявлением (устным или письменным) вызвал обращение кредиторов в арбитражный суд?

^{*} Уголовное дело N 1-8765/ 2010 г. // Архив Армави́рского городского суда Краснодарского края.

Очевидно, что в этом случае его привлечение к уголовной ответственности невозможно, так как отсутствует признак публичности.

Какой вариант квалификации действий виновных в фиктивном банкротстве можно предложить?

Представляется, что определяющими для квалификации являются следующие факторы:

1. Исходя из того, что объявление себя банкротом не может повлечь причинение какого-либо ущерба кредиторам в силу особенности процедуры банкротства, содеянное следует квалифицировать как покушение на фиктивное банкротство со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

2. Для квалификации фиктивного банкротства как оконченного преступления требуется не только принятие судом решения о том, что должник является банкротом, но и причинение ущерба кредиторам в рамках реализации данного решения.

3. Если виновный занимается фальсификацией доказательств своего мнимого банкротства, то его действия требуют дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 303 УК РФ.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Норма, содержащаяся в ст. 197 УК РФ, не соответствует ныне действующей процедуре признания хозяйствующего субъекта банкротом и в целом ориентирована на утративший силу Закон о банкротстве 1992 г.

Предусмотренная действующим законодательством о банкротстве процедура практически исключает возможность совершить данное деяние.

Наиболее оптимальным решением, на наш взгляд, было бы исключение указанной статьи из Уголовного кодекса РФ.

Это подтверждается и материалами судебной практики: так, в ХМАО – Югре нами не выявлено ни одного приговора по данной статье.

Список литературы

1. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер, 2005. 1024 с.
2. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999.
3. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация. М., 1995.
4. Кузнецова О. Эффективно или фиктивно? // ЭЖ-Юрист. 2004. N 5.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 1998.
6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рапога. М.: Юрист, 2004.
7. Колб Б. Объективная сторона криминальных банкротств // Законность. 2001. N 1.
8. Карпович О.Г. Об ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство // Юрист. 2005. N 2.
9. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. М., 2009.
10. Михалев И.Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001.

References

1. Naumov A.V. *Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: kommentariy sudebnoy praktiki i doktrinal'noe tolkovanie* [The practice of the Criminal Code of the Russian Federation: Comment jurisprudence and doctrinal interpretation]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 1024 p.
2. Volzhenkin B.V. *Ekonomicheskie prestupleniya* [Economic crimes]. St. Petersburg, 1999.
3. Gaukhman L.D., Maksimov S.V. *Ugolovno-pravovaya okhrana finansovoy sfery: novye vidy prestupleniy i ikh kvalifikatsiya* [Criminal-law protection of the financial sector, new types of crimes and their qualifications]. Moscow, 1995.
4. Kuznetsova O. *Effektivno ili fiktivno?* [Effective or fictitious?]. *EZh-Yurist* – *EZh-lawyer*, 2004, no. 5.
5. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 1998.
6. *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. Special Part]. Moscow, Yurist" Publ., 2004.
7. Kolb B. *Obektivnaya storona kriminal'nykh bankrotstv* [The objective aspect of criminal bankruptcy]. *Zakonost'* – *Legality*, 2001, no. 1.
8. Karpovich O.G. *Ob otvetstvennosti za prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo* [On Liability for deliberate and fictitious bankruptcy]. *Yurist* – *Lawyer*, 2005, no. 2.
9. Lopashenko N.A. *Vvedenie v ugolovnoe pravo* [Introduction to Criminal Law]. Moscow, 2009.
10. Mikhalev I.Yu. *Kriminal'noe bankrotstvo* [Criminal bankruptcy]. St. Petersburg, 2001.

Раздел 4. Криминологическая наука

МАЙОРОВ А.В., кандидат юридических наук, доцент, AB_Majorov@mail.ru Кафедра государственных и гражданско-правовых дисциплин; Южно-Уральский государственный университет, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, 76	MAYOROV A.V., Candidate of Legal Sciences, associate Professor, AB_Majorov@mail.ru Chair of state and civil law disciplines, South Ural State University, Lenin Avenue 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
---	---

О КОНЦЕПЦИИ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат. Виктимологическое противодействие преступности исследуется как приоритетное направление в сфере борьбы с преступностью. Отмечается, что отсутствие четко сформулированной государственной политики виктимологического воздействия на преступность приводит к трудностям в практике применения мер виктимологического характера. Предлагается концептуальный подход к рассмотрению существующей системы воздействия на преступность, а также отмечается, что в целом меры виктимологического воздействия на преступность образуют «систему виктимологического противодействия преступности». Субъекты виктимологического противодействия дифференцированы на общие, специальные и физических лиц. Меры виктимологического противодействия включают социально-экономические меры; организационно-управленческие меры; идеологические и воспитательные меры; технические меры; правовые меры; профилактические меры; научные меры. Названы принципы функционирования системы виктимологического противодействия: законность; защита и соблюдение прав и свобод человека и гражданина; гласность; социальная справедливость и гуманизм; научная обоснованность; системность и комплексность организационных, правовых, социально-экономических, информационных и иных мер воздействия; своевременность и достаточность мер воздействия. Виктимологическое противодействие преступности рассматривается как элемент системы социального контроля над преступностью и может пониматься в широком и узком (специально-криминологическом) смысле как относительно самостоятельная система, функционирующая во взаимодействии с другими элементами системы общесоциальной профилактики и специально-криминологического предупреждения преступлений. Виктимологическое противодействие преступности определено автором как самостоятельный вид противодействия преступности, состоящий из комплекса государственных и общественных мер, ориентированных на обеспечение безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства, путем реализации виктимологической профилактики, осуществляемой в рамках виктимологического предупреждения преступлений, и поддерживающих политику социального контроля над преступностью.

Ключевые слова: воздействие на преступность; виктимность; виктимизация; виктимологическое противодействие преступности; предупреждение, профилактика, борьба с преступностью; концепция противодействия преступности.

ON THE CONCEPT OF VICTIMOLOGICAL COMBATING CRIME

Abstract. Victimological combating crime is analyzed as a priority in the field of fighting crime. It's noted that the lack of clear state policy concerning victimological impact on crime leads to difficulties when applying measures of victimological nature. The conceptual approach to the consideration of existing system of impact on crime is proposed. It's noted that in general the measures of victimological impact on crime form a "system of victimological combating crime". The subjects of victimological counteraction are differentiated into general, special and individuals. The measures of victimological counteraction include social, economic, organizational, management, ideological, educational, technical, legal, preventive, scientific measures. The principles of the victimological counteraction system's operating are named: legality; protection and observance of the rights and freedoms of man and citizen; publicity; social justice and humanism; scientific validity; systematic, comprehensive, timely and adequate use of organizational, legal, social, economic, information and other measures. Victimological combating crime is considered as an element of the system of social control over crime and can be understood in broad and narrow (criminological) sense as relatively independent system operating in conjunction with other elements of the system of social and criminological crime prevention. Victimological combating crime is defined by the author as a separate type of combating crime consisting of a complex of state and

social measures aimed at ensuring the security of the interests of citizens, society and state, protected by law through implementing victimological preventive measures carried out within the framework of victimological prevention of crimes and supporting a policy of social control over crime.

Keywords: impact on crime, victimhood, victimization, victimological combating crime, prevention, fight against crime, concept of combating crime.

Противодействие преступности закреплено в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» как одна из первостепенных задач полиции (ст. 1). Снижение уровня криминальной активности лиц, склонных к совершению противоправных деяний, всегда находится в центре внимания правоохранительных органов. Однако на сегодняшний день все более очевидным становится то, что развитие виктимологического потенциала предупредительного воздействия имеет ряд преимуществ, таких как совершенствование профилактики преступности; более точное определение размеров латентной преступности; расширение возможностей государства в организации предупредительного воздействия на преступность благодаря использованию материальных и иных ресурсов самих жертв и др. [1]. К таким мерам, как правило, относят виктимологическую профилактику (либо виктимологическое предупреждение) преступлений. Разрабатывая данное направление предупредительной деятельности, исследователи придерживались существующей трактовки понятий «профилактика» и «предупреждение», зачастую не разделяя их как самостоятельные виды деятельности. Так, во многих научных и учебных изданиях можно встретить употребление данных терминов относительно виктимологического направления воздействия на преступность в качестве синонимов, что вполне объяснимо с учетом существующих теоретико-правовых подходов к проблеме. Одни авторы предлагают использовать в арсенале правоохранительных органов «виктимологическую профилактику» [2; 3; 4], для других предпочтительнее «виктимологическое предупреждение» [5; 6] преступлений.

Акцентируя внимание на предлагаемой концепции виктимологического противодействия преступности, следует отметить, что отечественными криминологами были предприняты попытки построения системы виктимологического воздействия на преступность. Одними из первых такую модель разработали Д.В. Ривман и В.С. Ус-

тинов, с точки зрения которых виктимологическое направление представляет собой составную часть общей системы предупредительного воздействия на преступность. При этом под предупредительным воздействием на преступность указанные авторы предлагают понимать «...совокупность мер предупреждения, направленных на виктимное поведение, связанных с устранением, нейтрализацией или уменьшением факторов, обуславливающих или способствующих виктимности» [4, с. 168]. Научный интерес вызывает предложенная указанными авторами система виктимологического воздействия на преступность, которая, по их мнению, должна включать: общесоциальное виктимологическое предупреждение и целенаправленную (специальную) виктимологическую профилактику, состоящую, в свою очередь, из общей виктимологической профилактики, индивидуальной виктимологической профилактики, предотвращения конкретных преступлений с использованием защитительных ресурсов жертв и виктимологического воздействия при расследовании и рассмотрении уголовных дел в суде. Следовательно, виктимологическое воздействие на преступность, по мнению указанных авторов, должно включать в себя два направления: профилактику и предупреждение. Можно сделать вывод о том, что данные авторы, позицию которых мы полностью поддерживаем, разделяют эти понятия и, соответственно, меры, осуществляемые в рамках профилактики и предупреждения преступности. Рассмотренная позиция позволяет развить мысль о концепции виктимологического противодействия преступности как самостоятельного направления в сфере борьбы с преступностью и указать на перспективность ее применения.

Анализ многочисленных виктимологических исследований показал, что в последнее время особое внимание уделяется теориям «виктимологической профилактики» и «виктимологического предупреждения», обоснованным и активно разрабатываемым такими известными учеными, как Т.П. Будякова, К.В. Вишневецкий,

Т.В. Варчук, А.А. Гаджиева, А.А. Глухова, В.И. Задорожный, В.Е. Квашиш, В.С. Минская, А.Л. Ситковский, В.И. Полубинский, Д.В. Ривман, и др. Таким образом, на сегодняшний день предпринимались попытки разработки отдельных теоретических моделей виктимологического воздействия на преступность; обоснована необходимость осуществления виктимологического предупреждения преступности; представлена система мер виктимологической профилактики преступлений и т.д. Вместе с тем отсутствие их законодательного закрепления и четко сформулированной государственной политики виктимологического воздействия на преступность приводит к трудностям в практике применения указанных мер виктимологического характера и отсутствию разделения функций субъектов виктимологического воздействия на преступность.

Отметим, что виктимологическая профилактика преступности призвана оказывать соответствующее воздействие на причины и условия, способствующие повышению уровня виктимности населения, чтобы воспрепятствовать их возникновению, а виктимологическое предупреждение преступности — пресечь или нейтрализовать криминогенное воздействие тех из них, которые оказывают непосредственное влияние на процесс виктимизации. Принимая во внимание вышеизложенное, можно отметить, что в совокупности современных теоретических идей, взглядов и концепций прослеживаются элементы некой модели, которую предлагаем определить как виктимологическое противодействие преступности. В целях обоснования высказанной позиции предлагаем рассмотреть виктимологическое противодействие в виде взаимосвязанных и взаимодействующих блоков, образующих единую систему воздействия на преступность:

1) цель и задачи виктимологического противодействия;

2) объекты позитивного воздействия и система субъектов;

3) меры противодействия, включающие общие и индивидуальные виды профилактического воздействия, специальное (непосредственное) предупреждение, а также меры социальной помощи и защиты;

4) механизм реализации виктимологического противодействия, включающего

различные виды деятельности субъектов, с учетом их компетенций, осуществляемого по следующим направлениям: совершенствование виктимологической политики; правовое регулирование в области обеспечения виктимной безопасности [7], защиты жертв преступлений и обеспечение компенсации причиненного вреда; повышение эффективности взаимодействия субъектов системы виктимологического противодействия; создание, обеспечение и реализация необходимых условий для охраны жизни, здоровья и имущества физических лиц, защиты их прав, свобод и законных интересов, прав и законных интересов юридических лиц, интересов общества и государства; выявление причин, порождающих повышение уровня виктимизации населения, и условий, ему способствующих, разработка и осуществление мероприятий, направленных на их устранение или нейтрализацию; принятие мер по повышению уровня защищенности и обеспечения безопасности граждан; принятие иных мер в области функционирования системы виктимологического противодействия, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Полагаем, что виктимологическое противодействие преступности необходимо в целях: оказания максимального профилактического и предупредительного воздействия на криминогенные процессы, способствующие повышению уровня виктимности и развития виктимизации; устранения угроз правам, свободам и законным интересам граждан, возникающих в связи с реальной возможностью совершения в отношении них преступлений; повышения и активизации индивидуальных защитных свойств различных категорий граждан от преступлений; оказания социально-правовой помощи гражданам, ставшим жертвами преступных посягательств. Таким образом, целью виктимологического противодействия преступности является обеспечение такого состояния защищенности личности и общества от создающих опасность угроз, при котором соответствующий уровень виктимности не оказывает существенного влияния на их жизненно важные интересы и способствует устранению процесса виктимизации.

В свою очередь, достижение указанных целей виктимологического противо-

действия предполагает решение следующих задач: выявление причин и условий (факторов) виктимизации, их анализ и обобщение; разработка и реализация мер, направленных на устранение либо нейтрализацию виктимогенных факторов; реализация законодательных положений по защите прав и обеспечению безопасности жертв преступлений; создание новых государственных и негосударственных структур, работа которых направлена на поддержку и защиту жертв преступлений; выявление лиц, обладающих определенной виктимностью, и воздействие на них с целью снижения риска стать жертвами преступлений; воспитание у граждан правового сознания и правовой культуры; обеспечение активного участия юридических лиц, общественных объединений и граждан в процессе противодействия преступности и государственная поддержка их участия.

К объектам виктимологического противодействия целесообразно отнести объекты, выделяемые в рамках виктимологической профилактики и виктимологического предупреждения:

1) виктимность и ее виды. Виктимность так же, как и производимая ею преступность, обладает специфическими признаками (социальной обусловленностью, массовостью, системностью, причинением отрицательных последствий) и характеризуется количественными (состояние, уровень, динамика) и количественно-качественными (структура, территориальное распределение) показателями [3, с. 137];

2) виктимогенные факторы и ситуации, формирующие виктимное поведение и обуславливающие совершение преступлений в отношении конкретных лиц;

3) виктимогенные группы населения [2, с. 144] (общий уровень);

4) конкретных лиц, являющихся потенциальными жертвами преступлений вследствие своего социального положения, психофизического состояния, индивидуального поведения либо образа жизни (индивидуальный уровень).

Следует согласиться с мнением Т.В. Варчук о том, что с учетом многоуровневости объекта виктимологического предупреждения правоохранительные органы не в состоянии воздействовать на все его аспекты, тем более устранить их

собственными силами. Здесь необходим комплексный подход различных органов государственной власти и общественного самоуправления, а также специализированных общественных организаций и объединений [2, с. 144].

Таким образом, систему субъектов виктимологического противодействия преступлениям предлагаем рассматривать на трех уровнях, в зависимости от выполняемых ими функций, – общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном, которые, в свою очередь, с учетом их компетенций и традиционного подхода, подразделяются на общие, специальные и индивидуальные.

В качестве субъектов противодействия преступности на первом, общесоциальном уровне выступают государство и его органы власти и управления, а также организации, общественные объединения, юридические лица, участвующие в системе профилактики правонарушений. Государственные органы выполняют в рамках своей компетенции возложенные на них функции социального управления путем разработки, принятия и реализации законов, постановлений правительства, указов Президента, других нормативных актов, регламентирующих общественные отношения в тех или иных сферах жизнедеятельности общества и государства. Предупредительная роль подобных мер реализуется одновременно с разрешением крупномасштабных социальных задач, которые носят общегосударственный характер и оказывают влияние на жизнь большого числа граждан, представляя собой единую систему социально-экономических, политических, правовых, организационных и иных мер, предпринимаемых обществом и государством в различных социальных сферах, которые сами по себе специально не направлены на предотвращение преступности.

Организации и общественные объединения, участвующие в системе виктимологического противодействия, по согласованному с органами государственной власти и органами местного самоуправления направлению профилактической работы либо по собственной инициативе в пределах и формах, определяемых законодательством в сфере профилактики правонарушений в соответствии с компе-

тенцией и уставными задачами выявляют процессы, явления, обстоятельства и ситуации, способствующие совершению преступлений; лиц, способных стать жертвами преступлений, в силу присущих им субъективных качеств или объективных свойств; информируют об этом орган, учреждение, организацию, в компетенцию которых входит устранение (минимизация, нейтрализация) криминогенного влияния указанных факторов и обеспечение необходимого уровня защищенности граждан; оказывают правовую и иную поддержку жертвам преступлений, предусмотренную законодательством Российской Федерации; оказывают помощь в обеспечении сохранения их жизни, здоровья и собственности.

К субъектам специально-криминологического уровня системы виктимологического противодействия относятся государственные органы, для которых предупреждение преступности и ее искоренение являются главной функциональной задачей (суды, прокуратура, органы внутренних дел). Виктимологическое противодействие на специально-криминологическом уровне, в отличие от общесоциального, охватывает мероприятия, непосредственно направленные на устранение причин и условий, связанных с совершением конкретных преступлений, отличаясь своим специальным предназначением и направленностью на конкретный объект воздействия.

Субъектами индивидуального уровня системы виктимологического проти-

водействия необходимо признать самих граждан (физических лиц), ведущих правопослушный образ жизни, использующих системы и формы самозащиты, активно участвующих в обеспечении своей (своих близких) безопасности самостоятельно или совместно с другими гражданами в соответствии с федеральными законами; граждан, участвующих в системе профилактики правонарушений в пределах и формах, определяемых законодательством в сфере профилактики правонарушений и преступлений; лиц, способных выявить процессы, явления, обстоятельства и ситуации, способствующие совершению преступлений, принять законные меры и сообщить об этом в орган, учреждение, организацию, в компетенцию которых входит устранение криминогенных и виктимогенных факторов.

Деятельность субъектов виктимологического противодействия на общесоциальном и специально-криминологическом уровнях осуществляется в различных масштабах: общегосударственном, в рамках конкретного региона, предприятия, учреждения, общественной группы, определенного контингента лиц и т.д. На индивидуальном уровне эта деятельность носит личностный характер и зависит от субъективных качеств и объективных свойств человека (пол, возраст, образование, социальное и семейное положение, психофизические данные, материальное положение и т.д.).

Рис. 1. Система виктимологического противодействия

Субъектов, решающих задачи по виктимологическому противодействию преступности, с учетом их компетенции (прав и обязанностей) можно разделить на три вида:

1. Общие: коммерческие и некоммерческие организации с различной формой собственности, предприятия и учреждения; политические партии и массовые общественные организации, действующие на основе уставов и положений, имеющие

вертикальную и горизонтальную структуру на различных уровнях, вплоть до микрорайонов; объединения и молодежные формирования; профсоюзы; кооперативные объединения; учреждения физической культуры и спорта, туризма и культуры; частные детективные и охранные службы; средства массовой информации; различные ассоциации и сообщества; благотворительные и религиозные организа-

ции; общественные организации и формирования, создаваемые на добровольной основе; общественность, участвующая в деятельности государственных, представительных и правоохранительных органов (внештатные сотрудники и общественные помощники), органов местного самоуправления и территориальных общин (органов территориального общественного самоуправления и т.п.).

2. Специальные, действующие в пределах своей компетенции государственные органы и органы местного самоуправления: исполнительные органы государственной власти и органы самоуправления; органы местного самоуправления; правоохранительные органы (суд, органы внутренних

дел, прокуратура), адвокатура и нотариат; органы образования, здравоохранения, социальной защиты и занятости населения; юридические службы предприятий, учреждений.

3. Гражданин (физическое лицо), ставший заложником виктимогенной ситуации и являющийся потенциальной жертвой в силу своих субъективных качеств и объективных свойств; активно использующий различные формы противодействия преступности (от активной самообороны до предусмотрительности и осторожности в ежедневной деятельности), в целях снижения уровня своей (своих близких) виктимности и повышения уровня защищенности, а также обеспечения необходимой безопасности.

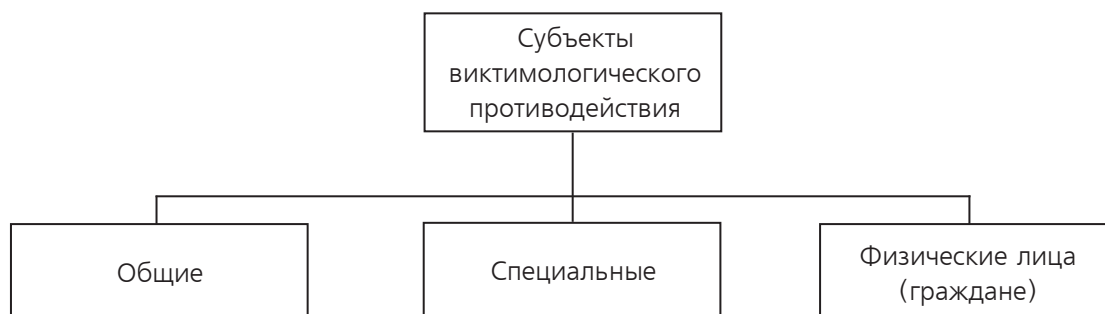

Рис. 2. Система субъектов виктимологического противодействия

Функционирование системы виктимологического противодействия должно осуществляться на принципах:

- 1) законности;
- 2) защиты и соблюдения прав и свобод человека и гражданина;
- 3) гласности;
- 4) социальной справедливости и гуманизма;
- 5) научной обоснованности;
- 6) системности и комплексности организационных, правовых, социально-экономических, информационных и иных мер воздействия;
- 7) своевременности и достаточности мер воздействия;

Меры виктимологического противодействия реализуются путем применения субъектами с учетом их компетенций:

- 1) социально-экономических мер по оздоровлению экономики в целом и социальной защите наиболее уязвимых слоев населения;
- 2) организационно-управленческих мер, направленных на устранение ошибок и упущений в управлении экономикой,

социальной сферой, правоохранительной деятельностью, в том числе объявление руководителю организации, а также другим соответствующим лицам обязательных для исполнения официальных предостережений о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, а также мер по совершенствованию нормативного, информационного, методического и ресурсного обеспечения виктимологического воздействия на преступность;

3) идеологических и воспитательных мер, устраняющих или ограничивающих криминогенные факторы через формирование у членов общества нравственной позиции, ориентированной на базовые общечеловеческие ценности, формирующих в общественном сознании нетерпимость к противоправному поведению и антиобщественным действиям, повышающих общую, бытовую и правовую культуру людей;

4) технических мер посредством использования достижений науки и техники, препятствующих совершению преступлений, в том числе с помощью аппаратно-про-

граммных комплексов технических средств контроля за состоянием правопорядка и безопасности на улицах, объектах транспорта, в других общественных местах;

5) правовых мер, включая разработку проектов нормативных правовых актов, в целях повышения эффективности виктимологического потенциала в сфере противодействия преступности, совершенствования действующего законодательства по защите жертв преступлений и обеспечения компенсации причиненного ущерба;

6) профилактических мер, реализуемых на общем, индивидуальном и специально-криминологическом уровнях, которые включают:

– выявление виктимогенных ситуаций и лиц с повышенной виктимностью, принятие мер по их устранению;

– информирование населения о криминогенных и виктимогенных ситуациях и о поведении граждан, обеспечивающее их защиту от преступных посягательств;

– разъяснение категориям лиц, обладающим повышенной виктимностью, о направленности их поведения;

– выявление потенциальных жертв преступлений;

– информирование лиц о возможном совершении в отношении них преступлений, оказание помощи по обеспечению их защищенности;

– оказание помощи лицам с повышенной виктимностью с целью активизации их внутренних защитных возможностей, а также обеспечение их личной, имущественной и иной безопасности;

– обеспечение личной безопасности лиц, общественная и профессиональная деятельность которых обуславливает их повышенную виктимность;

7) научных мер, обуславливающих проведение правовых, криминологических, социологических, психологических, экономических и иных исследований с целью:

– изучения статистических материалов, характеризующих виктимность, ее виды, а также жертв преступлений, их типологию;

– выявления особенностей и тенденций виктимности, выбора средств преодоления виктимогенных факторов и ситуаций;

– изучения и обобщения сведений, содержащихся в различных источниках

правоохранительных и других органов и учреждений, материалах средств массовой информации, интернет-ресурсов, заявлениях и сообщениях граждан;

– выявления, обобщения и внедрения в практику новых форм и методов профилактической и предупредительной деятельности виктимологической направленности;

– выявления новых групп риска с повышенной виктимностью и воздействия на них в целях активизации их защитных свойств и девиктимизации.

Представляется, что виктимологическое противодействие преступности должно стать элементом системы социального контроля над преступностью, при этом может рассматриваться в широком и узком (специально-криминологическом) аспектах как относительно самостоятельная система, функционирующая во взаимодействии с другими элементами системы общесоциальной профилактики и специально-криминологического предупреждения преступлений.

Предлагаем под виктимологическим противодействием преступности понимать самостоятельный вид противодействия преступности, состоящий из комплекса государственных и общественных мер, ориентированных на обеспечение безопасности охраняемых законом интересов граждан, общества и государства, путем реализации виктимологической профилактики, осуществляемой в рамках виктимологического предупреждения преступлений, и поддерживающих политику социального контроля над преступностью.

Предлагаемая система виктимологического противодействия преступности выглядит как теоретическая модель, реализация которой возможна при поддержке идеологии виктимологического воздействия на преступность в рамках государственной виктимологической политики, принятии необходимых законов о виктимологической защите жертв преступлений, наделении субъектов соответствующими полномочиями. В качестве результата внедрения данной модели в практику можно ожидать повышения эффективности мер виктимологической профилактики и предупреждения преступлений и, как следствие, снижения уровня виктимности и устранения про-

цесса виктимизации населения, а также граждан противостоять проявлениям криминальной активности.

Список литературы

1. Лелетова М.В. Предупреждение виктимизации // Следователь. 2007. N 4. С. 42-45.
2. Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 191 с.
3. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 606 с.
4. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000.
5. Варчук Т.В. Виктимология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 263 с.
6. Частная криминология: учебник / отв. ред. Д.А. Шестаков. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 771 с.
7. Воронин Ю.А., Майоров А.В. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация // Криминологический журнал БГУЭП. 2014. N 1. С. 43-48.
8. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

References

1. Leletova M.V. *Preduprezhdenie viktimizatsii* [Preventing victimization]. *Sledovatel'* – Investigator, 2007, no. 4, pp. 42-45.
2. Varchuk T.V., Vishnevetskiy K.V. *Viktimologiya* [Victimology]. Moscow, YuNITI-DANA: Zakon i pravo Publ., 2008. 191 p.
3. Zadorozhnyy V.I. *Kontseptual'nye osnovy viktimologicheskoy profilaktiki prestupleniy. Dokt. Diss.* [Conceptual bases victimological crime prevention. Doct. Diss.]. Moscow, 2007. 606 p.
4. Rivman D.V., Ustinov V.S. *Viktimologiya* [Victimology]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2000.
5. Varchuk T.V. *Viktimologiya* [Victimology]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2009. 263 p.
6. *Chastnaya kriminologiya* [Private criminology]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2007. 771 p.
7. Voronin Yu.A., Mayorov A.V. *Viktimnaya bezopasnost': terminologicheskaya interpretatsiya* [Victimization safety: terminological interpretation] *Kriminologicheskij zhurnal BGUEP* – Criminological Journal of BGUEP, 2014, no. 1, pp. 43-48.
8. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 304 p.

ИОГОЛЕВИЧ Н.И.,
 доктор психологических наук,
 профессор, kgns@tgasu.ru
 Кафедра гуманитарных
 и социальных наук;
 Тюменский государственный
 архитектурно-строительный университет,
 625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, 2

IOGOLEVICH N.I.,
 Doctor of Psychological Sciences,
 professor,
 kgns@tgasu.ru
 Chair of humanities and social sciences;
 Tyumen State Architectural University,
 Lunacharskogo St. 2, Tyumen, 625001,
 Russian Federation

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
 кандидат технических наук, доцент,
 заслуженный работник высшей школы
 Российской Федерации,
 tipkmvd@rambler.ru
 Тюменский институт повышения
 квалификации сотрудников
 Министерства внутренних дел
 Российской Федерации,
 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

IOGOLEVICH V.A.,
 Candidate of Technical Sciences,
 associate professor,
 honoured worker of higher education
 of the Russian Federation,
 tipkmvd@rambler.ru
 Tyumen Advanced Training Institute
 of the Ministry of the Interior
 of the Russian Federation,
 Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
 Russian Federation

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Реферат. Рассматривается роль высшего образования в формировании антивиктимного поведения. Раскрываются возможности предупреждения криминальной виктимности как управляемого свойства личности средствами высшего образования, получаемого представителями социэкономических профессий (врачами, педагогами, менеджерами, социальными работниками и т.д.), изначально не относящихся к опасным. Аргументируется, что в ряде дисциплин основных образовательных программ высшего образования необходимо формулировать задачи, направленные на формирование антивиктимного поведения (выделение виктимологической компетенции в чистом виде небесспорно). Индивидуальная профессиональная антивиктимность с позиции компетентностного подхода представляется как антивиктимная компетентность субъекта профессиональной деятельности, а ее составляющие – антивиктимные компетенции. Методологическую основу для этого дает теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина как большой саморегулируемой и самоактуализирующейся системы, состоящей из индивидуальных свойств и индивидуального характера связи между ними (иерархические уровни такой системы включают: 1) систему индивидуальных свойств организма, 2) систему индивидуальных психических свойств, 3) систему социально-психологических свойств). Выявление структуры антивиктимной профессиональной компетентности, ее компонентов и взаимосвязей с разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности позволит установить и более детально описать антивиктимные профессиональные компетенции, которые должны быть сформированы у будущего специалиста в процессе обучения в высшем учебном заведении. Результатом должно стать внесение изменений во ФГОСы в виде расширения содержания компетенций, формирующих, в частности, антивиктимное профессиональное поведение будущего выпускника. Формирование данных компетенций одновременно является и профилактикой профессиональной виктимности, включенной в образовательный процесс реализации ФГОС нового поколения.

Ключевые слова: виктимность, жертва, виктимологическая профилактика, профессиональная подготовка, компетентностный подход, компетенция, компетентность, антивиктимологическая компетенция.

PREVENTION OF PROFESSIONAL VICTIMHOOD AS A COMPONENT OF HIGHER EDUCATION

Abstract. The role of higher education in formation of anti-victim behavior is examined. The possibilities of preventing criminal victimhood by means of higher education got by the representatives of social and economic professions that aren't initially considered dangerous (doctors, teachers, managers, social workers, etc.) are revealed. It's argued that it's necessary to formulate the tasks aimed at formation of anti-victim behavior in some disciplines of the basic educational programs of higher education.

Distinguishing victimological competence in its purest form is arguable. From the position of competency-based approach the individual professional anti-victimhood is presented as anti-victim competency of the subject of professional activity, and its components are anti-victim competences. The methodological basis for this is the theory of integral individuality by V.S. Merlin as a large self-regulating and self-actualizing system consisting of individual properties and individual nature of the relationship between them. Hierarchical levels of such system include: 1) a system of individual characteristics of the organism, 2) a system of individual mental characteristics, 3) a system of social and psychological characteristics. Identifying the structure of anti-victim professional competency, its components and interrelations with multilevel characteristics of the integral individuality allows to establish and describe in more detail the anti-victim professional competences of future specialists that should be formed at higher education institution. Making changes to federal state educational standards, extending the content of competences that form, in particular, anti-victim professional behavior of future graduates should be the result. Formation of these competences is simultaneously prevention of professional victimhood included in the educational process of implementing new generation educational standards.

Keywords: victimization, the victim, victimological prevention measures, professional training, competence approach, competency, competence, antivictimological competence.

Виктимность как важнейшая категория криминальной виктимологии на сегодняшний день не нашла однозначного определения в научной литературе. Ряд ученых (Рыбальская В.Я., 1976; Войтенко С.Г., 2000; Будякова Т.П., 2005; Клачкова О.В., 2008; Холчева О.В., 2009; Малкина-Пых И.Г., 2010; Полубинский В.И., 2010; Фоминых Е.С., 2013, 2014 и др.) сходятся во мнении, что виктимность есть некий комплекс свойств личности, определяющих вероятностную подверженность человека противоправным посягательствам. В.И. Полубинский сделал вывод о том, что, исходя из такого понимания криминальной виктимности, можно управлять ею, поскольку несомненно возможность управлять (формировать, изменять, корректировать) рядом свойств личности. Это позволяет выработать новые подходы, формы и методы виктимологической профилактики [1].

Образование, являясь согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»* единым целенаправленным процессом воспитания и обучения, направлено на развитие и формирование определенных свойств личности. Следовательно, процесс образования может обеспечить воздействие на виктимность как совокупность свойств личности с целью ее (виктимности) минимизации. Этот тезис не является оригинальным и сегодня реализуется особенно в системе дошкольного и общего образования, в школьных и вузовских курсах безопасности жизнедеятельности (Сафиуллин Н.Х., Данилевская М.В.,

Куликов Н.И., 1995; Захарьева И.А., 2000; Руденский Е.В., 2001; Андронникова О.О., 2005; Кадырова Н.Н., 2005; Долговых М.П., 2009; Крошкина В.В., 2009; Гамова Е.М., 2010; Гусева О.Н., 2011; Дмитриева И.А., Кибальченко И.А., 2012; Михайленко Д.А., 2015 и др.). Однако в отношении профилактики профессиональной виктимности на стадии получения будущими субъектами деятельности среднего или высшего (профессионального) образования внимание исследователей, как правило, ограничивается профессиями повышенного риска (сотрудники органов внутренних дел, офицеры вооруженных сил, внутренних войск и др.).

Рубеж XX и XXI вв. ознаменовался трансформацией индустриального общества в постиндустриальное, характерной чертой которого является доминирование сервисной экономики. Ее основная особенность заключается в оказании услуг, что предполагает непосредственное взаимодействие между тем, кто оказывает услугу (работник как продавец своих товаров и услуг), и тем, кто ее получает (клиент, потребитель).

Со второй половины XX столетия в развитых странах занятость людей в сфере обслуживания и образования последовательно возрастает и сокращается в сфере материального производства. «Сегодня в развитых странах до 80 % валового национального продукта создается в сфере услуг, где работает четыре пятых всего активного населения. В России в сервисе занято почти 60 % населения и создается 55 % ВВП»**.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 53. Ст. 7598.

** Цифровые данные приведены по: Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. М.: Бизнес-школа; Интел – синтез, 2002. С. 12-40.

Появились новые сферы деятельности, такие как маркетинг, реклама, управление персоналом, принципиально по-новому формирующие взаимодействие людей в сферах производства и предложения товаров и услуг. Все это привело к увеличению числа социономических профессий (т.е., по Е.А. Климову, относящихся к типу «человек – человек») и людей, в них занятых. Можно отметить наиболее массовые группы социономических профессий, такие как врач, педагог, менеджер, социальный работник, продавец и т.д. [2].

В типологии жертв преступлений Д. Ривман выделяет профессиональный (профессионально-виктимный тип), который обуславливает непосредственное осуществление профессиональной деятельности. Данный тип соотносится с классификацией потерпевших по их ролевому статусу. Раскрывая суть этой классификации, автор отмечает, что в силу специфики своей работы специалисты опасных профессий чаще, чем другие, оказываются потерпевшими от преступления [3]. Действительно, изучению виктимности и ее профилактики у представителей опасных видов профессий посвящено достаточно много работ (Папкин И.А., 2004; Королев В.В., 2005; Кулакова А.А., 2008; Кузнецов Д.Ю., 2010; Клименченко А.П., 2011; Гарманов В.М., 2014; Кадырова Н.Н., 2014 и др.).

Однако сегодня жертвами преступлений становятся представители социономических (помогающих) профессий, изначально не относящихся к опасным: врачи, учителя, чиновники, предприниматели и т.д. Так, в СМИ периодически сообщается о том, что в очередной раз врачи стали жертвами преступлений вследствие осуществления ими профессиональной деятельности. Среди последних громких дел (сентябрь-декабрь 2015 г.) можно назвать: расстрел сотрудников бригады станции «Скорой помощи» в Симферополе*; расстрел на рабочем месте пластического хирурга в Санкт-Петербурге**; расстрел травматоло-

га-ортопеда в Набережных Челнах***. В ряде этих случаев прослеживается виктимологическая обусловленность [4] совершенных насильственных преступлений.

Что касается учителей, то об эскалации насилия в школах говорят уже давно. Например, по оценкам экспертов, за 2005-2007 гг. количество нападений учащихся на педагогов выросло по всей стране на 50 %****. За прошедшее время ситуация мало изменилась, о чем свидетельствуют инциденты между учителями и учащимися, о которых сообщает пресса*****.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что объектом виктимологической профилактики преступлений (в узком смысле) должны стать не только представители профессий, традиционно связанных с риском, но и представители профессий социономических. Мы полагаем, что такая профилактика должна начинаться еще в вузе, когда в результате освоения основной образовательной программы (согласно соответствующему федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования – ФГОС) у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Как показал проведенный нами анализ литературных источников, работ по данной проблеме практически нет. Можно отметить публикацию О.Н. Громовой, в которой обосновывается актуальность виктимологических знаний в профессиональной подготовке студентов экономических специальностей. Автор отмечает, что формирование виктимологической компетентности «позволит осуществлять специалисту экономического профиля виктимологическую деятельность по защите и профилактике профессиональной сферы от экономических преступлений» [5, с. 95].

*** URL: http://world.fedpress.ru/news/russia_and_cis/1449823888-v-naberezhnykh-chelnakh-pensioner-rasstreljal-ortopeda-iz-ruzhya-trostri (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

**** URL: <http://www.newsru.com/russia/18may2007/school.html> (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

***** URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2015/04/14/1388654.html>; URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2012/02/28/951183.html>; URL: <http://21region.org/21region/77320-v-chuvashii-devyatiklassnik-slomal-nos-uchitelyu-istorii-iz-za-zamechaniya.html> (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

* URL: http://www.aif.ru/society/healthcare/ohota_na_vrachey_kto_vinovat_v_tom_chno_pacienty_rasstrelivayut_medikov (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

** URL: <http://ren.tv/novosti/2015-09-08/muzhchina-rasstreljal-plasticheskogo-hirurga-v-peterburge-iz-za-slomannoy-karery> (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

Однако в дальнейших работах ученый развивает мысль о формировании правовой компетентности студентов гуманитарных специальностей.

О необходимости обучения основам виктимологии и виктимологической профилактики в курсе «Основы предпринимательства» говорит в своих работах А.С. Милевич. Проведенное им исследование показало, что начинающие бизнесмены «в первый год на пути от бизнес-идеи до воплощения практически столкнулись со всеми факторами виктимизации. Среди них молодые предприниматели назвали следующие: административные барьеры (волохита и взяточничество чиновников), поборы проверяющих инстанций, кабальные условия аренды даже муниципального имущества, недостаток финансовых средств на защиту информации или «крышу», неумение предвидеть предпринимательские риски и незнание, как предупредить их, неумение решать проблемы с налоговой инспекцией, необходимость «откатов», нечестность конкурентов, поставщиков и потребителей, особенно в среднем бизнесе» [6, с. 262]. Предотвратить и противостоять этим негативным явлениям, по мнению автора, может научить студентов в рамках учебного процесса курс по выбору или спецкурс «Виктимизация предпринимательства» [6, с. 262].

Сегодня подготовка профессиональных кадров в высшем учебном заведении осуществляется на основе Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования нового поколения (ФГОС 3, ФГОС 3+), в которых результаты подготовки обучающегося описаны с позиции компетентностного подхода. Ключевой дефиницией данного подхода выступает компетенция, определяемая Европейской системой стандартов следующим образом: «Компетенция представляет собой интегрированное понятие и выражает способность человека самостоятельно применять в определенном контексте различные элементы знаний и умений. Особую важность имеет уровень самостоятельности, поскольку именно он позволяет разграничивать различные уровни компетенции»*. В TUNING-проек-

те понятие компетенции включает знание и понимание (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), знание как действовать (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), знание как быть (ценности как неотъемлемая часть способа восприятия и жизни с другими в социальном контексте)**.

В результате освоения основных образовательных программ высшего образования (уровни бакалавриата и магистратуры, все направления подготовки) у обучающегося должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Общекультурные компетенции являются базовыми и подразумевают способность выпускника любой специальности на основе сформированной мировоззренческой позиции, моральных и нравственных качеств, коммуникативной и правовой культуры адекватно понимать и, используя соответствующие культурные образцы общения и взаимодействия, находить и реализовывать решения любых ситуаций, в том числе и тех, что находятся вне профессиональной сферы. В то же время эти компетенции являются фундаментом для формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций и неразрывно связаны с ними.

Общепрофессиональные и профессиональные компетенции связаны с решением типичных производственных задач и ситуаций в соответствии со стандартами их выполнения, принятыми в конкретной отрасли и/или организации. Как справедливо указывает О.В. Барина, профессиональные компетенции характеризуют «готовность (способность) работника на основе сознательно усвоенных знаний, умений, приобретенного опыта, всех своих внутренних ресурсов самостоятельно анализировать и практически решать значимые профессиональные проблемы, ключевые и типичные производственные задачи (проблемные ситуации)» [7].

** См.: Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения: метод. рек. для руководителей УМО вузов Российской Федерации. Проект. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 100 с.

* Европейская система квалификаций. URL: <http://dmee.ru/docs/100/index-30030.html> (дата обращения: 14 дек. 2015 г.).

Исходя из вышесказанного следует, что компетентностный подход в терминах современных ФГОС предполагает формулирование в целом ряде дисциплин задач, направленных на формирование антивиктимного поведения. При этом мы считаем спорным выделение в чистом виде виктимологической компетенции. Возможно, что формирование будущего индивидуального антивиктимного профессионального поведения обусловлено рядом курсов, нацеленных на выработку разных видов компетенций: общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных, в которых латентно заложена и профилактика профессиональной виктимности.

При любом подходе важно выявить элементы профессиональной антивиктимности. На наш взгляд, индивидуальную профессиональную антивиктимность с позиции компетентностного подхода можно обозначить как антивиктимную компетентность субъекта профессиональной деятельности, а ее составляющие — антивиктимными компетенциями. Оставляя за рамками данной статьи обсуждение проблемы соотношения понятий «компетентность» и «компетенции», укажем, что нам близка точка зрения И.А. Зимней, которая считает, что «...компетентность не есть компетенции, она есть — их интегративное воплощение. Компетентности суть личностно и интеллектуально обусловленные, мотивированные проявления компетенций субъекта образовательного процесса в деятельности и поведении. Компетентности суть сложные, разнородные, разноплановые собственно личностные образования, формирующиеся на базе и фундаменте компетенций» [8].

Исходя из понимания компетентности как характеристики субъекта профессиональной деятельности, благодаря которой он организует свои и прочие ресурсы по преобразованию ситуаций для достижения поставленных целей, необходимо выявить индивидуальные особенности личности,

определяющие ее виктимность и влияющие на виктимизацию, связанные с выполнением профессиональной деятельности.

Мы полагаем, что методологической основой такого познания может стать подход с позиции теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, который, опираясь на положения общей теории систем, первым стал широко использовать понятие «интегральная индивидуальность» [9]. Интегральная индивидуальность (ИИ) рассматривается им как большая саморегулируемая и самоактуализирующаяся система, состоящая из индивидуальных свойств и индивидуального характера связи между ними. Ученый выделяет следующие иерархические уровни большой системы ИИ: 1) система индивидуальных свойств организма, 2) система индивидуальных психических свойств, 3) система социально-психологических свойств. Как видим, данный подход согласуется с представлением компетентности как интегративного образования. Поэтому, выявив структуру антивиктимной профессиональной компетентности, ее компонентов и взаимосвязей с разнородными свойствами интегральной индивидуальности, мы сможем установить и более детально описать антивиктимные профессиональные компетенции, которые должны быть сформированы у будущего специалиста в процессе обучения в высшем учебном заведении.

Определив суть и содержание данных компетенций, окончательным результатом проделанной работы будет внесение изменений во ФГОСы, а именно расширение содержания компетенций, которые формируют, наряду с прочими, и антивиктимное профессиональное поведение будущего выпускника вуза.

Подчеркнем, что формирование данных компетенций у обучающихся можно рассматривать и как профилактику профессиональной виктимности, включенную в образовательный процесс реализации ФГОС нового поколения.

Список литературы

1. Полубинский В.И. Фундаментальные и прикладные начала криминальной виктимологии: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 227 с.
2. Толочек В.А. Профессиональное становление субъекта в социэкономических профессиях: специфика феномена ли новые грани психологии? // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2009. N 1. С. 116-124.
3. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

4. Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26). С. 43-48.
5. Громова О.Н. Актуальность развития профессиональной подготовки специалиста экономического профиля в условиях глобализации // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. N 11-12. С. 93-96.
6. Милевич А.С. Изучение курса по выбору «Виктимологическая профилактика в малом бизнесе» – требование современности // Знание. Понимание. Умение. 2011. N 3. С. 258-263.
7. Барина О.В. Формирование ключевых компетенций (общекультурные и профессиональные) // NovalInfo. 2014. N 19. URL: <http://novainfo.ru/archive/19/formirovanie-klyuchevyh-kompetency> (дата обращения: 15 дек. 2015 г.).
8. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании. URL: http://www.rusreadorg.ru/ckeditor_assets/attachments/63/i_a_zymnaya_competency_and_competence.pdf (дата обращения: 15 дек. 2015 г.).
9. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

References

1. Polubinskiy V.I. *Fundamental'nye i prikladnye nachala kriminal'noy viktimologii* [Fundamental and applied early criminal victimology]. Moscow, 2010. 227 p.
2. Tolochek V.A. *Professional'noe stanovlenie sub"ekta v sotsionomicheskikh professiyakh: spetsifika fenomena li novye grani psikhologii?* [Professional formation of the subject in sotsionomicheskikh professions: peculiarities of the phenomenon the new faces of psychology?]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psikhologiya* – Herald of Samara humanitarian Academy. Series: Psychology. 2009, no. 1, pp. 116-124.
3. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. St. Petersburg, Peter Publ., 2002. 304 p.
4. Yuzikhanova E.G., Nifontov V.A. *Viktimologicheskaya obuslovlennost' nasil'stvennoy prestupnosti* [Conditionality Victim of violent crime]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2013, no. 4 (26), pp. 43-48.
5. Gromova O.N. *Aktual'nost' razvitiya professional'noy podgotovki spetsialista ekonomicheskogo profilya v usloviyakh globalizatsii* [The importance of developing vocational training specialists of economic profile in the context of globalization] *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 2014, no. 11-12, pp. 93-96.
6. Milevich A.S. *Izuchenie kursa po vyboru «Viktimologicheskaya profilaktika v malom biznese» – trebovanie sovremennosti* [The Study of course on choice “Victimological prophylactic in small business” – a requirement of our]. *Znanie. Ponimanie. Umenie Knowledge – Understanding. Skill*, 2011, no. 3, pp. 258-263.
7. Barinova O.V. *Formirovanie klyuchevykh kompetentsiy (obshchekul'turnye i professional'nye)* [Formation of key competencies (generic and professional)]. *NovalInfo*, 2014, no. 19. Available at: <http://novainfo.ru/archive/19/formirovanie-klyuchevyh-kompetency> (Accessed 15 December 2015).
8. Zimnyaya I.A. *Kompetentsiya i kompetentnost' v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Competence and expertise in the context of the competence approach in education]. Available at: http://www.rusreadorg.ru/ckeditor_assets/attachments/63/i_a_zymnaya_competency_and_competence.pdf (Accessed 15 December 2015).
9. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay integral research of individuality]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 256 p.

- МЕРКУРЬЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
merkuriev-vui@mail.ru
Научно-исследовательский институт;
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
123022, г. Москва,
2-я Звенигородская ул., 15
- МЕРКУРЬЕВ В.В.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
merkuriev-vui@mail.ru
Research Institute;
Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation,
2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow, 123022,
Russian Federation
- АГАПОВ П.В.,
доктор юридических наук, доцент,
kafedrap212@mail.ru
Научно-исследовательский институт;
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
123022, г. Москва,
2-я Звенигородская ул., 15
- АГАПОВ П.В.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor,
kafedrap212@mail.ru
Research Institute;
Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation,
2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow, 123022,
Russian Federation
- ИВАНОВ Р.С.,
irs_ch74@mail.ru
Научно-исследовательский институт;
Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
123022, г. Москва,
2-я Звенигородская ул., 15
- ИВАНОВ Р.С.,
irs_ch74@mail.ru
Research Institute;
Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation,
2nd Zvenigorodskaya St. 15, Moscow, 123022,
Russian Federation

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ОСОБЕННОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат. Анализируется современная уголовная политика противодействия террористической преступности в приграничных регионах Российской Федерации. Несмотря на единую с международным терроризмом социальную и экономическую природу, террористическая активность в пограничной сфере имеет свою специфику, обусловленную трансграничным характером. Обосновывается специфика террористических угроз в пограничной сфере: трансграничный характер; концентрация приграничного «бандподполья»; использование религиозных лозунгов в насилии над представителями других религиозных конфессий; террористические организации, имеющие контакты с международными террористическими объединениями; влияние норм обычного и традиционного права на террористическую активность; воздействие на террористическую деятельность со стороны иностранных специальных служб и др. Детерминантами терроризма в приграничных регионах Российской Федерации являются: активность иностранных специальных служб по организации центров подготовки членов незаконных вооруженных формирований, финансированию и снабжению их деятельности; высокий уровень исламизации населения; сложная социально-экономическая обстановка в приграничном регионе, высокий уровень безработицы; недовольство местного населения работой региональных и муниципальных властей, их коррумпированностью, клановостью. Характеризуются коррупционные факторы терроризма: передача должностными лицами террористам информации о планируемой или реализуемой антитеррористической деятельности; сокрытие информации о результатах осуществления контрольной деятельности (пограничной, таможенной, регистрационной и т.д.), содержащей в себе сведения о готовящемся либо совершаемом террористическом акте или ином преступлении террористической направленности, а также о признаках существования незаконного вооруженного формирования; освобождение от ответственности либо ее смягчение в отношении лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях и иной террористической деятельности.

Ключевые слова: террористическая преступность, приграничные районы, международный терроризм, международные террористические организации, государственная граница.

DETERMINANTS AND CHARACTERISTICS OF TERRORIST CRIME IN THE BORDER REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Modern criminal policy for countering terrorist crime in the border regions of the Russian Federation is analyzed. Despite the unified social and economic nature of international terrorism, terrorist activity in border regions has its own peculiarities, due to its cross-border nature. The specificity of terrorist threats in the border areas is substantiated: cross-border nature; the concentration of organized crime groups; using religious slogans in violence against representatives of other religious confessions; terrorist organizations having links with international terrorist groups; the influence of customary and traditional law on terrorist activities; the influence of foreign special services on terrorist activities; etc. The determinants of terrorism in the border regions of the Russian Federation are: the activities of foreign special services concerning the organization of training centers for members of illegal armed groups, financing and providing such groups' activities; a high level of Islamization of the population; difficult social and economic situation in the border region, high level of unemployment; dissatisfaction of the local population with the regional and municipal authorities, their corruption and clan system. The following corruption factors of terrorism are characterized: the transfer of information on planned or implemented counter-terrorism activities to terrorists by officials; withholding information on the results of the control activities (border, customs, registration, etc.) containing information about preparing a terrorist act, committed terrorist act or other terrorist crime, as well as illegal armed group; exemption from liability or its mitigation in respect of persons participating in illegal armed groups and other terrorist activities.

Keywords: terrorist crime, border areas, international terrorism, international terrorist organizations, state border.

Надежная защита и охрана Государственной границы Российской Федерации является неотъемлемым условием обеспечения национальной безопасности.

Устойчивость Государственной границы Российской Федерации, стабильность положительных процессов, протекающих в пограничном пространстве, значительно подорвана террористическими факторами. В 2014 г. на территории Северо-Кавказского федерального округа (далее – СКФО) зарегистрировано 883 преступления террористической направленности, что на 52 % больше аналогичного показателя 2013 года. Только на территории Республики Дагестан предотвращено 20 диверсионно-террористических акций с использованием взрывных устройств, при оказании вооруженного сопротивления убит 161 бандит, в ходе оперативно-розыскных мероприятий задержаны 232 и добровольно сдались 11 членов незаконных вооруженных формирований, обнаружено и уничтожено 16 блиндажей и восемь временных лагерей бандгрупп, 62 тайника и схрона с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, продуктами питания и различным имуществом*.

Террористическая преступность в пограничных пространствах не может

иметь различную по сравнению с другими регионами природу, но специфика политических, коммуникационных, этнических, религиозных, экономических процессов обуславливает особенности проявления террористических угроз на данных направлениях.

Полагаем, что к таким особенностям необходимо отнести следующее.

Трансграничный характер террористической деятельности. Наличие внешних связей является важным условием деятельности террористов. Благодаря перемещению через государственную границу террористы уходят от справедливого возмездия со стороны правоохранительных органов, осуществляют пополнение людских и материальных ресурсов, координируют свои усилия с представителями зарубежных террористических организаций и специальных служб, заинтересованных в дестабилизации обстановки в России.

В результате мониторинга экстремистских сайтов выявлено, что у членов бандподполья имеется оружие последних модификаций, в том числе зарубежного производства. Лидеры бандподполья подчеркивают свою хорошую обеспеченность современным оружием иностранного производства и боеприпасами.

С целью дестабилизации обстановки приверженцами ваххабизма не прекращаются попытки провоза из-за границы на территорию Российской Федерации запре-

* Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2014 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 244.

щенной литературы и материалов экстремистского толка. Так, в марте 2011 г. при пересечении границы в пункте пропуска «Нальчик-Аэропорт» в ходе реализации оперативной информации пограничного управления таможенными органами были изъяты книги религиозного содержания и ноутбук, в котором имелась информация религиозного экстремистского характера (произведения мусульманской литературы, видео- и аудиозаписи на арабском языке).

В Национальном антитеррористическом комитете Российской Федерации отмечают наличие на территории приграничных государств общин из представителей террористического бандподполья, часть из которых по-прежнему намерена убыть из мест компактного проживания на территории сопредельного государства в Россию для ведения террористической деятельности*.

Анализ документов, содержащих сведения об оперативной деятельности, осуществляемой сотрудниками подразделений пограничных управлений ФСБ России по субъектам СКФО, позволяет сделать вывод о наличии функционирующего канала поступления денежных средств из Турции в Грузию для финансирования террористов. При этом механизм переправки денег связан с использованием курьеров, а также системы электронных денежных переводов «Вестерн Юнион».

Значительная концентрация террористических сил на приграничных территориях. Детерминирующее воздействие бандподполья приграничья на общероссийскую террористическую преступность. Опасность терроризма в пограничной сфере заключается не только в нарушении установленного порядка жизнедеятельности общества и функционирования власти в приграничных регионах Российской Федерации. Так, в утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации к основным внутренним факторам, обуславливающим возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации либо способствующим ему причинам и условиям, отнесено нали-

чие очагов террористической активности вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников**.

По данным Национального антитеррористического комитета, численность членов террористических организаций в приграничных субъектах Российской Федерации, составляет примерно 950-1 000 человек. При этом наибольшая концентрация боевиков отмечается в Республике Дагестан (до 200 человек), Чеченской Республике (до 350 человек) и Кабардино-Балкарской Республике (до 200 человек).

Другими данными, подтверждающими большое количество террористов в пограничной зоне, является количество выявленных правоохранительными органами баз и схронов боевиков. В 2014 году на территории приграничных регионов СКФО обнаружено 243 тайника и схрона, 102 блиндажа и стоянки членов незаконных вооруженных формирований (НВФ), обезврежено 15 217 самодельных взрывных устройств (СВУ)***.

Таким образом, с одной стороны, терроризм, являясь угрозой национальной безопасности Российской Федерации в целом, характерен и для пограничной сферы. С другой стороны, террористическая активность в приграничных регионах детерминирует террористические проявления и в остальных субъектах Российской Федерации.

Использование религиозных лозунгов в оправдание насилия по отношению к представителям других религиозных конфессий. Процессы исламизации. Образовавшаяся в конце прошлого века идеологическая ниша нередко заполняется сегодня религиозными и псевдорелигиозными учениями, пропагандирующими неприятие иного, чем указанного в их источниках, уклада жизни и насилие в отношении представителей других вероисповеданий и направлений религии.

На обострение конфликтогенных процессов в приграничных регионах влияет феномен исламского возрождения, в частности, политизация ислама, появление

* Террористические проявления и результаты противодействия терроризму в Российской Федерации (2013 г.): аналитическая справка // Национальный антитеррористический комитет Российской Федерации. М., 2013.

** См.: ст. 3 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 5 окт. 2009 г. (Рос. газ. 2009. 20 окт.).

*** Из интервью советника Председателя НАК А.С. Прждомского «Показатели антитеррористической деятельности в СКФО за 2014 год. Итоги». URL: <http://kavkazpress.ru/archives/71252>

исламских партий, движений, являющихся активными участниками современного политического процесса. В состав Российской Федерации входит восемь мусульманских республик — Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесская и Чеченская республики, Башкортостан и Татарстан [1, с. 75, 105, 160-185]. К приверженцам ислама относится также часть населения Северо-Осетинской Республики. В данных регионах развиваются конфликты, в которых именно религиозный фактор является ключевым мобилизационным рычагом, активизирующим различные этносы на борьбу. Влияние исламского фактора также многократно усиливает степень конфликтности во взаимоотношениях с другими субъектами Российской Федерации в силу того, что в массовом сознании сформирован образ ислама как изначально враждебного христианству, что является благоприятной почвой для создания мифа об исламском проекте установления мирового господства. Оппозиционные официальной власти движения открыто апеллируют к исламу, облекая идеологию сопротивления власти в религиозные лозунги. Получает распространение радикальная политическая идеология — фундаментализм, которая не всегда встречает адекватную реакцию властей национальных республик и федерального центра. Наиболее активно вахабиты действуют в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Чечне.

Анализ ситуации в приграничных регионах позволяет сделать вывод о значительном распространении радикальных исламистских группировок. Пожалуй, самым крупным радикальным исламистским формированием, непосредственно угрожающим безопасности Российской Федерации в пограничной сфере, остается международная террористическая организация «Эмират Кавказ», провозгласившая своей территорией субъекты Южного и Северо-Кавказского федеральных округов России. Структурно Эмират состоит из шести псевдоадминистративных образований — вилайатов. В свою очередь, каждый вилайат состоит из секторов. Во главе эмирата, вилайатов и секторов находятся амиры, осуществляющие административную, военную и религиозную власть. «Эмират Кавказ» является запрещенной в Россий-

ской Федерации организацией*. Целью деятельности Эмирата является отделение Северного Кавказа от России и отмена действия российского законодательства на территории региона. По мнению политолога С.М. Маркедонова, Кавказский эмират изначально строится на ценностях, которые отличаются от чеченского сепаратизма. Проект эмирата ориентируется на радикальный ислам. Врагами, или, по крайней мере, политическими противниками этого проекта являются не только Россия, но и западный мир [2]. Силую составляющую данной террористической организации представляют так называемые джамааты, в основном они образуют ядро незаконных вооруженных формирований. Оказывая вооруженное сопротивление правоохранительным органам, они демонстрируют заинтересованным силам за рубежом, что в их зоне ответственности реализуются основные постулаты радикального фундаментализма: «большой джихад» (война с неверными) и такфир (борьба с мусульманами-отступниками). Провозглашаемый ими лозунг — борьба с коррупцией власти, безусловно, находит отклик среди населения. В составе боевых джамаатов — в основном молодежь, родившаяся после 1985 г., которая не нашла своего места в регионе, где царят бедность и безработица, а все доходные сферы деятельности находятся, как правило, в собственности людей постарше, которые имеют устойчивые коррупционные связи с местными администрациями. Общая численность членов боевых джамаатов на Северном Кавказе все время изменяется и варьируется от 500 до 700 человек. Тактика действий данных группировок основана на использовании постоянно маневрирующих автономных групп, решающих задачи в интересах амира.

Полагаем, что «Эмират Кавказ» имеет свою идеологическую платформу, позволяющую, с одной стороны, мотивировать участников террористического подполья, а с другой — оправдывать средства, методы и формы незаконной деятельности. Идеология деятельности Эмирата опирается на учение «салафизма» — направление в исламе, объединяющее мусульманских религиозных деятелей, которые в разные

* Официальный сайт НАК РФ. URL: http://Nak.fsb.ru/nac/ter_org.htm

периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков. Своей основной задачей салафиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов [3, с. 204].

С начала XX в. движение за модернизацию ислама получило свое распространение, что послужило причиной возникновения ряда течений, призывающих к возвращению к первоначальной чистоте ислама (ваххабизм, панисламизм, различные фундаменталистские течения). В ситуации духовного «вакуума» ваххабизм призывает мусульман вернуться к истокам и начать новое движение вперед. Ваххабизм объявил джихад не только представителям иных религий, но и традиционному исламу – суфизму [4, с. 61-68]. Итогом этого стала поголовная «исламизация» всех сторон жизнедеятельности общества регионов, населенных мусульманами. Идея джихада – войны против неверных, являющаяся составной частью модернизированного ислама, послужила основой применения террористических методов политической борьбы, используемых фундаменталистами. Не менее важным постулатом членов боевых джамаатов является джихад, трактуемый ими как священная война с врагами ислама.

Постулируя единство всех мусульман, ваххабиты утверждают, что мусульмане России ведут несправедливый образ жизни. Так, они заявляют, что мусульманину строго запрещено жить на вражеской территории, то есть на той территории, где открыто не действуют законы Шариата. Исключение должно делаться только для моджахедов. Более того, считается, что мусульмане, которые словом или делом помогают неверным против мусульман, будь то чиновники, военные, религиозные деятели и т.д., противостоят Аллаху, и поэтому с ними следует сражаться так же, как и с неверными. В такой ситуации «осажденной крепости» джихад является таким же обязательным предписанием для каждого мусульманина, как пост и намаз [5].

Большой конфликтный потенциал заложен в деятельности радикально настроенного мусульманского духовенства,

выступающего за «чистый» ислам. Идеологической основой укрепления подобных настроений являются интеллектуальные искания некоторых мусульман, получивших образование в мусульманских странах. Их недовольство политикой федерального центра на Кавказе, действиями региональных органов власти усиливается критическим отношением к местной исламской практике, значительно расходящейся с зарубежными канонами. Члены таких групп становятся потенциальной питательной средой для пополнения вооруженных отрядов боевиков [6].

Раздробленность исламской общины на территории Российской Федерации затрудняет усилия государства, направленные на недопущение экстремистских убеждений у мусульман. Наличие в приграничных регионах исламистских группировок, придерживающихся различных религиозных платформ, характеризует многофакторность этнических, культурных и иных социальных процессов, протекающих у населения. Таким образом, отсутствие единой идеологии обладает мощным конфликтогенным потенциалом, детерминирующим террористическую деятельность.

Наличие террористических организаций, имеющих контакты с международными террористическими объединениями. Свидетельством данных сношений является участие иностранных наемников в организации и проведении террористических актов и распространении террористической идеологии на территории приграничных субъектов России. Представители официальной власти вообще считают, что на территории приграничных регионов России осуществляют свою деятельность подразделения международных террористических организаций (в частности, «Исламское государство» и «Аль-Каида») [7].

В настоящее время ученые и практики прослеживают связь между деятельностью организации «Эмират Кавказ» и международными террористическими организациями. Так, директор «Пражского института диалога цивилизаций» Т. Черниенко, являющийся экспертом по вопросам исламоведения и современного исламского экстремизма, констатирует: «Имарат легко вливается в ряды международного “джихадистского интернационала”. Кстати, хороший

пример того, каким образом спонтанно возникающие на местах группировки координируются со временем единым центром: сперва в рамках самой салафитской секты, а в перспективе — в масштабах более широкого мирового халифатитского движения. Пока мы не можем говорить о наличии у них единого координационного центра, однако такая перспектива не за горами. Ведь доктрина Халифата основана на беспресловенном повиновении тому мусульманину, кто сумел первым захватить трон, без оглядки на методы узурпации власти и его личные нравственные качества. Подобные «критерии» справедливы и в отношении более мелких командиров — амиров. Поэтому когда институты эмирата укрепятся в достаточной степени, представители различных халифатистских групп легко преодолеют свои идеологические разногласия на основе этой самой доктрины, общей для них для всех и свято ими почитаемой» [8].

Источником угроз международного терроризма остается выезд молодежи в зарубежные исламские учебные заведения, где они подвергаются идеологической обработке со стороны международных экстремистских организаций, а некоторые параллельно проходят и боевую подготовку.

За рубежом студенты из северокавказских республик становятся объектами вербовочных устремлений со стороны функционеров международных террористических организаций «Исламское государство», «Всемирная лига исламской молодежи», «Братья-мусульмане», «Исламский джихад», «Джамаа-аль-Исламия», «Лашкар-Тайба», «Аль-Харамейн», «Общество возрождения исламского наследия» и др., в той или иной степени связанных с «Аль-Каидой».

Наряду с ваххабитским течением активизировалась деятельность сторонников международных террористических организаций, в частности «Таблиги Джамат» и «Хизбут-Тахрир аль-Ислами».

Влияние норм обычного и традиционного права на террористическую активность. В средствах массовой информации описываются случаи, когда лица совершали террористические акты под воздействием представителей рода, старейшин и т.д. Также имеются факты совершения террористических актов из побуждений снять с рода долг по кровной мести.

Воздействие на террористическую деятельность со стороны иностранных специальных служб. Аналитики Антитеррористического центра СНГ отмечают, что спецслужбы ряда иностранных государств используют представителей религиозных конфессий (раис-имамов районов, городов, населенных пунктов) в качестве распространителей идей нетрадиционного ислама. По нашему мнению, одной из причин этого является высокое доверие населения к лидерам духовенства. Проводя определенную работу среди малоразвитого в духовном отношении жителей малонаселенных городов, поселков, аулов, можно достичь весьма эффективных результатов по пропаганде экстремистских идей. Данный фактор учитывается представителями спецслужб и поэтому для обучения за рубежом, как правило, выбираются представители религиозных конфессий, владеющих определенным талантом убеждения, ораторским искусством, способных толковать ислам в выгодном для этих спецслужб свете.

По данным компетентных органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, большинство националистических и экстремистских организаций и движений в Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской и других республиках Северного Кавказа были созданы и управляются репатриантами, прибывшими в регион в 1980-е гг. из ближневосточных диаспор.

Органами безопасности в этой среде выявлены бывшие сотрудники спецслужб, диверсионно-разведывательных и полицейских органов Турции и стран Ближнего Востока, которые прошли подготовку и переподготовку в разведывательных центрах США, Англии, Германии. В этой сфере четко прослеживается деятельность спецслужб иностранных государств по распространению на территории России религиозно-экстремистских идей.

Иностранные спецслужбы и организации не оставляют попыток по инспирированию на территории субъектов СКФО центробежных тенденций, направленных на разжигание межнациональных конфликтов, сепаратистских и националистических настроений, имеющих своей конечной целью отторжение Северного Кавказа от России.

Например, одним из важнейших направлений разведывательной и иной противоправной деятельности спецслужб

Грузии, представляющих серьезную угрозу безопасности России, является деятельность по поддержке международного терроризма. В период подготовки и проведения зимней Олимпиады 2014 года неоднократно поступали сведения о проводимой грузинскими спецслужбами и организациями деятельности, направленной на финансирование терроризма в целях компрометации российской стороны и срыва Олимпийских игр в Сочи.

Данный перечень особенностей проявления терроризма в приграничных регионах Российской Федерации не является исчерпывающим. Так, по мнению И.А. Зыкова, особенностями проявления террористических угроз в пограничном пространстве России являются:

во-первых, экстремистские и террористические организации, деятельность которых заключается в подготовке и проведении в пограничном пространстве государства конкретных операций и бандитско-повстанческих действий террористической направленности;

во-вторых, аккумуляция террористических сил и антиправительственных настроений, которые используют кризисные и конфликтные ситуации в целях расширения своего влияния среди населения приграничных регионов;

в-третьих, попытки внедрения в отдельных регионах представителей террористических организаций в политические, общественные, экономические организации, а также в подразделения силовых структур, дислоцированные на приграничных территориях;

в-четвертых, существование баз и центров по подготовке боевиков в недружественных Российской Федерации государствах, в том числе для осуществления террористической и иной подрывной деятельности на территории нашей страны;

в-пятых, взаимодействие террористических структур в приграничье с криминалитетом и наркобизнесом, благодаря чему обеспечивается финансирование и иное материальное обеспечение экстремистов и террористов [9, с. 3].

Существование и развитие терроризма в приграничных регионах Российской Федерации обусловлено различными группами детерминант, воздействие на которые позволяет осуществлять эффек-

тивную профилактику данного социально опасного явления.

В ходе проведенного анкетирования сотрудников силовых органов, дислоцирующихся в Кабардино-Балкарской Республике, по вопросам причин и условий терроризма на приграничных территориях, были получены следующие результаты:

72 % респондентов считают, что основными детерминантами терроризма являются социально-экономические факторы (безработица, инфляция и др.);

54 % – выделяют такую причину, как коррупция органов региональной и местной власти;

45 % – среди прочих причин выделяют отсутствие «верного» религиозного образования у лиц до 20 лет и отсутствие государственного регулирования в религиозной сфере;

33 % – заявили, что причиной терроризма на приграничных территориях является так называемый синдром «чеченских компаний» и отрицательное отношение местного населения к федеральной власти;

20 % – уверены, что одной из причин терроризма является отсутствие в приграничных районах крупных подразделений силовых структур.

Изученные авторами в указанном приграничном регионе отчетные документы по результатам оперативной деятельности, осуществляемой сотрудниками пограничных и других правоохранительных органов, дают основания выделить такие детерминанты терроризма, как:

1) активность иностранных специальных служб по организации центров подготовки членов НВФ, финансированию и снабжению их деятельности;

2) недовольство местного населения работой региональных и муниципальных властей, их коррумпированностью, клановостью;

3) высокий уровень исламизации населения;

4) сложная социально-экономическая обстановка в приграничном регионе, высокий уровень безработицы.

Обобщая представленные точки зрения, материалы научных исследований по данной проблеме, а также статистические данные, необходимо выделить следующие группы факторов, детерминирующих терроризм в пограничной сфере РФ.

Факторы политического характера:

1) обострение политической борьбы различных партий и движений, отсутствие цивилизованного опыта ее проведения;

2) обострение межнациональных отношений, проповедуемые национальная исключительность и превосходство, разжигание национальной и религиозной вражды;

3) требования национальной независимости отдельных народов, входящих в состав единого государства;

4) разрыв между провозглашенными демократическими принципами и их реальным осуществлением;

5) глубокое размежевание общества с формированием социальных слоев и групп с противоположными интересами.

Факторы экономического характера:

1) расслоение населения по уровню жизни;

2) инфляционные процессы;

3) общий кризис экономики, ее криминализация, уход в «теневую» сферу.

Экономические факторы играют существенную роль для функционирования террористической организации. Рядовые члены, обеспечивающие ее деятельность, непосредственные исполнители террористических актов, как правило, получают за свою работу значительное денежное вознаграждение. Родственники погибших при исполнении террористических актов лиц также получают денежное возмещение за утраченного члена семьи. Так, за смерть чеченки Заиры Юпаевой во время террористического акта в «Норд-Осте», ее отец должен был получить тридцать тысяч долларов [10, с. 10].

В ходе проведенного нами исследования установлено, что занятость населения приграничных населенных пунктов составляет не более 55 % от числа трудоспособного населения, т.е. уровень безработицы – 45 %.

Среди осужденных за преступления террористического характера, совершенные в Республике Дагестан, безработные и не учащиеся составляют 60,4 %; предприниматели – 17,6 %; учащиеся студенты – 16,7 %; рабочие – 5,2 %.

Социальные и духовные факторы:

1) неразрешенность социальных, в том числе национальных и религиозных проблем, вызывающая взаимную этничес-

кую неприязнь, вражду, ненависть, исключаящую компромисс.

Исследование показало, что уровень исламизации, т.е. количество приверженцев ислама, в приграничных населенных пунктах Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики составляет 72 %. При этом важным дестабилизирующим фактором в Кабардино-Балкарской Республике, тесно связанным с распространением религиозного экстремизма, выступают противоречия между кабардинцами и балкарцами. Проблема состоит в том, что балкарской общине не удается ни реализовать свое право на равное представительство с кабардинцами и русскими в административном аппарате, ни преодолеть экономическую отсталость. Районы, заселенные балкарцами, по большей части являются самыми проблемными в экономическом плане, в них наиболее высокий уровень безработицы.

Так, в ходе проведенного нами исследования национального состава населения приграничных населенных пунктов Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики установлено, что в районах, являющихся, по оперативной информации, социальной базой террористов, существует численное доминирование лиц балкарской национальности (9 984 человек, или 47,3 %). При этом абсолютное большинство представителей данной национальности владеет родным языком, знает и придерживается культурных традиций балкарцев (9 921 человек, или 99,4 %). Следует отметить, что боевики юго-западного сектора джамаата Такбир, проявляющие активность в Эльбрусском районе, по национальности являются балкарцами;

2) существование нелегальных общественных организаций, наделяющих себя правом выработать «единственно верные» постулаты;

3) наличие исторических традиций использования терроризма как якобы эффективного средства социальных преобразований;

4) отсутствие эффективной системы социальных гарантий населения и резкое снижение его социальной защищенности;

5) ослабление духовных, нравственных, моральных устоев общества, культурного уровня и правосознания населения;

б) широкая пропаганда культа жестокости и насилия средствами массовой информации и, более того, их превращение в своего рода «оружие массового поражения».

Одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на терроризм в пограничных районах, является коррупция. На Северном Кавказе взяточничество приняло «абсолютно угрожающий характер». По словам Президента Российской Федерации, коррупция здесь является фактором прямого пособничества террористам-убийцам, носит клановый характер, что еще больше осложняет борьбу с ней. Так, только в Республике Дагестан число уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных с января по октябрь 2014 г., увеличилось на 49,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. и составило 220*. Основное количество дел возбуждено в отношении чиновников органов государственной власти, правоохранительных и контролирующих органов.

Криминальный бизнес, основанный на привлечении населения к участию в незаконных вооруженных формированиях и осуществляемый в целях дестабилизации обстановки, подрыва конституционного строя, а чаще всего — получения материальных средств и коммерческих преференций от предпринимателей, не получил бы такое распространение в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, если бы уровень коррумпированности чиновников всех звеньев власти не был так высок [11].

Формами реализации коррупционных устремлений, выступающими террористическими факторами, являются:

1) передача информации о планируемой или реализуемой антитеррористической деятельности от компетентных должностных лиц террористам и их сообщникам;

2) отказ должностного лица от антитеррористической деятельности (или конкретного мероприятия антитеррористической направленности), уполномоченного принимать решение о его проведении, в силу коррупционного сговора;

3) сокрытие информации о результатах осуществления контрольной де-

ятельности (пограничной, таможенной, регистрационной и т.д.), содержащей в себе сведения о готовящемся либо совершаемом террористическом акте или ином преступлении террористического характера, а также о признаках существования незаконного вооруженного формирования;

4) освобождение от ответственности либо ее смягчение в отношении лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях и иной террористической деятельности.

Таким образом, несмотря на единую с международным терроризмом социальную и экономическую природу, террористическая активность в пограничной сфере имеет свою специфику, выраженную в ее трансграничном характере и способности влиять на генезис терроризма в целом в Российской Федерации. Полагаем, что пограничная сфера государства подвержена широкому спектру террористических угроз, особенностями которых являются:

1. Трансграничный характер террористической деятельности.

2. Использование религиозных лозунгов в оправдание насилия по отношению к представителям других религиозных конфессий. Исламизация терроризма.

3. Наличие террористических организаций, имеющих контакты с международными террористическими объединениями.

4. Использование террористических актов в целях ведения коммерческой деятельности.

5. Влияние норм обычного и традиционного права на террористическую активность.

6. Воздействие на террористическую деятельность со стороны иностранных специальных служб.

В заключение обратим внимание на необходимость активизировать международное антитеррористическое сотрудничество. По словам заместителя министра иностранных дел Российской Федерации О. Сыромолотова, «...у нашей страны есть и успешный национальный опыт обеспечения антитеррористической защищенности, и авторитет государства, которое никогда в сфере контртерроризма не применяло двойных стандартов, всегда исходило из важности для мирового сообщества действительно объединять свои усилия для отражения глобальной террористической

* См.: Чайка Ю.Я. Доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/pda/appearances/>

угрозы» [12]. Олицетворением этой угрозы сейчас выступает «Исламское государство», но остаются и другие весьма опасные составляющие «террористического интернационала», такие как «Аль-Каида», движение «Талибан», «Эмират Кавказ», «Хизбут-Тахрир». И эффективно бороться

с ними можно только на основе международного права, решений ООН и ее Совета Безопасности, при последовательном соблюдении принципов суверенитета и равноправия государств, не пытаясь использовать те или иные группировки в политических или геополитических целях.

Список литературы

1. Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
2. Кусов О. До и после Доку Умарова // Радио «Свобода», 09.06.2009. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1750382.html> (дата обращения: 10 окт. 2014 г.).
3. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
4. Атамурзаева Ф.И. Причины распространения исламского фундаментализма в современной России // Религия и гражданское общество: проблема толерантности: материалы круглого стола (г. Санкт-Петербург, 16 ноября 2002 г.). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 61-68.
5. Родионов М.А. Ислам классический. СПб., 2001.
6. Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2005. N 11.
7. Патрушев Н.П. За терактами в России стоят международные террористические организации. URL: <http://www.rusnvosti.ru/print.aspx?id=113835> (дата обращения: 29 окт. 2014 г.).
8. Черниенко Т. Современный ваххабизм и его глобальные амбиции. URL: <http://www.shia.spb.ru/ru/publ/info/346> (дата обращения: 12 дек. 2013 г.).
9. Зыков И.А. Терроризм как угроза пограничной безопасности России в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
10. Белявский Д.Г. Криминологические детерминанты терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
11. Гурулев Д. Проблемы борьбы с терроризмом // Законность. 2007. N 6.
12. Без внешней поддержки «Исламское государство» не добилось бы такой силы. Новый заместитель главы МИД РФ Олег Сыромолотов о международных усилиях в борьбе с терроризмом // Коммерсантъ. 2015. 26 июля.

References

1. *Narody Rossii. Entsiklopediya* [The peoples of Russia. Encyclopedia]. Moscow, 1994.
2. Kusov O. *Do i posle Doku Umarova* [Before and after Doku Umarov]. Radio "Svoboda", 09.06.2009. [Radio "Freedom", 09.06.2009]. Available at: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1750382.html> (Accessed 10 October 2014).
3. *Islam. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam. Collegiate Dictionary]. Moscow, 1991.
4. Atmurzaeva F.I. *Prichiny rasprostraneniya islamskogo fundamentalizma v sovremennoy Rossii* [The reasons for the spread of Islamic fundamentalism in modern Russia]. *Religiya i grazhdanskoe obshchestvo: problema tolerantnosti* [Religion and civil society: the problem of tolerance]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 2003. Pp. 61-68.
5. Rodionov M.A. *Islam klassicheskiy* [Islam classic]. St. Petersburg, 2001.
6. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* – Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2005, no. 11.
7. Patrushev N.P. *Za teraktami v Rossii stoyat mezhdunarodnye terroristicheskie organizatsii* [During the terrorist attacks in Russia are international terrorist organizations]. Available at: <http://www.rusnvosti.ru/print.aspx?id=113835> (Accessed 29 October 2014).
8. Chernienko T. *Sovremennyy vakhhabizm i ego global'nye ambitsii* [Modern Wahhabism and its global ambitions]. Available at: <http://www.shia.spb.ru/ru/publ/info/346> (Accessed 12 December 2013).
9. Zikov I.A. *Terrorizm kak ugroza pograničnoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh globalizatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Terrorism is a threat to Russia's security border in the context of globalization. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2010.
10. Belyavskiy D.G. *Kriminologicheskie determinanty terrorizma. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological determinants of terrorism. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2010.
11. Gurulev D. *Problemy bor'by s terrorizmom* [Combating terrorism]. *Zakonnost'* – Legality, 2007, no. 6.
12. *Bez vneshney podderzhki «Islamskoe gosudarstvo» ne dobilos' by takoy sily. Novyy zamestitel' glavy MID RF Oleg Syromolotov o mezhdunarodnykh usiliyakh v bor'be s terrorizmom* [Without external support "Islamic state" is not achieved to such a force. New Deputy Foreign Minister Oleg Syromolotov on international efforts to combat terrorism]. *Kommersant* – Kommersant, 2015, 26 July.

Раздел 5. Пенитенциарная система

<p>СТУКАНОВ В.Г., кандидат психологических наук, доцент, Stukanoff@tut.by Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 220005, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Машерова, 6</p>	<p>STUKANOV V.G., Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Stukanoff@tut.by Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Masherova Avenue 6, Minsk, 220005, Republic of Belarus</p>
---	---

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ КАК ОБЪЕКТ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Реферат. Условием социальной профилактики преступности является правовое воспитание, предусматривающее формирование правосознания личности, важнейшее направление которого — исправление личности осужденных. Исполнение наказания в виде пожизненного заключения не предусматривает достижение цели исправления. Законом каждому осужденному к пожизненному заключению дается шанс получить освобождение, что обуславливает исправительный характер отбывания данного наказания. Объектом исправительного воздействия должно выступать правосознание личности, предметом — его свойства, детерминирующие направленность социально-правового поведения: оценочное отношение к закону, правомерному и противоправному поведению, субъектам такого поведения, правоохраняемым социальным ценностям, органам правопорядка, выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка, а также социально-правовые ожидания. Эти свойства выступили предметом эмпирического исследования, проведенного в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь. Выявлены особенности правосознания осужденных к пожизненному заключению (свойства, образующие дефекты правосознания): стремятся казаться себе и другим более социально привлекательными; подчеркивают необходимость соблюдения правовых предписаний при любых обстоятельствах; убеждены в высоком уровне преступности в обществе; воспринимают значительную часть граждан общества как субъектов преступления; придают большую субъективную значимость преступным способам удовлетворения потребностей и разрешения жизненных проблем; их правовая самооценка не адекватная; воспринимают себя хорошо подготовленными в правовом отношении; социально-правовые ожидания ориентированы на то, чтобы избежать уголовной ответственности в будущем; имеют крайне отрицательное отношение к правоохранительным органам. Указанные особенности правосознания личности осужденных к пожизненному заключению выступают предметом исправительного воздействия (педагогической и психологической коррекции).

Ключевые слова: осужденные, правосознание, социально-правовое поведение, дефекты правосознания.

LEGAL CONSCIENCE OF THE PERSON SENTENCED TO LIFE IMPRISONMENT AS THE OBJECT OF CORRECTION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Abstract. The condition of social prevention of crime is legal education involving the formation of person's legal conscience, the most important direction of which is convicts correction. Execution of penalty by life imprisonment doesn't achieve the purpose of correction. According to law, every person sentenced to life imprisonment has a chance to be released, that causes the corrective nature of serving this punishment. The correction object should be the person's legal conscience, the subject should be its characteristics determining the direction of social and legal behavior: evaluating attitude to law, lawful and unlawful behavior, subjects of such behavior, social values protected by law, law enforcement agencies, performing a civic duty to participate in law and order maintenance, as well as social and legal expectations. These characteristics became the subject of empirical research conducted in the institutions of the penitentiary system of the Ministry of Internal Affairs of Belarus. The peculiarities of legal conscience of people serving life imprisonment (characteristics forming defects of legal conscience) are revealed: they tend to seem more socially attractive; emphasize the need for compliance

with legal regulations under all circumstances; believe in high crime rate in society; perceive the significant part of citizens as subjects of crime; attach great importance to criminal ways of satisfying their needs and resolving life's problems; consider themselves well legally trained; their legal self-esteem is not adequate; social and legal expectations are focused on avoiding criminal liability in future; attitude to law enforcement agencies is extremely negative. These features of legal conscience are the subject of educational and psychological correction.

Keywords: convicts, legal conscience, social and legal behavior, defects of legal conscience.

Важнейшей задачей государства является социальная профилактика правонарушений, которая предусматривает не только устранение причин и условий преступности, но и правовое воспитание членов общества. Правовое воспитание направлено на формирование определенных свойств и качеств личности, которые образуют правосознание и выступают внутренней предпосылкой правомерного поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, регулируемых нормами права. Таким образом, условием эффективного предупреждения преступности выступает формирование правосознания личности законопослушной направленности. Целью правового воспитания является формирование готовности личности: а) неукоснительно соблюдать установленные законом обязанности и запреты в основных сферах юридически значимого поведения (обеспечения материальных интересов; взаимодействия с другими людьми; потребления, досуга и развлечений); б) осуществлять социальные роли и функции, реализация которых регламентирована правом и предусматривает определенные обязанности по исполнению гражданского долга защиты Отечества, участию в поддержании правопорядка и противодействии противоправным деяниям; уважительное отношение к правоохраняемым ценностям, выполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей, а также трудовых, налоговых и иных имущественных обязанностей и др.; в) противостоять криминогенным влияниям (укрепление ее антикриминальной устойчивости).

Реализация указанных целей требует дифференцированного подхода к постановке психолого-педагогических задач. В отношении граждан с законопослушной направленностью поведения они должны быть направлены на укрепление законопослушной позиции и предупреждение образования дефектов правосознания, а также на активное участие в защите правопорядка. В отношении правонарушителей зада-

чи должны предусматривать исправление криминогенных свойств личности, формирование ее антикриминальной устойчивости и готовности к правомерному решению жизненных проблем в различных сферах жизнедеятельности.

Процесс исполнения наказания в виде пожизненного заключения отличается определенной спецификой и не предусматривает достижение цели исправления данной категории осужденных. Вместе с тем в части 4 статьи 58 Уголовного кодекса Республики Беларусь определяется, что по отбытии 20 лет лицам, осужденным к пожизненному заключению, суд может заменить дальнейшее отбывание пожизненного заключения лишением свободы на срок не свыше пяти лет. Иначе говоря, каждый осужденный к пожизненному заключению может быть освобожден и имеет возможность вернуться в свободное общество. В связи с этим процесс отбывания данного вида наказания необходимо организовывать так, чтобы реализовывались исправительные задачи по формированию у осужденных к пожизненному заключению готовности вести законопослушный образ жизни после гипотетического освобождения. Для этого необходимо знать психолого-педагогические особенности личности данной категории осужденных, в том числе содержательные характеристики тех свойств, которые образуют дефекты правосознания.

Правосознание как объект формирующего влияния представляет собой систему психологических свойств личности, относящихся к ее когнитивному и эмоциональному уровням и детерминирующих субъективное отражение правовой действительности и социально-правовое поведение человека. Ядро правосознания личности, детерминирующее социально-правовую направленность поведения, составляют: знание правовых предписаний, оценочное отношение к ним, правомерному и противоправному поведению, субъектам такого поведения (законопослушно-

му человеку, преступнику, потерпевшему), правоохраняемым социальным ценностям, органам правопорядка и их деятельности, выполнению гражданского долга по участию в поддержании правопорядка, а также социально-правовые ожидания. Указанные свойства правосознания личности осужденных выступили предметом нашего исследования. Вместе с тем результаты исследований А.И. Долговой, Г.Х. Ефремовой, А.Р. Ратинова, А.М. Столяренко [1, с. 197-206; 2, с. 86, 95-97; 3, с. 201-2014; 4, с. 58] и других свидетельствуют о том, что уровень правовых знаний существенно не влияет на направленность социально-правового поведения человека. В связи с этим мы не изучали содержание правовой подготовки данной категории осужденных.

Эмпирическим исследованием было охвачено большинство осужденных к пожизненному заключению (далее — осужденных, если иное не указано), отбывающих наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь. Методы исследования: изучение личных дел осужденных (100 %); опрос посредством авторской анкеты, беседа, метод ассоциаций (76 осужденных, или 53 % от их общей численности); анализ экспертных оценок (17 руководителей подразделений уголовно-исполнительной системы, психологи и офицеры-воспитатели). Цель исследования — выявление психолого-педагогических особенностей правосознания личности, его дефектов.

Результаты исследования позволили, в первую очередь, составить социально-демографический и психологический портрет осужденных к пожизненному заключению. Средний возраст данной категории преступников — 34 года, абсолютное большинство имеют, как правило, базовое начальное образование либо общее среднее образование (81 %). Ранее неоднократно судимые (70 %); все осуждены за умышленные убийства, сопряженные с отягчающими обстоятельствами (разбоем (36 %), хищением (25 %), изнасилованием (11 %), бандитизмом (5 %) и др. Большинство склонны к злоупотреблению алкоголем. Осужденные к пожизненному заключению ориентированы прежде всего на получение личной выгоды. Практически все отличаются жестокостью, садистскими

склонностями. Как правило, отличаются неспособностью к сопереживанию, эмоциональной холодностью, эгоцентризмом. Так, например, осужденный к пожизненному заключению С., 1965 г.р., ранее дважды судим. Осужден за убийство родителей с особой жестокостью, убивал их на глазах друг у друга. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес своей матери 55 ударов, а отцу — 45 ударов деревянным стулом и скамейкой, а затем кухонным ножом нанес матери 2 удара, отцу 3 удара в область грудной клетки.

Почти 70 % осужденных состоят на профилактическом учете как склонные к побегу, суициду, имеющие психические отклонения и серьезные соматические заболевания. Уровень интеллекта ниже среднего. Характерным для них является низкий уровень субъективного контроля поведения, стремятся избежать ответственности. Все осужденные желают досрочного освобождения, для большинства это единственная жизненная перспектива, в которую они верят. В основном все стремятся поддерживать эмоционально-позитивные отношения с близкими родственниками. 40 % осужденных данной категории считают пожизненное заключение менее гуманным наказанием, чем смертная казнь. Условия строгой камерной изоляции, эмоциональная и психофизиологическая депривация обуславливают невротизацию личности, продуцируют состояния внутреннего напряжения и сверхвысокой конфликтности (73 %).

В результате исследования правосознания установлено, что осужденные к пожизненному заключению, в отличие от респондентов других категорий осужденных (к лишению свободы, ограничению свободы, аресту), а также правопослушных граждан, стремятся давать на вопросы социально одобряемые ответы, чтобы казаться себе или другим более социально привлекательными. Так, при изучении отношения к закону абсолютное большинство осужденных указывало, что «закон — это правила, которые нельзя нарушать» (78,9 %), «закон равен для всех» (76,3 %). При этом данная категория осужденных стремится подчеркнуть, что закон нужно исполнять при любых обстоятельствах, даже если он не справедлив (71,1 % полностью либо частично согласны), или за его

нарушение ничего не будет (76,3 % ответили утвердительно). Результаты исследования с помощью метода ассоциаций свидетельствуют, что большинство реакций на стимульное слово «закон» (63,3 %) носит положительный характер («безопасность», «Библия», «власть», «доверие», «защита», «ответственность» и др.), 20,0 % – отрицательный смысл («досада», «грусть», «отвращение», «лицемерие», «прокурор Снегирь», «слепая баба с весами» и др.) и 15,7 % – нейтральный («кодекс», «УИК», «УПК», «рамки», «запреты» и др.).

Социально-правовые представления. Установлены существенные отличия социально-правовых представлений осужденных к пожизненному заключению от представлений осужденных других категорий и правопослушных граждан. Так, 67,1 % из них полагают, что в обществе совершается очень много преступлений (так считают 56,2 % осужденных всех категорий и 55,8 % правопослушных граждан). При этом две трети осужденных воспринимают большинство членов общества как правонарушителей, которые достигают успеха в жизни, нарушая закон. 45 % из них считают, что любой человек ради материальной выгоды может совершить преступление.

Вместе с тем социально-правовые представления носят противоречивый характер. Так, воспринимая большинство членов общества как потенциальных преступников, 61,9 % осужденных считают, что человек может быть счастлив только тогда, когда не нарушает закон. Доминирующие представления осужденных о способах решения жизненных проблем в основных сферах жизнедеятельности человека носят также неоднозначный характер. Так, с одной стороны, выявлены представления о преобладании правомерных способов достижения людьми материального благополучия (44,7 %), проведения досуга и свободного времени (73,7 %), решения проблем, возникающих во взаимоотношениях с другими людьми (48,7 %). С другой стороны, две трети осужденных высказывают убеждения о существовании больших противоправных возможностей и способов для удовлетворения материальных потребностей (73,7 %), для того, чтобы «хорошо отдохнуть» (65,8 %), «решить проблемы, возникающие в отношениях с другими людьми (оскорбления,

невозврат долга, измена, предательство и т.д.)» (74,2 %).

Правовая самооценка. В ходе исследования выявлено, что правовая самооценка осужденных носит неадекватный, искаженный характер. С одной стороны, 65,8 % из них сожалеют о совершенном преступлении, раскаиваются, но лишь 26,3 % принимают всю вину в совершенном преступлении на себя, более трети либо отрицают вину, либо считают, что во всем виноваты обстоятельства. Дополнительные исследования (с помощью методов беседы, экспертных оценок) показали, что осужденные демонстрируют раскаяние с целью получения сочувствия и снисхождения, получения возможности перевода в обычные жилые помещения, применения гуманных актов помилования, амнистии, досрочного освобождения и т.д. Признавая личную ответственность за совершенные убийства (57,9 %), считают назначенную меру наказания несправедливой, с необоснованно большим сроком наказания (около 40 %).

Были изучены представления респондентов о вероятности совершения в будущем преступления и привлечения к уголовной ответственности. Большинство осужденных уверены, что в будущем не совершат уголовно наказуемых деяний (40 %) и, соответственно, никогда не будут наказаны. Уверенность респондентов основывается на представлениях о хорошей личной правовой подготовке, достаточном знании требований законов (более половины), а также убеждении, что по своим личным качествам могут жить, не нарушая закон (44,7 %). Для сравнения: лишь 17,1 % осужденных к лишению свободы и 6,1 % осужденных к аресту выражают уверенность в беспрепятственном в уголовном отношении будущем.

Социально-правовые ожидания осужденных носят противоречивый характер. С одной стороны, большинство из них указывают на отрицательные последствия совершения преступного деяния (52,6 %), с другой – выражают уверенность, что «очень много преступников остаются безнаказанными» (63,2 % полностью либо частично согласны), считают, что определенные жизненные проблемы невозможно решить, не нарушая закон (72,4 % полностью либо частично согласны).

Результаты исследования свидетельствуют, что отношение осужденных к правоохранительным органам и их деятельности в целом отрицательное, что не вызывает удивления. Вместе с тем отношение осужденных изучаемой категории, например, к милиции более благосклонное и уважительное, чем отношение других категорий лиц, отбывающих уголовное наказание, а по некоторым позициям — и законопослушных граждан. 57,9 % осужденных к пожизненному заключению считают, что «в милиции профессионалов меньшинство», 2,6 % — что «там работают неудачники».

Оценивая личностные качества сотрудников милиции, респонденты, как правило, указывали на их враждебность, грубость, некомпетентность, нечестность. У большинства опрошенных сформирован стереотип о коррумпированности представителей правоохранительных органов. В итоге большинство осужденных не доверяют милиции, и лишь 18,4 % доверяют, еще меньше респондентов (17,1 %) доверяют суду.

Результаты исследования с помощью метода ассоциаций свидетельствуют, что у осужденных доминируют отрицательные реакции на стимульный материал «милиция» (42,5 %) и «суд» (44,0 %), которые в основном касаются нарушений законности («беззаконие», «беспредел», «болят почки», «майор Евсюков» и т.д.), коррупции («взяточники», «блат», «деньги», «подкуп» и т.д.) и личностных характеристик представителей власти («бездельники», «хамло», «некомпетентность» и т.д.).

Таким образом, правосознание осужденных к пожизненному заключению характеризуется следующими особенностями (свойствами, образующими дефекты правосознания):

1. При субъективном отражении правовой действительности стремятся казать себе и другим более социально привлекательными. Подчеркивают необходимость соблюдения правовых предписаний при любых обстоятельствах.

2. Социально-правовые представления носят противоречивый характер. Убеждены в высоком уровне преступности в обществе. При этом воспринимают значительную часть общества как субъектов преступления.

3. Выявлены в достаточной степени представления о правомерных возможностях удовлетворения материальных, досуговых, коммуникативных и прочих потребностей, но при этом установлена высокая субъективная значимость преступных способов (как более быстрых и доступных) их удовлетворения.

4. Правовая самооценка осужденных носит неадекватный, искаженный характер. С одной стороны, они сожалеют о совершенном преступлении, раскаиваются, но при этом приписывают причины своего поведения внешним обстоятельствам. Раскаяние демонстрируют с целью получения сочувствия, снисхождения и личной выгоды.

5. Социально-правовые ожидания ориентированы на избегание уголовной ответственности значительной частью субъектов правонарушений. Представления о недопустимости в будущем уголовно наказуемых деяний, убежденность в невысокой вероятности наступления негативных последствий при совершении преступных деяний. Неадекватно воспринимают себя хорошо подготовленными в правовом отношении, способными по своим личным качествам жить, не нарушая закон.

6. Отношение осужденных к правоохранительным органам и их деятельности в целом отрицательное. Вместе с тем демонстрируют более благосклонное и уважительное отношение к сотрудникам ОВД, чем другие категории осужденных и в сравнении с законопослушными гражданами (феномен конформности и социальной привлекательности).

Указанные особенности правосознания личности осужденных к пожизненному заключению выступают предметом исправительного воздействия (педагогической и психологической коррекции).

Список литературы

1. Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Правовая культура и вопросы правового воспитания / под ред. А.Д. Бойкова, В.И. Каминской, А.Р. Ратинова, В.В. Степанова, А.С. Шляпочникова. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1974. С. 197-206.

2. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступность молодежи. М.: ВИИПРМП, 1976.
3. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 201-214.
4. Столяренко А.М. Правовая психология личности // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

References

1. Dolgova A.I. *Izuchenie pravovogo soznaniya nesovershennoletnikh* [Study of justice of minors]. *Pravovaya kul'tura i voprosy pravovogo vospitaniya* [Legal culture and legal education issues]. Moscow, 1974. Pp. 197-206;
2. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. *Pravovaya psikhologiya i prestupnost' molodezhi* [Legal psychology and youth crime]. Moscow, 1976.
- 3 Ratinov A.R. *Struktura pravosoznaniya i nekotorye metody ego issledovaniya* [The structure of justice and some methods of its investigation]. *Metodologiya i metody sotsial'noy psikhologii* [Methodology and methods of social psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1977.
4. Stolyarenko A.M. *Pravovaya psikhologiya lichnosti* [Legal personality psychology]. *Entsiklopediya yuridicheskoy psikhologii* [Legal Encyclopedia of Psychology]. Moscow, YuNITI-DANA, Zakon i pravo Publ., 2003.

Раздел 6. Правоохранительная политика

<p>ТЮШНЯКОВА О.В., кандидат юридических наук, доцент, malyvina_10@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Тольяттинский государственный университет, 445667, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57</p>	<p>TYUSHNYAKOVA O.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, malyvina_10@mail.ru Chair of criminal law and criminology; Tolyatti State University, Ushakova St. 57, Tolyatti, 445667, Russian Federation</p>
--	---

«БЕССИСТЕМНАЯ» СИСТЕМА УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Реферат. Анализируется действующая система наказаний, представленная в ст. 44 УК РФ. Обосновывается, что изменения, внесенные за последние пять лет в Уголовный кодекс РФ, привели к тому, что система наказаний перестала отвечать некоторым требованиям системы (системности). Доказывается несоответствие существующей системы наказаний как философскому учению о системе, так и требованиям системного подхода, являющегося частью методологии юриспруденции. Исследуются поправки, принятые в УК РФ, выделяются признаки, присущие установленной системе. Особое внимание уделяется тем критериям системы, которым не отвечает современная система наказаний. Аргументируется, что основное требование системы – порядок следования ее структурных элементов – оказалось нарушенным. Предлагается внести изменения в УК РФ для устранения этого недостатка. Сделан вывод о том, что после увеличения размеров штрафов и изменения сущности ряда наказаний они перестали располагаться последовательно: от менее строгого к более строгому. Изучение карательных элементов привело к мысли, что наказание в виде ограничения свободы необходимо исключить из ст. 44 УК РФ и включить в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» либо расширить количество незначительных карательных элементов условного осуждения за счет наделения данной меры дополнительными обременениями, свойственными ограничению свободы. Под системой наказаний предлагается понимать предусмотренный законом и обязательный для суда целостный и исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в иерархически заданной последовательности, в зависимости от их функционального назначения, а также характера и сравнительной строгости.

Ключевые слова: уголовный кодекс, система, система наказаний, признаки системы наказаний, иерархия, основные и дополнительные наказания, наказания с двойственной природой, взаимосвязь структурных элементов, ограничение свободы.

“UNSYSTEMATIC” SYSTEM OF CRIMINAL PUNISHMENT

Abstract. The current system of penalties provided by Article 44 of the RF Criminal Code is analyzed. It's argued that changes made to the code during last 5 years led to the fact that the penal system no longer meets certain requirements of the system. The inconsistency of the existing system of punishments with philosophical doctrine of the system and requirements of the system approach, which is a part of jurisprudence methodology, is proved. Amendments to the RF Criminal Code are investigated, features typical for the analyzed system are distinguished. Special attention is paid to the criteria of the system, which the modern penal system doesn't meet. It's argued that the main system requirement – the sequence of its structural elements – was violated. It's proposed to amend the RF Criminal Code to eliminate this drawback. It's concluded that after increasing fines and changing the essence of a number of penalties they ceased to be consecutive: from less strict to more strict ones. The study of the punitive elements allows to conclude that it's necessary to exclude the punishment in form of restraint of liberty from Article 44 of the RF Criminal Code and include it in Section VI “Other measures of criminal legal character”, or to expand the number of minor punitive elements of probation by giving this measure additional burdens inherent in the restraint of liberty. It's proposed to understand the penal system as a comprehensive list of types of punishments arranged hierarchically in a predetermined sequence, according to their functional purpose, nature and comparative severity.

Keywords: criminal code, system, penal system, characteristics of penal system, hierarchy, basic and additional punishments, punishment of a dualistic nature, interconnection of structural elements, restraint of liberty.

Мы давно уже привыкли к тому, что приведенный законодателем перечень уголовных наказаний представляет собой систему. Само словосочетание «система наказаний» нас нисколько не смущает, наоборот, мы приводим массу доводов для доказательства того, что система наказаний скорее есть, чем ее нет. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) не содержит понятия системы наказаний. Действующий УК 1996 г., как и предыдущий УК 1960 г., содержит лишь норму с названием «Виды наказаний», сформулированную в ст. 44 УК РФ. Общефилософское понятие системы, как и понятие системы наказаний, выработано наукой и следственно-судебной практикой. Так что мы имеем на самом деле? Действительно ли перечень наказаний в действующем УК РФ представляет собой систему? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо для начала проанализировать более широкое понятие «система».

По нашему мнению, понятие системы наказаний необходимо трактовать, исходя из базового понятия «система». Любая система – это прежде всего философское понятие, и система уголовных наказаний должна отвечать общефилософским требованиям.

Согласно Толковому словарю система – это: 1. Определенный порядок в расположении и взаимосвязи частей чего-нибудь; 2. Форма, способ организации чего-нибудь; 3. Нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и взаимосвязанных частей [1, с. 534]. Данное толкование позволяет выделить ряд признаков системы:

а) любая система – это определенная совокупность (перечень) определенных элементов, явлений;

б) система выступает таковой лишь в том случае, если она состоит из конечного числа объектов, составляющих эту совокупность;

в) любая система будет таковой только тогда, когда она имеет определенную структуру;

г) перечень элементов в системе достаточно стабилен, без стабильности никакой системы не будет;

д) в рамках системы можно выделять подсистемы, то есть группы на основе тех или иных признаков [2, с. 27];

е) в правовой литературе правильно отмечается, что любая система характеризуется отграниченностью (отличием) своего множества (объекта) от других объектов [3, с. 346];

ж) система будет таковой тогда, когда в ней прослеживается связь ее структурных элементов и подсистем, причем это не просто связь, для системы характерно определенное взаимодействие, взаимосвязь ее структурных элементов;

з) система предполагает не только взаимосвязь, но и иерархию ее структурных элементов, их соподчиненность, т.е. структурные элементы находятся в определенной субординации по отношению друг к другу: есть главные, более значимые элементы этой структуры и есть менее значимые, играющие второстепенную, дополнительную роль в рамках этой структуры и системы в целом;

– любая система предполагает не только взаимодействие, субординацию, но она предполагает еще и комплексность и завершенность;

– особенностью любого системного образования является направленность его воздействия на объективные и субъективные реалии, ради этого воздействия возникает, существует, совершенствуется эта система;

– социальная система, в отличие от иных систем, имеет потенциальную возможность адаптироваться к различным постоянно изменяющимся реалиям социальной действительности;

– любая система имеет механизмы реализации ее элементов, применительно к уголовному наказанию должны быть социально-правовые механизмы реализации;

– любая система предполагает пути ее построения [4, с. 56].

Все эти общефилософские положения, характеризующие любую систему, казалось бы, свойственны и для системы наказаний. Так, система наказаний сформулирована в ст. 44 УК РФ и представляет собой перечень наказаний, построенный в определенном порядке. Порядок этот – величина непостоянная. Так, анализ ст. 21 УК РСФСР 1960 г. показывает, что система наказаний, предусмотренная в ней, «...строилась по принципу: от более строгого к менее строгому. На первом месте в этой системе наказаний находилось лишение свободы, затем ссылка,

завершался этот перечень общественным порицанием и, наконец, были указаны дополнительные наказания — конфискация имущества, лишение воинского или специального звания» [5, с. 57].

В действующем УК РФ избран другой принцип построения системы. Законодатель определил, что система должна строиться от менее строгого наказания к более строгому, что, на наш взгляд, предпочтительнее. В этих условиях в ст. 44 УК РФ на первом месте закреплено менее строгое наказание — штраф, на последнем месте — самое строгое наказание — смертная казнь как исключительная мера в период до полной ее отмены. Эта исключительная мера наказания, как видно, также входит в систему наказаний. Напомним, что в УК РСФСР 1960 г. смертная казнь не входила в систему наказаний, а была регламентирована отдельно в ст. 23 как временная мера.

На наш взгляд, именно данное основное требование системы — порядок следования ее структурных элементов — оказалось нарушенным в результате многочисленных изменений, внесенных в УК РФ за последние 5 лет. В настоящее время действующую систему наказаний можно с уверенностью назвать бессистемной, если сделать акцент на данном признаке, хотя есть и другие нарушенные требования, например, стабильность. Дело в том, что некоторые наказания сегодня занимают не свое место в перечне наказаний. Так, штраф с максимальным размером в 500 млн рублей трудно назвать самым мягким видом наказания, а ограничение свободы, занимающее место в центре системы, по своим карательным элементам, вернее, по их отсутствию, можно вообще из системы наказаний исключить, дополнив систему иных мер уголовно-правового воздействия (характера). Напомним, что согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному определенных ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных

мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей надзор за отбыванием осужденными данного наказания в виде ограничения свободы. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Два из указанных ограничений, установленных судом осужденному, являются обязательными: ограничение на изменение места жительства или пребывания без согласия уголовно-исполнительной инспекции, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования [6].

Очевидно, что существенных карательных элементов ограничение свободы не имеет, поскольку каких-либо серьезных, свойственных уголовному наказанию ограничений прав осужденного не происходит. Ограничения, перечисленные в ч. 1 ст. 53 УК РФ, сопоставимы с обыденными требованиями, предъявляемыми к поведению законопослушных граждан при определенных обстоятельствах (например, требованиями соблюдения режима лечения в стационаре, трудовой дисциплины и т.д.). Если же все-таки брать уголовно-правовой аспект, то ограничение свободы сопоставимо с такой мерой уголовно-правового воздействия, как условное осуждение. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, исключить данный вид наказания из ст. 44 УК РФ и включить в раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» либо расширить количество незначительных карательных элементов условного осуждения за счет наделения данной меры дополнительными ограничениями, свойственными ограничению свободы.

Следуя дальше по признакам общеправовой системы, видим, что в целом система наказаний соответствует почти всем остальным признакам:

— система наказаний состоит из конечного числа объектов — на сегодняшний день их 13 (с появлением в системе нового наказания — принудительных работ), причем этот перечень исчерпывающий;

— в рамках системы наказаний также можно выделять подсистемы, взяв за основу тот или иной признак. Так, в частности, в зависимости от возраста можно

выделить систему наказаний для совершеннолетних лиц, закрепленную в ст. 44 УК РФ (полную), и подсистему наказаний в отношении несовершеннолетних (усеченную), закрепленную в ст. 88 УК РФ. Помимо этого можно выделить подсистемы имущественных наказаний, наказаний, связанных с лишением или ограничением свободы, наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием, наказаний, оказывающих моральное воздействие на осужденного. Взяв за основу такой признак наказания, как срок, можно выделить подсистемы срочных и несрочных наказаний и т.д.;

— если любая система характеризуется отграниченностью (отличием) своего множества (объекта) от других объектов, то систему уголовных наказаний можно и следует отграничивать от системы мер уголовно-правового воздействия, которая помимо наказаний включает в себя и систему иных мер уголовно-правового характера; систему наказаний необходимо отграничивать и от системы других мер государственного воздействия, предусмотренных иными отраслями права;

— связь структурных элементов и подсистем наказаний можно легко проследить, анализируя конкретные нормы о некоторых видах наказаний. Для системы наказаний характерна не просто связь, а именно определенное взаимодействие, взаимосвязь ее структурных элементов, то есть наказаний. Наиболее ярко такая взаимосвязь прослеживается в нормах, предусматривающих возможность замены одного наказания другим в случае злостного уклонения от его отбывания. Так, например, согласно ч. 5 ст. 46 УК РФ, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа он заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы. Если штраф был назначен в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, он заменяется иным наказанием в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Из последнего вытекает, что в подобных ситуациях штраф можно заменить и таким строгим наказанием, как лишение свободы. Аналогичный механизм предусмотрен и применительно к таким наказаниям, как обязательные и исправительные работы, ограничение сво-

боды, принудительные работы. Так, обязательные, исправительные работы и ограничение свободы при злостном уклонении осужденного от их отбывания могут быть заменены принудительными работами или лишением свободы. А принудительные работы заменяются только лишением свободы. Взаимосвязь уголовных наказаний можно проследить и при так называемой «обратной» замене — в сторону улучшения положения лица при определенных обстоятельствах (например, при замене неотбытой части наказания более мягким видом в соответствии со ст. 80 УК РФ);

— система, как отмечалось выше, предполагает не только взаимосвязь, но и иерархию ее структурных элементов, которые находятся в определенной субординации по отношению друг к другу. В системе наказаний это требование также получило отражение, поскольку в ней есть наказания основные, играющие первостепенную роль, и дополнительные, менее значимые, играющие второстепенную, дополнительную роль в рамках системы наказаний в целом. На сегодняшний день в системе девять видов основных наказаний, одно дополнительное, но есть еще наказания, которые имеют двойственную природу, — так называемые смешанные наказания — их три. В 2009 г. система наказаний и в этой части также претерпела изменения, поскольку наказание в виде ограничения свободы, поменяв свою юридическую природу, переместилось из подсистемы основных наказаний, в подсистему наказаний с двойственной природой;

— изменения, вносимые в Уголовный кодекс, в частности, в систему наказаний, подтверждают возможность последней адаптироваться к различным постоянно изменяющимся реалиям социальной действительности;

— система наказаний, как любая система, имеет механизмы реализации ее элементов, получившие закрепление в нормах по назначению и исполнению всех видов уголовных наказаний.

Однако рассматривая такое требование системы, как стабильность, вряд ли сегодня можно сказать, что система наказаний этому требованию в полной мере отвечает. Перечень элементов в системе наказаний был достаточно стабилен до 2003 г. А с 2003 г. он менялся уже не раз.

Так, в 2003 г. была упразднена конфискация имущества как дополнительное наказание, в 2009 г. пополнилась подсистема дополнительных (а точнее, смешанных, двойственных) наказаний после изменения юридической природы такого наказания, как ограничение свободы, которое первоначально относилось к группе основных наказаний. Наконец, в 2011 г. система наказаний пополнилась новым видом — принудительными работами. Кроме того, многочисленные изменения вносились в содержание, сроки или размеры уголовных наказаний (только норма о штрафе менялась неоднократно, предусматривая первоначально его исчисление в МРОТ, затем в рублях, минимальный размер штрафа с 2 500 рублей увеличился до 5 тысяч, максимальный — поднялся уже до 5 млн рублей, если исчислять его в твердой денежной сумме, и до 500 млн рублей при исчислении его в величине, кратной стоимости предмета коммерческого подкупа или взятки).

Как видно, остальные признаки системы находят свое отражение в перечне наказаний. Можно согласиться с некоторыми авторами в том, что системе наказаний присущи и специфические признаки, раскрывающие ее особенности.

В первую очередь, тот факт, что система наказаний определяется законодателем и закреплена законодательно, то есть содержится в уголовном законе, отличает ее от иных правовых систем, порядок построения этой системы также определяется законом. Система наказаний совершенствуется и развивается, но одновременно «можно говорить и о стабильности, поскольку меняет эту систему только законодатель» [5, с. 57].

Другими авторами отмечается одновременная субъективность и объективность системы наказаний. Объективность системы отражает наличие социально обусловленных наказаний, субъективность означает, что система создается государством и людьми [3, с. 347].

Все это позволяет ученым-юристам дать определение понятия системы наказаний. Так, по мнению А.В. Наумова, «системой наказаний является установленный в уголовном законе исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке» [7, с. 369].

А.Ф. Сизый под системой понимает «установленный уголовным законом исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке по степени их тяжести, и применяемый от имени государства» [8, с. 111].

Представляется, что под системой наказаний следует понимать предусмотренный законом и обязательный для суда целостный и исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определенной иерархически заданной последовательности, в зависимости от их функционального назначения, а также характера и сравнительной строгости.

Из этого определения вытекает, что система уголовных наказаний — это перечень видов наказаний, который:

во-первых, определен законом, то есть этот перечень носит легальный характер, — он официально закреплён законодателем в соответствующем официальном источнике — уголовном законе;

во-вторых, элементы должны располагаться в установленной законом последовательности;

в-третьих, перечень наказаний является исчерпывающим. Тем самым подчеркивается, что система наказаний — категория статическая на данный момент времени [9, с. 418];

в-четвертых, государство, определяя перечень этих наказаний в определенной последовательности, тем самым раскрывает суть своей уголовно-правовой политики и показывает соподчинение и взаимосвязь этих наказаний;

в-пятых, перечень этих наказаний находится в прямой взаимосвязи с целями наказания и поэтому существует четко регламентированный порядок выбора того или иного наказания за совершенное преступление [5, с. 57].

Те виды наказаний, которые указаны в уголовном законе (ст. 44 УК РФ), составляют содержание системы наказаний. В настоящее время, после внесения изменений в систему наказаний Федеральным законом от 7 декабря 2011 г., их вновь стало 13.

Это:

а) штраф;

б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
г) обязательные работы;
д) исправительные работы;
е) ограничение по военной службе;
ж) утратил силу;
з) ограничение свободы;
з-1) принудительные работы;
и) арест;
к) содержание в дисциплинарной воинской части;
л) лишение свободы на определенный срок;
м) пожизненное лишение свободы;

н) смертная казнь.

Таким образом, в основном законодатель воспринял научное предложение о построении перечня наказаний — от менее строгого наказания к более строгому [10, с. 143]. Однако для того чтобы этот перечень действительно назывался системой, необходимо, во-первых, «перестроить» его элементы, а во-вторых, призвать законодателя не принимать скороспелых, необдуманых решений по внесению качественных и количественных изменений как в перечень наказаний в целом, так и в конкретные нормы, регламентирующие применение наказаний, в частности.

Список литературы

1. Лопатин В.В. Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1993.
2. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Т. 2. Общая часть. М.: Зерцало, 2002.
3. Кругликов Л.Л. Уголовное право России. Часть Общая. М.: БЕК, 1999.
4. Якушин В.А., Тюшнякова О.В. Наказание и его применение: учеб. пособие. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2006.
5. Якушин В.А., Тюшнякова О.В. Наказание и его применение: учеб. пособие. Тольятти: Волжский ун-т им. В.Н. Татищева, 2006.
6. Тюшнякова О.В. Место ограничения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия // Правоотношения и юридическая ответственность: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Тольятти: Изд-во Тольяттинского гос. ун-та, 2013.
7. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996.
8. Сизый А.Ф. Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций. Чебоксары, 2000.
9. Савюк Л.К. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова. М., 1997.
10. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1977.

References

1. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Malyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Small Dictionary of Russian language]. Moscow, Ruskiy yazyk Publ., 1993.
2. Kuznetsova N.F. *Kurs ugolovnogo prava. T. 2. Obshchaya chast'* [The course of the criminal law. Volume 2. The general part]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002.
3. Kruglikov L.L. *Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' Obshchaya* [Criminal law in Russia. General part]. Moscow, BEK Publ., 1999.
4. Yakushin V.A., Tyushnyakova O.V. *Nakazanie i ego primeneniye* [The penalty and its application]. Togliatti, Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2006.
5. Yakushin V.A., Tyushnyakova O.V. *Nakazanie i ego primeneniye* [Punishment and Its Application]. Togliatti, Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2006.
6. Tyushnyakova O.V. *Mesto ogranicheniya svobody v sisteme mer ugolovno-pravovogo vozdeystviya* [Place restrictions on freedom of action in the system of criminal law]. *Pravootnosheniya i yuridicheskaya otvetstvennost'* [The legal relations and legal responsibility]. Togliatti, Publisher of Togliatti State University, 2013.
7. Naumov A.V. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsiy* [Criminal law. General part. Lecture course]. Moscow, 1996.
8. Sizyy A.F. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Konspekt lektsiy* [Criminal law. General part. Lecture notes]. Cheboksary, 2000.
9. Savyuk L.K. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Moscow, 1997.
10. *Ugolovnyy zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law. Experience of theoretical modeling]. Moscow, 1977.

ЕПИХИН А.Ю.,
доктор юридических наук, профессор,
doc@epihin.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
420011, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

EPIKHIN A.Yu.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
doc@epihin.ru
Chair of criminal procedure and criminalistics;
Kazan (Volga region) Federal University,
Kremlevskaya St. 18, Kazan, 420011,
Russian Federation

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПОНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ (СТ. 302 УК РФ)

Реферат. Уголовная ответственность за понуждение к даче показаний относится к группе преступлений против интересов правосудия. Для правильной квалификации данного преступления и применения норм уголовного закона необходимы его анализ и сопоставление (систематическое толкование) с отдельными нормами уголовно-процессуального кодекса, так как в статьях УПК РФ установлен процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, в отношении которых может осуществляться уголовно наказуемое принуждение к даче показаний. Вместе с тем в отдельные статьи УПК РФ в последние годы были внесены изменения и дополнения, которые изменяют традиционные подходы к определению понятия «участник уголовного процесса». Так, например, новая редакция ст. 144 УПК РФ позволяет проводить широкий перечень следственных действий до возбуждения уголовного дела. Следовательно, и понуждение может быть оказано на отдельных участников процесса до начала производства по делу. Такое сопоставление норм уголовного материального и процессуального права позволяет выявить взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм для точного установления объективной стороны и правильной оценки деяния в конкретном составе преступления (ст. 302 УК РФ). Резюмируется, что квалификация по ст. 302 УК РФ требует применения как норм уголовного права, так и норм уголовно-процессуального права, без чего невозможна точная уголовно-правовая оценка законности проведения следственного действия, направленного на получение доказательств по уголовному делу. Законодателю следует обеспечивать соотносимость и непротиворечивость изменений и дополнений, вносимых в уголовный материальный и процессуальный законы.

Ключевые слова: уголовное дело, квалификация преступления, состав преступления, понуждение, дача показаний, участник уголовного процесса, борьба с преступностью.

INTERDISCIPLINARY PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ILLEGAL COMPULSION OF EVIDENCE (ART. 302 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. Criminal liability for compulsion to testify belongs to crimes against the interests of justice. Proper qualification of this crime and application of criminal law rules requires its analysis and comparison (systematic interpretation) with some of the rules of criminal procedure code, as the articles of the RF Criminal Procedure Code contain the procedural status of participants in criminal proceedings in respect of which compulsion of evidence punishable by criminal law can be applied. However, certain articles of the RF Criminal Procedure Code have been changed and amended recently, that changes the traditional approaches to the definition of "participant in criminal proceedings". For example, the amended Article 144 of the RF Criminal Procedure Code allows to conduct a wide range of investigative activities prior to criminal case initiation. Consequently, compulsion may be exerted on the individual participants before the beginning of the proceedings. Such comparison of the provisions of criminal substantive and procedural law allows to reveal the interrelation of criminal law and criminal procedural law rules and to establish the objective side of the crime and give a correct assessment of the act in a particular corpus delicti. It's summarized that the qualification of crime under Article 302 of the RF Criminal Code requires the application of both criminal law and criminal procedural law rules. Otherwise it's impossible to give an accurate criminal-legal assessment of the lawfulness of the investigative action aimed at obtaining evidence. The legislator should ensure the relevance and consistency of changes and amendments to the criminal substantive and procedural law.

Keywords: criminal case, qualification of a crime, corpus delicti, compulsion, testifying, participant in criminal proceedings, fight against crime.

Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний установлена в ст. 302 УК РФ. Данное деяние отнесено к перечню преступлений против правосудия. Межотраслевые проблемы уголовно-правовой квалификации этого преступления вызваны тем, что в диспозиции статьи перечислены участники уголовного судопроизводства (в качестве потерпевших и субъектов преступления), правовой статус которых, а также сама процедура получения доказательств ими установлены в уголовно-процессуальном законодательстве.

В качестве основного объекта преступного посягательства выступает установленный нормами УПК РФ порядок получения органами предварительного расследования доказательственной информации в форме показаний, который исключает незаконное влияние на лиц, являющихся ее носителями. Данное преступление может существенно затруднить достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), выполнение других задач уголовного процесса — установление истины, так как в результате незаконных действий могут быть получены ложные показания либо заключение эксперта. Кроме того, использование незаконных методов расследования влечет за собой признание полученных в результате их применения доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ), а следовательно, и исключение их из доказательственной базы как юридически ничтожных сведений.

Место этого состава среди других статей главы 31 УК РФ указывает в первую очередь на специфику основного непосредственного объекта соответствующего преступления: интересы правосудия, процесс получения доказательств по уголовному делу. В качестве дополнительного непосредственного объекта могут выступать законные интересы личности — участника производства по уголовному делу, который незаконно понуждается к даче показаний.

Потерпевшие в рассматриваемом преступлении обладают специальными признаками в силу прямого указания в диспозиции статьи. У каждого из них имеется уголовно-процессуальный статус, определенный нормами УПК РФ. Незаконное принуждение к даче показаний или заключения может иметь место только в отношении таких участников уголовного про-

цесса, как подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), потерпевший (ст. 42 УПК РФ), свидетель (ст. 56 УПК РФ), эксперт (ст. 57 УПК РФ), специалист (ст. 58 УПК РФ).

Из буквального толкования диспозиции ст. 302 УК РФ и предписания УПК РФ следует, что указанные участники производства по уголовному делу приобретают процессуальный статус только после возбуждения уголовного дела. Например, лицо становится подозреваемым при наличии четырех оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ:

- 1) когда в отношении лица возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены гл. 20 УПК РФ;
- 2) либо оно задержано в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК РФ;
- 3) либо к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ;
- 4) либо лицо уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Лицо признается обвиняемым, если:

- 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого;
- 2) вынесен обвинительный акт;
- 3) составлено обвинительное постановление (ч. 1 ст. 47 УПК РФ).

Момент признания лица потерпевшим ранее не был точно определен в уголовно-процессуальном законе. Он связывался с моментом вынесения постановления о признании лица потерпевшим.

Новеллы в ст. 42 УПК РФ на основании Федерального закона от 28 декабря 2013 г. N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»^{*} определили такой момент с самого начального периода: решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи

^{*} О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 432-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52 (ч. 1). Ст. 6997.

или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Следовательно, для выполнения объективной стороны преступления нормами УПК РФ установлен определенный временной период – после возбуждения уголовного дела. Такой вывод следует из толкования ст. 144 УПК РФ. В этой статье устанавливается возможность проведения процессуальных действий, в том числе и получение объяснения, но не показаний, от участников проверки, но не свидетелей или потерпевших.

Обратим внимание на то, что содержание ст. 144 УПК РФ было существенно изменено на основании Федерального закона от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ*, расширившего возможность проведения отдельных следственных действий, которые по общему правилу прежде до возбуждения уголовного дела проводить было запрещено.

С другой стороны, с учетом новелл на этой стадии процесса теперь возможно не только проведение экспертизы, но и участие в ее производстве, а также получение заключения эксперта, проведение освидетельствования, в котором может принимать участие специалист (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Таким образом, до возбуждения дела возможность незаконного принуждения специалиста или эксперта к даче заключения в настоящее время может иметь место.

Вместе с тем отдельные авторы наблюдают противоречия между нормами УПК РФ. Так, М.В. Мешков и В.В. Гончар отмечают, что дознаватель (следователь), осуществляя проверку заявления о преступлении, исполняет требования ст. 144 УПК РФ, в части первой которой допускается осуществление освидетельствования до возбуждения уголовного дела. Намереваясь реализовать данную возможность, дознаватель (следователь) обращается к содержанию ст. 179 УПК РФ, регулирующей порядок и правила производства освидетельст

ования. В статье 179 УПК РФ предусмотрено проведение освидетельствования только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, то есть участников, статус которых формируется после возбуждения уголовного дела [1].

В диспозиции ст. 302 УК РФ перечислены способы принуждения. Представляется, что незаконность понуждения должна признаваться в качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления, так как понуждение может быть и на законных основаниях. Например, согласно требованиям ч. 5 ст. 164 УПК РФ дознаватель или следователь перед началом допроса как самостоятельного следственного действия обязаны предупредить допрашиваемого, за исключением подозреваемого (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) или обвиняемого (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания (ст. 307 УК РФ) и за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). Такое предупреждение и есть законное воздействие на поведение допрашиваемого в целях получения от него правдивых показаний по делу. Оно в определенной степени предупреждает возможность ложных показаний или отказ от дачи показаний.

Вместе с тем это предупреждение распространяется не на всех допрашиваемых. На основании ч. 2 ст. 191 УПК РФ несовершеннолетние свидетели и потерпевшие в возрасте до 16 лет не предупреждаются о подобной уголовной ответственности. Это правило обусловлено тем, что общий возраст наступления уголовной ответственности, начиная с 16 лет, установлен в ч. 1 ст. 20 УК РФ. В ее части 2 перечислены составы преступлений, за совершение которых уголовный закон устанавливает ответственность по достижении 14-летнего возраста, и среди них ст.ст. 307 и 308 УК РФ отсутствуют.

В связи с этим ч. 2 ст. 191 УПК РФ запрещает предупреждать несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в возрасте до 16 лет об уголовной ответственности по ст.ст. 307 и 308 УК РФ, им разъясняется необходимость «говорить правду».

Квалификация незаконного понуждения к даче показаний осложняется оценкой деяния субъекта преступления, которое может подпадать под смежные составы преступлений.

* О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 9. Ст. 875.

Обратим внимание на соотношение содержания признаков состава ст. 302 и ст. 309 УК РФ. В отличие от ст. 302 УК РФ, согласно которой в качестве субъектов данного преступления могут быть только лица, ведущие производство по делу, либо иные лица, которые оказывают противоправное воздействие на участников процесса при получении показаний, в соответствии со ст. 309 УК РФ субъектом преступления может быть любое лицо, за исключением перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ.

Так, приговором Краснокамского городского суда Пермского края от 5 марта 2015 г. по делу N 1-30/2015 гр. Д.А.А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ, с установлением наказания в виде лишения свободы. Судом установлено, что он угрожал пистолетом и убийством своей бывшей жене в случае, если она не изменит свои показания, которые уличали его в совершении преступления*.

Субъектом данного преступления может быть только лицо, которое осуществляет предварительное расследование по делу и имеет процессуальные полномочия на проведение следственных действий, получение показаний и составление необходимых процессуальных актов (протокола допроса). В случае, если постановление оказывается следователем, не имеющим полномочий на ведение данного дела, квалификацию следует осуществлять по ст. 286 УК РФ.

Так, судом установлено, что осужденный Бадма — Х. как руководитель следственного отдела был вправе осуществлять общий контроль за работой вверенного ему отдела, в том числе и за ходом расследования дела подчиненного ему следователя. В состав следственной группы по расследованию уголовного дела Бадма — Х. не входил, поэтому субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 302 УК РФ, он в данном случае не является. В связи с этим, поскольку осужденный избил двух потерпевших, то суд верно квалифици-

ровал его действия по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ**.

По смыслу УПК РФ дача показаний в ходе предварительного расследования заключается в сообщении данных, имеющих значение для дела, а также в ответах на поставленные вопросы в ходе таких следственных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте (ст.ст. 76-80, 173, 174, 189-194, 205 и др. УПК РФ).

В уголовно-процессуальном законе также подчеркивается, что правильность записи показаний удостоверяется подписями лиц, участвовавших в следственном действии (ч. 7 ст. 190 УПК РФ). Дачу показаний следует рассматривать как процесс предоставления в ходе следственных действий информации, имеющей отношение к обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ), ведущим уголовное дело дознавателю или следователю и удостоверение правильности ее фиксации в протоколе. Что же касается дачи заключения экспертом, то оно согласно ст. 204 УПК РФ выражается в предоставлении письменного и подписанного им документа, являющегося результатом произведенной экспертизы. При этом допрос эксперта как самостоятельное процессуальное действие может проводиться при наличии необходимости разъяснения данного им заключения (ст. 205 УПК РФ).

УПК РФ устанавливает определенные ограничения предмета допроса. Так, например, в соответствии с ч. 2 ст. 205 УПК РФ запрещается допрашивать эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной экспертизы. В части 3 ст. 56 УПК РФ перечислены лица, обладающие свидетельским иммунитетом (судья, присяжный заседатель, адвокат, защитник, священнослужитель, член Совета Федерации РФ, депутат Государственной Думы РФ при наличии определенных условий).

Таким образом, процесс квалификации деяния по ст. 302 УК РФ требует применения как норм уголовного права, так

* Приговор Краснокамского городского суда Пермского края от 5 марта 2015 г. по делу N 1-30/2015 // Архив судов общей юрисдикции. Приволжский федеральный округ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Кассационное определение Московского областного суда от 23 нояб. 2010 г. по делу N 22-7169 // Архив судов общей юрисдикции. Центральный федеральный округ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и норм уголовно-процессуального права. Подобное межотраслевое сопоставление позволяет более точно осуществлять уголовно-правовую оценку законности (незаконности) проведения следственного действия, направленного на получение доказательств по уголовному делу.

Действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство стре-

мительно изменяется. Выделяются новые формы этого процесса (гуманизация, либерализация) [2]. При этом законодателю следует учитывать корректность изменений и дополнений, которые вносятся в УК РФ и УПК РФ. Они должны быть соотносимыми и не должны противоречить друг другу.

Список литературы

1. Мешков М.В., Гончар В.В. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // *Мировой судья*. 2015. N 4. С. 14-18.
2. Епихин А.Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // *Вестник Удмуртского университета*. 2012. N 2-3. С. 140-145.

References

1. Meshkov M.V., Gonchar V.V. *Ugolovno-protsessual'naya deyatel'nost' v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: problemy pravovogo regulirovaniya* [Criminal procedure activity in a stage of initiation of legal proceedings: problems of legal regulation]. *Mirovoy sud'ya – Magistrate*, 2015, no. 4, pp. 14-18.
2. Epikhin A.Yu. *Osnovnye napravleniya ugolovnoy politiki Rossii na sovremennom etape* [The main directions of criminal policy of Russia at the present stage]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Herald of the Udmurt university*, 2012, no. 2-3, pp. 140-145.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

АБШИЛАВА Г.В., доктор юридических наук, почетный адвокат России, georost@list.ru	ABSHILAVA G.V., Doctor of Legal Sciences, Honored advocate of Russia, georost@list.ru
Международный центр защиты прав и интересов юридических и физических лиц, 620026, Екатеринбург, ул. Белинского, 83	The International center for protection of rights and interests of legal and physical persons, Belinsky St. 83, Yekaterinburg, 620026, Russian Federation

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СТОРОНАМИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ГЛАВОЙ 40.1 УПК РФ

Реферат. Рассматриваются процессуальные и материально-правовые предпосылки для заключения соглашения о сотрудничестве между сторонами защиты и обвинения и проведения процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (или согласие подозреваемого с возникшим в отношении его подозрением) является главным условием, при выполнении которого возможна реализация соглашения о сотрудничестве. Приводятся различные точки зрения ученых-процессуалистов, высказывающих опасения по поводу произвольной трактовки предмета соглашения стороной обвинения. В качестве иллюстрации описывается случай правоприменительной практики, когда досудебное соглашение расторглось по инициативе стороны обвинения в связи с тем, что обвиняемый отказался полностью признать свою вину по новому обвинению, предъявленному ему, в том числе и на основании данных, полученных в результате сотрудничества. Резюмируется, что предметом соглашения о сотрудничестве не могут быть событие преступления (оно или есть, или его нет, — не сторонам об этом договариваться), элементы его юридического состава, а также прочие обстоятельства, которые принято относить к материально-правовому содержанию уголовно-процессуальных отношений. Было бы справедливо, если бы обвинение, зафиксированное на момент заключения соглашения, не менялось в сторону ухудшения положения обвиняемого. Изменение обвинения в сторону смягчения допустимо, если это подтверждается доказательствами. В соглашении можно предусмотреть возможность изменения обвинения, возможность включения в соглашение новых пунктов, отмену, пересмотр соглашения при наступлении конкретных обстоятельств в силу изменения ситуации, позиции сторон обвинения и защиты. Это в большей степени способствовало бы соблюдению прав обвиняемого (подозреваемого).

Ключевые слова: соглашение о сотрудничестве, сторона обвинения, сторона защиты, правовые основания, предмет соглашения, уголовный процесс.

LEGAL GROUNDS FOR CONCLUDING A COOPERATION AGREEMENT BETWEEN THE PARTIES AND CONDUCTING THE PROCEDURE, PROVIDED BY CHAPTER 40.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Procedural and substantive conditions for concluding a cooperation agreement between the defense and prosecution as well as conducting the procedure provided by Chapter 40.1 of the RF Criminal Procedure Code are considered. The consent of the accused to the charges against him (her) (or the suspect's consent to the suspicion arisen against him (her) is the main condition under which implementing the cooperation agreement is possible. Various points of view of scientists, expressing the concerns about misinterpretation of the subject of the agreement by prosecution, are presented. The case of law enforcement practice is described: pre-trial agreement was terminated at the initiative of the prosecution due to the fact that the accused refused to fully acknowledge his guilt on the new charge brought against him, which was partially based on the data obtained as a result of cooperation. It's summarized that the criminal event, legal elements of crime, other circumstances that are usually attributed to the substantive content of criminal procedural relations, can't be the subject of the agreement. It would be fair if the charge recorded at the time of concluding the agreement didn't change to deteriorate the position of the accused. Mitigation of accusation is permissible if it's supported by evidence. The agreement might provide the possibility to change the charges, include new paragraphs in the agreement, cancel or revise the agreement upon the

occurrence of specific circumstances and due to changes in situation and positions of the prosecution and defense. It would contribute to the observance of the rights of accused (suspect).

Keywords: cooperation agreement, the prosecution, the defense, legal grounds, subject of the agreement, criminal procedure.

Процессуальной предпосылкой для заключения соглашения о сотрудничестве является признание обвиняемым факта виновного совершения преступления. Следует исходить из того, что материально-правовой предпосылкой проведения процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ, является факт совершения обвиняемым преступления или, иначе говоря, — событие, обстоятельства этого преступления. Обе предпосылки образуют те объективно существующие обстоятельства, которые имеются по делу в виде доказательств, полученных следователем, прокурором, обвиняемым, и оказывают влияние на мотивы поведения обеих сторон. Именно из установленных по уголовному делу фактов совершения преступного деяния исходят стороны обвинения и защиты, которые намереваются привести в действие механизм соглашения. Они непосредственным образом влияют на формирование позиций договаривающихся сторон.

Предпосылки объективны, но их действительность, т.е. способность быть процессуально значимыми, зависит от их введения в дело — посредством процессуальных действий сторон. Предпосылка может реализоваться, когда получает юридическую форму обвинения, подтверждаемого фактическим материалом. Сформулированное и доказанное подозрение, обвинение может повлечь досудебное соглашение о сотрудничестве.

Итак, материальным основанием для досудебного соглашения о сотрудничестве является факт совершения преступления обвиняемым, с которым государство на условиях, предусмотренных законом, может заключить соглашение. При этом очевидно, что процессуальными предпосылками заключения соглашения является нечто другое. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (подозреваемого — с подозрением) есть первая процессуальная предпосылка, которая в случае реализации (предъявления обвинения и полного признания обвиняемым своей вины по предъявленному обвинению) становится процессуальным основанием для заключения досудебного соглашения. Пересмотр этой исходной предпосылки, т.е.

предъявление обвиняемому нового обвинения, скорее всего, должно вести к пересмотру соглашения.

Презюмирование виновности обвиняемого и закрепление этого предположения в соглашении — совершенно необходимое условие действительности соглашения. Невинный человек, лицо, не имеющее статуса обвиняемого (подозреваемого), выступать стороной в соглашении о сотрудничестве не может. Конечно, допустима ситуация, когда необоснованно обвиненное лицо становится субъектом соглашения, но и в этом случае формальное условие — наличие у него процессуального статуса обвиняемого (подозреваемого) будет соблюдено. Если последующее расследование покажет невиновность этого лица, то условия соглашения автоматически аннулируются, само соглашение будет юридически ничтожным. Это, на наш взгляд, скажется и на доказательствах, полученных в рамках сотрудничества сторон по данному соглашению: их следует признать недопустимыми.

Необоснованно обвиненное в совершении преступления лицо может заключить соглашение о сотрудничестве, но только если на момент заключения обвинитель считал его виновным в совершении преступного деяния. При этом не имеет значения, какого именно, так как предметом соглашения о сотрудничестве является не преступление, совершенное обвиняемым, а уголовное преследование других лиц, совершивших преступление в соучастии с этим обвиняемым или другие преступления.

По нашему мнению, согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением (или согласие подозреваемого с возникшим в отношении его подозрением) является главным условием, при выполнении которого возможна реализация процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ.

Признание подозреваемым своей вины в инкриминируемом ему преступлении дает ему право заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения, однако в окончательном виде позиция предварительного следствия формулируется в постановлении о привлечении в качест-

ве обвиняемого. В связи с этим, на наш взгляд, прежде, чем стороны официально приступят к формулированию условий соглашения и заключению соглашения, нужно определиться с обвинением, по которому дело в отношении данного обвиняемого будет направлено в суд.

Следует отметить, что ухудшения положения обвиняемого, заключившего досудебное соглашение и выполнившего все свои обязательства, не должно быть. Изменение обвинения надо допускать лишь в случае, если будет доказана неискренность обвиняемого, отсутствие у него деятельного раскаяния. Мы понимаем, что реализовать на практике данное положение невозможно по причине следственной природы досудебного производства и активности органов предварительного расследования.

Опасения по поводу произвольной трактовки предмета соглашения стороной обвинения высказывались некоторыми учеными-процессуалистами. В частности, А.А. Васяев обращал внимание на то, что следователь сам будет определять степень и характер соглашения, т.е. устанавливать количество изобличенных соучастников преступления, характер изобличения, количество эпизодов изобличения и многое другое. Подозреваемый (обвиняемый) в этом случае лишается инициативы. Этот факт может вызвать череду оговоров и провокаций в отношении соучастников преступления лицом, заключившим досудебное соглашение. Например, подозреваемый (обвиняемый) может приуменьшить свою вину и преувеличить вину соучастников преступления. Однако, если понимать досудебное соглашение со следствием как соглашение сторон, а не одностороннее использование показаний подозреваемого или обвиняемого в обвинительных целях, то сторона защиты должна как можно точнее и подробнее указывать в подобных соглашениях гарантии (хотя следует понимать, что в рассматриваемых условиях ни о каких гарантиях говорить не приходится), предоставляемые стороной обвинения, прописывая все существенные условия договора [1, с. 92].

Подобные мысли высказывались и С.А. Касаткиной: «Отсутствие каких-либо объективных критериев оценки как прокурором, так и следователем, выполнения (невыполнения) обвиняемым принятых на себя по досудебному соглашению о

сотрудничестве обязательств, а также невозможность обжалования обвиняемым в суд принятого прокурором решения (по причинам ограниченных ст. 125 УПК РФ оснований судебного обжалования принимаемых в ходе расследования по уголовному делу решений должностных лиц) ставят его в неравное положение со стороной обвинения, которая одновременно выступает и стороной заключенного соглашения, и должностным лицом, от решения которого зависит выбор порядка судебного разбирательства» [2, с. 176].

Необходимо отметить, что правоприменительной практике известны случаи, когда досудебное соглашение расторглось по инициативе стороны обвинения в связи с тем, что обвиняемый отказался полностью признать свою вину по новому обвинению, предъявленному ему, в том числе и на основании данных, полученных в результате сотрудничества.

Например, в ходе расследования уголовного дела от подозреваемого К. поступило письменное ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Прокурор в присутствии следователя, подозреваемого и адвоката заключил с К. соглашение о досудебном сотрудничестве. В заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве подозреваемый К. обязался оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступлений и изобличении лиц, их совершивших, в частности, сообщить информацию о совершенных грабежах и разбойных нападениях, в том числе о лицах, причастных к совершению данных преступлений, сведения о которых до настоящего времени не известны следственным органам, а также о лицах, непосредственно совершивших разбойное нападение на магазин «Карат», и сообщить о месте нахождения похищенного имущества. В случае соблюдения подозреваемым условий и выполнения им обязательств, указанных в соглашении о сотрудничестве, в отношении К. будут применены положения ч.ч. 1, 2 ст. 62 УК РФ положения ст.ст. 317.4, 317.7, 317.9 УПК РФ.

Первоначально в действиях К. были усмотрены признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ. В последующем действия обвиняемого были переквалифицированы на п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, с чем он не согласился и

вину по новому обвинению признал частично. На данном основании соглашение с ним было расторгнуто и дело в отношении его вместе с другими обвиняемыми направлено в суд на общих основаниях*.

По нашему мнению, целесообразно ввести запреты на:

а) использование в суде стороной обвинения документов, составленных обвиняемым, его защитником при заключении и реализации соглашения о сотрудничестве в качестве обвинительных доказательств, если соглашение утратило юридическую силу;

б) возвращение прокурором дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения по причине отказа от внесения представления в суд в порядке ст. 317.5 УПК РФ;

в) изменение обвинения в худшую сторону по сравнению с тем, которое послужило правовой основой для заключения досудебного соглашения, если такое не было специально оговорено в самом соглашении.

Исходя из общего смысла российского уголовно-процессуального законодательства, следователь обязан провести полное и всестороннее расследование преступных действий обвиняемого, а в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого изложить все установленные обстоятельства совершенного им преступления, дав им соответствующую правовую оценку. Событие преступления, его квалификация не могут быть предметом соглашения о сотрудничестве. Эти положения не подлежат корректировке сторонами обвинения и защиты, не могут составить

условия соглашения. Сторона защиты сразу должна быть поставлена об этом в известность. Между тем было бы более справедливо, если бы зафиксированное на момент заключения соглашения о сотрудничестве обвинение уже не менялось в сторону ухудшения положения обвиняемого. Для того чтобы такой порядок установился, нужно вмешательство законодателя или Пленума Верховного Суда РФ.

Итак, ввиду «следственных» особенностей отечественной «сделки с правосудием» предметом соглашения о сотрудничестве не могут быть событие преступления (оно или есть, или его нет – не сторонам об этом договариваться), элементы его юридического состава, а также прочие обстоятельства, которые принято относить к материально-правовому содержанию уголовно-процессуальных отношений.

В то же время изменение обвинения в сторону смягчения вполне допустимо, если это подтверждается доказательствами. Можно также в соглашении о сотрудничестве специальным пунктом предусмотреть возможность изменения обвинения, возможность включения в соглашение новых пунктов, отмену, пересмотр соглашения при наступлении конкретных обстоятельств – в силу изменения ситуации, позиции сторон обвинения и защиты. Иными словами, изменение предмета и характера соглашения о сотрудничестве следует специально оговаривать. Это в большей степени способствовало бы соблюдению прав обвиняемого (подозреваемого). В частности, к подобному роду договорных условий можно было бы отнести обстоятельства, влекущие прекращение производства по делу. Если выясняется обстоятельство, исключающее привлечение обвиняемого к уголовной ответственности, то прекращается уголовное дело (преследование), а следовательно, и действие соглашения о сотрудничестве.

* Уголовное дело N 22209 // Архив Смоленского областного суда.

Список литературы

1. Васяев А.А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением // Современное право. 2010. N 2.
2. Касаткина С.А. Соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса: труды Института государства и права РАН. М., 2009.

References

1. Vasyaev A.A. *Sdelka s pravosudiem ili sdelka s obvineniem* [The deal with the justice system or deal with the prosecution]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*, 2010, no. 2.
2. Kasatkina S.A. *Soglashenie o sotrudnichestve v rossiyskom ugolovnom protsessе* [Agreement on Cooperation in the Russian criminal trial]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i ugolovnogo protsessа: trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Actual problems of criminal law and criminal procedure: the works of Institute of State and Law]. Moscow, 2009.

КАЧАЛОВА О.В., KACHALOVA O.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
oksana_kachalova@mail.ru, associate professor,
Отдел проблем уголовного oksana_kachalova@mail.ru
судопроизводства; The department for problems
Российский государственный of criminal justice;
университет правосудия, Russian State University of Justice,
117418, г. Москва, Novocheremushkinskaya St. 69 A,
ул. Новочеремушкинская, 69а Moscow, 117418, Russian Federation

ОПТИМАЛЬНЫЙ МОМЕНТ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С ЗАКЛЮЧЕННЫМ ДОСУДЕБНЫМ СОГЛАШЕНИЕМ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Реферат. Рассмотрение в особом порядке выделенного уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, до основного уголовного дела в отношении соучастников данного преступления нередко приводит к тому, что суды по-разному устанавливают фактические обстоятельства одного и того же преступления, дают им разную уголовно-правовую оценку. Это требует пересмотра уже вступившего в законную силу приговора. В зависимости от специфики конкретных обстоятельств дела, тактики следствия и иных значимых обстоятельств уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть: 1) выделено в отдельное производство и рассмотрено в особом порядке после рассмотрения в общем порядке основного уголовного дела в отношении его соучастников; 2) рассмотрено без выделения совместно с другими соучастниками в общем порядке, но с применением положений ст.ст. 62 и 64 УК РФ, смягчающих ответственность данного лица. В случае принятия различных решений судами, рассматривающими уголовные дела о преступлениях, совершенных в соучастии, требуется пересмотр одного из этих решений. Пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по делам с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве, в случае принятия судом иного решения в отношении его соучастников, возможен только по правилам главы 49 УПК РФ (новые и вновь открывшиеся обстоятельства). Обстоятельства, влекущие отмену приговора, не являются следствием существенных нарушений в ходе досудебного и судебного производства по делу, а относятся к другой категории.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, особый порядок принятия судебного решения, пересмотр приговора, выделение уголовного дела, обвиняемый.

PERFECT TIME FOR CONSIDERATION OF THE CRIMINAL CASE WITH THE PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION CONCLUDED

Abstract. Consideration of a criminal case in respect of a person who has concluded a pre-trial cooperation agreement, allocated in a special procedure, before consideration of the main criminal case concerning the accomplices of this crime, often leads to the fact that the courts establish the actual circumstances of the same crime differently and give them different criminal legal assessment. It requires a revision of the sentence which already came into force. Depending on specific circumstances of the case, tactics of the investigation and other relevant circumstances, the criminal case concerning the person who has signed pre-trial cooperation agreement, may be: 1) allocated into separate proceedings and considered in a special procedure after considering the main criminal case concerning the accomplices of the crime in a general procedure; 2) considered in a general procedure together with other accomplices, but with the application of the provisions of articles 62, 64 of the RF Criminal Code that mitigate this person's responsibility. In case the courts passed different sentences concerning the criminal cases on crimes committed in complicity, the revision of one of these judgments is required. The revision of court decisions involving the cases with pre-trial cooperation agreement concluded, in case the court adopts another decision in respect of accomplices, is possible only according to the rules of Chapter 49 of the RF Criminal Procedure Code (new and newly discovered facts). The circumstances leading to abolition of a sentence are not a consequence of significant violations during pre-trial and judicial proceedings, they relate to a completely different category.

Keywords: pre-trial agreement on cooperation, special procedure for the adoption of a judicial decision, revision of the judgment, allocation of the criminal case, the accused.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по смыслу уголовно-процессуального закона и в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»^{*} требует выделения уголовного дела в отношении лица, его заключившего. Такое дело, как правило, рассматривается в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, до того, как в общем порядке будет рассмотрено уголовное дело в отношении его соучастников. Такая ситуация нарушает логику процесса, приводит к противоречиям в решениях судов относительно квалификации одних и тех же событий. Цель данной статьи — определить оптимальный момент для рассмотрения уголовного дела с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве.

Рассмотрение в особом порядке выделенного уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, до основного уголовного дела в отношении соучастников данного преступления нередко приводит к тому, что суды, рассматривающие данные уголовные дела, по-разному устанавливают фактические обстоятельства одного и того же преступления, дают им разную оценку и уголовно-правовую квалификацию.

Отсутствие согласованности в квалификации, данной разными судами в отношении одних и тех же обстоятельств уголовного дела, требует пересмотра одного из судебных решений. Приоритет в таком случае отдается той квалификации, которая дана судом, рассматривающим уголовное дело в порядке ординарной процедуры с непосредственным исследованием доказательств.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев надзорную жалобу Б., заключившего ранее досудебное соглашение о сотрудничестве и осужденного в особом порядке Нижегородским областным судом по п. «а» ч. 3 ст. 162 УК РФ, ч. 1 ст. 209 УК РФ, п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ, ч. 1 ст. 223 УК РФ, отменила приговор по ч. 1 ст. 209 УК РФ и прекратила уголовное дело в связи с отсутствием в деянии состава преступления. По приговору

суда Б. признан виновным и осужден за создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан и организации, а равно руководство такой группой (бандой); за совершение трех разбойных нападений: с угрозой применения насилия, опасного для здоровья, с применением оружия, организованной группой; за совершение пяти разбойных нападений: с применением насилия, опасного для здоровья, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением оружия; за незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия, а также за незаконное изготовление огнестрельного оружия. Как установлено судом и указано в приговоре, Б. создал и организовал устойчивую, вооруженную группу (банду) в целях совершения вооруженных нападений на игорные клубы и вовлек в нее хорошо знакомого ему Б (2), с которым вместе отбывал уголовное наказание. Поскольку одним из обязательных признаков банды является наличие группы из двух и более лиц, а Б (2) был в общем порядке осужден Нижегородским областным судом по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ и по ч. 1 ст. 222 УК РФ, а по ч. 2 ст. 209 УК РФ — оправдан в связи с отсутствием в деянии состава преступления, то при таких обстоятельствах приговор Нижегородского областного суда в части осуждения Б. по ч. 1 ст. 209 УК РФ подлежал отмене^{**}. Аналогичные решения принимались в порядке надзорного производства и в отношении других лиц, осужденных в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в случаях, когда при рассмотрении уголовного дела в общем порядке в отношении соучастников преступления суд приходил к выводам об отсутствии признаков организованного преступного сообщества, банды и т.д.^{***}

^{**} Надзорное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 9-Д13-23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

^{***} См., например: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 июля 2014 г. N 48-УД14-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 февр. 2012 г. N 45-Д12-4 (извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 8; и др.

^{*} Рос. газ. 2012. 11 июля.

В судебной практике пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по делам с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве осуществляется как в порядке кассационного и надзорного производства, так и ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Так, например, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ производство по делу в отношении А. было возобновлено, приговор Сахалинского областного суда отменен, а дело направлено в тот же суд на новое судебное разбирательство со стадии подготовки дела к судебному заседанию. Основанием для принятия такого решения стали следующие обстоятельства. А. был в особом порядке осужден по трем эпизодам в соответствии с ч. 2 ст. 291.1 УК РФ (по факту посредничества во взяточничестве за незаконное возвращение водительского удостоверения). Сотрудники ГИБДД Б. и Т. — должностные лица, которым были переданы взятки, — оправданы на основании вердикта присяжных заседателей. Это позволило прокурору утверждать, что А. осужден за посредничество в передаче взяток лицам, которые впоследствии были оправданы по обвинению в получении этих взяток. Вместе с тем прокурор указал, что действия, в совершении которых А. признал свою вину: установление контакта с гражданами, желавшими незаконно вернуть изъятые у них водительские удостоверения, получение от этих граждан или их представителей денежных сумм, — требуют правовой оценки независимо от признания или непризнания виновными лиц, которым он передавал деньги. Суд, принимая решение, расценил эти обстоятельства как новые, влекущие, в частности, изменение правовой оценки действий лица с учетом постановления оправдательного приговора на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей в отношении подсудимых, действия которых взаимосвязаны с деяниями, за которые лицо осуждено в особом порядке принятия судебного решения в связи с признанием им вины. В определении суда было указано, что данные обстоятельства ставят под сомнение обоснованность осуждения А., а возникшие вопросы могут быть разрешены только при рассмотрении

дела в общем порядке судебного разбирательства, наличие же иных новых обстоятельств не влечет возвращения уголовного дела по правилам ст. 237 УПК РФ*.

Как следует из вышесказанного, на практике понимание того, в каком порядке следует пересматривать вступившие в законную силу судебные решения, отсутствует. Полагаем, что пересмотр судебного решения в кассационном и надзорном порядке возможен лишь тогда, когда в деле имеются существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (которые и являются основаниями отмены или изменения вступившего в законную силу приговора (ст.ст. 401.15 и 412.9 УПК РФ)). Пересмотр же вступивших в законную силу судебных решений по делам с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве в случае принятия судом иного решения в отношении его соучастников возможен только по правилам главы 49 УПК РФ, поскольку обстоятельства, влекущие за собой отмену приговора, не являются следствием существенных нарушений в ходе досудебного и судебного производства по делу, а относятся к совершенно другой категории. Аналогичным образом следует оценивать ситуацию, когда будет установлено, что лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, умышленно сообщило ложные сведения и (или) умолчало о важных обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Если лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в последующем в суде отказывается от ранее данных показаний, а других доказательств не имеется, то остальные обвиняемые получают возможность избежать уголовной ответственности. Как отмечает А.А. Толкаченко, это нередко происходит на практике, однако на статистическом уровне не фиксируется [1, с. 26].

Во избежание ситуаций пересмотра приговоров, вынесенных в особом порядке в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с иной оценкой и квалификацией совершенного преступления судом, рас-

* Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 дек. 2014 г. по делу N 64-УДП14-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

смотревшим «основное» уголовное дело в общем порядке, полагаем необходимым в большинстве случаев рассматривать выделенное уголовное дело и рассмотренное в особом порядке в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, после «основного уголовного дела». Подобные предложения уже неоднократно высказывались на страницах юридических изданий [2, с. 10-19; 3, с. 29].

При последовательном рассмотрении связанных между собой фактическими обстоятельствами дел сначала в общем, а затем в особом порядке станет более ясной картина преступления, роль и степень участия в преступной деятельности каждого из соучастников, будут сведены к минимуму случаи, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, выгораживая себя, перекладывает ответственность на соучастников, дает ложные показания, осуждается в особом порядке за менее тяжкое преступление либо за меньшие, чем имели место в действительности, роль, характер и степень участия в совершении преступления. Процедура пересмотра вынесенного приговора в вышеуказанных случаях слишком громоздка и не соответствует задачам рациональности уголовного судопроизводства и обеспечения своевременности привлечения к уголовной ответственности и актуальности наказания.

Имеется еще ряд обстоятельств, свидетельствующих о необходимости рассмотрения дела в особом порядке после основного уголовного дела. Зачастую сотрудничество со следствием не заканчивается ни по окончании расследования данного уголовного дела, ни даже при вынесении приговора в отношении данного обвиняемого. Это касается расследования сложных групповых преступлений, когда лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, дает показания по основному уголовному делу и другим уголовным делам, участвует в иных следственных действиях и т.д. Не всегда по этой причине прокурор может вынести представление и подтвердить выполнение обвиняемым всех условий соглашения, а лишь констатирует тот факт, что обвиняемый активно сотрудничает со следствием.

Так, например, из протокола судебного заседания Ленинского районного суда г. Саранска по уголовному делу N 1-

19/2011, в ходе которого уголовное дело в отношении подсудимого К., заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, было рассмотрено в особом порядке, следует, что К. выполняет условия досудебного соглашения о сотрудничестве, оказывает активное содействие органам предварительного расследования в раскрытии и расследовании преступлений по другим уголовным делам, которые имеются на предварительном следствии и в судах в отношении руководителей и участников преступного сообщества «Юго-запад»*.

И таких дел немало. Представляется нелогичным выносить судебное решение до окончания действия досудебного соглашения о сотрудничестве. Разрешение уголовного дела по существу в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на наш взгляд, возможно только после выполнения всех условий соглашения и окончания его действия.

Анализ приговоров, вынесенных в особом порядке в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, до рассмотрения основного уголовного дела приводит к выводу о нелогичности большинства из них. Так, например, приговор Брянского областного суда, вынесенный в отношении Н., заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ, двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, и двадцати шести преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, в описательно-мотивировочной части, изложенной на 37 страницах, содержит описание преступной деятельности Н. совместно с 19 лицами, уголовные дела в отношении которых еще не рассматривались судом. В приговоре указывается, что «лицо, в отношении которого уголовное дело судом не рассматривалось (далее — Лицо N 1), из корыстной заинтересованности, с целью незаконного обогащения, с 2009 г. осуществляло преступную деятельность, связанную с незаконным сбытом наркотических средств — героина (диацетилморфина) в крупных и особо крупных размерах... создало к декабрю 2009 г. преступное сообщество (преступную организацию), состоящее из ряда

* Архив Ленинского районного суда г. Саранска за 2011 г.

объединенных под его руководством обособленных структурных звеньев – организованных групп с многоуровневым распределением ролей, деятельность которого под его непосредственным руководством и его участием была направлена на совершение особо тяжких преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств – героина...». Аналогично содержание описательно-мотивировочной части приговора и в отношении остальных 19 лиц, дела в отношении которых еще не рассматривались судом*. Основу описательно-мотивировочной части приговора составляют факты, не исследованные и не установленные судом. При этом, вынося решение в особом порядке, суд в полной мере не может убедиться в обоснованности и доказанности обвинения, поскольку не может определить ни роль, ни степень участия этих 19 лиц, а соответственно, не может точно определить и роль подсудимого в совершении групповых преступлений.

Серьезные сложности на практике вызывают и вопросы разрешения гражданского иска по таким делам. Поскольку определить степень участия и роль каждого из соучастников преступления до рассмотрения основного уголовного дела не представляется возможным, то суды не рассматривают гражданские иски, указывая, что исковые требования потерпевшего подлежат рассмотрению после принятия окончательного решения по всем уголовным делам с учетом доказанности вины других участников преступления, а также их роли в совершении преступления. При этом признается право на гражданский иск, а вопрос о размере возмещения передается на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства**.

Принятие решения по гражданскому иску в отношении подсудимого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда в отношении других соучастников преступления нередко приводит к противоречивым решениям. Так, например, Судебная коллегия Московского областного суда отменила при-

говор Наро-Фоминского городского суда в части, касающейся гражданского иска в отношении подсудимого К., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ, и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, направив исковые требования на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, поскольку суд, рассматривая основное уголовное дело в отношении других соучастников, взыскал ту же сумму в солидарном порядке с этих соучастников.

Не может в данной ситуации разрешаться и вопрос о вещественных доказательствах по уголовному делу, его разрешение становится возможным только при вынесении судом окончательного решения по уголовному делу в отношении других лиц. Так, например, при вынесении Брянским областным судом приговора по уголовному делу в отношении М., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, вопрос о вещественных доказательствах не был разрешен, поскольку уголовные дела в отношении соучастников данного преступления судом еще не рассматривались***.

Все вышеуказанные обстоятельства убеждают в необходимости рассматривать уголовное дело в особом порядке после основного уголовного дела. В этом случае институт досудебного соглашения о сотрудничестве приобретет заложенный в него смысл и будет в большей степени соответствовать своему назначению.

Опрос, проведенный среди следователей и судей, показал, что такую позицию поддерживают 61,3 % опрошенных судей и 75 % следователей****. Те правоприменители, которые высказались против рассмотрения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве после основного уголовного дела в отношении его соучастников (30,6 % судей и 18,8 % следователей), мотивировали это нарушением разумных сроков производства по делу в отношении данного лица, были обесп-

* Уголовное дело N 2-43/2012 // Архив Брянского областного суда за 2012 г.

** Приговор Брянского областного суда от 6 авг. 2013 г. N 2-23/13 в отношении М. // Архив Брянского областного суда за 2013 г.

*** Архив Брянского областного суда за 2013 г.

**** Автором было опрошено 88 районных судей и 32 следователя Следственного комитета РФ из разных регионов страны.

коены возможным отказом обвиняемого от досудебного соглашения о сотрудничестве, вызванного долгим, растянувшимся до неопределенного срока, ожиданием расследования и рассмотрения основного уголовного дела.

Еще одним вариантом решения данной проблемы является возможность совместного рассмотрения в общем порядке уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастников. О неочевидности обязательного выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, неоднократно отмечалось в юридической литературе. Основные аргументы – выделение уголовного дела не всегда способно решить проблему обеспечения безопасности данного лица, не соответствует идеям рациональности производства, может сказаться на качестве расследования и т.д. [4, с. 18; 5, с. 12; 6, с. 49].

При рассмотрении уголовного дела о взрыве 9 сентября 2010 г. на Центральном рынке г. Владикавказа 8 из 12 обвиняемых заключили досудебное соглашение о сотрудничестве, причем в отношении каждого из них уголовное дело было выделено в отдельное производство. Таким образом, суд провел не один судебный процесс, а девять.

Авторы внесенного в Государственную Думу РФ законопроекта исходят из необязательности выделения уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Выделение дела, по мнению авторов законопроекта, не должно препятствовать всесторонности и объективности предварительного следствия и разрешения судом выделенного уголовного дела, а также уголовного дела в отношении других соучастников преступления*. Законопроект устанавливает воз-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве) N 812 345-6: проект Федерального закона. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A43C4F5FE221281943257E6100461ABE/\\$File/Проект%20УПК_досудебное%20соглашение.doc?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/A43C4F5FE221281943257E6100461ABE/$File/Проект%20УПК_досудебное%20соглашение.doc?OpenElement) (дата обращения: 25 авг. 2015 г.).

можность расследовать уголовное дело в отношении всех лиц, совершивших преступление, и выделения уголовного дела с согласия прокурора в отдельное производство в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Вопрос о том, в каком порядке будет расследоваться уголовное дело – в отношении всех соучастников преступления, либо отдельно в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и в отношении иных лиц, которые им изобличаются, будет решаться прокурором с учетом всех обстоятельств по делу, в том числе наличия реальной угрозы безопасности лица, сотрудничающего со следствием.

На практике суды нередко отмечают сложности в рассмотрении уголовных дел при выделении одного или нескольких из них (в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве) в отдельное производство. Так, например, Саянский районный суд Красноярского края при рассмотрении уголовного дела в отношении П., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, отмечал сложности, вызванные выделением уголовного дела в отношении С., заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, связанные с невозможностью точно определить степень согласованности действий и распределения ролей соучастников**.

Полагаем, что выделение уголовного дела в отдельное производство не должно являться обязательным, данный вопрос должен разрешаться в каждом конкретном случае с учетом непосредственных обстоятельств дела, степени угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких, количества фигурантов уголовного дела, возможности всестороннего и объективного расследования и разрешения уголовного дела и иных обстоятельств.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

** Справка по результатам обобщения практики применения судами Красноярского края норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. URL: http://kraevoy.kr.k.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=151 (дата обращения: 26 авг. 2015 г.).

1. В зависимости от специфики конкретных обстоятельств дела, тактики следствия и иных значимых обстоятельств уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть либо выделено в отдельное производство и рассмотрено в особом порядке после рассмотрения в общем порядке основного уголовного дела в отношении его соучастников, либо рассмотрено без выделения совместно с другими соучастниками в общем порядке, но с применением положений ст.ст. 62 и 64 УК РФ, смягчающих ответственность данного лица.

2. Пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по делам с заключенными досудебными соглашениями о сотрудничестве в случае принятия судом иного решения в отношении его соучастников, возможен только по правилам главы 49 УПК РФ, поскольку обстоятельства, влекущие за собой отмену приговора, не являются следствием существенных нарушений в ходе досудебного и судебного производства по делу, а относятся совершенно к другой категории.

Список литературы

1. Толкаченко А.А. Типичные ошибки и недостатки следствия с точки зрения судов // Уголовный процесс. 2014. N 9.
2. Курченко В.Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. N 3.
3. Дробинин Д.В. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное судопроизводство. 2011. N 3.
4. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2015.
5. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.
6. Решетова Н.Ю., Конярова Ж.К. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности. М., 2011.

References

1. Tolkachenko A.A. *Tipichnye oshibki i nedostatki sledstviya s tochki zreniya sudov* [Typical mistakes and shortcomings of the investigation in terms of vessels]. *Ugolovnyy protsess – Criminal proceedings*, 2014, no. 9.
2. Kurchenko V.N. *Oshibki pri rassmotrenii ugovolnykh del v sluchae nalichiya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Errors in criminal proceedings in the case of a pre-trial agreement on cooperation]. *Ugolovnyy protsess – Criminal proceedings*, 2012, no. 3.
3. Drobinin D.V. *Nekotorye problemy ugovolnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii obvinyaemym dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Some problems of criminal justice at the pre-trial custody accused of a cooperation agreement]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings*, 2011, no. 3.
4. Dudina N.A. *Poryadok proizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve kak protsessual'naya forma deyatelnogo raskayaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [The order of production at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation as a procedural form of active repentance. Autoabstract Cand. Diss.]. Tomsk, 2015.
5. Ivanov A.A. *Teoreticheskie i organizatsionno-pravovye aspekty realizatsii instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossiyskom ugovolnom protsesse. Avtoref. Kand. Diss.* [Theoretical and organizational-legal aspects of the implementation of the institute pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal trial. Autoabstract Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2013.
6. Reshetova N.Yu., Konyarova Zh.K. *Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve po ugovolnym delam o prestupleniyakh korrupsionnoy napravlenosti* [Pre-trial agreement on cooperation in criminal cases involving crimes of corruption]. Moscow, 2011.

<p>КРИВОЩЕКОВ Н.В., кандидат юридических наук, доцент, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75</p>	<p>KRIVOSHCHEKOV N.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
---	---

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО, ПОЛУЧЕННОЕ В ХОДЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАХОДЯЩЕЕСЯ У «ДРУГИХ ЛИЦ»: ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ

Реферат. Возмещение вреда, причиненного преступлением, – одна из основных задач борьбы с преступностью. При снижении общей суммы установленного ущерба работа по возмещению вреда остается на низком уровне, недостаточно используются возможности наложения ареста на имущество. Существуют проблемы применения ч. 3 ст. 115 УПК РФ, допускающей наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц, если есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. При возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество «других лиц» следователь обязан установить: 1) имущество, подлежащее аресту, обстоятельства его приобретения (дата (время приобретения) имущества; лицо, совершавшее действия по его приобретению; стоимость приобретенного имущества); 2) использование имущества после приобретения (использование обвиняемым имуществом, переданного «третьему лицу», после перехода права собственности может показать ничтожный характер сделки по отчуждению имущества, фактическую принадлежность имущества, находящегося в собственности другого лица, обвиняемому, а также умысел обвиняемого на сокрытие имущества, полученного преступным путем); 3) данные о титульном собственнике имущества; наличие, характер и степень взаимосвязей подозреваемого (обвиняемого) с титульным собственником. Необходимо собрать сведения о лице, которому обвиняемым было отчуждено имущество: возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие иждивенцев, род занятий, место работы, имущественное положение, доходы и расходы на момент приобретения имущества и в предыдущий период (их можно получить по аналогии со сбором доказательств, характеризующих личность обвиняемого).

Ключевые слова: возмещение вреда, причиненного преступлением; наложение ареста на имущество; имущество, подлежащее аресту.

SEIZURE OF PROPERTY OBTAINED IN THE COURSE OF CRIMINAL ACTIVITY AND HELD BY OTHER PERSONS: FEATURES OF PRACTICE

Abstract. Compensation for damage caused by crime is one of the main tasks of fight against crime. By reducing the sum total of the established damage the work concerning the compensation for damage remains inefficient. The possibilities of imposing seizure of property are not sufficiently used. There are problems concerning the application of part 3 of Article 115 of the RF Criminal Procedure Code allowing the seizure of property held by other persons if there are grounds to believe that it is obtained as a result of criminal actions of the suspect or the accused. When bringing the petition for seizure of other persons' property before the court the investigator should establish: 1) property subject to seizure, the circumstances of property acquisition (date and time); the person who has committed the act of acquisition; the cost of the acquired property); 2) use of property after acquisition (the use of property transferred to "third party" by the accused after the transfer of ownership may show insignificant nature of the transaction on alienation of property, it may also show that actually the property owned by another person belongs to the accused intending to conceal the property obtained by criminal activity); 3) information about the title owner of the property; existence, nature and degree of interconnections of the suspect (accused) with the title owner. It's necessary to collect information about the alienee: age, health status, marital status, presence of dependents, occupation, place of work, property status, income and expenses at the time of property acquisition and in the previous period.

Keywords: compensation for damage caused by crime, seizure of property, property subject to seizure.

Одной из основных задач правоохранительных органов в области борьбы с преступностью выступает обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением. О значимости данного направления работы свидетельствует тот факт, что «увеличение удельного веса возмещенного ущерба от фактически причиненного по оконченным уголовным делам за счет повышения эффективности работы следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации» является ожидаемым результатом государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности»*.

По данным ГИАЦ МВД России, за период январь – октябрь 2015 года ущерб от преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 309 560 831 тыс. рублей**. Несмотря на незначительное снижение общей суммы установленного ущерба (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), деятельность по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, остается на крайне низком уровне. Одной из основных причин этого выступает непринятие своевременных мер к установлению похищенного имущества или денежных средств, а также имущества, на которое может быть наложен арест. Приведенные выше статистические данные показывают, что наложение ареста на имущество является действенной мерой обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Однако представляется, что возможности указанной меры уголовно-процессуального принуждения используются недостаточно.

В частности, много вопросов на практике вызывает применение предусмотренного ч. 3 ст. 115 УПК РФ положения, согласно которому допускается наложение ареста на имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, находящееся у

других лиц. Известно, что лица, совершающие преступления, зачастую действуют предусмотрительно, после совершения преступления или в процессе его совершения предпринимают активные меры к реализации похищенного, переоформляют имущество, полученное преступным путем, на своих близких, родственников и иных лиц. В результате принимаемые следователями, дознавателями (далее, если по тексту не оговорено иное, – следователь) меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, не всегда являются результативными.

Отметим, что деятельность следователя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, осуществляется не только в рамках предварительного расследования, но и на стадии возбуждения уголовного дела. При наличии достаточных данных о причинении преступлением материального вреда следователь обязан предпринять процессуальные действия, направленные на возможно полное возмещение причиненного ущерба. К таким мерам относятся действия следователя:

- по установлению лиц, несущих материальную ответственность за причиненный вред;
- по розыску имущества, подлежащего взысканию;
- наложение ареста на имущество и обеспечение его сохранности (при соблюдении условия – обязательно возбуждение уголовного дела).

Первоначально, еще на этапе проверки поступившего заявления, сообщения о преступлении, следователь устанавливает размер причиненного материального вреда и планирует предполагаемые меры по его возмещению. Мероприятия, направленные на установление имущества, целесообразно проводить одновременно с оперативно-розыскными мероприятиями по установлению лица, совершившего преступление.

Наложение ареста на имущество возможно при наличии следующих оснований общего характера:

1. Процессуальная правоспособность следователя – уголовное дело принято следователем к производству, не прекращено, не приостановлено, не истекли сроки предварительного расследования. Так, постановлением судьи Курганского городского

* Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. N 345. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Состояние преступности в России за январь – октябрь 2015 года. М.: МВД РФ, ФКУ «ГИАЦ», 2015. С. 25.

суда от 25.11.2010 г. было отказано в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество С. В решении, в частности, указано, что уголовное дело было возбуждено 02.09.2010 г., дело должно быть закончено в срок, не превышающий двух месяцев со дня его возбуждения. При этом суду не было представлено сведений о том, что срок предварительного следствия по уголовному делу не истек и продлевался в установленном законом порядке*.

2. Субъекты, на имущество которых может быть наложен арест, имеют соответствующий правовой статус: обвиняемый, подозреваемый; лица, несущие материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого; другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (далее – «другие лица»), – ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Так, постановлением судьи Курганского городского суда от 04.06.2012 г. было отказано в удовлетворении ходатайства следователя о наложении ареста на имущество – автомобиль «кадиллак», принадлежащий М. В решении, в частности, указано, что из копии постановления о возбуждении уголовного дела следует, что оно было возбуждено в отношении неустановленного лица, при этом суду не представлены ни копия протокола задержания лица по подозрению в совершении преступления, ни копия допроса в качестве подозреваемого, ни копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Более того, согласно протоколу допроса, М. имеет статус свидетеля**. В контексте чч. 1 и 3 ст. 115 УПК РФ можно добавить, что по уголовному делу должен быть привлечен подозреваемый или обвиняемый (далее по тексту, если не оговорено иное, – обвиняемый), поскольку этот участник уголовного процесса прямо указан в данных правовых предписаниях.

Следует отметить, что в судебной практике встречаются случаи удовлетворения ходатайства следователя о наложении ареста на имущество без установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Приведем следующий

* Уголовное дело N 3/8-201-10 // Архив Курганского городского суда.

** Уголовное дело N 3, 6/2-101/12 // Архив Курганского городского суда.

пример. Уголовное дело N 201302691/70, возбужденное 03.06.2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, по факту того, что в мае 2013 года неустановленное лицо путем обмана завладело доступом к закрытому ключу в системе «Банк-Клиент» ООО «Новая недвижимость», после чего от имени ООО «Новая недвижимость» направило электронные поручения на перечисление денежных средств на расчетный счет ООО «Авангард», похитив деньги ООО «Новая недвижимость» в размере 1 938 100 рублей. 05.06.2014 г. следователем внесено ходатайство о наложении ареста на денежные средства в размере 1 938 100 рублей, находящиеся на расчетном счете в филиале ОАО «УБРИР» в г. Екатеринбурге, открытом ООО «Авангард». В обосновании ходатайства было указано о достаточных основаниях полагать, что данные денежные средства получены в результате преступных действий неустановленного лица, так как между ООО «Новая недвижимость» и ООО «Авангард» договорных отношений не было. Ходатайство было удовлетворено, наложен арест на указанную сумму. В настоящее время уголовное дело приостановлено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, арест не отменялся***.

3. Имеется обоснованное предположение о том, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено.

Серьезные проблемы возникают при возбуждении следователем перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество «других лиц». Однозначной положительной практики удовлетворения судами указанных ходатайств до настоящего времени не наработано. Так, по уголовному делу N 201202963/70, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ, по факту хищения путем растраты денежных средств ЖСК «7 ключей» в сумме 9 995 517 рублей, следователь обратился с ходатайством о наложении ареста на квартиру, принадлежащую матери обвиняемого С. Решением Ленинского районного суда г. Тюмени в удовлетворении указанного ходатайства отказано. Свой отказ суд мотивировал тем,

*** Уголовное дело N201302691/70, находится в производстве.

что родственники обвиняемого не несут материальной ответственности за действия самого обвиняемого*.

Отметим, что в настоящей работе будут рассмотрены вопросы наложения ареста на имущество, подлежащее государственной регистрации (земельные участки, дома, квартиры, транспортные средства и т.п.), поскольку определенная законом форма приобретения или перехода права собственности на такое имущество позволяет следователю установить необходимые для применения данной меры уголовно-процессуального принуждения обстоятельства. Безусловно, закон не ограничивает возможность наложения ареста на имущество «других лиц», и вполне возможно обосновать принятие решения о наложении ареста, например, на предметы роскоши, приобретенные обвиняемым и переданные затем «другим лицам». Но в этом случае применяемый алгоритм действий близок к предлагаемому нами ниже и незначительно отличается перечнем действий, которые следует провести для установления обстоятельств, подтверждающих необходимость наложения ареста на такое имущество.

Требования ч. 3 ст. 115 УПК РФ предусматривают возможность наложения ареста на имущество «других лиц» только при наличии достаточных оснований полагать, что оно получено в результате преступных действий обвиняемого, подозреваемого. Это определяет обязанность следователя при решении вопроса о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество «других лиц» дополнительно к вышеуказанным общим основаниям наложения ареста на имущество установить ряд специфических обстоятельств. Эти обстоятельства с известной степенью условности можно подразделить на следующие группы:

1) имущество, на которое предполагается наложить арест, и обстоятельства его приобретения;

2) использование имущества после приобретения;

3) данные о титульном собственнике имущества; наличие, характер и степень взаимосвязей между подозреваемым (обвиняемым) и титульным собственником имущества.

Рассмотрим указанные группы подробнее.

1. Имущество, на которое предполагается наложить арест, следует установить в силу требований ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Несмотря на то, что закон не содержит четких указаний относительно того, нужно ли в постановлении о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество указывать конкретное имущество, на которое предполагается наложить арест, из контекста указанной нормы следует, что определенное имущество было получено в результате преступных действий обвиняемого и затем передано «другим лицам». В судебно-следственной практике преобладающей является позиция, согласно которой до вынесения постановления о наложении ареста на имущество должны быть установлены индивидуально-определенные признаки, стоимость и местонахождение имущества, подлежащего аресту, а также принадлежность этого имущества обвиняемому или другому гражданскому ответчику. Отсутствие точных данных относительно предметов роскоши, драгоценностей, произведений искусства и др., которые находятся у лица, на чье имущество налагается арест, ставит под сомнение тот факт, что именно это имущество было получено обвиняемым в результате преступных действий.

К обстоятельствам приобретения имущества, на которое предполагается наложить арест, следует отнести:

– дату (время приобретения) имущества;

– кто именно совершал действия по его приобретению;

– стоимость приобретенного имущества.

Так, по уголовному делу N 201102278/70 Л. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 159 УК РФ (несколько эпизодов). В ходе следствия было установлено, что Л. совершала хищения в период с 2006 по 2010 гг. на общую сумму 14 млн руб. За указанный период ею были приобретены квартира в г. Тюмени, земельный участок, жилой дом на этом участке, автомобиль. После этого, осознавая, что она может быть привлечена к уголовной ответственности, Л. по договорам дарения передала в собственность указанное имущество своей дочери Ш. 06.09.2011 г.

* Уголовное дело N 201202963/70 // Архив Тюменского районного суда г. Тюмени.

Центральный районный суд г. Тюмени удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на указанное имущество, а также квартиру, находящуюся в собственности Л. в г. Тюмени*.

Практика показывает, что суд критически относится к ходатайствам следователей о наложении ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых), приобретенное до периода совершения ими преступления. Так, по уголовному делу N 201302855/70, возбужденному 27.08.2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, установлено, что 18.01.2006 г. Л., зная о том, что квартира N 22, расположенная в многоквартирном жилом доме по ул. Мельникайте — Геологоразведчиков г. Тюмени приобретена В. в 2006 году, используя свое должностное положение, с целью хищения денежных средств, принадлежащих В., реализовал его квартиру третьему лицу, чем причинил В. материальный ущерб в крупном размере (950 000 рублей). По данному уголовному делу в суд было направлено 15 ходатайств о наложении ареста, по двум из которых в удовлетворении отказано. В частности, судом отказано в удовлетворении ходатайств на арест квартир N 8 (владелец О.) и N 29 (Л-в), так как квартиры были приобретены в 2004-2006 гг., соответственно, нет оснований полагать, что квартиры получены собственниками в результате преступных действий Л.**

По уголовному делу N 201302519/70, возбужденному по ч. 4 ст. 159 УК РФ, следователь ходатайствовал о наложении ареста на имущество обвиняемого П.Д. и его жены П.Е. Сам П.Д., являвшийся директором ООО «АгроПромСтройКомплект», обвинялся в совершении хищения путем обмана денежных средств, принадлежащих ГУ МЧС России по Тюменской области, в сумме более 7 миллионов рублей. В удовлетворении постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество указанных лиц отказано на основании того, что имущество приобретено до совершения преступления***.

* Уголовное дело N 201102278/70 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

** Уголовное дело N 201302855/70, находится в производстве.

*** Уголовное дело N 201302519/70, находится в производстве.

В отношении необходимости установления приобретения имущества, на которое предполагается наложить арест, лично обвиняемым, показателен следующий пример. По уголовному делу N 201302922/70, возбужденному 02.10.2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, по факту того, что в период с 13.07.2011 по 21.07.2011 гг. Н., действуя от имени ООО МХСК «СтройИнвест», под видом заключения договора займа от 17.09.2010 г., умышленно, из корыстных побуждений путем обмана похитила принадлежащие Г. денежные средства в сумме 9 020 000 рублей, чем причинила последнему материальный ущерб в особо крупном размере. В ходе предварительного следствия установлено, что на 06.11.2013 г. Н. являлась собственником нежилого помещения — квартиры, а также имущества в виде мебели, находящегося в помещении указанной квартиры. 30.01.2014 г. квартира, а также находящееся в ней имущество переоформлены в собственность Я., являющейся сестрой Н., и выставлены на продажу. 28.04.2014 г. следователем в Центральный районный суд г. Тюмени направлено ходатайство на арест имущества Н. — указанной квартиры. Судом в удовлетворении ходатайства отказано по следующим основаниям: в материалах дела нет сведений о том, что Я. обладает каким-либо статусом по уголовному делу или несет материальную ответственность за действия Н. Вопрос о признании сделки мнимой разрешается в порядке гражданского судопроизводства. В судебную коллегия по уголовным делам Тюменского областного суда была подана апелляционная жалоба на указанное решение от потерпевшего и гражданского истца Г. 17.06.2014 г. Тюменский областной суд вынес апелляционное постановление об отмене постановления Центрального суда, которым оставлено без удовлетворения ходатайство следователя, и о наложении ареста на квартиру, запретив Я. распоряжаться имуществом. При этом в постановлении Тюменского областного суда указано, что ходатайство следователя составлено законно, в целях защиты гражданских прав лиц, потерпевших от преступления. Квартира приобретена в 2011 году, в период совершения преступления, и подарена сестре уже после того, как Н. достоверно знала, что подозревается в совершении

преступления, и совершила действия по отчуждению имущества в целях неисполнения приговора в части имущественного взыскания*.

В отношении стоимости имущества, на которое может быть наложен арест, представляется справедливым правило соразмерности указанной стоимости размеру исковых требований или иных имущественных взысканий. На это обстоятельство, в частности, указывает Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31 января 2011 года N 1-П: правоприменитель должен обеспечить «разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью с тем, чтобы соблюдался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»**. Вместе с тем следует учитывать возможность возникновения ситуации, когда в силу заниженного размера обеспечения гражданского иска оказывается невозможным исполнить приговор в полном объеме и возместить вред за счет имущества, на которое был наложен арест. Как показывает практика, при рассмотрении гражданских дел об исключении имущества из описи примерно половина арестованного имущества (а при наличии несовершеннолетних детей и других иждивенцев – больше половины) присуждается членам семьи осужденного. Кроме того, на итоговую стоимость арестованного имущества могут повлиять ошибки в оценке вещей и предметов, утрата вещами своих товарных качеств [1, с. 102].

Обстоятельства данной группы устанавливаются посредством получения сведений из государственных органов, на которые возложены функции регистрации прав на имущество: Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), ГИБДД, ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ», Федеральной налоговой службы, Государственной инспекции по маломерным судам и др.; возможно получение сведений о движении денежных средств на банковских счетах обвиняемого и «третьего лица» (в том числе из Федеральной службы по финансовому мониторингу); для установ-

* Уголовное дело N 201302922/70, находится в производстве.

** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ления индивидуальных признаков и стоимости имущества, полученного в результате преступных действий обвиняемого, целесообразно провести его осмотр и, при необходимости, назначить экспертизу.

2. Использование обвиняемым имущества, переданного «третьему лицу», после перехода права собственности может показать ничтожный характер сделки по отчуждению имущества, фактическую принадлежность такого имущества, формально находящегося в собственности другого лица, обвиняемому, а также умысел обвиняемого на сокрытие имущества, полученного преступным путем. К использованию имущества следует отнести его эксплуатацию, получение доходов от использования имущества (например, от сдачи в аренду и т.д.), осуществление действий по поддержанию имущества в технически исправном состоянии и другие действия, показывающие, что обвиняемый относился к имуществу «другого лица», как к своему собственному. Здесь показательное судебное решение, принятое в процессе расследования уголовного дела N 02-8625-12. М. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 160 УК РФ. В ходе расследования потерпевшими Ш. и Ж. были заявлены иски, они были признаны гражданскими истцами. 30.10.2012 г. судья Курганского городского суда удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на имущество, в том числе на автомобиль «ВАЗ-21150», зарегистрированный на Б. (дочь обвиняемой М.). В кассационной жалобе на решение Курганского городского суда Б. просила отменить решение, поскольку она является единственным собственником автомобиля, приобретенного на личные средства в рассрочку для ребенка, а ее мать – М. лишь пользовалась данным автомобилем. Однако суду были представлены протоколы допросов потерпевших Ш. и Ж., свидетеля Д., из которых следовало, что именно М. приобрела указанный автомобиль, фактически пользовалась и распоряжалась им, как своим собственным. Жалоба Б. была оставлена без удовлетворения, решение судьи Курганского городского суда о наложении ареста на автомобиль М. – без изменения***.

*** Уголовное дело N 3, 6/2-236/12 // Архив Курганского областного суда.

В приведенном примере указаны доказательства, которыми следователь аргументировал фактическую принадлежность имущества обвиняемому. Наряду с показаниями потерпевших, свидетелей доказательствами также могут послужить включение обвиняемого в страховой полис КАСКО или ОСАГО, выписанный на имя обвиняемого наряд-заказ на прохождение ТО автомобиля, квитанции об оплате коммунальных услуг со счета обвиняемого и другие. Отметим, что по отдельности данные факты не могут свидетельствовать о фактической принадлежности имущества обвиняемому; учитываться в качестве таковых они будут лишь в совокупности.

3. Данные о титульном собственнике имущества; наличие, характер и степень взаимосвязей между обвиняемым и титульным собственником имущества. В частности, необходимо собрать сведения о лице, которому обвиняемым было отчуждено имущество: возраст, состояние здоровья, семейное положение, наличие иждивенцев, род занятий, место работы, имущественное положение, доходы и расходы на момент приобретения имущества и в предыдущий период. Эти данные помогут выявить настоящего собственника отчужденного имущества. В.А. Ионов приводит следующий пример. В период с 1998 по 2004 гг. в Нижегородской области действовала организованная группа лиц, которая осуществляла нападения на граждан и организации с целью завладения имуществом. Один из членов группы вложил денежные средства в недвижимость (автомойка), которая была оформлена на его мать. Решением судьи Нижегородского районного суда на это имущество был наложен арест. В судебном заседании было установлено, что здание свидетель (мать) приобрела в 2001 году за 130 000 рублей и впоследствии сдала его в аренду своему сыну. Согласно показаниям лица, у которого было приобретено здание, документы оформлялись на имя матери обвиняемого, но условия договора обсуждались с обвиняемым, он же приносил и заявление на покупку здания. По показаниям матери, это здание она приобрела на средства, накопленные ею и ее мужем, однако в судебное заседание были представлены три сберкнижки, по которым на счете в Сбербанке имелось не более 250

рублей. Муж свидетельницы умер в 1997 году, сама она с 2000 года находится на пенсионном обеспечении, которое составляет 2 118 рублей; до ухода на пенсию она работала в столовой, и ее доход составлял 1 600-1 700 рублей в месяц. Суд пришел к выводу, что здание, хотя и оформлено на имя матери обвиняемого, фактически было приобретено обвиняемым на деньги, добытые в составе банды преступным путем. Впоследствии по приговору суда имущество было обращено в счет погашения причиненного действиями подсудимого ущерба потерпевшим [2, с. 98-99].

Можно привести другой пример. По уголовному делу N 201303047/70, возбужденному 17.11.2013 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, в отношении главного бухгалтера ООО «Тюмень Прибор» Ш., которая в период с 01.01.2011 по 31.12.2011 гг., достоверно зная, что ее заработная плата установлена в размере 55 000 рублей, путем внесения в расчетные ведомости за 2011 год ложных сведений о своей заработной плате, используя свое служебное положение, путем обмана похитила денежные средства в размере 864731,93 руб. В ходе предварительного следствия также установлено, что Ш. в период времени с 2010 по 2013 гг. похитила денежные средства, принадлежащие ООО «Тюмень Прибор», на общую сумму 10 469 052,98 рублей. В рамках расследования уголовного дела потерпевшим ООО «Тюмень Прибор» в лице представителя заявлен гражданский иск на сумму причиненного ООО «Тюмень Прибор» ущерба в размере 10 469 052 рубль. По данному делу в Ленинский районный суд г. Тюмени внесен ряд ходатайств о наложении ареста на имущество, в том числе: на двухкомнатную квартиру по ул. 30 лет Победы 148/1 – 8 и автомобиль марки «Ниссан Тида». Судом отказано в удовлетворении ходатайств, так как квартира принадлежит дочери подозреваемой Г., автомобиль был приобретен и принадлежит Ш.П. При этом судом отмечено, что Г. занимается предпринимательской деятельностью, и факт приобретения квартиры на средства Ш. не доказан; Ш.П. имеет постоянный источник дохода, и факт приобретения автомобиля на средства Ш. также не доказан*.

* Уголовное дело N 201303047/70, находится в производстве.

Сведения о собственнике имущества, отчужденного обвиняемым, можно получить по аналогии со сбором доказательств, характеризующих личность обвиняемого: направление запросов в пенсионный фонд, налоговые органы, получение показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемого и т.д.

Процедура подготовки ходатайства о наложении ареста на имущество, полученное в ходе преступной деятельности, находящееся у «других лиц», имеет определенные особенности. В частности, в постановлении должны быть указаны: лицо, на имущество которого налагается арест; вид имущества, на которое налагается арест; место нахождения имущества либо наименование банка или иной кредитной организации, в которой открыт счет на имя лица, на имущество которого налагается арест, и номер такого счета; в чем состоят меры по ограничению права собственности на это имущество.

Наложение ареста на имущество оформляется протоколом, который со-

ставляется следователем в соответствии с требованиями ст.ст. 166-167 УПК РФ. В протоколе указывается, где будет храниться имущество, на которое наложен арест. Копия протокола вручается лицу, на имущество которого наложен арест.

Таким образом, наложение ареста на имущество, находящееся у других лиц (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), несмотря на серьезные проблемы, связанные с установлением фактических обстоятельств передачи подозреваемым (обвиняемым) имущества с целью сокрытия его от возможных имущественных взысканий по приговору суда, все чаще встречается в следственной практике. Возражения противников данной меры принуждения о возможном незаконном вторжении в область имущественных прав и негативных последствиях этого действия хотя и обоснованны, но совсем не исключают возможности наложения ареста на имущество, находящееся у «других лиц».

Список литературы

1. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2002.
2. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М.: Юрлитинформ, 2012.

References

1. Bagautdinov F.N. *Obespechenie imushchestvennykh prav lichnosti pri rassledovanii prestupleniy* [Seizure of property during a preliminary criminal investigation of economic crimes]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2002.
2. Ionov V.A. *Nalozhenie aresta na imuchestvo pri proizvodstve predvaritetelnogo rassledovaniya po ugovlovnim delam ob ekonomicheskyykh prestupleniyakh* [Securing property rights of the individual in the investigation of crimes]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012.

МАШОВЕЦ А.О., MASHOVETS A.O.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
oceanovna@me.com associate professor,
Кафедра уголовного процесса; oceanovna@me.com
Уральский государственный Chair of criminal procedure;
юридический университет, Ural State Law University,
620137, г. Екатеринбург, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg,
ул. Комсомольская, 21 620137, Russian Federation

О ПОЛУЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РАМКАХ ПРОЦЕДУР СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Реферат. Исследуются проблемные вопросы, возникающие в ходе получения судебных доказательств в рамках процедур судебного контроля. Приводятся различные теоретические подходы относительно назначения судебного контроля в ходе досудебного производства. Рассмотрены правовые позиции высших судебных инстанций Российской Федерации, фиксирующих недопустимость ограничения конституционных прав участников процесса без достаточных для этого фактических оснований, наличие которых и призван удостоверить судья, реализуя процедуру судебной проверки. Анализируются специфические особенности установления фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в рамках превентивного судебного контроля. Резюмируется, что в ходе последующего судебного контроля, особенно когда его предметом является постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, не могут не проверяться фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Поддерживается необходимость института следственных судей (судебных следователей) в досудебном производстве по уголовным делам. Данная форма судебного контроля должна преобразоваться в судебный порядок прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям в ходе досудебного производства. Ход и результаты уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого в рамках последующего судебного контроля, отражаются в протоколе судебного заседания. Протокол судебного заседания, составляемый при осуществлении судебного контроля, является доказательством. Факты, установленные в ходе судебного контроля, могут иметь доказательственное значение при рассмотрении дела на стадии судебного разбирательства. Потенциально судебный контроль может превратиться в средство формирования судебных доказательств, которые должны будут в последующем приниматься судом первой инстанции без дополнительной проверки.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебные доказательства, судебный контроль, досудебное производство.

ON OBTAINING JUDICIAL EVIDENCE UNDER THE PROCEDURE OF JUDICIAL REVIEW DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Abstract. The problematic issues arising during obtaining judicial evidence under the procedure of judicial review are studied. Different theoretical approaches regarding the procedure of judicial review during pre-trial proceedings are presented. The legal positions of the higher courts of the Russian Federation fixing the inadmissibility of restrictions on constitutional rights of participants in the proceedings without sufficient factual grounds are examined. By implementing the procedure of judicial review a judge should ascertain the presence of such grounds. The specific features of establishing factual circumstances to be proved within the framework of preventive judicial review are analyzed. It's summarized that during the subsequent judicial review the facts to be proved must be checked, especially if the subject of judicial review is the decision to terminate a criminal case on non-rehabilitating grounds. The need for the institute of investigative judges (judicial investigators) in pre-trial criminal proceedings is supported. This form of judicial review should be transformed into a judicial procedure of termination of criminal case (prosecution) on non-rehabilitating grounds during pre-trial proceedings. The progress and results of proving in criminal procedure, carried out within the framework of the subsequent judicial review, are reflected in the court record. The court record drawn up while implementing judicial review is the proof. The facts established in the course of judicial review may have evidentiary value at the trial stage of the proceedings. Potentially, judicial review can become a means of formation of judicial evidence, which should be accepted by the court of first instance without further verification.

Keywords: criminal procedure, judicial evidence, judicial review, pre-trial proceedings.

Долгое время, практически с 1923 года, предварительное следствие, изъятое из сферы судебного контроля, осуществлялось под руководством прокуратуры. Предполагалось, что прокурорский надзор обеспечит соблюдение законов при расследовании преступлений и гарантирует объективность при разрешении спорных вопросов дознания и предварительного следствия. Устранение судебного контроля вызывалось также возрастанием значения следственных органов и принижением роли суда в установлении виновности обвиняемого.

В настоящее время эта концепция переживает кризис. Вполне вероятно ее смена на другую, а именно: судебная власть будет не только контролировать, но и управлять досудебным производством. Речь идет об институте судебного следователя (или следственного судьи). В свете этой перспективы зададимся вопросом о возможностях «судебного доказывания» в ходе предварительного расследования по действующему закону и перспективах преобразования механизма судебного контроля.

Мы исходим из того, что только суд дает оценку фактическим материалам, полученным органом предварительного расследования. Предварительное расследование проводится до суда и для суда. Выводы органов обвинения, изложенные в обвинительном заключении, должны иметь для суда значение одной из версий совершенного преступления. В связи с этим деятельность по расследованию преступлений или должна осуществляться от имени судебной власти, или суд должен обладать правом осуществления контроля за ней.

Положение, при котором досудебная подготовка дела проводится органами исполнительной власти, самостоятельными и действующими независимо от власти судебной, не способствует реализации на этой стадии основных принципов правосудия, в частности такого, как принципы состязательности, непосредственности и пр.

Некоторые следственные действия, проводимые органами предварительного расследования (обыск, осмотр места происшествия и пр.), не могут быть воспроизведены в ходе судебного следствия, что делает их уникальными и неповторимыми. Оценка судом доказательств, полученных

в результате проведения таких действий в виде протоколов следственных действий, производится с учетом их свойств: относимости, допустимости, достоверности и достаточности. В идеале же судебная власть в лице судебного следователя (следственного судьи) должна сама проводить эти следственные действия. Именно судебная процедура (в рамках судебного контроля) позволяет сведениям, собранным в ходе досудебного производства, получить судебную форму, то есть сделать их судебным фактом (еще до начала судебного разбирательства).

Расширение сферы судебного контроля необходимо в целях обеспечения законности расследования, развития состязательности предварительного следствия, предоставления участникам процесса реальных возможностей по отстаиванию своих интересов. В связи с расширением сферы судебного контроля в предварительном следствии возникает вопрос о соответствии контрольных полномочий суда функции правосудия.

Мы полностью солидарны с Н.Н. Ковтуном, который утверждает, что «сущность судебного контроля составляет самостоятельное познание судом (как уполномоченным субъектом контроля), в рамках установленной уголовно-процессуальным законом процедуры, тех или иных фактических обстоятельств дела (спора сторон), в целях законного и обоснованного его разрешения и обеспечения на этой основе прав и законных интересов личности в уголовном процессе» [1, с. 67].

По мнению многих авторитетных ученых-процессуалистов, существо судебного контроля состоит в собирании, проверке и оценке совокупности доказательств [2, с. 162, 164]. Любая из форм «судебного контроля» так или иначе связана с разрешением правового спора сторон. Необходимость законного и обоснованного разрешения возникающего конфликта как специфической формы защиты нарушенных или оспариваемых прав является не только необходимым, но и существенным признаком как правосудия в суде первой инстанции, так и судебного контроля [1, с. 39].

Деятельность сторон и судебного органа в рамках судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса имеет

своим содержанием отправление правосудия [3, с. 21]. Сущность судебного контроля и содержание его процедур составляет уголовно-процессуальное доказывание [4, с. 115, 118-119, 131]. Ряд авторов прямо указывает на то, что судебное следствие является центральной, основной частью процедуры судебного контроля. В ходе данной процедуры суд обязан непосредственно и устно исследовать доказательства, представленные сторонами в обоснование своих притязаний, дать им оценку с позиций относимости, допустимости и достаточности для законного и обоснованного спора сторон по существу [5, с. 37].

По мнению С.И. Коневой, наиболее широко допускается доказывание фактических обстоятельств дела при превентивном судебном контроле [6, с. 163-172].

Конституционный Суд РФ установил, что при решении судом вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо судебное исследование доказательств, проверки наличия или отсутствия оснований с участием сторон и с соблюдением процедур, предусмотренных ст.ст. 108 и 109 УПК РФ*. Кроме того, Конституционный Суд РФ отмечает, что суд может принимать решения, касающиеся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, ее отмены или изменения, а также продления срока содержания под стражей только с учетом того, подтверждаются или нет достаточными данными названные в уголовно-процессуальном законе основания применения этой меры пресечения. Причем именно на суде, выносящем по ходатайству, направленному следователем или дознавателем в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 108 УПК РФ, постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, лежит обязанность оценки достаточности представленных сторо-

* См.: пункты 3.2, 3.3 постановления Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан от 22 марта 2005 г. N 4—П // Рос. газ. 2005. 1 апр.

нами материалов для принятия законного и обоснованного решения**.

Такую же позицию занимает и Пленум Верховного Суда РФ, который разъяснил, что указанные в ст. 97 УПК РФ обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями***. Пленум Верховного Суда РФ также ориентирует правоприменителя на то, что следует дать оценку обоснованности выдвинутого против лица подозрения и убедиться в достаточности данных об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого****. Такой подход правомерен: ограничения конституционных прав участников процесса недопустимы без достаточных для этого фактических оснований, наличие которых и призван удостоверить судья, реализуя процедуру проверки. При этом устанавливаемые им основания, по крайней мере отчасти, не могут не совпадать с основаниями уголовной ответственности. Если имеет место превентивный судебный контроль, то представитель органа предварительного расследования, следователь, дознаватель (прокурор) выступает своего рода публичным истцом, правопритязателем, приводящим в действие судебный механизм своим ходатайством (правопритязанием). Органы предварительного расследования должны представить судебной власти убедительные уголовно-процессуальные доказательства о необходимости применения соответствующей меры процессуального принуждения; должны быть представлены доказательства, добытые в уголовно-процессуальном порядке, для обоснования ходатайства. Если данная обязанность не будет выполнена, то суд обязан отказать в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения. Так, не могут считаться допустимыми доказательствами «конкретных обстоятельств» данные,

** См.: определение Конституционного Суда РФ от 4 дек. 2003 г. N 417—О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Березовского городского суда Свердловской области о проверке конституционности ч. 2 ст. 91, ч. 3 и п. 3 ч. 7 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. N 2. С. 97.

*** См.: О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста // Рос. газ. 2009. 11 нояб.

**** См.: Там же.

не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. На суде, проверяющем обоснованность правопритязания следователя на применение норм уголовно-процессуального закона, ограничивающих конституционные права граждан, лежит не только обязанность проверки и оценки достаточности оснований для применения мер процессуального принуждения, но и обязанность убедиться в достаточных данных об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого, обвиняемого. Хотя суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении*, тем не менее объективная сторона преступления, признаки преступления доказываются; проверяются и сами доказательства. При этом ввиду умолчания закона о пределах доказывания, наборе процессуальных средств, которые могут быть использованы судом и сторонами для получения и проверки доказательств, говорить о них можно только в предположительной форме.

В рамках превентивного судебного контроля возможно доказывание фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания; предварительная оценка обоснованности подозрения или обвинения требует со стороны суда оценки не только представленных стороной обвинения доказательств причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления, но и принятия по своей инициативе действий, направленных на внесение дополнительной ясности по данному вопросу, составляющему существо уголовного дела. Следует признать, что факты, установленные в результате этой деятельности, будут иметь юридическое значение при рассмотрении уголовного дела по существу настолько, насколько мы будем признавать преюдициальное значение фактов, устанавливаемых акта-

ми судебного контроля. Доказывание, а соответственно и следственные действия, являющиеся основным способом представления и исследования доказательств, допустимы в ходе превентивного судебного контроля.

Мы поддерживаем мнение о необходимости введения института следственных судей (судебных следователей) в досудебное производство по уголовным делам, именно этот судебный орган должен стать субъектом судебного контроля (как превентивного, так и последующего), в рамках которого будет осуществляться судебное доказывание, в том числе таким способом, как депонирование доказательств, прежде всего показаний [7, с. 75-78].

Таким образом, в ходе последующего судебного контроля, особенно когда предметом его является постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, не могут не проверяться фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Мы считаем, что в последующем данная форма судебного контроля должна преобразоваться в судебный порядок прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям в ходе досудебного производства.

Ход и результаты уголовно-процессуального доказывания, осуществляемого в рамках последующего судебного контроля, отражаются в протоколе судебного заседания. Протокол судебного заседания, составляемый при осуществлении судебного контроля, является доказательством. Факты, установленные в ходе судебного контроля, могут иметь доказательственное значение при рассмотрении дела на стадии судебного разбирательства. Таким образом, потенциально судебный контроль может превратиться в средство формирования судебных доказательств, которые должны будут в последующем приниматься судом первой инстанции без дополнительной проверки.

* См.: Пункт 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 сент. 2009 г. N 22.

Список литературы

1. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород, 2002.
2. Колоколов Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования. М.: Юнити Дана, 2004.
3. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
4. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие. М., 2009.
5. Ковтун Н.Н., Магизов Р.Р. Практика реализации судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения: учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 2004.
6. Конева С.И. Участие судьи в доказывании при осуществлении судебного контроля на предварительном расследовании // Судебный контроль как средство правовой защиты участников уголовного судопроизводства от возможных нарушений при проведении предварительного расследования: материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф., 28-29 мая 2012 г. Н. Новгород, 2012.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А.С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015.

References

1. Kovtun N.N. *Sudebnyy kontrol' v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [Judicial review in the criminal trial of Russia]. Nizhny Novgorod, 2002.
2. Kolokolov N.A. *Sudebnyy kontrol' na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial review at the stage of preliminary investigation]. Moscow, Yuniti Dana Publ., 2004.
3. *Sudebnyy kontrol' v ugovnom protsesse* [Judicial review in criminal proceedings]. Moscow, 2009.
4. *Praktika primeneniya Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [The practice of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, 2009.
5. Kovtun N.N., Magizov R.R. *Praktika realizatsii sudebnogo kontrolya za zakonnost'yu i obosnovannost'yu primeneniya mer protsessual'nogo prinuzhdeniya* [The practice of implementation of judicial control over the legality and validity of the application of coercive procedural measures]. Nizhny Novgorod, 2004.
6. Koneva S.I. *Uchastie sud'i v dokazyvanii pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya na predvaritel'nom rassledovanii* [The participation of judges in proving the implementation of judicial review in the preliminary investigation]. *Sudebnyy kontrol' kak sredstvo pravovoy zashchity uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva ot vozmozhnykh narusheniy pri provedenii predvaritel'nogo rassledovaniya* [Judicial review as a remedy participants in criminal proceedings against possible violations during the preliminary investigation]. Nizhny Novgorod, 2012.
7. Aleksandrov A.S. [i dr.]. *Doktrinal'naya model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i komentarii k ney* [Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence and the comments of the Russian Federation it]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

МАЙОРОВА С.А., MAYOROVA S.A.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
plavalaguna@inbox.ru plavalaguna@inbox.ru
Кафедра административной Chair of administrative activity
деятельности органов внутренних дел; of the internal affairs bodies;
Нижегородская академия Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation;
Российской Федерации, Ankudinovskoe highway 3,
603950, г. Нижний Новгород, Nizhny Novgorod, 603600,
Анкудиновское шоссе, 3 Russian Federation

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Реферат. Добровольное участие граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности является важным компонентом гражданского общества. Актуальной научно-теоретической проблемой, связанной с этим, является классификация форм такого участия. Возможность классификации участия граждан по различным основаниям свидетельствует о разнообразии его форм. Законодатель выделяет следующие формы участия граждан в охране общественного порядка: 1) содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам; 2) участие в поиске лиц, пропавших без вести; 3) внештатное сотрудничество с полицией; 4) участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности. Критерием приведенной классификации выступает направление деятельности граждан по охране общественного порядка и формы их взаимодействия с правоохранительными органами. Анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики позволяет заключить, что помимо приведенного законодательного подхода возможны и многие другие классификации участия граждан в охране общественного порядка. Обосновываются следующие классификации форм участия граждан в охране общественного порядка: 1) в зависимости от числа граждан, участвующих в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, – индивидуальные и коллективные формы участия; 2) в зависимости от характера возложения полномочия – право участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности и обязанность участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности; в зависимости от практического осуществления участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности – фактическое и опосредованное участие граждан.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, граждане, полиция, правоохранительные органы, классификация, общественная безопасность.

FORMS OF PARTICIPATION OF CITIZENS IN MAINTAINING PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY

Abstract. Voluntary participation of citizens in maintaining public order and ensuring public safety is an important component of civil society. The topical scientific-theoretical problem related to this is the classification of forms of such participation. The classification of citizens' participation on various grounds testifies to the diversity of its forms. The legislator distinguishes the following forms of citizens' participation in public order maintenance: 1) assistance to internal affairs bodies (police) and other law enforcement agencies; 2) participation in the search of missing persons; 3) freelance cooperation with police; 4) participation in the activities of public associations of law enforcement focus. The criterion for this classification is the sphere of the activities of citizens for the protection of public order and forms of their interaction with law enforcement agencies. The analysis of normative legal acts and law enforcement practice allows to conclude that aside from the above mentioned legislative approach, many other classifications of citizens' participation in public order protection are possible. The following classifications of forms of participation are substantiated: 1) depending on the number of citizens participating in public order maintenance and ensuring public safety – individual and collective forms of participation; 2) depending on the nature of imposing authorities – the right of citizens to participate in protecting public order and ensuring public safety and the duty of citizens to participate in protecting public order and ensuring public safety; 3) depending on the practical implementation of participation in maintaining public order and ensuring public safety – actual and indirect participation of citizens.

Keywords: public order maintenance, citizens, police, law enforcement agencies, classification, public safety.

Добровольное участие граждан и их объединений в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности является неотъемлемым компонентом гражданского общества. Этот процесс носит характер двустороннего взаимодействия правоохранительных органов и представителей общества, не имеющих к ним отношения, но желающих в той или иной степени принять участие в охране общественного порядка. С одной стороны, граждане проявляют соответствующую инициативу. С другой стороны, правоохранительные органы должны обеспечить возможность практической реализации этой инициативы. Наконец, государство должно создать правовые гарантии для возможности указанного взаимодействия.

В связи с вышеизложенным изучение широкого спектра вопросов, связанных с участием граждан в охране общественного порядка, приобретает в настоящее время особую актуальность. Поскольку в рамках одной статьи невозможно охватить весь спектр вопросов данного проблемного поля, то мы сконцентрируем усилия только на одном из малоизученных аспектов проблемы участия граждан в охране общественного порядка, — целью данной работы является классификация по различным основаниям участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации.

Эффективное взаимодействие полиции и гражданского общества невозможно без доверия граждан к правоохранительным органам. Именно по этой причине законодатель в ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»^{*} закрепил следующее положение: «Полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан».

Приведенная выше норма, на наш взгляд, имеет несколько абстрактный характер. Дело в том, что употребленное в тексте нормативного правового акта понятие «стремится» указывает не на конечный результат, а на процесс, не позволяет точно установить степень «должного» стрем-

ления и характер стремления (постоянное или временное) обеспечения общественного доверия и поддержки. Конечно, можно было бы вменить в обязанности полиции обеспечение общественного доверия к себе и поддержку граждан, но в данном случае возникает вопрос о критериях реализации этой обязанности.

Полагаем, что существует иной, более объективный, критерий, показывающий наличие или отсутствие поддержки гражданами, обществом деятельности полиции и правоохранительной системы в целом.

Речь идет о вовлеченности по собственной воле, а не по административному, идеологическому или иному принуждению граждан, общественных объединений к решению проблем обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Соотношение правовых, организационных, методических, стимулирующих и иных основ подключения граждан к совместной с полицией (либо самостоятельному помимо или наряду с государственным механизмом правоохраны) охране общественного порядка и общественной безопасности и реальная, действительная практика такого участия как раз и являются показателем фиктивности, формальности или, наоборот, объективности доверия и поддержки гражданами деятельности полиции.

Участие граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности означает, что они не отчуждены от проблем данной сферы, понимают, что для достижения законности и справедливости в обществе каждый должен, как минимум, поддержать, а лучше помочь государству в лице его органов правопорядка. В отрыве от гражданской поддержки, вне информационного и функционального контакта с гражданами, правоохранительные органы становятся замкнутым, малополезным для общества инструментом. Поэтому на активизацию участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности в установленном законом порядке и должны быть направлены усилия и стремления полиции.

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

Именно в таком ракурсе следует толковать положения ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О полиции»: «Полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка».

В пункте 1 ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»^{*} дана дефиниция участия граждан в охране общественного порядка — «оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах». В статье 4 того же нормативного правового акта установлены принципы, то есть основополагающие идеи, лежащие в основе документа, в основе регулирования определенной сферы общественных отношений [1, с. 5; 2, с. 5-6], участия граждан в охране общественного порядка.

В число принципов участия граждан в охране общественного порядка законодатель включил:

- 1) принцип добровольности;
- 2) принцип законности;
- 3) принцип приоритетности защиты прав и свобод человека и гражданина;
- 4) принцип права каждого на самозащиту от противоправных посягательств всеми способами, не запрещенными законом;
- 5) принцип взаимодействия с органами внутренних дел (полицией), иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления;
- 6) принцип недопустимости подмены полномочий органов внутренних дел (полиции), иных правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Следует отметить, что принципы законности, приоритетности защиты прав и

свобод человека и гражданина и принцип права каждого на самозащиту от противоправных посягательств всеми способами, не запрещенными законом, являются, по сути, дублированием конституционных принципов. А провозглашение в качестве принципов добровольности, взаимодействия с органами внутренних дел (полицией), иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления и недопустимости подмены полномочий органов внутренних дел (полиции), иных правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления четко характеризует специфику участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации.

Реальную картину состояния участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности позволяет представить классификация форм этого участия.

Законодатель в главе 2 Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» дал следующую классификацию форм участия граждан в охране общественного порядка:

- 1) содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам;
- 2) участие в поиске лиц, пропавших без вести;
- 3) внештатное сотрудничество с полицией;
- 4) участие в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности.

Критерием приведенной классификации с определенной долей условности можно назвать направление деятельности граждан по охране общественного порядка и формы их взаимодействия с правоохранительными органами.

Наряду с легальной классификацией форм участия граждан в охране общественного порядка можно выделить и другие классификации, основанные на иных критериях.

1. В зависимости от числа граждан, участвующих в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, различаются индивидуальные и коллективные формы участия.

Индивидуальная форма участия подразумевает действия по охране обще-

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 14. Ст. 1536.

ственного порядка и обеспечения общественной безопасности со стороны одного гражданина.

Учитывая важность укрепления в обществе чувства патриотизма, гражданского долга, социальной ответственности, чести, уважения к закону, непримиримости по отношению к правонарушителям, государство активно поощряет гражданскую инициативу и активность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Важной формой такого поощрения является наградная система Российской Федерации. Например, в соответствии с Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. N 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаках отличия Российской Федерации, медалях Российской Федерации, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации»^{*} орденом Мужества награждаются граждане, проявившие самоотверженность, мужество и отвагу при охране общественного порядка, в борьбе с преступностью, при спасении людей во время стихийных бедствий, пожаров, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств, а также за смелые и решительные действия, совершенные при исполнении воинского, гражданского или служебного долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, а медалью «За отличие в охране общественного порядка» награждаются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, другие военнослужащие за смелость и отвагу, проявленные при охране общественного порядка и в борьбе с правонарушениями, за высокие показатели в служебной деятельности и другие заслуги в период прохождения службы, а также иные граждане за содействие органам внутренних дел Российской Федерации в их работе по охране общественного порядка».

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 37. Ст. 4643.

Участие граждан в охране общественного порядка поощряется и другими способами на разных уровнях (ведомственные и общественные награды, включая денежные премии и ценные подарки; различные благодарности; освещение поведения отличившегося гражданина в средствах массовой информации и др.).

Индивидуальное участие граждан в охране общественного порядка может осуществляться в виде работы в качестве внештатного сотрудника полиции, а также может заключаться в информировании правоохранительных органов о правонарушениях и об угрозах общественному порядку и в иных формах.

Коллективной формой участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности могут быть общественные советы. Согласно Федеральному закону «О полиции» при федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел и территориальных органах образуются «общественные советы, которые призваны обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в том числе профессиональных объединений предпринимателей, для решения наиболее важных вопросов деятельности полиции путем:

- 1) привлечения граждан и общественных объединений к реализации государственной политики в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности;

- 2) участия в разработке и рассмотрении концепций, программ, инициатив общественных объединений и граждан по наиболее актуальным вопросам деятельности полиции;

- 3) проведения общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам деятельности полиции;

- 4) обсуждения вопросов, касающихся деятельности полиции, в средствах массовой информации;

5) осуществления общественного контроля за деятельностью полиции».

В настоящее время в отдельных регионах Российской Федерации возрождена практика времен еще советского периода — создание добровольных народных дружин. В отличие от СССР народные дружины в современной России создаются действительно на добровольной основе. В научной литературе верно отмечается, что особенностью добровольных народных дружин является то, что они создаются «по инициативе граждан для достижения общих целей членов объединения по обеспечению правопорядка. При этом деятельность народных дружин направлена не только на достижение интересов и целей самих дружинников, но и на содействие в решении важнейшей задачи, стоящей перед государством» [3, с. 243]. Организация, деятельность и иные вопросы, связанные с функционированием народных дружин, регламентируются главами 3 и 4 Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка».

2. В зависимости от характера возложения полномочия различается:

— право участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности;

— обязанность участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

В соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»* «организатором публичного мероприятия могут быть один или несколько граждан Российской Федерации (организатором демонстраций, шествий и пикетирований — гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, митингов и собраний — 16 лет), политические партии, другие общественные объединения и религиозные объединения, их региональные отделения и иные структурные подразделения, взявшие на себя обязательство по организации и проведению публичного мероприятия».

При этом организатор публичного мероприятия вправе «требовать от уполномоченного представителя органа внутренних дел удалить с места проведения

публичного мероприятия лиц, не выполняющих законных требований организатора публичного мероприятия».

Однако спектр обязанностей по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности намного шире. Организатор публичного мероприятия, как установлено ч. 4 ст. 5 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», обязан:

— обеспечивать соблюдение условий проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия или измененных в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления;

— требовать от участников публичного мероприятия соблюдения общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия, прекращения нарушения закона;

— обеспечивать в пределах своей компетенции общественный порядок и безопасность граждан при проведении публичного мероприятия, а в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, выполнять эту обязанность совместно с уполномоченным представителем органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и уполномоченным представителем органа внутренних дел, выполняя при этом все их законные требования;

— приостанавливать публичное мероприятие или прекращать его в случае совершения его участниками противоправных действий;

— принять меры по недопущению превышения указанного в уведомлении на проведение публичного мероприятия количества участников публичного мероприятия, если превышение количества таких участников создает угрозу общественному порядку и (или) общественной безопасности, безопасности участников данного публичного мероприятия или других лиц либо угрозу причинения ущерба имуществу;

— обеспечивать сохранность зеленых насаждений, помещений, зданий, строений, сооружений, оборудования, мебели, инвентаря и другого имущества в месте проведения публичного мероприятия;

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 25. Ст. 2485.

– довести до сведения участников публичного мероприятия требование уполномоченного представителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о приостановлении или прекращении публичного мероприятия.

3. В зависимости от практического осуществления участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности выделяется фактическое и опосредованное участие граждан.

Фактическое участие – это непосредственное совершение действий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Опосредованное участие подразумевает косвенное, через посредника, вовлечение граждан и их объединений в решение вопросов совершенствования охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Это могут быть обращения граждан в органы государственной власти с предложениями, рекомендациями, например, по повышению эффективности деятельности полиции, расстановке приоритетов, устранению недостатков.

Опосредованное участие происходит и в том случае, когда инициатива предложения к участию исходит не от гражданина, а от стороннего для него государственного или общественного органа. Например, основная задача, которую решает Общественная палата Российской Федерации, – это обеспечение взаимодействия граждан Российской Федерации, общественных объединений с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации»^{*} целями деятельности Общественной палаты РФ являются:

– учет потребностей и интересов граждан Российской Федерации;

– защита прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики;

– осуществление общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

– содействие в реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

Общественная палата РФ поддерживает гражданские инициативы, для чего осуществляет сбор и обработку информации об инициативах граждан Российской Федерации и общественных объединений. Кроме того, она проводит гражданские форумы, слушания и иные мероприятия по общественно важным проблемам в порядке, установленном Регламентом Общественной палаты Российской Федерации, а также доводит до сведения граждан Российской Федерации информацию об инициативах. В субъектах Российской Федерации действуют свои общественные палаты.

В заключение сделаем следующие выводы:

1. Возможность проведения классификации участия граждан по различным основаниям свидетельствует о разнообразии форм такого участия и характеризует степень демократичности современного российского общества.

2. Анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики приводит к выводу, что кроме классификации, предложенной законодателем в Федеральном законе «Об участии граждан в охране общественного порядка», возможны несколько классификаций участия граждан в охране общественного порядка.

3. Исходя из разных критериев, можно выделить следующие классификации форм участия граждан в охране общественного порядка: 1) в зависимости от числа граждан, участвующих в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, – индивидуальные и коллективные формы участия; 2) в зависимости от характера возложения полномочия – право участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности и обязанность участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 15. Ст. 1277.

общественной безопасности; в зависимости от практического осуществления участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности – фактическое и опосредованное участие граждан.

Список литературы

1. Демичев А.А., Исаенкова О.В. Принципы и источники гражданского процессуального права Российской Федерации: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. 48 с.
2. Демичев А.А. Позитивистская классификация принципов современного российского права // Государство и право. 2014. N 5. С. 5-13.
3. Яковлев А.А. Проблемы выбора организационно-правовой формы добровольной народной дружины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. N 4. С. 242-246.

References

1. Demichev A.A., Isaenkova O.V. *Printsipy i istochniki grazhdanskogo protsessual'nogo prava Rossiyskoy Federatsii* [Principles and sources of the Civil Procedural Law of the Russian Federation]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia, 2005. 48 p.
2. Demichev A.A. *Pozitivistskaya klassifikatsiya printsipov sovremennogo rossiyskogo prava* [Positivist classification principles of the modern Russian right]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 2014, no. 5, pp. 5-13.
3. Yakovlev A.A. *Problemy vybora organizatsionno-pravovoy formy dobrovol'noy narodnoy druzhiny* [Problems of selection of the legal form of voluntary national teams]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* – Herald of of Perm State University. Jurisprudence, 2013, no. 4, pp. 242-246.

ДИЗЕР О.А., кандидат юридических наук, доцент, dizer77@mail.ru Кафедра административного права и административной деятельности органов внутренних дел; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	DIZER O.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, dizer77@mail.ru Chair of Administrative Law and Administrative Activities; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
---	---

ПРОБЛЕМЫ ДОСТАВЛЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ И УТРАТИВШИХ СПОСОБНОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО ПЕРЕДВИГАТЬСЯ, В МЕДИЦИНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Реферат. Федеральным законом «О полиции» сотрудникам органов внутренних дел предоставляется право доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации. Эта мера, не являющаяся основным направлением деятельности и нацеленная на противодействие росту пьянства и алкоголизма среди населения, реализуется следующими подразделениями: патрульно-постовой службой полиции, службой участковых уполномоченных полиции, подразделениями по делам несовершеннолетних, дорожно-патрульной службой ГИБДД. С момента упразднения медицинских вытрезвителей в Российской Федерации прекратила функционировать служба, основной задачей которой являлось противодействие пьянству и алкоголизму. В настоящее время в медицинские учреждения помещаются только те лица, которые нуждаются в оказании им специализированной медицинской помощи. В свою очередь, при отсутствии медицинских показаний для оказания медицинской помощи в стационарных условиях лица, находящиеся в состоянии опьянения, совершившие правонарушения, доставляются сотрудниками полиции в дежурные части территориальных органов МВД России. В этих условиях возникают проблемы, касающиеся дальнейшего пребывания доставленных в дежурные части из общественных мест граждан, находящихся в состоянии опьянения. На сегодняшний день, учитывая актуальность вопросов предупреждения и пресечения нарушений антиалкогольного законодательства и ввиду наличия пробелов в федеральном законодательстве, в субъектах Российской Федерации пытаются создать специализированные учреждения, основной задачей которых является доставка и размещение в них лиц, находящихся в состоянии опьянения в общественных местах.

Ключевые слова: доставка лиц, находящихся в состоянии опьянения в общественных местах, в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, медицинские вытрезвители.

THE PROBLEMS OF TRANSPORTING THE PERSONS BEING DRUNK IN PUBLIC PLACES AND HAVING LOST THE ABILITY TO MOVE INDEPENDENTLY TO MEDICAL ORGANIZATIONS BY POLICE

Abstract. Federal law "On police" provides the right of law enforcement officers to transport the persons being under the influence of alcohol, narcotics and/or other drugs in public and unable to move independently and/or navigate in the environment to medical organizations. This measure is not the primary activity of the police. It is aimed at countering the increase of alcohol abuse and alcoholism among the population and implemented by the following police units: patrol police, divisional inspectors, juvenile inspection, road patrol service of the State Inspection for Road Traffic Safety. Since the abolition of medical sobering-up stations in the Russian Federation, the service whose main task was to counter alcohol abuse and alcoholism has stopped its functioning. Currently, only those persons who need specialized medical care can be placed in a medical institution. If there are no medical indications for providing medical assistance in a hospital, offenders under the influence of alcohol are transported by police officers to the dispatch centers (police control centers) of the territorial bodies of the MIA of Russia. In these circumstances the problems concerning the further stay of the transported persons

arise. Today, taking into account the urgency of the issues concerning the prevention and suppression of violations of anti-alcohol legislation and gaps in federal legislation, there are some attempts to create the specialized institutions whose main task is to transport and accommodate the persons being drunk in public places in some of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: transporting the persons being intoxicated in public places to medical organizations or police stations, medical sobering-up stations.

В соответствии с пунктом 14 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»^{*} сотрудникам органов внутренних дел предоставляется право доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации. Кроме того, указанный пункт закрепляет право полиции доставлять по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу.

Данное полномочие полиции полностью соответствует принятой в 2009 г. Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года^{**}, определившей основные цели, задачи и механизмы реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации.

Основными целями реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной

продукцией и профилактике алкоголизма среди населения России являются: значительное снижение уровня потребления алкогольной продукции; повышение эффективности системы профилактики злоупотребления алкогольной продукцией; повышение эффективности регулирования алкогольного рынка.

Реализация данной политики осуществляется с помощью таких способов, как: организация в средствах массовой информации кампаний, направленных на укрепление общественной поддержки стратегий борьбы со злоупотреблениями алкогольной продукцией; ограничение (вплоть до полного запрета) скрытой рекламы алкогольной продукции, привлекающей общественное внимание; осуществление политики ценообразования, обеспечивающей установление потребительских цен на алкогольную продукцию с учетом содержания в ней этилового спирта; снижение доступности алкогольной продукции путем ограничения ее розничной продажи по месту и времени; усиление административной ответственности за нарушения в области производства и оборота алкогольной продукции, в том числе установленных ограничений на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, а также установление уголовной ответственности за неоднократное совершение указанных деяний; разработка и осуществление мер по противодействию реализации нелегально произведенной алкогольной продукции, по усилению государственного контроля за производством и оборотом алкогольной продукции.

Руководствуясь в своей деятельности нормами действующего законодательства, определяющего цели и задачи государственной антиалкогольной политики, органы внутренних дел должны принять все возможные меры по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в государстве, предотвратить дальнейший рост потребления алкоголя гражданами страны, особенно теми, кто еще не достиг совершеннолетия, обеспечить безопас-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 дек. 2009 г. N 2128-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 2. Ст. 264. С. 776-784.

ность дорожного движения, способствовать законному развитию предпринимательской деятельности.

На сегодняшний день противодействие росту пьянства и алкоголизма среди населения осуществляется следующими подразделениями и службами органов внутренних дел: патрульно-постовой службой полиции, службой участковых уполномоченных полиции, подразделениями по делам несовершеннолетних, дорожно-патрульной службой ГИБДД.

Так, в частности, сотрудники патрульно-постовой службы полиции осуществляют свою деятельность в соответствии с приказом МВД России от 29 января 2008 г. N 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции»*. Данный нормативный правовой акт определяет порядок организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции по обеспечению правопорядка на улицах, объектах транспорта и в других общественных местах.

Одной из главных задач в деятельности патрульно-постовой службы полиции является пресечение административных правонарушений и задержание правонарушителей, их совершивших. Строевые подразделения патрульно-постовой службы оказывают помощь гражданам, находящимся в беспомощном состоянии, опасном для жизни или здоровья; участвуют в пределах своей компетенции в мероприятиях по профилактике и предупреждению правонарушений, осуществляемых по линии других подразделений органов внутренних дел, а также наделены правом задержания лиц, совершивших правонарушения, доставления в случае возникновения необходимости лиц, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские организации.

Деятельность участковых уполномоченных полиции регламентирована приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. N 1166 «Вопросы организации деятельности участ-

тковых уполномоченных полиции»**. Участковые уполномоченные полиции выполняют возложенные на них задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности на закрепленной за ними в установленном порядке части территории, обслуживаемой органом внутренних дел. Участковые уполномоченные полиции в полной мере решают задачи, стоящие перед органами внутренних дел (полицией), в рамках реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации и являются при этом основным субъектом применения административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за правонарушения, связанные с пьянством.

В соответствии с данным приказом участковые уполномоченные полиции обязаны участвовать в пределах компетенции совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алкоголизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений; оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении назначенной судом принудительной госпитализации лиц в медицинские организации. Вместе с тем отметим, что лица, злоупотребляющие спиртными напитками, достаточно часто совершают правонарушения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, а значит, они должны являться объектом повышенного внимания со стороны участкового уполномоченного полиции как сотрудника, наиболее часто контактирующего с населением административного участка.

При несении службы по охране общественного порядка и обеспечении обще-

* Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. N 80 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. N 27.

** Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 дек. 2012 г. N 1166 // Рос. газ. 2013. 27 марта.

ственной безопасности участковый уполномоченный полиции должен обеспечивать охрану общественного порядка на территории административного участка, в том числе во взаимодействии с сотрудниками патрульно-постовой службы, а также оказывать в пределах своей компетенции помощь и содействие подразделениям по исполнению административного законодательства территориального органа внутренних дел.

Одним из основных направлений деятельности участкового уполномоченного полиции при несении службы на административном участке является обеспечение безопасности дорожного движения. В связи с этим полагаем, что участковый уполномоченный полиции должен проводить на административном участке мероприятия, направленные на выявление и пресечение фактов управления транспортными средствами водителями в состоянии опьянения.

Полномочия и порядок осуществления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних утверждены приказом МВД России от 15 октября 2013 г. N 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»*. К числу основных обязанностей подразделений по делам несовершеннолетних относится осуществление профилактики пьянства среди несовершеннолетних, предупреждение общественно опасных деяний со стороны несовершеннолетних, участие в проведении рейдов и операций по выявлению несовершеннолетних, допускающих употребление спиртных напитков, а также лиц, нарушающих правила торговли спиртными напитками в отношении несовершеннолетних, и лиц, вовлекающих несовершеннолетних в употребление спиртных напитков. Кроме того, данные подразделения обязаны устанавливать с помощью сотрудников других подразделений и служб обстоятельства, связанные с приобретением и употреблением несовершеннолетними спиртных напитков; информировать

органы здравоохранения о выявлении несовершеннолетних, нуждающихся в обследовании, наблюдении или лечении в связи с употреблением спиртных напитков.

Федеральным законом «О полиции» определено право сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) МВД России останавливать транспортные средства, если это необходимо для выполнения возложенных на полицию обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, проверять документы на право пользования и управления ими, временно ограничивать или запрещать дорожное движение, если пользование транспортными средствами угрожает безопасности дорожного движения.

Кроме того, в соответствии с приказом МВД России от 2 марта 2009 г. N 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения»** сотрудники дорожно-патрульной службы ГИБДД во исполнение функций по контролю и надзору за соблюдением требований в области обеспечения безопасности дорожного движения вправе осуществлять следующие административные процедуры: остановку транспортного средства; отстранение водителя от управления транспортным средством; освидетельствование водителя на состояние алкогольного опьянения; направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Анализируя вышеизложенное, следует отметить, что реализация указанных полномочий не является основным направлением деятельности всех названных служб и подразделений полиции.

С момента упразднения медицинских вытрезвителей в Российской Федерации прекратила функционировать служба,

* Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 окт. 2013 г. N 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. N 11.

** Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. N 185 // Рос. газ. 2009. 7 июля.

основной задачей которой являлось противодействие пьянству и алкоголизму.

Разработанная и утвержденная концепция государства, а также принятые нормативные правовые акты в области профилактики и противодействия росту пьянства и алкоголизма среди населения позволяют говорить об активной многоплановой деятельности органов исполнительной власти, иных государственных структур в целях противодействия этим антисоциальным явлениям.

Однако ряд правовых и организационных вопросов не нашел своего практического разрешения, что вызывает необходимость дальнейшей работы в сфере противодействия пьянству и алкоголизму в России.

На современном этапе реформирования системы органов внутренних дел и в свете противодействия пьянству и алкоголизму в стране своеобразной модернизации подверглась такая мера административного пресечения, как доставка правонарушителей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, в медицинские вытрезвители.

Медицинские вытрезвители осуществляли свою деятельность на основании приказа МВД СССР от 30 мая 1985 г. N 106, утвердившего Положение о медицинском вытрезвителе при отделе внутренних дел (текст приказа официально опубликован не был, утратил силу), в соответствии с которым они являлись специализированными учреждениями милиции, выполняющими функции пресечения нарушений антиалкогольного законодательства, в частности, появления в общественных местах лиц, находящихся в состоянии опьянения, если их вид оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность или если они утратили способность самостоятельно передвигаться, либо могли причинить вред окружающим или себе, и оказания им неотложной медицинской помощи.

Лица по подозрению на нахождение в состоянии подобного алкогольного опьянения доставлялись в вытрезвитель сотрудниками органов внутренних дел, где по прибытии осматривались фельдшерами. При признании лиц находящимися в состоянии алкогольного опьянения средней степени, требующем вытрезвления, производилось их задержание до момента вытрезвления. Лиц, находящихся в состоя-

нии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, а также находящихся в алкогольной коме, доставляли в медицинские учреждения.

В настоящее время завершена работа по упразднению всех ранее существовавших медицинских вытрезвителей на территории Российской Федерации, а иного органа, взявшего на себя обязанности, принадлежавшие медицинским вытрезвителям, не создано.

Анализ истории развития службы медицинских вытрезвителей в России показывает, что в 1940 году во исполнение Постановления Совнаркома СССР вытрезвители из Наркомата здравоохранения были переданы в подчинение Народного комиссариата внутренних дел СССР, а попытка вновь вернуть их в сферу здравоохранения, предпринимавшаяся в 1992 году, во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 17 сентября 1992 г. N 723 «Об организационных мерах по выполнению Постановления Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие закона РСФСР "О милиции"»*, так и не была реализована в силу экономических причин [1].

Существование медицинских вытрезвителей на протяжении ряда лет позволяло спасать от смерти в результате передозировки алкоголя, обморожений в холодное время года многие человеческие жизни [2]. При всей своей проблемности нормы Закона РФ «О милиции», предусматривавшие возможность доставления лиц, находящихся в состоянии опьянения, в медицинские вытрезвители, были направлены на защиту общественного порядка, общественной безопасности, нравственности, на устранение опасности для жизни, здоровья и имущества людей, которые в состоянии опьянения создают реальную угрозу как для самих себя, так и для окружающих.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении от 20 ноября 2003 г. N 416-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подаря Павла Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 20.21 Кодекса Российской Федера-

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции об административных правонарушениях, пунктами 11 и 15 статьи 11 Закона Российской Федерации «О милиции», Положением о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкцией по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинские вытрезвители» сделал вывод, что отмеченные нормы не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права граждан*.

Анализ зарубежного опыта противодействия пьянству и алкоголизму позволяет говорить о наличии и поныне в структуре государственных органов медицинских вытрезвителей так, например, в Белоруссии в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 8 июля 2013 г. N 307 «О вопросах совершенствования деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь» при территориальных отделах органов внутренних дел медицинские вытрезвители преобразованы в специализированные изоляторы**. В данные изоляторы в соответствии с указанным нормативным правовым актом помещаются лица, в отношении которых применено административное задержание за появление в общественном месте в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и нравственность, а также за совершение в состоянии алкогольного опьянения административных правонарушений, влекущих наказание в виде административного ареста, до их вытрезвления.

Существуют и несколько другие подходы к решению проблемы нахождения людей на улице в состоянии опьянения. Так, в Канаде действует волонтерская служба «Красный нос», которая доставляет нетрезвых граждан, не способных управлять собственным автомобилем, до места их проживания; если же клиент находится в стадии глубокого опьянения, его доставляют в медицинское учреждение [3].

В странах Западной Европы пьяных задерживают лишь в случае нарушения общественного порядка, однако существуют благотворительные службы, которые на добровольной основе могут доставить человека домой, их активность особенно проявляется в холодное время года [4, с. 112].

* Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2004. N 2.

** URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=63462

В соответствии с приказом МВД России от 23 декабря 2011 г. N 1298 «Об утверждении Инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации»*** в медицинские учреждения помещаются только те лица, которые нуждаются в оказании им специализированной медицинской помощи. В свою очередь, при отсутствии медицинских показаний для оказания медицинской помощи в стационарных условиях лица, находящиеся в состоянии опьянения, совершившие правонарушения, доставляются сотрудниками полиции в дежурные части территориальных органов МВД России. В этих условиях возникают проблемы, касающиеся дальнейшего пребывания доставленных в дежурные части из общественных мест граждан, находящихся в состоянии опьянения. Главным образом это касается вопросов о месте нахождения лица в состоянии алкогольного опьянения до его вытрезвления и сроках его пребывания в дежурной части [5, с. 43].

Так, например, срок административного задержания исчисляется с момента доставления лица, а лица, находящегося в состоянии опьянения, — с момента его вытрезвления. Формулировку «с момента вытрезвления» некоторые авторы называют «резиновой» [6, с. 42], поскольку вопрос об определении вытрезвления должен решаться уполномоченными на то лицами или учреждениями.

Некоторые авторы отмечают, что понятие «вытрезвление» является не юридической, а медицинской категорией, к тому же основанной на усмотрении должностных лиц, осуществляющих административное задержание. Такая формулировка, по мнению исследователей, создает почву для злоупотреблений при определении момента вытрезвления [7, с. 769; 8, с. 21]. Отсутствие документально зафиксированного решения специалиста-медика о вытрезвлении не позволяет объективно установить начало течения срока административного задержания для лиц, находящихся в состоянии опьянения.

*** Рос. газ. 2012. 29 февр.

Помимо этого, в большинстве медицинских организаций отсутствуют специализированные помещения для приема лиц, находящихся в состоянии опьянения, поэтому оказание им помощи может осуществляться в порядке очереди вместе с другими посетителями. Данные граждане, ожидая оказания им помощи, как правило, находясь в состоянии сильной степени опьянения, могут доставлять неудобство, а иногда и представлять опасность для других лиц, обратившихся за медицинской помощью. Более того, следует напомнить о том, что в период функционирования вытрезвителей оказываемая услуга являлась платной, а в настоящее время вопрос о возмещении расходов, связанных с оказанием медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, и их содержанием, в законодательстве четко не урегулирован.

Следует признать, что на данном этапе развития государственной антиалкогольной политики решение вопроса об упразднении медицинских вытрезвителей в России нельзя считать положительным.

Как показывает практика, на региональном уровне необходимость воссоздания учреждений, подобных медицинским вытрезвителям, возникла практически сразу же после их закрытия [9].

На сегодняшний день, учитывая актуальность вопросов предупреждения и пресечения нарушений антиалкогольного законодательства, в субъектах Российской Федерации пытаются, ввиду наличия пробелов в федеральном законодательстве, создать специализированные учреждения, основной задачей которых являлось бы доставление и размещение в них лиц, находящихся в состоянии опьянения в общественных местах.

Интересным является опыт различных субъектов Российской Федерации по созданию специализированных учреждений, выполняющих функции медицинских вытрезвителей. На территории г. Томска с конца 2010 года функционирует пункт медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, который создан на базе областного наркологического диспансера, финансирование деятельности медицинского пункта осуществляется из областного бюджета [10, с. 3]. Республика Татарстан планирует открытие «Домов трезвости», учитывая опыт работы автономного учреждения «Медицинский

центр детоксикации "Визит"», функционирующего в городе Альметьевске [11]. По общему правилу, такие учреждения находятся в ведении органов здравоохранения, роль полиции сводится к подбору пьяных, доставлению их в данные учреждения и поддержанию порядка в них и на прилегающей территории [2]. Данные обязанности могут закрепляться за сотрудниками полиции и медицинскими работниками совместными приказами МВД по республикам, главных управлений, управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации и департаментов здравоохранения на региональном уровне*.

В Новосибирске вместо ликвидированных 16 медицинских вытрезвителей в структуре Областного наркологического диспансера создано специальное отделение для оказания помощи пьяным с их письменного согласия, однако такая услуга, естественно, не пользуется спросом [12]. Аналогичная практика складывается в Кемеровской области, например в г. Березовске, с той лишь разницей, что лиц в состоянии алкогольного опьянения, утративших способность самостоятельно передвигаться и нуждающихся в медицинской помощи, доставляют в санпропускник центральной городской больницы. При возникновении конфликтных ситуаций со стороны доставленных граждан они разрешаются с помощью мужчин-вахтеров и медицинского персонала**. Аналогичная практика сформировалась на территории Свердловской области***.

* См., например: О порядке взаимодействия управления внутренних дел по томской области и департамента здравоохранения томской области по обеспечению правопорядка в пункте медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения: приказ УВД России Томской области и Департамента здравоохранения Томской области от 15 нояб. 2010 г. N 367/485. Документ официально опубликован не был.

** По материалам, предоставленным ГУ МВД России по Кемеровской области.

*** Об организации оказания скорой медицинской помощи гражданам городского округа Первоуральск в условиях реформирования службы медицинских вытрезвителей при органах внутренних дел Свердловской области: постановление Администрации городского округа Первоуральск от 9 февр. 2011 г. N 196 // Вечерний Первоуральск. 2011. 22 февр.

Управление МВД России по Омской области обратилось с инициативой открытия реабилитационных учреждений для лиц, находящихся в состоянии опьянения, в Правительство Омской области [13].

В Ленинградской области депутаты Законодательного собрания хотят возродить вытрезвители на базе наркологических диспансеров, так как в обычных больницах нет палат для оказания неотложной наркологической помощи*. В некоторых регионах, например в Хабаровском крае, только ставится вопрос о создании на территории муниципального района медицинского вытрезвителя**.

Особого внимания при рассмотрении вопроса о создании подобных учреждений заслуживает опыт Томской области, где впервые после ликвидации медицинских вытрезвителей был создан пункт медицинской помощи.

В связи с ростом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, УВД по Томской области обратилось к губернатору Томской области с предложением о создании на территории областного центра медицинского учреждения по оказанию медицинской помощи лицам, находящимся в общественных местах и на улицах в состоянии алкогольного опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей среде.

В соответствии с распоряжением губернатора Томской области от 20 августа 2010 г. N 719-ра на территории г. Томска с 3 декабря 2010 г. начал свою деятельность

пункт медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения***.

Под помещения медицинского пункта было выделено отдельно стоящее кирпичное здание. Структура медицинского пункта предусматривает наличие: комнаты предварительного осмотра; кабинета медицинского освидетельствования; процедурного кабинета; лаборатории предварительной диагностики на содержание в крови наркотических веществ; четырех наблюдательных палат на 14 мест (2 – пятиместные, 1 – четырехместная, 1 – одноместная); кабинет медперсонала; кабинет заведующего медицинским пунктом; пост полиции.

Все помещения медицинского пункта оборудованы системой видеонаблюдения. Численность медперсонала медицинского пункта составляет 37 человек. Финансирование деятельности медицинского пункта осуществляется из областного бюджета.

В целях поддержания правопорядка на территории указанного медицинского учреждения и организации деятельности сотрудников полиции по выявлению и размещению в пункте медицинской помощи лиц, доставленных с признаками алкогольного опьянения, разработан и подписан совместный приказ УВД по Томской области и Департамента здравоохранения Томской области, называвшийся ранее. В соответствии с вышеуказанным нормативным документом сотрудниками полиции (отдельного батальона ППСП УМВД России по Томской области) обеспечивается правопорядок на прилегающей к медицинскому учреждению территории, а также оказывается содействие медицинскому персоналу в пресечении правонарушений, совершаемых лицами, доставленными в пункт медицинской помощи.

Отмечается, что данная профилактическая мера позволила существенно повлиять на снижение числа совершаемых на территории г. Томска преступлений в со-

* Об обращении депутатов Законодательного собрания Ленинградской области к Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкину, министру внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцеву и министру здравоохранения Российской Федерации В.И. Скворцовой: постановление Законодательного собрания Ленинградской области от 30 мая 2012 г. N 466. Документ официально опубликован не был.

** Об утверждении муниципальной программы «Профилактика правонарушений в Советско-Гаванском муниципальном районе на 2014-2016 годы: постановление Администрации Советско-Гаванского муниципального района от 12 дек. 2013 г. N 2004 // Сборник нормативно-правовых актов органов местного самоуправления Советско-Гаванского муниципального района. 2014. N 12 (ч. 1).

*** О пункте медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения» (вместе с «Временным положением о пункте медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного опьянения»): распоряжение Администрации Томской области от 20 авг. 2010 г. N 719-ра. Документ официально опубликован не был.

стоянии алкогольного опьянения, которое составило примерно 10 %*.

Таким образом, на данном этапе развития государственной антиалкогольной политики решение об упразднении медицинских вытрезвителей в России является несколько преждевременным, поскольку их фактическое отсутствие не вполне отвечает требованиям о защите прав и свобод граждан.

Существующая в настоящее время практика доставления граждан в медицинские организации делает очевидными пробелы в законодательстве, связанные с необходимостью существования специ-

ализированных организаций. Учитывая актуальность рассматриваемых проблем, в некоторых регионах делаются попытки воссоздания и регламентирования деятельности подобных организаций, однако эти попытки носят фрагментарный и бессистемный характер. В целях усиления обеспечения прав и свобод граждан существует необходимость принятия нормативных правовых актов на федеральном уровне, которые регламентировали бы административно-правовой статус подобных организаций, полномочия, объем оказываемых услуг, порядок содержания доставляемых лиц.

* По данным УМВД России по Томской области.

Список литературы

1. Егоров И. МВД закрывает вытрезвители и переводит деньги вневедомственной охраны в бюджет // Рос. газ. 2011. 28 сент.
2. Елков И. Холодный прием. Вытрезвители возвращаются // Рос. газ. 2013. 7 нояб.
3. URL: <http://operationnezrouge.com/en> (дата обращения: 29 сент. 2014 г.).
4. Егоров И. На трезвую голову // Рос. газ. 2011. 13 окт.
5. Дизер О.А. Проблемы реализации права полиции доставлять лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в медицинские организации и территориальные органы МВД России // Научный вестник. 2014. N 3. С. 40-44.
6. Колоколов Н.А. КоАП РФ: опять судебная практика впереди законодателя // Российский судья. 2003. N 1. С. 39-42.
7. Постатейный комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / Д.С. Велиева [и др.]; под ред. Э.Г. Липатова, С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. 912 с.
8. Косарева Н.В. Сроки применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2012. N 5. С. 19-23.
9. Ларионов А.П. Медицинские вытрезвители необходимы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главного управления МВД России по Ростовской области. URL: <http://61.mvd.ru/gumvd/Blog/item/2046496> (дата обращения: 29 сент. 2014 г.).
10. Томский опыт добровольного оказания медицинской помощи лицам в состоянии алкогольного опьянения оказался успешным // Медицина и фармация Томской области. 2011. N 10.
11. Батенева Т. В регионах возрождают медвытрезвители [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/12/vitrezvitely-site.html> (дата обращения: 29 сент. 2014 г.)
12. Кормильцева М. Вытрезвитель при наркодиспансере Новосибирска остался невостребованным [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20121114/910708933.html> (дата обращения: 29 сент. 2014 г.)
13. Доклад начальника Управления МВД России по Омской области о деятельности полиции за 2013 г. к заседанию Законодательного Собрания Омской области [Электронный ресурс] // Официальный сайт УМВД России по Омской области. URL: http://55.mvd.ru/Dejatelnost/Otcheti_dolznostnih_lic/Otchet_nachalnika_UMVD_Rossii_po_Omskoj (дата обращения: 29 сент. 2014 г.).

References

1. Egorov I. *MVD zakryvaet vytrezviteli i perevodit den'gi vnevedomstvennoy okhrany v byudzheth* [MIA closes the sobering-up stations and transfers the money to the private security budget]. *Rossiyskaya Gazeta* – The Russian newspaper, 2011, 28 September.
2. Elkov I. *Kholodnyy priem. Vytrezviteli vozvrashchayutsya* [The cold shoulder. Detox return]. *Rossiyskaya Gazeta* – The Russian newspaper, 2013, 7 November.
3. Available at: <http://operationnezrouge.com/en> (Accessed 29 September 2014).
4. Egorov I. *Na trezvuyu golovu* [Sober]. *Rossiyskaya Gazeta* – The Russian newspaper, 2011, 13 October.
5. Dizer O.A. *Problemy realizatsii prava politsii dostavlyat' lits, nakhodyashchikhsya v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya v meditsinskie organizatsii i territorial'nye organy MVD Rossii* [Problems of realization of the right of police to

deliver persons intoxicated in medical organizations and territorial bodies of the Russian Interior Ministry]. *Nauchnyy vestnik* – Scientific Bulletin, 2014, no. 3, pp. 40-44.

6. Kolokolov N.A. *KoAP RF: opyat' sudebnaya praktika vpered i zakonodatel'ya* [The Administrative Code: Litigation again ahead of the legislator]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2003, no. 1, pp. 39-42.

7. Velieva D.S. [i dr.]. *Postateynny kommentariy k Kodeksu RF ob administrativnykh pravonarusheniyyakh* [Commentaries to the Code of Administrative Offences]. Moscow, GrossMedia, ROSBUH Publ., 2008. 912 p.

8. Kosareva N.V. *Sroki primeneniya mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyyakh* [Terms of application of provisional measures proceedings on administrative violations]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice, 2012, no. 5, pp. 19-23.

9. Larionov A.P. *Meditsinskie vytrezviteli neobkhodimy* [Medical sobering-up stations are needed]. *Ofitsial'nyy sayt Glavnogo upravleniya MVD Rossii po Rostovskoy oblasti* [Official site of the Main Directorate of the MOI of Russia in the Rostov region] Available at: <http://61.mvd.ru/gumvd/Blog/item/2046496> (Accessed 29 September 2014).

10. *Tomskiy opyt dobrovol'nogo okazaniya meditsinskoy pomoshchi litsam v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya okazalsya uspeshnym* [Tomsk experience of voluntary medical assistance to persons in a state of intoxication was successful]. *Meditsina i farmatsiya Tomskoy oblasti* – Medicine and Pharmacy of the Tomsk region, 2011, no. 10.

11. Bateneva T. *V regionakh vozrozhdayut medvytrezviteli* [In regions revive sobering-up station]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/02/12/vitrezvitely-site.html> (Accessed 29 September 2014).

12. Kormil'tseva M. *Vytrezvitel' pri narkodispersere Novosibirskaya ostalsya nevestrebovannym* [Detoxification center at Novosibirsk narkodispersere unclaimed]. Available at: <http://ria.ru/society/20121114/910708933.html> (Accessed 29 September 2014).

13. *Doklad nachal'nika Upravleniya MVD Rossii po Omskoy oblasti o deyatelnosti politsii za 2013 g. k zasedaniyu Zakonodatel'nogo Sobraniya Omskoy oblasti* [Report of the Chief of the Russian Interior Ministry in the Omsk region on the activities of the police in 2013 for the meeting of the Legislative Assembly of Omsk Region. Official site of Ministry of Internal Affairs of Russia in Omsk region]. *Ofitsial'nyy sayt UMVD Rossii po Omskoy oblasti* [Official site of Ministry of Internal Affairs of Russia in the Omsk region]. Available at: http://55.mvd.ru/Dejatelnost/Otcheti_dolzhnostnih_lic/Otchet_nachalnika_UMVD_Rossii_po_Omskoj (Accessed 29 September 2014).

КЛИМОВИЧ Е.В., кандидат юридических наук, доцент, klimovich55@mail.ru Кафедра административного права и административной деятельности органов внутренних дел; Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	KLIMOVICH E.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, klimovich55@mail.ru Chair of administrative law and administrative activities of the internal affairs bodies; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation
КУЗНЕЦОВ А.В., Omtivo@bk.ru Адъюнктура (докторантура); Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, г. Омск, просп. Комарова, 7	KUZNETSOV A.V., Omtivo@bk.ru Post graduate courses; Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Komarova Ave. 7, Omsk, 644092, Russian Federation

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Реферат. С момента вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» стало возможным привлечение владельцев транспортных средств к административной ответственности в случаях автоматической фиксации правонарушения специальными техническими средствами. Новый способ выявления административных правонарушений вызвал ряд проблем правового и организационного характера. В частности, не определен перечень субъектов, принимающих решение об установке, обеспечивающих применение специальных технических средств, не определены критерии выбора мест установки. Отсутствие нормативно закрепленных требований к технической и программной составляющим специальных технических средств создает возможность применения приборов ненадлежащего качества, неправильной настройки и в целом нарушения прав лиц, привлекаемых к административной ответственности. Нет единой системы терминов, определяющих, что такое специальные технические средства, их виды, способы применения. Нормы КоАП РФ, определяющие основания административной ответственности собственников транспортных средств, не согласованы с другими нормами кодекса, а также с нормами гражданского и информационного законодательства. В частности, не решен вопрос о форме вины собственника транспортного средства, не установлены основания освобождения юридического лица от административной ответственности в случае фиксации правонарушения специальным техническим средством. Процессуальные нормы, регламентирующие упрощенный порядок производства по делам об административных правонарушениях, возбужденных по материалам автоматической фиксации, не согласуются с общей концепцией регламентации производства по делам об административных правонарушениях, установленной КоАП РФ. Действующий порядок производства позволяет правонарушителям необоснованно избегать административной ответственности.

Ключевые слова: устройства автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, собственники транспортных средств.

LEGAL REGULATION OF USING SPECIAL TECHNICAL MEANS FOR FIXING VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES – PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. Since the Federal Law “On amending the RF Code of Administrative Offences” came into force, it became possible to bring the vehicle owners to administrative liability in cases of automatic fixation of traffic rules violation by special fixation devices. A new method of detecting administrative offences caused a number of problems of legal and organizational nature. In particular, the list of subjects making the decision about the installation of special technical means and ensuring their application, as well as the criteria for choosing the place of installation aren’t defined. The lack of nor-

mative requirements for technical and software components of special technical means creates the possibility of using poor quality devices, incorrect settings, and violations of rights of persons brought to administrative responsibility. There's no unified system of terms defining special technical means, their types, ways of use. The norms of the RF Code of Administrative Offences regulating the grounds for administrative liability of vehicle owners aren't consistent with other provisions of the code and rules of civil and information legislation. In particular, the issue of form of guilt of vehicle owner isn't resolved, the grounds for exemption of legal entity from administrative liability in case of fixing the offence by special technical means aren't established. Procedural rules regulating the summary procedure of administrative proceedings in cases initiated on the materials of automatic fixation aren't consistent with the general concept of administrative proceedings established by the RF Code of Administrative Offences. The current procedure allows offenders to avoid administrative liability.

Keywords: means of automatic fixation of violations of traffic rules, owners of vehicles.

Развитие автомобильного транспорта наряду с положительным значением для социально-экономического развития общества имеет и отрицательные стороны. Главная из них – аварийность. С 2004 по 2013 гг. в России ежегодно совершалось от 200 тыс. до 234 тыс. дорожно-транспортных происшествий (ДТП) (в 2014 г. – 199 720, по отношению к 2013 г. произошло уменьшение на 2,1 %), в которых погибали от 27 тыс. до 35 тыс. человек и получали различные увечья от 244 тыс. до 292 тыс. человек. Значительную часть погибших в ДТП составляют люди наиболее активного трудоспособного возраста. Около 20 % пострадавших стали инвалидами. Необходимо отметить, что государственной регистрации подлежат только ДТП с пострадавшими, поэтому их общее количество значительно превышает статистические показатели.

Дорожно-транспортная аварийность наносит экономике России колоссальный ущерб. Только прямой ущерб от ДТП ежегодно составляет 2,4-2,6 % внутреннего валового продукта. Косвенные же виды ущерба, связанные с ограниченной потерей трудоспособности и психологическими травмами лиц, попавших в ДТП, а также рядом других факторов, вообще не учитываются [1, с. 16].

Согласно официальным статистическим данным основными причинами ДТП являются нарушения правил дорожного движения. За период с 2004 по 2014 гг. ежегодно в стране в административном порядке подвергались наказанию от 39 млн до 68 млн человек, подавляющее большинство которых (от 86 % в 2004 г. до 93 % в 2013 г.) составляют водители транспортных средств.

Как показывают результаты исследований, в действительности нарушений правил дорожного движения выявляется в 2-2,5 раза больше. Однако часть из них

вообще не фиксируется и никак не наказывается (участники дорожного движения либо получают устные предупреждения, либо инспекторы ДПС ГИБДД в силу ряда причин смотрят на их нарушения «сквозь пальцы»), в некоторых случаях виновные лица, главным образом водители, «откупаются» неофициально. Реально можно говорить не менее чем о 110-130 млн ежегодно выявляемых нарушений правил дорожного движения. Кроме того, следует учитывать их огромную латентность: выявляется не более 15-20 % совершенных нарушений, а зачастую еще меньше [1, с. 19].

В то же время тенденцией последних лет является постоянное увеличение количества выявленных правонарушений в области дорожного движения. По сравнению с показателем 2003 года можно говорить о почти двукратном его увеличении по итогам 2013 года. Следует согласиться с Б.В. Россинским, указывающим, что этому способствует расширение применения технических средств, фиксирующих нарушения правил дорожного движения в автоматическом режиме. За последние шесть лет число наказаний за нарушения, выявленные с их помощью, увеличилось в 120 раз. В 2012 г. автоматика обеспечила 43,6 % всех административных наказаний в данной сфере, а в 2013 г. – уже более половины (51,5 %) [1, с. 20].

В 2014 году на основании материалов автоматической фотовидеофиксации к ответственности привлечено 31 584 356 правонарушителей.

Большинство нарушений, зафиксированных в автоматическом режиме, составляют правонарушения собственников транспортных средств – физических лиц (по официальным данным 2014 г., из 31 584 356 – 20 274 960). Несмотря на столь интенсивную административно-наказательную политику, кардинального из-

менения показателей аварийности не происходит. На ее фоне участники дорожного движения изобретают новые способы противодействия указанной форме надзорной деятельности, используя как технические способы, так и недостатки правового регулирования. Характеризуя законодательство, регламентирующее применение в области дорожного движения специальных технических средств имеющих функции фото-, кино съемки и видеозаписи, можно с уверенностью сказать об отсутствии системности его построения.

Одной из ключевых проблем, происходящих из отсутствия необходимой правовой основы, является явно выраженная фискальная направленность применения указанных устройств. В некоторых программных документах субъектов Российской Федерации в качестве цели их применения обозначено пополнение регионального бюджета*. Усугубляет положение нерешенность проблемы разграничения полномочий между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и руководителями подразделений Госавтоинспекции относительно принятия решений о выборе подрядчика, который будет монтировать и обслуживать стационарные технические средства, об определении порядка информационного взаимодействия с региональными центрами автоматической фиксации ГИБДД МВД России, о местах их установки на улично-дорожной сети.

Это приводит к размещению технических средств в местах более интенсивного движения, порой без учета очагов аварийности и систематического нарушения правил дорожного движения. Следует отметить, что данная проблема характерна не только для России. В Германии коммуны (общины), подчиняющиеся соответствующим управлениям федеральных земель, активно применяют приборы контроля скорости движения для пополнения своей казны, при этом вопрос о

количестве приборов и порядке их установки федеральным законодательством не урегулирован. Но в отличие от отечественного законодательства, возлагающего решение вопроса о местоположении стационарных технических средств фиксации правонарушений на руководителя органа управления Госавтоинспекции** (при отсутствии понятной процедуры его принятия и документальной фиксации), в Германии этот вопрос имеет более четкое разрешение.

Радарное устройство не может быть установлено где-либо произвольно. Для фирм, устанавливающих и обслуживающих эти приборы, обязательным является анализ опасных мест и ежемесячный статистический анализ результатов измерений. Местный комитет по безопасности дорожного движения определяет опасные места (например, в местечке Св. Йоганн определено 50 постоянных мест). Комиссии на местах, куда входят бургомистр или референт по безопасности дорожного движения, один представитель местной полиции, один представитель окружного управления и уполномоченный фирмы, устанавливают затем точное постоянное место нахождения радара. Попечительский совет по безопасности дорожного движения иногда принимает участие в этих совместных переговорах [2]. Из приведенного примера видно, что в отличие от России непосредственное участие в решении данного вопроса принимают представители органов местного самоуправления.

Неурегулированность компетенции органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления относительно принятия решений о выборе подрядчика, который будет монтировать и обслуживать стационарные технические средства, и установлении правил взаимодействия с ним приводит к ряду отрицательных последствий.

По данным проверок, проведенных МВД России, в некоторых регионах стацио-

* Об утверждении областной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в Ульяновской области в 2007-2013 годах»: постановление Правительства Ульяновской области от 8 июня 2011 г. N 26/255-П: ред. от 8 окт. 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См. п. 57 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: утв. приказом МВД России от 2 марта 2009 г. N 185 (Рос. газ. 2009. 7 июля).

нарные технические средства автоматической фиксации правонарушений стоимостью десятки миллионов рублей, предоставленные подразделениям ГИБДД в рамках централизованных поставок, в течение уже нескольких лет не вводятся в эксплуатацию. А в тех регионах, где они функционируют, смена обслуживающих подрядчиков порой приводит к полному блокированию функционирования стационарных средств автоматической фиксации.

Об отсутствии нормативно установленных технических требований к специальным техническим средствам, имеющим функции фото-, кино съемки и видеозаписи, ученые и специалисты говорят достаточно много и давно [3]. Одним из крупнейших мероприятий, посвященных данной теме можно назвать круглый стол «Развитие систем автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения в Российской Федерации», состоявшийся 19 октября 2013 г. на автодроме «Moscow Raceway». Эксперты, изучавшие практику внедрения систем автоматической фиксации в десятках регионов нашей страны (Москва, Московская, Тульская, Нижегородская, Воронежская, Свердловская, Калужская области и др.), отметили, что отсутствие единых требований и стандартов к применяемым техническим средствам и создаваемым системам приводит к путанице в понятиях, значительным различиям в используемом оборудовании и появлению оборудования и программного обеспечения сомнительного качества и функционала [4].

Попыткой решения этой проблемы можно назвать разработку проектов национальных стандартов, наряду с общими техническими требованиями к конструкции и программно-технической составляющей, устанавливающих порядок размещения и эксплуатации*. Однако на данный момент законодательством определены только требования по сертификации и метроло-

гической проверке специальных технических средств измерения. Кроме того, в п. 46 Административного регламента МВД России указано на необходимость соблюдения инструкций и методических указаний о порядке применения этих средств**. Очевидно, что последние к нормативным правовым актам не относятся.

В отличие от России в Германии установление инструкций по использованию тех или иных приборов находится в ведении федеральных земель, но при этом аналогичной компетенцией могут обладать различные ведомства (министерства)***.

Сказанное позволяет сделать заключение о необходимости разработки и введения в действие федерального закона, утверждающего национальный стандарт, которым будут установлены основные понятия и технические требования к аппаратному и программному обеспечению специальных технических средств, имеющих функции фото-, кино съемки и видеозаписи. Основным аргументом в пользу такого решения является требование ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, устанавливающей возможность ограничения прав и свобод человека только федеральным законом. На наш взгляд, фото- и видеофиксация правонарушения непосредственно связана с ограничением права физического лица на неприкосновенность частной жизни, а также права на защиту персональных данных и, самое главное, является основанием для ограничения гарантированной презумпции невиновности. В связи с

** Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения.

*** Erlasse des Ministeriums für Umwelt und Verkehr vom 17.3.1997 – Einsatz von Geschwindigkeitsmessgeräten (i.V.m. Verkehrsüberwachungserlass des IM vom 19.5.1980 (GABl. S 429ff.) – und vom 17.2.1997. Данное постановление Министерства охраны окружающей среды и транспорта земли Баден-Вюртемберг о применении приборов измерения скорости обязательно для полиции; Директива о полицейском надзоре за движением транспорта Государственного министерства внутренних дел свободного государства Бавария (нем.: Richtlinie für die polizeiliche Verkehrsüberwachung (VÜ-Richtlinie-VÜR) vom 12. Mai 2006 // AllMBl 2006. S. 155).

* Проекты стандартов, разработчиком которых является Межрегиональная общественная организация «Координационный совет по организации дорожного движения» подверглись активному общественному обсуждению (см.: URL: <http://ru-vederko.livejournal.com/1624448.html>; <http://www.pocketgis.biz/forum/viewtopic.php?f=37&t=7896> (дата обращения: 14 сент. 2014 г.).

этим интересной представляется позиция Федерального Конституционного Суда ФРГ, указавшего, что если видеоматериал, послуживший основанием для привлечения лица к административной ответственности, был получен с помощью камер наблюдения, которые, в свою очередь, были установлены на основании постановления Министерства экономики федеральной земли, то есть ведомственного нормативного акта, нет достаточного правового основания для вторжения в конституционное право личности на информационное самоопределение*.

Отдельного внимания заслуживают нормы Кодекса Российской Федерации об административной ответственности (далее – КоАП РФ), устанавливающие материально-правовые и процессуальные основания применения специальных технических средств автоматической фиксации административных правонарушений.

Несмотря на, казалось бы, простые и лаконичные формулировки, содержащиеся в примечаниях к ст.ст. 1.5, 2.6.1; пп. 4, 5 ч. 1 ст. 28.1; ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, их толкование в системе норм КоАП РФ и действующего законодательства позволяет обнаружить ряд проблем, которые, на наш взгляд, создают серьезные препятствия для защиты прав участников дорожного движения и не способствуют предупреждению нарушений правил дорожного движения.

В диспозиции ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ не уточняется, кто должен привлекаться к административной ответственности: собственники (владельцы) автотранспортных средств, право собственности или владения которых зарегистрировано Госавтоинспекцией, или собственники (владельцы), права которых на автотранспортные средства оформлены в соответствии с гражданским законодательством. Это принципиально важно, так как право собственности и право владения в отношении автотранспортных средств возникает и переходит с момента заключения договора в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), и не зависит от регистрации этого факта подразделениями Госавтоин-

спекции. Примером может служить заключение договора купли-продажи автомобиля, не снятого с регистрационного учета в ГИБДД. При этом в силу ст. 223 ГК РФ право собственности у приобретателя возникает с момента его фактической передачи. Правила регистрации автотранспортных средств не предусматривают снятие с регистрационного учета, связывая такую возможность в первую очередь с переходом права собственности на основании гражданско-правового договора.

Действующая редакция ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ оставляет на усмотрение должностных лиц ГИБДД разрешение вопроса о том, какие из указанных выше собственников (владельцев) автотранспортных средств будут привлекаться к административной ответственности и, следовательно, обременяться обязанностью доказывать свою невиновность, как определено в примечании к ст. 1.5 КоАП РФ. Считаем это положение противоречащим ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека**, которая определяет возможность подвергать человека, осуществляющего свои права и свободы, только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Обозначенное же усмотрение прямо законом не предписано и является необоснованным и противоречащим ч. 1 ст. 55 Конституции РФ.

Сформулированная подобным образом ч. 1 ст. 2.6.1 КоАП РФ в большей степени основана на неверном суждении о том, что единственным источником данных о собственниках (владельцах) автотранспортных средств является автоматизированная информационно-поисковая система «Автомобиль», содержащая сведения о зарегистрированных в ГИБДД на территории Российской Федерации автотранспортных средствах, хотя это не так. Считаем, что формулировка статьи должна быть изменена, а в качестве эталона можно воспользоваться положениями источников зарубежного права некоторых стран, обладающих достаточным

* В данном случае речь шла о земле Мекленбург-Передняя Померания. См.: URL: http://www.bverfg.de/entscheidungen/rk20090811_2bvr094108.html

** Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.) // Рос. газ. 1998. 10 дек.

опытом использования специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений.

Например, Транспортным кодексом Калифорнии (США) установлено, что при автоматической фиксации нарушения правил парковки презюмируется факт нахождения за рулем зарегистрированного собственника*.

В статье 68 раздела 3 Закона Великобритании «О правонарушениях в дорожном движении» установлена презумпция управления собственником (физическим лицом), на имя которого зарегистрировано транспортное средство**. В Финляндии и Швеции при невозможности установить личность правонарушителя к ответственности привлекается владелец транспортного средства.

Несомненное преимущество приведенных положений состоит в том, что виновность собственника (владельца) определена через опровержимую презумпцию. На наш взгляд, такой подход может существенно гармонизировать нормы КоАП РФ, определяющие возможность заочного привлечения к административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств, поскольку до настоящего времени не решен вопрос о содержании вины собственника транспортного средства в случаях автоматической фиксации правонарушений.

Среди существующих точек зрения по данной проблеме преобладающей можно назвать позицию, сформулированную Б.В. Россинским: «...при автоматической фиксации нарушения, совершенного лицом, управляющим транспортным средством, в случае, если это лицо не установлено, действие собственника (владельца) данного транспортного средства следует рассматривать как доверие транспортного средства по неосторожности лицу, совершившему нарушение Правил дорожного движения» [6]. Вместе с тем вполне очевидно, что владелец, на имя которого зарегистрировано транспортное средство, не может, основываясь на доступных ему данных, с достаточной степенью вероятности пред-

видеть совершение противоправного деяния другим лицом. Игнорирование этого довода приведет к тому, что все владельцы транспортных средств, передавшие право владения, пользования или распоряжения третьим лицам, на основании действующего закона будут признаны правонарушителями. Напротив, наличие опровержимой презумпции управления транспортным средством лицом, на имя которого оно зарегистрировано, позволяет говорить о признании лицом, в отношении которого вынесено постановление в порядке ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, своей вины при отсутствии жалобы и оплате административного штрафа или косвенном признании вины при молчании после поступления в уполномоченный орган государственной власти сведений о получении постановления. Если же лицо приводит доказательства, исключаящие его причастность, то производство по делу в отношении указанного им водителя должно производиться в обычном порядке с составлением протокола или постановления в порядке ч. 1 ст. 28.6 КоАП РФ. Таким образом, принцип виновной ответственности не будет нарушен.

Для случаев, связанных с автоматической фиксацией нарушений правил дорожного движения, совершенных с использованием транспортных средств, принадлежащих юридическим лицам, необходимо уточнить условия их освобождения от административной ответственности.

В настоящее время с формулировкой, содержащейся в ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, непосредственно связана проблема, возникающая в случае привлечения к административной ответственности юридического лица, являющегося собственником (владельцем) транспортных средств.

По верному замечанию П.В. Молчанова, законодатель не предусмотрел норму, согласно которой «другое лицо» (не являющееся собственником транспортного средства) могло бы быть на основании показаний специальных технических средств привлечено к административной ответственности. Указанное приводит к невозможности отмены постановления по делу, возбужденному в отношении юридического лица, если транспортным средством

* Vehicle code of California (Sec. 41102, Ch. 4, Div. 17) // Vehicle code of California Department of Motor Vehicles. Sacramento – California, 1993.

** Road Traffic Offenders Act, 1988.

управлял водитель, связанный с данным лицом трудовыми отношениями*.

Наиболее часто такая ситуация возникает в связи с привлечением к ответственности различных бюджетных организаций.

Основу судебной практики по данному вопросу составляет верное с точки зрения гражданского права суждение о том, что владельцем источника повышенной опасности может быть лицо, не являющееся собственником, но только при условии, что владение основано на законном основании (титуле). Это может быть право собственности, право хозяйственного ведения или право оперативного управления либо иное законное основание (право аренды, по доверенности на право распоряжения транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности и т.п.)**.

Судебная практика обоснованно не признает водителя собственником, так как, выполняя трудовую функцию, он фактически действует по указанию собственника и не может использовать полезные свойства транспортного средства для собственных

нужд, а кроме того, не имеет надлежащего титула владения***.

Обозначенные обстоятельства указывают на необходимость внесения изменений в ст. 2.6.1 КоАП РФ. Часть 2 после слов «во владении или в пользовании» следует дополнить словосочетанием «под управлением». Это позволит учесть случаи управления транспортным средством, принадлежащим юридическому лицу, водителем, выполняющим трудовую функцию.

Отдельного внимания заслуживает проблема недостаточной продолжительности срока давности, установленного ст. 4.5 КоАП РФ для правонарушений, выявленных с применением специальных технических средств.

Приведем аргументы, свидетельствующие, на наш взгляд, о необходимости увеличения данного срока.

Во-первых, Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. N 69-ФЗ**** был существенно (до двух месяцев) увеличен срок рассмотрения судьей жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Учитывая, что постановление в соответствии с ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ составляется в течение 2 суток, затем направляется правонарушителю и может быть обжаловано в течение 10 суток с момента его получения, определяемого по правилам ст. 25.15 КоАП РФ, и при этом время, затрачиваемое на пересылку, не приостанавливает течения срока давности, становится очевидной высокая степень ве-

* В некоторых случаях постановление отменяется, однако не ясно, на чем основано решение, если фактически и юридически владельцем транспортного средства остается юридическое лицо. См., напр.: Постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 21 авг. 2014 г. N 45-АД14-12 по жалобе на вступившие в законную силу постановление инспектора по исполнению административного законодательства Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД УМВД России по г. Екатеринбургу от 23 сент. 2013 г., решение судьи Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 29 окт. 2013 г., решение судьи Свердловского областного суда от 11 дек. 2013 г., постановление заместителя председателя Свердловского областного суда от 17 марта 2014 г., вынесенные в отношении ОАО «Екатеринбургская электросетевая компания» по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Судебной коллегии Омского областного суда от 24 дек. 1997 г. N 33-2551 // Архив Омского областного суда.

*** Апелляционное определение Омского областного суда от 3 мая 2012 г. N 33-2672/2012 по делу о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 9 февр. 2010 г. N Ф09-260/10-С1 по делу о привлечении к административной ответственности по ст. 12.9 КоАП РФ Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Оренбургской области. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федер. закон от 30 апр. 2010 г. N 69-ФЗ // Рос. газ. 2010. 4 мая.

роятности истечения срока давности после получения жалобы судьей. Изучение практики обжалования постановлений данного вида в районных судах позволяет говорить о том, что именно такая схема обжалования позволяет избежать административной ответственности как владельцу, так и водителю, который признал свою вину. При этом очевидна законность решения судьи о назначении даты рассмотрения жалобы за пределами срока давности, но в пределах, установленных ч. 1.1 ст. 30.5 КоАП РФ.

Следующий аргумент связан со сроками почтовых отправлений, установленными действующими Правилами. Заказное письмо с уведомлением, направленное должностным лицом ГИБДД, в случае невозможности вручения адресату хранится почтовым отделением в течение 30 дней (аналогичное письмо, направленное судебными органами с пометкой «судебное», хранится только 7 дней и по истечении указанного срока возвращается отправителю).

При этом нужно учесть указания, содержащиеся в п. 29.1 постановления Пленума Верховного Суда от 24 марта 2005 г. N 5, согласно которым срок обжалования начинается исчисляться с момента возвращения постановления должностному лицу (судье), которое его выносило. Если произвести сложение всех процессуальных сроков, необходимых для вынесения постановления и его обжалования, а также почтовой пересылки с указанным сроком хранения в почтовом отделении, то становится очевидным, что суммарный срок превысит срок давности, установленный ст. 4.5 КоАП РФ. Этим пользуются недобросовестные владельцы транспортных средств для уклонения от административной ответственности. На наш взгляд, срок давности по данной категории дел требует увеличения как минимум до трех месяцев.

В целом законодательство, регулирующее применение специальных технических средств, требует системного пересмотра и реформирования.

Список литературы

1. Россинский Б.В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Переводы материалов о практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран. М.: ГИАЦ МВД России, 2006. N 38. 78 с.
3. Назаров С.В. К использованию технических средств фотофиксации и видеофиксации при документировании обстоятельств непредоставления преимущества в движении пешеходам водителями транспортных средств на нерегулируемых пешеходных переходах. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. URL: http://www.дорогибезпроблем.рф/news/novosti_rabochikh_grupp/sostoyalsya-kruglyy-stol-razvitiye-sistem-avtomaticheskoy-fiksatsii-narusheniy-pravil-dorozhnogo-dvizh/ (дата обращения: 14 сент. 2014 г.).
5. Россинский Б.В. Новеллы в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. N 11.

References

1. Rossinskiy B.V. *Administrativnye nakazaniya v sfere dorozhnogo dvizheniya i avariynost' na avtomobil'nom transporte* [Administrative penalties in the field of road traffic accidents and road transport]. Access from the reference legal system "Consultant Plus".
2. *Perevody materialov o praktike deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov zarubezhnykh stran* [Translations of materials on the practice of law enforcement agencies of foreign countries]. Moscow, 2006. No. 38. 78 p.
3. Nazarov S.V. *K ispol'zovaniyu tekhnicheskikh sredstv fotofiksatsii i videofiksatsii pri dokumentirovani obstayatel'stv nepredostavljeniya preimushchestva v dvizhenii peshekhodam voditelyami transportnykh sredstv na nereguliruemyykh peshekhodnykh perekhodakh* [By the use of technical means of photographic and video fixation when documenting the circumstances of the failure advantage pedestrians by drivers of vehicles in unregulated crosswalks]. Access from the reference legal system "Consultant Plus".
4. Available at: http://www.dorogibezproblem.rf/news/novosti_rabochikh_grupp/sostoyalsya-kruglyy-stol-razvitiye-sistem-avtomaticheskoy-fiksatsii-narusheniy-pravil-dorozhnogo-dvizh/ (Accessed 14 September 2015).
5. Rossinskiy B.V. *Novelly v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v oblasti dorozhnogo dvizheniya* [Novels in the proceedings on cases of administrative offenses in the field of traffic]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis, and practice, 2007, no. 11.

ГОРБУНОВ В.Ю., кандидат юридических наук, доцент, 55556570@mail.ru Кафедра оперативно-разыскной и административной деятельности; Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, 690087, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21	GORBUNOV V.Yu., Candidate of Legal Sciences, associate professor, 55556570@mail.ru Chair of crime detection and administrative activities; Vladivostok branch of the Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kotelnikov St. 21, Vladivostok, 690087, Russian Federation
--	---

ДЕФЕКТЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Реферат. Анализируются правовые нормы, устанавливающие права и обязанности граждан Российской Федерации и регулирующие порядок их участия в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, проводится аналогия с полномочиями полиции. Констатируется, что граждане, участвуя в реализации правоохранительных функций, осуществляют свою деятельность в административно-правовых формах и ограниченно применяют универсальные методы, характерные для административной деятельности полиции. Граждане в равной мере взаимодействуют с полицией и в процессе обеспечения общественной безопасности. Предлагается предусмотреть возможность передачи государственно-властных полномочий правоохранительных органов (полиции) гражданам, участвующим в охране общественного порядка, поскольку без этого эффективная охранительная деятельность невозможна. Приводятся различные аргументы в пользу этого. Отсутствие у народных дружинников и внештатных сотрудников полиции специальных познаний и невозможность их участия в мероприятиях, заведомо представляющих опасность для их жизни и здоровья, дают основание запрещать применение ими физической силы для пресечения правонарушений. С другой стороны, такой запрет лишает смысла предоставление им права требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния, так как данное требование относится к мерам административного пресечения общего характера и в случае невыполнения законных требований влечет применение мер специального характера (в том числе физической силы). По этой же причине представляется затруднительной и реализация ими права принимать меры по охране места происшествия, а также по обеспечению сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения с последующей передачей их сотрудникам полиции.

Ключевые слова: полномочия полиции; участие граждан в охране общественного порядка и общественной безопасности; народные дружинники; внештатные сотрудники полиции; административно-правовые формы и методы деятельности полиции; применение физической силы.

DEFECTS IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING POLICE POWERS BY CITIZENS IN THE FIELD OF MAINTAINING PUBLIC ORDER AND ENSURING PUBLIC SAFETY

Abstract. The legal norms establishing the rights and duties of the RF citizens and regulating their participation in public order protection and ensuring public safety are analyzed. The analogy with police powers is drawn. It's stated that the citizens participating in the implementation of law enforcement functions, operate within the framework of administrative and legal forms, and do not generally use the universal methods typical for the administrative activities of the police. Citizens also equally interact with the police in ensuring public safety. It's proposed to consider the possibility of transferring some public authorities of law enforcement agencies (police) to citizens participating in public order maintenance, because effective protective activity is impossible without it. The various arguments for this are given. The lack of special knowledge and impossibility to participate in activities obviously posing a threat to life and health give reason to prohibit the use of physical force to prevent offenses by police community support officers and freelance police officers. On the other hand, such prohibition makes no sense to grant them the right to demand from citizens and officials to stop unlawful acts, since this requirement relates to measures of administrative suppression of a general nature and in case of failure to execute

legal requirements it entails application of measures of a special nature (including physical force). For this reason, realization of the right of police community support officers and freelance police officers to take measures to protect the crime scene and ensure the preservation of physical evidence seems pretty difficult.

Keywords: police powers; participation of citizens in maintaining public order and ensuring public safety; police community support officers; freelance police officers; administrative and legal forms and methods of police work; use of physical force.

Участие граждан в реализации полицейских полномочий в Российском государстве имеет глубокие исторические корни, прошло в своем развитии множество этапов, обусловленных социально-политическими и экономическими изменениями, происходившими в нашей стране. Необходимость формирования правового государства и гражданского общества повлекла существенные изменения в различных сферах государственной и общественной жизни, включая отказ от некоторых публичных и общественных институтов, существовавших в советский период. Одним из них стал институт участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

Длительное отсутствие единого правового регулирования рассматриваемого института на федеральном уровне при сохранении его актуальности в новых условиях привело к принятию значительного количества нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В юридической литературе отмечается, что в создавшейся ситуации региональным властям не оставалось ничего иного, как, несмотря на отсутствие федерального законодательства, возрождать общественные объединения правоохранительной направленности практически по всем направлениям обеспечения правопорядка. В субъектах Российской Федерации был принят 71 региональный закон о вопросах участия граждан в обеспечении правопорядка [1, с. 5].

С принятием Федерального закона от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»* (далее – Закон) эта проблема была решена, хотя многие его положения вызывают критику ученых и практиков.

На различных этапах разработки и принятия Закона обращалось внимание на качество его технико-юридической составляющей, несовершенство системы принципов участия граждан в охране об-

щественного порядка, отсутствие социально-юридического механизма реализации гарантий охраны жизни и здоровья граждан, участвующих в охране общественного порядка, отсутствие четко сформулированного статуса гражданских объединений по поддержанию правопорядка, а также механизма реализации народными дружинниками своих полномочий, гарантий неприкосновенности личности граждан, содействующих полиции, и др. [2, с. 42-45; 3, с. 47-49].

Среди существенных недостатков Закона, подвергшихся критике, на наш взгляд, следует обратить внимание на несовершенство норм, устанавливающих содержание и порядок реализации гражданами, участвующими в охране общественного порядка, прав и обязанностей, соотносящихся с полномочиями полиции, закрепленными Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 14 октября 2014 г.)**. Сравнительно-правовой анализ рассматриваемых нормативных правовых актов к таким правам и обязанностям позволяет отнести:

1) права (статья 17 Закона):

– требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния (соотносится с пунктом 1 части 1 статьи 13 и пунктом 1 части 3 статьи 28 Федерального закона «О полиции»);

– принимать меры по охране места происшествия, а также по обеспечению сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения с последующей передачей их сотрудникам полиции (соотносится с пунктом 7 части 1 статьи 13 и пунктом 2 части 2 статьи 27 Федерального закона «О полиции»). При этом в одном случае это право гражданина, участвующего в охране общественного порядка, а в другом – обязанность сотрудника полиции;

– оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее Фе-

* URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

деральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» обязанностей в сфере охраны общественного порядка (к их числу можно отнести, например, обязанности, закрепленные пунктами 3, 5, 6, 7, 11 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции»;

– применять физическую силу в случаях и порядке, предусмотренных Федеральным законом (соотносится со статьей 20 Федерального закона «О полиции»);

2) обязанности (статья 18 Закона):

– знать и соблюдать требования законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере охраны общественного порядка (соотносится с пунктом 1 части 1 статьи 27 Федерального закона «О полиции»);

– соблюдать права и законные интересы граждан, общественных объединений, религиозных и иных организаций (соотносится с пунктом 5 части 1 статьи 27 Федерального закона «О полиции»);

– принимать меры по предотвращению и пресечению правонарушений (соотносится с пунктом 2 части 2 статьи 27 Федерального закона «О полиции»);

– оказывать первую помощь гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, при наличии соответствующей подготовки и (или) навыков (соотносится с пунктом 1 части 2 статьи 27 Федерального закона «О полиции»).

Таким образом, гражданами, участвующими в охране общественного порядка, хотя и в усеченном виде, реализуется комплекс прав и обязанностей, вытекающих из полномочий полиции.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что граждане, участвуя в реализации правоохранительных функций, осуществляют свою деятельность в административно-правовых формах и ограниченно применяют универсальные методы, характерные для административной деятельности полиции. Не вступая в спор относительно классификации и юридического содержания этих правовых категорий, представляется необходимым обратить внимание на то, как они проявляются в рассматриваемой сфере.

Среди мер убеждения, применяемых гражданами в процессе охраны обще-

ственного порядка, на наш взгляд, необходимо выделить меры, обеспечивающие нравственное и правовое воспитание. К этой группе мер относится: проведение бесед с гражданами, склонными к совершению правонарушений (например, участие в профилактической работе с ранее судимыми лицами); критика антиобщественных поступков; разъяснение действующего законодательства (правовая пропаганда) [4, с. 110].

Данный тезис находит свое подтверждение в пункте 3 части 2 статьи 11 и пункте 4 части 6 статьи 12 Закона, в соответствии с которыми распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах является одним из основных направлений деятельности как общественных объединений правоохранительной направленности, так и народных дружин.

В рамках административного принуждения ими реализуются права и обязанности по применению мер предупредительного и пресекательного характера, с учетом имеющихся условий и ограничений.

В процессе реализации прав и обязанностей в соответствии с пунктами 1-2 части 3 статьи 11 и пунктами 1-2 части 6 статьи 12 Закона граждане, входящие в состав общественных объединений правоохранительной направленности и народных дружин:

– содействуют органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка (основной формой такого содействия является совместное патрулирование населенных пунктов и общественных мест);

– участвуют в предупреждении и пресечении правонарушений (народные дружины осуществляют данное направление деятельности только на территории по месту их создания).

Кроме того, в соответствии с пунктом 3 части 6 статьи 12 Закона народные дружины участвуют в охране общественного порядка в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций.

Реализация делегированных государством полномочий, с одной стороны, возлагает на граждан, входящих в состав общественных организаций правоохранительной направленности и народных дружин, повышенные требования к их личным и деловым качествам, а с другой — требу-

ет четкого законодательного закрепления их полномочий.

В то же время, как отмечалось выше, соответствующие положения Закона имеют ряд противоречий и пробелов, затрудняющих правоприменительную деятельность в сфере участия граждан в охране общественного порядка и общественной безопасности.

Во-первых, в самом названии Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» отсутствует указание на обеспечение общественной безопасности, в то время как данные правовые категории тесно взаимосвязаны друг с другом. В связи с этим, на наш взгляд, можно согласиться с мнением А.В. Куянова и А.Е. Юрицина о том, что прочный общественный порядок является фундаментом общественной безопасности, создает благоприятные условия для жизнедеятельности граждан, обеспечения их прав и законных интересов [5, с. 63].

Для обоснования выдвинутого тезиса представляется необходимым провести сравнительно-правовой анализ понятий «участие граждан в охране общественного порядка» и «обеспечение общественной безопасности».

Согласно пункту 1 статьи 2 Закона участие граждан в охране общественного порядка определяется как оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах.

В соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2013 г. N Пр-2685, обеспечение общественной безопасности – это реализация определяемой государством системы политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие преступным и иным противоправным посягательствам, а также на предупреждение, ликвидацию и (или) минимизацию последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. При этом

под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера*.

Кроме того, одним из основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам является привлечение граждан к участию в охране общественного порядка, развитие правовой грамотности и правосознания населения.

Соотношение этих понятий позволяет сделать следующие выводы.

1. Участие граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности осуществляется для достижения общих целей («достижение и поддержание необходимого уровня защищенности» жизни, здоровья, чести и достоинства человека, интересов общества и государства).

2. Объектами безопасности в обоих случаях выступают человек, общество и государство.

3. Участие граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности является формой их взаимодействия с соответствующими силами, которыми являются уполномоченные органы государственной власти, в том числе органы внутренних дел (полиция).

4. Применение мер административного принуждения как в процессе участия граждан в охране общественного порядка, так и при обеспечении общественной безопасности направлено на защиту от противоправных посягательств.

5. Взаимодействие граждан с органами внутренних дел (полицией) осуществляется как в обычных условиях, так и в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

6. Оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) в обоих случаях осуществляется в общественных местах.

Таким образом, на наш взгляд, оказывая помощь органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным

* URL: <http://www.pravo.gov.ru>

органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах, граждане участвуют не только в охране общественного порядка, но и в обеспечении общественной безопасности.

Однако, учитывая, что понятия общественного порядка и общественной безопасности являются частью общего понятия – «правопорядок», и в целях единообразного толкования правовых категорий в различных нормативных правовых актах, считаем, что следует использовать термин «обеспечение правопорядка в общественных местах», который соотносится с пунктом 6 части 1 статьи 2 Федерального закона «О полиции».

В связи с этим представляется необходимым изложить наименование Закона в следующей редакции: «Об участии граждан в обеспечении правопорядка в общественных местах».

Во-вторых, ряд положений Закона имеет принципиальное значение в части реализации прав и обязанностей граждан в рассматриваемой сфере. Прежде всего необходимо обратить внимание на закрепленный в пункте 6 статьи 4 Закона один из принципов участия граждан в охране общественного порядка – принцип недопустимости подмены полномочий органов внутренних дел (полиции), иных правоохранительных органов, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Полагаем, что по смыслу Закона полномочиями правоохранительных органов, в том числе полиции, граждане, участвующие в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, наделяться не могут, то есть дублирование полномочий не допускается. Тем не менее проведенный сравнительно-правовой анализ прав и обязанностей граждан и сотрудников полиции в исследуемой области показал, что в отдельных случаях они идентичны.

Кроме того, в числе ограничений, связанных с участием граждан в охране общественного порядка, в статье 5 Закона закреплен ряд запретов:

– выдавать себя за сотрудников органов внутренних дел (полиции) или иных правоохранительных органов;

– осуществлять деятельность, отнесенную законодательством Российской Федерации к исключительной компетенции этих органов;

– участвовать в мероприятиях по охране общественного порядка, заведомо предполагающих угрозу их жизни и здоровью. При этом даже при отсутствии заведомой угрозы их жизни и здоровью народные дружинники и внештатные сотрудники полиции вправе отказаться от исполнения возложенных на них обязанностей в случае, если имеются достаточные основания полагать, что их жизнь и здоровье могут подвергнуться опасности.

По сути, Закон исключает самостоятельность граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, а также существенно затрудняет реализацию предоставленных им полномочий административно-принудительного характера. В частности, вызывает недоумение то, каким образом народный дружинник будет исполнять обязанности в части принятия мер по предотвращению и пресечению правонарушений, если исполнение этой обязанности зависит от его желания. В этом случае можно говорить о праве, а не об обязанности.

Более того, граждане далеко не всегда проявляют желание участвовать в таких мероприятиях. Например, как отмечается в научной литературе, при проведении опроса жителей г. Омска было выяснено, что только 6 % опрошенных выразили желание участвовать в рейдах, операциях, проводимых ОВД, а 8,6 % – осуществлять патрулирование улиц в целях охраны правопорядка. Кроме того, среди условий, при которых граждане могли бы оказать помощь полицейским, 4 из 10 опрошенных называют отсутствие угрозы им лично, их семьям или родственникам [6, с. 14].

По нашему мнению, учитывая принцип добровольности участия граждан в охране общественного порядка, необходимо ограничить их право на отказ от исполнения возложенных на них обязанностей только до начала проведения конкретных мероприятий.

Применение физической силы в случаях и порядке, предусмотренных Законом, составляет еще одно право, предоставленное гражданину, участвующему в охране общественного порядка и обеспечении

общественной безопасности. Причем однозначно это право закреплено только в статье 17 Закона, устанавливающей права народных дружинников. Для других форм участия граждан в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности прямого указания закона на наличие такого права нет.

Представляют интерес положения статьи 19 Закона, регламентирующей общие условия и пределы применения народными дружинниками физической силы. Анализ рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод о том, что в ней имеет место «симбиоз» прав, с одной стороны, тех, которыми обладает любой гражданин, находящийся на территории Российской Федерации (например, право на необходимую оборону либо совершение действий в состоянии крайней необходимости), а с другой — наличие прав, обусловленных специальным административно-правовым статусом.

Согласно части 1 статьи 19 Закона народные дружинники могут применять физическую силу для устранения опасности, непосредственно угрожающей им или иным лицам, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости в пределах, установленных законодательством Российской Федерации. Иными словами, они обладают правом, которое предоставлено любым гражданам, находящимся на территории Российской Федерации.

В то же время в последующих частях рассматриваемой статьи устанавливаются права, обязанности и запреты специального характера, в частности:

— перед применением физической силы народный дружинник обязан сообщить лицу, в отношении которого предполагается ее применение, что он является народным дружинником, предупредить о своем намерении и предоставить данному лицу возможность для прекращения действий, угрожающих жизни и здоровью народного дружинника или иных лиц;

— не предупреждать о своем намерении применить физическую силу, если промедление в ее применении создает непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан или народного дружинника либо может повлечь иные тяжкие последствия;

— действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опас-

ности действий лиц, в отношении которых применяется физическая сила, характера и силы оказываемого ими сопротивления;

— оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, первую помощь, а также в случае необходимости принять меры по обеспечению оказания ему медицинской помощи в возможно короткий срок;

— о применении физической силы, в результате которого причинен вред здоровью гражданина, незамедлительно уведомить командира народной дружины, который не позднее трех часов с момента ее применения информирует об этом соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел;

— применять физическую силу для пресечения правонарушений, за исключением случаев, указанных в части 1 статьи 19 Закона, а также в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения.

С одной стороны, запрет на применение народными дружинниками или внештатными сотрудниками полиции физической силы для пресечения правонарушений оправдан отсутствием у них специальных познаний и невозможностью участия в мероприятиях, заведомо представляющих опасность их жизни и здоровья, с другой — лишает смысла предоставление им права требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния, так как такое требование относится к мерам административного пресечения общего характера и, как правило, в случае невыполнения законных требований влечет применение мер специального характера, одной из которых является применение физической силы.

Представляется затруднительной и реализация права принимать меры по охране места происшествия, а также по обеспечению сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения с последующей передачей их сотрудникам полиции, поскольку у народного дружинника или внештатного сотрудника поли-

ции отсутствует право предъявления требований к другим лицам покинуть место происшествия либо остаться до прибытия сотрудников полиции, а также применить к ним физическую силу в случае невыполнения законных требований.

Как отмечается в юридической литературе, применительно к деятельности полиции физической силой в соответствии с Федеральным законом «О полиции» следует считать не сопровождающиеся применением специальных средств и огнестрельного оружия действия сотрудника полиции, которые выражаются в его непосредственном физическом контакте с отдельными лицами либо имуществом и могут сопровождаться ограничением телесной неприкосновенности этих лиц, свободы их действий, передвижения или распоряжения какими-либо предметами, причинением боли, вреда здоровью или смерти, а также повреждением или временным изъятием принадлежащего кому-либо имущества в целях прекращения активного противоправного поведения этих лиц или, в случае их противоправного бездействия, самостоятельным исполнением сотрудником полиции своего законного требования [7, с. 238].

Иными словами, применение физической силы не всегда связано с пресечением попыток нанести вред жизни или здоровью лица, пресекающего противоправные действия, оно возможно и в случаях, когда такая опасность отсутствует, но есть, например, необходимость пресечь

преступление или административное правонарушение, доставить совершившее его лицо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, пресечь попытку избавиться от предметов, являющихся вещественными доказательствами, либо самовольно покинуть место происшествия.

Кроме того, в Законе отсутствует указание на иммунитет народного дружинника от ответственности за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, если применение физической силы осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральным законом.

Представляется, что данная проблема требует более детального научного изучения. При этом за основу необходимо взять главу 5 Федерального закона «О полиции» в части применения физической силы, с учетом особенностей статуса народных дружинников.

Таким образом, в настоящее время создана единая правовая база, регулирующая общественные отношения в области участия населения страны в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. В то же время проведенное исследование показало наличие проблем, требующих дальнейшего научного осмысления и выработки решений, направленных на повышение эффективности реализации гражданами полицейских полномочий в рассматриваемой сфере.

Список литературы

1. Авдейко А. Участие граждан в охране общественного порядка: исторические предпосылки и основные положения нового федерального закона // Профессионал. 2014. N 5. С. 5-8.
2. Зайцев И.А., Репьев А.Г. О некоторых проблемах совершенствования законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка // Административное право и процесс. 2015. N 3. С. 42-45.
3. Лупов Д.В. Совершенствование правового обеспечения деятельности граждан по охране общественного порядка // Российский следователь. 2014. N 21. С. 47-49.
4. Административная деятельность полиции: учеб. пособие. М., 2014. 680 с.
5. Куянов А.В., Юрицин А.Е. Организационно-правовые и тактические основы деятельности полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2015. N 1 (9). С. 63-67.
6. Тимко С.А., Тимко В.П. Общественное мнение о деятельности ОВД (региональный аспект) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. N 4 (59). С. 11-15.
7. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин [и др.]. М., 2012. 552 с.

References

1. Avdeyko A. *Uchastie grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka: istoricheskie predposylki i osnovnye polozheniya novogo federal'nogo zakona* [The participation of citizens in the protection of public order: the historical background and the basic provisions of the new federal law]. *Professional – Professional*, 2014, no. 5, pp. 5-8.

2. Zaytsev I.A., Rep'ev A.G. *O nekotorykh problemakh sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere uchastiya grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka* [On some issues of improving legislation in the sphere of citizens' participation in the protection of public order]. *Administrativnoe pravo i protsess* – Administrative Law and Procedure, 2015, no. 3, pp. 42-45.

3. Lupov D.V. *Sovershenstvovanie pravovogo obespecheniya deyatel'nosti grazhdan po okhrane obshchestvennogo poryadka* [Improving the legal support of citizens for the protection of public order]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2014, no. 21, pp. 47-49.

4. *Administrativnaya deyatel'nost' politsii* [Administrative activities of the police]. Moscow, 2014. 680 p.

5. Kuyanov A.V., Yuritsin A.E. *Organizatsionno-pravovye i takticheskie osnovy deyatel'nosti politsii po okhrane obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii* [Organizational-legal and tactical bases of the police to maintain public order and public safety in the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law herald, 2015, no. 1 (9), pp. 63-67.

6. Timko S.A., Timko V.P. *Obshchestvennoe mnenie o deyatel'nosti OVD (regional'nyy aspekt)* [Public opinion on the activities of the internal affairs bodies (regional aspect)]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* – Psychological pedagogy in law enforcement, 2014, no. 4 (59), pp. 11-15.

7. Avrutin Yu.E. [i dr.]. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politsii" (postateyny)* [Commentary to the Federal Law "On Police" (itemized)]. Moscow, 2012. 552 p.

<p>ВАГИН П.А., vagin_petr@mail.ru Кафедра оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75</p>	<p>VAGIN P.A., vagin_petr@mail.ru Chair of detective activities and crime detection technical actions of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation</p>
--	--

РОЗЫСК ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ И СУДА, НА ТЕРРИТОРИИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Реферат. Самым легким способом ухода от ответственности остается перемещение преступника на территорию сопредельного государства, а в случае с Российской Федерацией — чаще всего на территорию государства — участника СНГ. Именно в этом направлении работы правоохранительных органов имеются многочисленные затруднения нормативно-правового и организационного характера. Показаны дефекты правового регулирования взаимодействия правоохранительных органов участников СНГ в вопросе розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда. Имеющиеся договоры и соглашения о сотрудничестве не позволяют действовать оперативно, безотлагательно, а значит, эффективно. Отсутствует возможность пересечения сотрудниками ОВД приграничных регионов границ сопредельных государств при преследовании преступников по горячим следам, не разрешено вести наблюдение на территории сопредельного государства. С учетом географического положения стран СНГ, свободы пересечения границ, сохранившихся межличностных связей предлагается заключение многостороннего договора, регламентирующего все формы взаимодействия правоохранительных органов. Названные проблемы законодательства могли бы получить свое разрешение в федеральном законе, регламентирующем выдачу лиц. Необходимость принятия закона обусловлена ростом количества разыскиваемых и выдаваемых правоохранительным органам лиц, а также действием Европейской конвенции о выдаче. В нормативных правовых актах, регламентирующих межгосударственный и международный розыск, предлагается определить случаи автономного и параллельного объявления и осуществления обоих видов розыска. Поскольку разыскиваемые лица могут находиться как на территории СНГ, так и в иных странах, при этом почти все государства — участники Содружества стали членами Интерпола, постольку межгосударственный розыск лиц будет сливаться с международным розыском.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств; лица, скрывающиеся от следствия и суда; межгосударственный розыск; международный розыск; взаимодействие правоохранительных органов; выдача лиц.

SEARCH FOR FUGITIVES FROM INVESTIGATION AND TRIAL ON THE TERRITORY OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Abstract. The easiest way for criminals to avoid responsibility is moving on the territory of neighboring states, in case of the RF — mostly on the territory of CIS member states. This area of law enforcement agencies' activities is characterized by numerous difficulties of legal and organizational nature. Defects of legal regulation of cooperation between law enforcement agencies of the CIS members concerning the issue of searching fugitives from investigation and trial are shown. Existing treaties and cooperation agreements don't allow to act quickly, and thus effectively. There's no possibility of crossing the border regions of neighboring states by police officers chasing the criminals in hot pursuit. Conducting surveillance on the territory of a neighboring state isn't allowed. Taking into account the geographical position of the CIS countries, freedom of border crossing, preserved interpersonal relations, it's proposed to conclude a multilateral treaty regulating all forms of cooperation between law enforcement agencies. The mentioned legislation problems could be solved by federal law regulating extradition of persons. The need for adoption of such law is caused by the increasing number of want-

ed and extradited persons, as well as the European Convention on Extradition. It's proposed to define the cases of autonomous and parallel declaring and carrying out both types of search (interstate and international) in the normative legal acts regulating interstate and international wanted list. The wanted persons can stay on the territory of CIS and other countries. Almost all CIS members are Interpol member countries. So the interstate wanted list can be similar to the international one.

Keywords: commonwealth of Independent States; fugitives from investigation and trial; the interstate wanted list; the international wanted list; cooperation of law enforcement agencies; extradition of persons.

Организация розыскной работы в отношении лиц, скрывшихся от следствия, дознания и суда, является одной из важнейших составляющих деятельности правоохранительных органов. Задержание преступника и его привлечение к уголовной ответственности несет в себе обеспечение реализации важнейшего принципа неотвратимости наказания. Одним из проблемных вопросов остается установление и розыск преступников из числа иностранных граждан, лиц без гражданства (далее — ЛБГ), а также лиц из числа этнического (некоренного) населения.

В результате распада СССР, последующих кризисных политических, экономических и социальных изменений в Россию хлынул поток мигрантов из бывших союзных республик. Столкнувшись с проблемами в отношениях с коренным населением, языковым и культурным барьером, социальной неустроенностью, многие из них встали на путь противозаконной деятельности.

Преступники из числа иностранных граждан, ЛБГ, этнических групп оказывают существенное влияние на оперативную обстановку, что обусловлено низкой эффективностью контроля за нелегальными мигрантами со стороны правоохранительных органов, жесткой конкуренцией с местными преступными группами, наличием тесных связей со своими диаспорами, способностью организовать противоправную деятельность на территории Российской Федерации и за рубежом. Кроме этого, тесные связи с исторической родиной, затруднения при проведении опознания потерпевшими позволяют им надежно скрываться от преследования и уголовной ответственности на территории республик. Благодаря клановости, закрытости, изолированности национальных диаспор преступникам удается уходить от уголовного преследования. Отсутствие информации, отказ от контакта с правоохранительными органами, сложности в переводе с национального языка обеспе-

чивают им возможность надежно укрыться в своих диаспорах, не боясь выдачи в руки правосудия.

На территории Тюменской области в 2014 году иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 476 преступлений, что составляет около 5 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Основными видами совершаемых ими преступлений остаются: убийства (5), кражи (141), незаконный оборот наркотиков (55), причинение тяжкого вреда здоровью (20), разбойные нападения (6), грабежи (32), мошенничество (7), прочие (210).

Большая часть преступлений совершена гражданами Таджикистана (102), Азербайджана (71), Казахстана (64), Узбекистана (56), Армении (20), ЛБГ (61)*.

Розыск, беспрепятственно осуществлявшийся до распада СССР правоохранительными органами на территории одного государства, фактически вышел за его пределы. Было необходимо найти наиболее оптимальные пути организации розыска преступников в рамках взаимодействия со странами, входящими в СНГ, простые и эффективные формы сотрудничества правоохранительных органов, используя отсутствие существенных различий в их законодательстве и схожесть принципов и методов розыскной работы.

На основе заключенных государствами — участниками СНГ межгосударственных соглашений начал формироваться новый вид розыска лиц, ограниченный территориальными рамками государств Содружества. Этот вид розыска стал называться межгосударственным**.

На сегодняшний день весь массив правовых норм, регулирующих осуществ-

* Данные ИЦ УМВД по Тюменской области за 2014 год.

** Появление этого термина, возможно, связано и с необходимостью рабочего разграничения понятий международного розыска в целом и в рамках СНГ в частности.

вление межгосударственного розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда, рассредоточен в многочисленных, а потому трудно-обозримых источниках – международных* и внутригосударственных. Данный вид розыска наиболее актуален, так как основные экономические, политические, социальные связи объединяют между собой в первую очередь страны Содружества. Большинство разыскиваемых преступников из числа иностранцев и из этнических групп – это граждане государств, входящих в СНГ.

Основы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с преступностью закреплены, в частности, в принятом Решением Совета глав государств СНГ (Минск, 22 января 1993 г.) Уставе Содружества Независимых Государств, Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.), двусторонних и многосторонних межправительственных договорах. Российской Федерацией заключено также большое количество межгосударственных двусторонних соглашений с государствами – участниками СНГ, а также со странами Балтии по проблемам взаимодействия, в том числе в деле розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда**. Такие договоры со-

* В соответствии с Конституцией РФ правила, установленные международными договорами, в случае вступления их в противоречие с российскими законами обладают приоритетом. При этом следует учитывать, что международные договоры могут обладать приоритетом только в отношении законов и не могут иметь преимущества над конституционными нормами.

** Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 25 февраля 1993 г.); Договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы (Москва, 18 мая 1995 г.); Договор между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Бишкек, 14 сентября 1992 г.) и т.д.

держат, как правило, типовые положения межгосударственных договоров о правовой помощи.

В той или иной степени вопросы сотрудничества правоохранительных органов стран, входящих в СНГ, в целях осуществления межгосударственного розыска затрагивают межведомственные многосторонние соглашения: Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел государств – участников СНГ в сфере борьбы с преступностью (Алма-Ата, 1992 г.), Соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел в сфере обмена информацией (Чолпон-Ата, 1992 г.), Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в сфере борьбы с организованной преступностью (Ашгабад, 1993 г.), Соглашение о порядке передачи и транзитной перевозки лиц, взятых под стражу (Ашгабад, 1994 г.), Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в борьбе с преступностью на транспорте (Ереван, 1995 г.) и др.

Параллельно с созданием правовой базы сотрудничества правоохранительных органов стран Содружества на многостороннем уровне шло формирование основ сотрудничества по заключению двусторонних соглашений. Министерство внутренних дел Российской Федерации заключило такие соглашения со всеми МВД государств – участников СНГ. В их числе не только соглашения общего характера, но и соглашения о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов.

Без осуществления взаимодействия с правоохранительными органами государств – участников СНГ розыск преступников на их территории будет невозможен.

По состоянию на 1 марта 2015 года в федеральном розыске в Управлении уголовного розыска УМВД России по Тюменской области находились 86 лиц из числа иностранцев и представителей этнических народностей. На рисунке 1 показано распределение остатка преступников по национальному признаку.

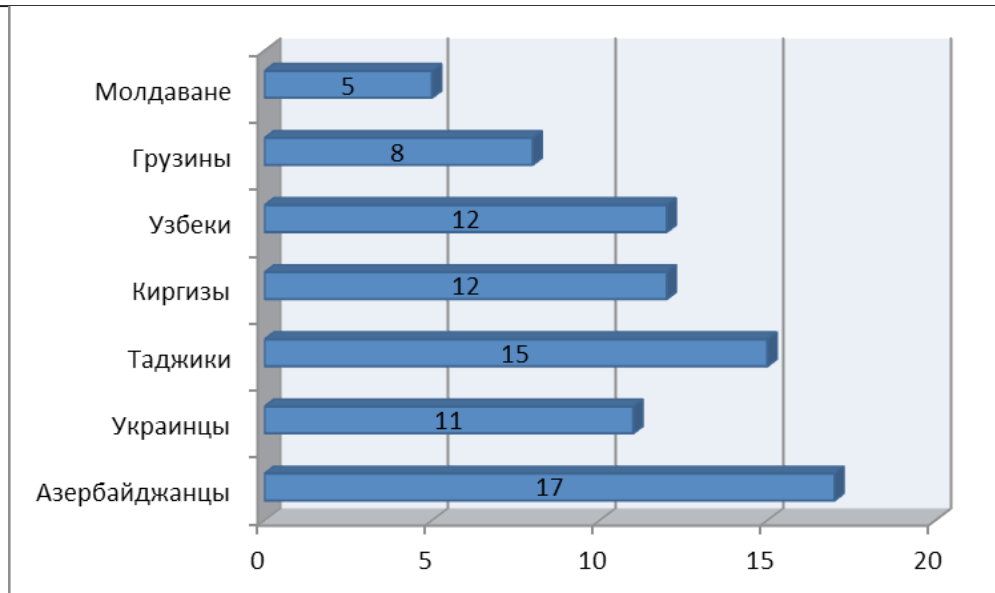

Рис. 1. Распределение исследуемой выборки в зависимости от национальности преступника

Итак, самое большое количество разыскиваемых преступников – азербайджанцы (17), граждане среднеазиатских республик: таджики (15), киргизы (12), узбеки (12), украинцы (11), грузины (8) и молдаване (5). Большинство из них скрывается на исторической родине, использует документы на другое имя, границу с Россией не пересекает.

В Российской Федерации на национальном уровне правовую основу розыска преступников составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты Министерства внутренних дел Российской Федерации*, а также дру-

* Приказ МВД России от 5 мая 1993 г. N 213 дсп, утвердивший Инструкцию об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел; приказ МВД России от 21 авг. 2000 г. N 820 дсп «О внесении изменений и дополнений в Инструкцию об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел»; приказ МВД России от 26 янв. 1996 г. N 41, утвердивший Наставление по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; приказ МВД России от 7 дек. 1998 г. N 797, утвердивший Положение о Главном информационном центре МВД России; приказ МВД России от 12 июля 2000 г. N 752 дсп, утвердивший Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических, розыскных учетов, экспертно-криминалистических коллекций и картотек органов внутренних дел РФ и т.д.

гих ведомств, иные нормативные правовые акты [1].

Несмотря на не прекращающийся процесс нормотворчества, действующие и подготавливаемые международные и внутригосударственные нормативные правовые акты нуждаются в существенных изменениях и доработке.

Отдельный раздел центрального международного договора о правовой помощи СНГ – Минской конвенции – посвящен правовой помощи по уголовным делам. Нетрудно заметить, что розыск лиц упоминается как в статье об объеме оказываемой государствами друг другу правовой помощи, так и в разделе о правовой помощи по уголовным делам только «в приложении» к выдаче лиц. Таким образом, Конвенция не затрагивает напрямую вопросов объявления и проведения такого розыска, не выделяет его в качестве самостоятельного вида правовой помощи по уголовным делам. В связи с этим государства – участники Конвенции в марте 1997 года в Москве подписали Протокол**, вносящий в Конвенцию определенные изменения, в том числе касающиеся проведения розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда. Розыск лиц в Протоколе выделен в качестве самостоятельного вида

** О ратификации Протокола к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года: федер. закон от 8 окт. 2000 г. N 124-ФЗ // Рос. газ. 2000. 10 окт.

правовой помощи, здесь же определен порядок его проведения. В соответствии с п. 13 Протокола, получив требование о выдаче, запрашиваемая сторона должна немедленно принять меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется (за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена). Но в большинстве случаев проведение розыска не терпит отлагательства, связанного с оформлением требования о выдаче лица, поэтому в п. 14 Протокола предлагается дополнить Конвенцию статьей 61-1 «Розыск лица до получения требования о выдаче», в соответствии с которой осуществление розыска лица производится и до получения требования о его выдаче при наличии оснований полагать, что это лицо может находиться на территории запрашиваемой стороны. В этом случае розыск начинается с момента получения запрашиваемой стороной ходатайства об установлении разыскиваемого лица с просьбой о его задержании и указанием о том, что требование о выдаче этого лица будет представлено дополнительно.

На данном этапе очень важно обеспечить организацию работы по горячим следам. Так, в конце 2013 года в г. Тюмени возле ночного клуба «Мираж» было совершено убийство Б. с использованием ножа как орудия преступления. В ходе проведенных первоначальных оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что преступление совершил некто

Ш., гражданин Российской Федерации, по национальности чеченец. Сразу после совершения преступления он скрылся на территории Республики Казахстан. Благодаря оперативным действиям сотрудников полиции была незамедлительно собрана доказательственная база, которая позволила Следственному управлению Следственного комитета РФ по Тюменской области вынести постановление об объявлении его в международный розыск. Была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, начался процесс организации международного розыска. После получения информации о его возможном месте нахождения было подготовлено ходатайство в МВД Республики Казахстан. При проведении оперативно-технических мероприятий фигурант был задержан. В дальнейшем организовано взаимодействие с органами прокуратуры области о подготовке экстрадиции, которая была успешно выполнена на основе поданных соответствующих документов. На рисунке 2 показано распределение разыскиваемых преступников в зависимости от квалификации совершенных ими преступлений. Как мы видим, большинство преступников – разыскиваемые за кражу имущества и подделку документов, значительное количество преступников находится в розыске за совершение преступлений против личности. До 1 года в розыске состоит 36 подозреваемых, от 1 года до 3 лет – 21, более 3 лет – 29.

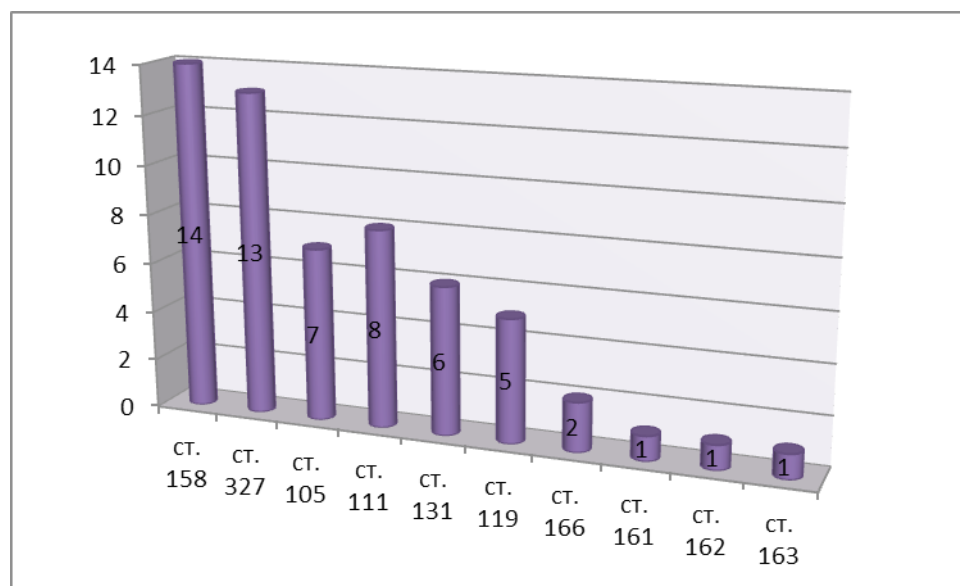

Рис. 2. Распределение разыскиваемых лиц в зависимости от квалификации совершенных ими преступлений (статьи Уголовного кодекса РФ)

С утверждением на заседании Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ Временной инструкции о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц (г. Баку, 12 сентября 1997 года) этот вид розыска получил особую регламентацию и нормативное определение. Утверждению Инструкции предшествовало принятие Решения Совета Министров внутренних дел государств – участников СНГ о едином порядке объявления и прекращения межгосударственного розыска в рамках СНГ, в соответствии с которым министерствам внутренних дел государств – участников СНГ было рекомендовано усилить контроль за своевременным объявлением разыскиваемых лиц в межгосударственный розыск, отмечалась также недопустимость направления органами внутренних дел ходатайств в генеральные прокуратуры своих государств об организации розыска и задержании на территории другого государства лиц, не объявленных в межгосударственный розыск.

Некоторые положения, закрепленные в статьях Временной инструкции, представляются достаточно спорными. Так, в данной инструкции дается юридическое определение межгосударственного розыска как комплекса оперативно-розыскных, поисковых, информационно-справочных и иных мероприятий министерств внутренних дел, направленных на обнаружение разыскиваемых лиц, находящихся за пределами государства (инициатора розыска), но в пределах территории государств – участников СНГ, при котором используется сигнальная система всех оперативно-справочных учетов информационных центров (ИЦ) и адресных бюро министерств внутренних дел. Таким образом, согласно Временной инструкции межгосударственный розыск следует рассматривать как комплекс мероприятий, направленный лишь на обнаружение разыскиваемых лиц. Однако цели такого розыска шире: обнаружение, арест, экстрадиция. Следовательно, межгосударственный розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда, можно определить как комплекс оперативно-розыскных, информационно-справочных и иных мероприятий, проводимых правоохранительными органами государств – участников СНГ, направленный на обнаружение в целях возможного

ареста и последующей выдачи (экстрадиции) или принятия иного решения в отношении разыскиваемых лиц, находящихся за пределами государства – инициатора розыска, но предположительно в пределах территорий государств – участников СНГ, проводимый в соответствии с внутренним законодательством участвующих в розыске государств, а также на основе заключенных государствами – участниками СНГ международных договоров.

Говоря об обмене министерствами внутренних дел информацией как одной из форм взаимодействия министерств внутренних дел, Инструкция упоминает лишь «оперативно-розыскную и иную» информацию, хотя было бы целесообразно конкретизировать, что законодатель имеет в виду под такой информацией. Вероятно, помимо оперативно-розыскной, взаимодействующие в деле розыска лиц стороны заинтересованы в обмене оперативно-справочной, криминалистической и иной необходимой для розыска лиц информацией*. Перечисляя формы взаимодействия, Инструкция, как и проект новой инструкции**, не упоминают о самом исполнении поручений о розыске. Не предусмотрена также возможность проведения совместных мероприятий по розыску и задержанию разыскиваемого лица на территории запрашиваемого государства.

В такого рода инструкции необходимо предусмотреть и возможность принятия органами внутренних дел запрашиваемого государства неотложных мер по обнаружению разыскиваемого лица по оперативным запросам до объявления его в межгосударственный розыск, в частности, в том случае, если в процессе осуществления внутригосударственного розыска органы внутренних дел запрашивающего государства получают информацию о вероятном выезде разыскиваемого лица на территорию другого государства – участника СНГ, поскольку в таких случаях проведение

* Предложения о внесении изменений и дополнений во Временную инструкцию о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц // Архив НИЦ N 1 ВНИИ МВД России.

** Проект разработан во исполнение Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на период с 2000 до 2003 года.

розыска не терпит отсрочек, связанных с оформлением требования о выдаче лица. Такое предложение в полной мере соответствует рассмотренным выше положениям п. 14 Протокола к Минской конвенции, связанным с возможностью осуществления розыска лица до получения требования о его выдаче «при наличии оснований полагать, что это лицо может находиться на территории запрашиваемой стороны».

Как действующая Инструкция, так и проект называют в качестве основания для прекращения межгосударственного розыска лишь «обнаружение разыскиваемого лица». Вероятно, к основаниям прекращения межгосударственного розыска следовало бы отнести состоявшуюся выдачу, привлечение разыскиваемого лица к уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, акт амнистии, изменение меры пресечения, документально подтвержденный факт смерти разыскиваемого, задержание разыскиваемого в стране – инициаторе розыска.

В соответствии с Комментарием к Временной инструкции (указание МВД России от 25 декабря 1997 г. N 1/22744) на территории Российской Федерации межгосударственный розыск аналогичен существующей системе федерального розыска, установленной Инструкцией об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел, и не подменяет собой международный розыск. Однако в указанной Инструкции в части, касающейся розыска, «выходящего» за пределы Российской Федерации, назван только международный розыск. В связи с этим в Инструкцию об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел следует ввести отдельную главу, регламентирующую вопросы организации и тактики межгосударственного розыска лиц. Необходима также доработка и скорейшее принятие новой инструкции о порядке осуществления межгосударственного розыска лиц.

Наиболее легким способом ухода от ответственности для преступника является оставление территории государства совершения преступления и выезд на территорию сопредельного государства, поэтому органы внутренних дел должны иметь механизмы противодействия таким попыткам. В связи с этим очень важным

положением, закрепленным в статьях Типового соглашения и уже заключенных некоторыми странами СНГ соглашениях о сотрудничестве ОВД приграничных регионов, является предусмотренная решимость немедленно сообщать друг другу информацию о лицах, находящихся в розыске, если имеются основания полагать, что они находятся или могут находиться на территории приграничного региона сопредельного государства.

Основным недостатком заключенных соглашений такого рода является отсутствие в них положений о возможности пересечения сотрудниками органов внутренних дел приграничных регионов границ сопредельных государств при преследовании преступников по горячим следам и о продолжении ведения наблюдения на территории сопредельного государства.

При построении взаимоотношений с правоохранительными органами стран – участниц СНГ может быть использован опыт, накопленный государствами Шенгенского соглашения. С учетом географического положения стран Содружества, свободы пересечения границ, сохранившихся межличностных связей граждан стран СНГ и т.д. заключение многостороннего договора, который регламентировал бы подобные формы взаимодействия между правоохранительными органами стран СНГ, представляется объективно необходимым и злободневным.

Однако государства Содружества, не так давно ставшие независимыми, все еще «подвержены эйфории самостийности и, прикрываясь надуманными предложениями, фактически игнорируют просьбы своих коллег о правовой помощи» [2, с. 64]. В связи с этим уместно привести слова инициатора проведения I Международного конгресса судебной полиции (Монако, 1914 г.) французского профессора Лорно: «Мы должны понять, что можем поступить некоторой долей своего суверенитета, и если у нас есть хотя бы крупицы сомнения в этом, то они абсолютно не оправданны в области борьбы с преступностью» [3, с. 6].

Существующие в национальном законодательстве Российской Федерации пробелы, касающиеся, в частности, вопросов розыска, таких как определение оснований, порядка, сроков задержания и

ареста лиц, разыскиваемых зарубежными правоохранительными органами, и других, позволило бы устранить принятие закона о выдаче. Количество разысканных правоохранительными органами Российской Федерации и выданных странам СНГ лиц ежегодно увеличивается. Необходимость такого закона продиктована также вступлением в 2000 году в силу Европейской конвенции о выдаче*.

В нормативных правовых актах, касающихся осуществления межгосударствен-

ного и международного розыска, необходимо четко определить случаи автономного и параллельного объявления и осуществления обоих видов розыска. На сегодняшний день межгосударственный розыск лиц, несомненно, является самостоятельным видом розыска, однако, учитывая тот факт, что в большинстве случаев разыскиваемые лица с одинаковой долей вероятности могут находиться как на территории СНГ, так и в иных странах, а также принимая во внимание то, что почти все государства – участники Содружества стали членами Интерпола – организации, которая за долгие годы своего существования нашла наиболее оптимальные приемы розыска преступников по всему миру, не исключено, что со временем межгосударственный розыск лиц может слиться с международным.

* Конвенция подписана в Страсбурге 13 декабря 1957 г., ратифицирована Российской Федерацией (см.: О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней: федер. закон от 25 окт. 1999 г. N 190-ФЗ // Рос. газ. 1999. 28 окт.

Список литературы

1. Межгосударственный розыск лиц на территории государств – участников Содружества Независимых Государств: сб. нормативных правовых актов / сост.: Горяинов К.К., Исиченко А.П., Королькова О.А. М.: ВНИИ МВД России, 2000. 104 с.
2. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Транснациональная преступность: проблемы и пути их решения: монография. М.: ВНИИ МВД России, 1997.
3. Выступление президента МОУП (Интерпола) г-на Б. Эриксона на 24 Региональной Европейской конференции Интерпола (Любляна, 10-12 мая 1995 г.) // Информационный бюллетень НЦБ Интерпола в Российской Федерации. 1995. N 14.

References

1. *Mezhhgosudarstvennyy rozysk lits na territorii gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: sb. normativnykh pravovykh aktov* [International wanted persons on the territory of states – participants of the Commonwealth of Independent States. Collection of normative legal acts]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Russian Interior Ministry, 2000. 104 p.
2. Goryainov K.K., Isichenko A.P., Kondratyuk L.V. *Transnatsional'naya prestupnost': problemy i puti ikh resheniya* [Transnational crime: problems and solutions]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Russian Interior Ministry, 1997.
3. *Vystuplenie prezidenta MOUP (Interpola) g-na B. Eriksona na 24 Regional'noy Evropeyskoy konferentsii Interpola (Lyublyana, 10-12 maya 1995 g.)* [Speech by President of ICPO (Interpol) Mr. B. Erikson 24 European Regional Conference of Interpol (Ljubljana, 10-12 May 1995)]. *Informatsionnyy byulleten'NTsB Interpola v Rossiyskoy Federatsii* – Newsletter Interpol in the Russian Federation, 1995, no. 14.

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

<p>ПОПОВ В.Л., Pvl111@mail.ru Кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Московский государственный университет путей сообщения, 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9/9</p>	<p>POPOV V.L., Pvl111@mail.ru Chair of criminal law, criminal procedure and criminalistics; Moscow State University of Railway Engineering, Obraztsova St. 9/9, Moscow, 127994, Russian Federation</p>
---	--

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО НИЗКОКАЧЕСТВЕННЫМ ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЯМ

Реферат. Широкое распространение видеорегистрирующих устройств и развитие Интернета требуют адекватного реагирования правоохранительной практики. Актуальной задачей становится проведение портретной экспертизы видеоизображений низкого качества. По статистике, в 80 % случаев видеозаписи оказываются бесполезными для следствия из-за невозможности идентификации по ним преступника. Причинами этого являются не только технические факторы, но и низкая готовность экспертно-криминалистических подразделений к производству портретных экспертиз по низкокачественным видеоизображениям. Традиционная методика портретной экспертизы, разработанная в прошлом столетии, ориентирована преимущественно на фотоснимки с хорошо отобразившимися в них элементами внешности лица, и в меньшей степени на видеоизображения, которые уступают по качеству, но выигрывают за счет динамики запечатленных движений. Большинство ученых делает основной упор на выявление динамических признаков (походка, жестикация и т.д.), так как низкое качество видеоизображений и завышенный ракурс съемки не позволяют запечатлеть элементы внешности лица, но довольно хорошо передают двигательную активность человека. Это сложная, часто нерешаемая задача, так как преступник редко попадает в кадр полностью и на длительный период времени. При невозможности исследовать динамические признаки эксперту остается исследовать анатомические признаки, плохо просматриваемые на видеозаписи. В этом случае, не нарушая общей методики портретной экспертизы, может помочь профилировка лица. Видеозапись содержит движения человека головой влево и вправо, вверх и вниз, поэтому путем покадровой разбивки изображения можно получить объемное изображение анатомических элементов лица человека.

Ключевые слова: портретная экспертиза, видеоизображение, динамические признаки, анатомические признаки.

CHARACTERISTICS OF CONDUCTING PORTRAIT EXPERTISE OF LOW QUALITY VIDEOS

Abstract. Widespread video recording devices and Internet development require an adequate response of law enforcement practice. A topical task is conducting portrait examination of video images of poor quality. According to statistics, 80 % of videos are useless for the investigation because it's impossible to identify a criminal with their help. The reasons for this are not only technical factors, but also the low readiness of forensic units to conduct portrait expertise of video images of poor quality. The traditional technique of portrait expertise, developed in the last century, is primarily focused on still images with clear face parts detection, and to a lesser extent on videos, which are inferior in quality, but gain due to the dynamics of captured movements. Most scientists focuses on the identification of dynamic characteristics (step, gestures, etc.) because the low quality video and high angle shooting do not allow to capture the face parts, but they convey the physical activity of a person pretty good. This is a complex, often unsolvable problem, because criminals rarely enter into the picture completely and for a long period of time. If it's impossible to analyze the dynamic characteristics, the expert has to investigate the anatomic characteristics, poorly viewed in the video. In this case, face profiling can help, which doesn't disturb the general procedure of portrait expertise. The video contains the movement of the human head left and right, up and down, so it's possible to obtain a dimensional image of anatomic elements of human face by frame-by-frame breakdown of the image.

Keywords: portrait expertise, video, dynamic characteristics, anatomic characteristics.

В век грандиозных научно-технических достижений широкое распространение получили различного рода видеорегистрирующие устройства. Их относитель-

ная дешевизна, малые габариты, высокие технические возможности привели к тому, что они стали использоваться не только специализированными государственными службами, но и обычными гражданами в качестве камер наружного наблюдения, дверных глазков, автомобильных видеорегистраторов, дополнительных функций сотовых телефонов, планшетов и других гаджетов, в том числе размещаемых на носимой одежде или в очках.

Активно способствует их распространению и глобальная сеть Интернет, которая дала возможность реализовать государственные программы «Безопасный город»* и «Информационное общество (2011-2020 годы)**», позволяющие в режиме реального времени собирать информацию с множества IP- и WEB-камер, расположенных в административных зданиях, в рекреационных зонах, в местах массового скопления людей, на дорогах и т.д.

И это далеко не полный перечень подобно вида устройств, которые активно внедряются в нашу жизнь.

По оценкам аналитика одной из компаний, обеспечивающих реализацию данной программы, к 2012 г. в Москве видеокameraми удалось охватить около 75 % столичных улиц и 2/3 подъездов [1]. В качестве подтверждения действенности рассматриваемой программы приведем пример. А. Лоткова, приговоренная к трем годам лишения свободы за стрельбу на станции метро «Цветной бульвар» в мае 2012 г., была обнаружена благодаря нескольким десяткам камер наблюдения, которые позволили проследить траекторию ее движения от метро до подъезда дома (были известны только особые приметы ее одежды) [2].

Массовое распространение средств видеорегистрации привело к тому, что они часто фиксируют лиц, совершающих преступления, и нередко особо тяжкие (убийства, разбойные нападения, террористические акты). Приведем примеры:

* Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 26 сент. 2005 г. N ПР-1564 «О создании государственной системы профилактики правонарушений МВД России».

** О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 20 окт. 2010 г. N 1815-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 46. Ст. 6026.

убийство полковника Буданова (в кадр попал убийца); взрыв в Минском метро (в кадр попал исполнитель теракта); взрыв в Московском метро (в кадр попал подельник смертниц), убийство адвоката и правозащитника С. Маркелова и журналистки А. Бабуровой (в кадр попал убийца). И это только часть резонансных уголовных дел.

Подтверждает это и практика экспертно-криминалистических подразделений различных регионов России, где все чаще объектами судебной портретной экспертизы выступают видеоизображения, а не фотоснимки. Так, в ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области в 2012 г. по сравнению с 2010 г. количество портретных экспертиз по видеоизображениям увеличилось в четыре раза.

Но вместе с тем, как показывает статистика следственных органов, в 80 % случаев видеозаписи оказываются бесполезными для следствия из-за невозможности идентификации по ним преступника [1]. Особенно это касается камер, установленных на домах и в подъездах, что объясняется несколькими причинами. Одна из них — это использование малобюджетных видеокameraм с небольшой разрешающей способностью, которыми насыщен современный российский рынок. Обычно такие камеры устанавливаются в целях экономии денежных средств, выделяемых на их закупку, а также из-за того, что лица, занимающиеся приобретением и установкой данной техники, мало знают об особенностях формирования видеоизображений в разных камерах и о требованиях к качеству и ракурсу получаемых видеокadров, необходимых для последующего успешного решения вопросов портретной экспертизы.

Однако имеют место и случаи, когда камеры позволяют получить хорошее изображение, но в силу человеческого фактора эксперту предоставляется низкокачественная запись. Например, внешняя камера охранной видеосистемы предприятия закрытого типа «Баррикады» фиксирует разбойное нападение. Изъять данную аппаратуру следователь не может, поэтому он просит операциониста, обслуживающего этот комплекс, записать видеоинформацию на диск. Последний, в свою очередь, не может переписать целиком видеофайл с расширением «tsv», так как он занимает большой объем и содержит многоканальное видео с нескольких десятков камер.

В связи с этим он выбирает отдельный видеопоток и форматирует его в сторону уменьшения размеров, экономя прежде всего время, которое требуется для перекодировки (из-за этого при проведении экспертизы возникнут проблемы). В результате следователь получает изображение более низкого качества по сравнению с оригиналом. Пообщавшись с экспертом, следователь понимает свою ошибку, но время упущено, так как записи последующих суток стирают предыдущие (так устроены видеорегистраторы). Можно привести много примеров подобного рода.

Следует отметить и другую немаловажную причину низкой результативности использования видеоизображений в раскрытии и расследовании преступлений, а именно слабую готовность экспертно-криминалистических подразделений к производству портретных экспертиз по видеоизображениям. И здесь можно выделить несколько аспектов:

- сложность в просмотре видеозаписей, так как нередко для этого требуются специальная аппаратура и знания по ее эксплуатации, которыми эксперт не обладает;

- сложность в описании объектов исследования, так как носителем видеоизображений могут выступать различные накопители информации, как аналоговые, так и цифровые, требующие дополнительных специальных познаний;

- возникновение процессуальных сложностей в оценке источника судебных доказательств, когда при производстве экспертизы применяются разного рода нелегальные графические редакторы обработки видеоизображений ввиду отсутствия специализированных (рекомендованных) для экспертной деятельности программ;

- видеозаписи, поступающие на исследование, преимущественно уступают фотграфиям по качеству изображения, что нередко обусловлено завышенным ракурсом съемки камер наблюдения, оптическими искажениями широкоугольного объектива, а также дальностью снимаемого объекта;

- отсутствие тактических приемов и методов по получению сравнительных образцов фото- и видеозаписей, специально разработанных для органов следствия и дознания, с учетом специфики экспертного исследования видеоизображений;

- сложность подготовки (оформления) иллюстраций по видеоизображениям,

так как видеозапись – это серия от 12 до 30 динамических кадров в секунду.

И, пожалуй, самой важной причиной является то, что традиционная методика портретной экспертизы, разработанная еще в прошлом столетии, ориентирована преимущественно на фотоснимки с хорошо отобразившимися на них элементами лица, и в меньшей степени на видеоизображения, которые уступают по качеству, но выигрывают за счет динамики запечатленных движений.

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что в настоящее время методическая база, применяемая для решения экспертных задач в отношении объектов видеозаписей, не в полной мере соответствует потребностям следственной и судебной практики. Имеющиеся в криминалистической литературе сведения весьма разрознены и неполны.

При этом следует отметить, что большинство ученых, занимающихся данной проблемой, основной акцент делают на выявлении динамических признаков, таких как походка, жестикуляция и т.д. [3]. Это объясняется тем, что низкое качество видеоизображений и порой завышенный ракурс съемки не позволяют запечатлеть элементы внешности лица, но довольно хорошо передают двигательную активность человека. Разработка алгоритмов на основе биомеханических исследований опорно-двигательного аппарата и костно-мышечной системы человека уже позволила создать автоматизированную систему распознавания человека из проходящего потока лиц с вероятностью ошибки 27 % [4, с. 5]. Данный математический алгоритм применим и при производстве экспертиз, но в этом случае исходная видеозапись должна соответствовать ряду критериев, а именно: видеокамера должна быть стационарно закреплена, иметь формат записи с частотой 24 кадра в секунду и охватывать как можно больше движений исследуемого лица, желательно отснятого в полный кадр на уровне его роста. При этом значительную роль играет и одежда, поскольку она может как влиять на движения человека (сковывать либо раскрепощать), так и скрывать их (юбка, широкие штаны и т.д.). Отснятый при этом сюжет должен быть продолжительным по времени, чтобы с учетом всей вариационности двигательных навыков изображенного

лица можно было проследить устойчивый комплекс функциональных признаков, присущих только конкретному индивиду.

Это сложная, а порой неразрешимая задача, так как преступник редко попадает в кадр полностью, а тем более на длительный период времени. При совершении преступления ведет себя не как в обычной жизни — спокойно и размерено, а, как правило, пребывает в состоянии волнения, перевозбуждения либо алкогольного опьянения, и это сказывается не только на его душевном состоянии, но и на всех движениях тела, что, в свою очередь, затрудняет последующее получение сравнительных образцов походки, бега и иных движений изучаемого лица. Кроме того, как отмечает В.Г. Булгаков, исследования динамических признаков человека возможны только при проведении комплексной судебной экспертизы, так как для ее решения необходимы специальные знания в области видеозаписи, компьютерных технологий, антропологии, медицины, лингвистики и других научных направлений [5].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что только малая часть экспертных подразделений, хорошо оснащенных и имеющих в штате соответствующий перечень экспертных специальностей, в состоянии провести исследование динамических признаков человека по видеозаписи.

В тех же случаях, когда такой возможности нет, например, нет соответствующих специалистов либо запись кратковременна и не позволяет проследить в достаточном объеме функциональные признаки человека, эксперт вынужден ограничиваться лишь традиционным исследованием анатомических признаков, которые, как отмечалось ранее, плохо просматриваются на видеозаписи.

В этом случае, не нарушая общей методики портретной экспертизы, может быть полезна профилировка лица. На видеозаписях не всегда отчетливо можно увидеть мелкие идентификационно значимые признаки элементов внешности, так как они сливаются на общем фоне лица (особенно при ночной съемке). Но при этом более отчетливо просматриваются анатомические элементы внешности, образующие контур лица, на контрасте с задним фоном изображения (стена, шкаф, и т.д.).

Поскольку видеозапись содержит движения человека головой и влево, и вправо, и вниз, и вверх, то путем покадровой раз-

бивки изображения мы фактически получаем объемное изображение анатомических элементов лица человека, с той лишь разницей, что оно представляет как бы набор изометрических проекций под определенным углом к осям X и Y.

Данный метод хорошо зарекомендовал себя на практике ЭКЦ УМВД России по Волгоградской области. Так, в 2005 г. с его применением были проведены три идентификационные экспертизы по двум видеозаписям, на которых были запечатлены двое убийц, снимавших через банкомат г. Волжский денежные средства жертвы. При этом качество данных записей, по выводам ранее проведенных экспертиз, было признано непригодным для отождествления сравниваемых лиц. Несмотря на это, применение такого метода позволило провести экспертизы и дать три вывода в категорической форме, благодаря которым был оправдан один человек, ранее находившийся под следствием, и доказана вина двух других лиц, ранее не находившихся даже под подозрением*.

Очевидный плюс данного метода в том, что он:

- не требует дополнительных специальных познаний;
- применяется с использованием традиционных сравнительных методов портретной экспертизы (способами сопоставления, наложения и совмещения), что не нарушает требований типовой методики;
- качественно способствует процессу доказывания в суде, так как прилагаемый иллюстративный материал с учетом большого объема сравнительных фотоснимков в одном ракурсе доступен к восприятию сходства и различий даже лицу, не обладающему специальными познаниями в области габитоскопии;
- позволяет получить идентификационную информацию не отдельно взятого элемента внешности, а в сочетании с другими под определенными углами к объективу камеры, что намного информативнее, так как в профилировках одних и тех же элементов внешности под различными углами в большей степени проявляется их индивидуальность.

* Заключение эксперта от 30 марта 2005 г. N 1182, от 6 апр. 2005 г. N 1602, от 11 апр. 2005 г. N 1603 // Архив ЭКЦ ГУВД по Волгоградской области.

Однако применение данного метода осложнено тем, что он выдвигает большие требования к получению сравнительных образцов. И здесь актуальны слова А.М. Зинина о том, что подбор образцов для сравнения является важным этапом экспертизы, который во многом предопределяет ее результаты [6]. Только при полной реконструкции исходных условий съемки можно получить сопоставимые сравнительные образцы. В таких случаях необходимо проводить дополнительную фото- и видеосъемку сравниваемых лиц с участием эксперта, причем лучше в рамках уже назначенной экспертизы.

Для этого исследуемая видеозапись должна быть предварительно изучена экспертом. Чтобы покадрово изучить исследуемую запись, есть несколько способов. Самый простой – воспользоваться возможностями покадрового просмотра проигрывателя. Но при этом необходимо помнить, что не все 100 % кадров будут выводиться на экран. Для того чтобы эксперт мог изучить каждый исследуемый кадр в отдельности, рекомендуется использовать профессиональные программы обработки видеоизображений, такие как Ulead MediaStudio Pro или Adobe Premiere. Названные программы позволяют разложить видео на 1/12 или 1/30 кадра (в зависимости от формата) и посмотреть каждый кадр подробно, а в случае необходимости сохранить в виде фотографического файла. Данные программы работают с большинством цифровых видеоформатов. Если запись аналоговая, то ее необходимо оцифровать. В процессе просмотра эксперт выделяет как можно больше разноракурсных кадров, на которых более отчетливо, по его мнению, просматриваются контуры элементов внешности. При этом он старается избегать в кадрах крайних эмоциональных состояний и проявлений мимики лица, в противном случае при получении образцов фотографируемому должно быть предложено повторить их (поморщиться, насупиться, прищуриться, открыть рот, закрыть глаза, улыбнуться, крикнуть и т.д.), на что преступники идут неохотно, если они не заинтересованы в сотрудничестве со следствием.

При получении сравнительных образцов важно, чтобы совпадали оптические характеристики объективов видеокамер. В противном случае, когда фокусное

расстояние объективов отличается, могут наблюдаться различия между размерными величинами и частичные изменения контуров и форм элементов внешности одного и того же лица. Если есть такая возможность, то целесообразно заснять проверяемого на ту же камеру, которой снята и исследуемая запись. Если такой возможности нет, то необходимо запросить у следователя характеристики объектива съемочной аппаратуры, а в дальнейшем подобрать сходные по номиналу.

Как показывает практика, сложным этапом при получении сравнительных образцов является совпадение по ракурсу, который должен быть выдержан с исследуемой записью до 1-2 градусов. Есть несколько способов достичь этого. Наиболее простой – это записывать человека в режиме видеосъемки последовательно слева направо, сверху вниз, медленно перемещая видеокамеру и стараясь придерживаться тех же ракурсов, что и в исследуемой видеозаписи. Затем, сделав покадровку полученной видеозаписи, выбрать те кадры, которые подходят для сравнения.

Другой способ более трудоемок, но вместе с тем позволяет сразу получать выдержанные по ракурсу кадры. Он заключается в том, что эксперт с листа бумаги или монитора компьютера фотографирует на цифровой фотоаппарат, снабженный функцией линейной панорамы (Canon, Olympus, Nikon, Pentax и др.), ранее выделенный статический кадр исследуемого видеоизображения, размещая его к краю кадра фотоаппарата (противоположно стрелке направления движения панорамы). Затем он выводится на экран фотоаппарата с целью совмещения со вторым кадром панорамы. Но вместо этого наводится резкость на фотографируемое лицо, при этом добиваются его максимального сходства по ракурсу съемки и размерам с фотокадром, который уже выведен на дисплей фотоаппарата.

При получении сравнительных образцов по ракурсу очень важно помнить, что необходимо не только точно располагать камеру по отношению к лицу человека, с исследуемой записью должно совпадать положение головы и отдельных частей тела. Иначе говоря, если человек смотрел прямо, а камера наблюдения располагалась снизу, то и при получении образцов не следует располагать ее на уровне глаз, а фотографируемому смотреть вверх, хотя при этом и бу-

дет достигнут соответствующий угол съемки. Это вызвано тем, что при наклонах и поворотах головы задействуются определенные мышцы и происходит натяжение кожи либо ее обвисание и образование складок (преимущественно щек и шеи), особенно если человек имеет тучное сложение.

Когда эксперт получит серию разно-ракурсных сопоставимых для сравнительного исследования снимков (см. рис. 1), то становится очевидным: одно или разные лица изображены в исследуемой записи и образцах.

Рис. 1. Изображения с видеофрагмента записи снятия денежных средств из банкомата банка «Возрождение» г. Волжский и изображения А.В. Семененко, полученные в качестве образцов

Даже в случаях, когда вопрос стоит о двух однойцевых близнецах, имеющих высокую степень сходства, сложно различимую в фас, при определенной профилировке изображений этих лиц можно наблюдать яркую картину в виде различий по конфигурации контуров элементов внешности. Это определяется тем, что имеющаяся природная асимметрия близнецов, слабо различимая в фас и в профиль, лучше проявляется при определенных углах.

Другой сложностью данного метода является то, что при всей наглядности совпадений контуров элементов внешности методами наложения и совмещения фотоснимков они плохо вписываются в систему описания качественных и количественных признаков, принятых в габитоскопии. Качественные анатомические признаки соответствуют принятой классификации и определяются по фотоснимкам в фас и в профиль. В связи с этим по разноракурсным изображениям с низким качеством можно определить лишь малую их часть, и то общего

характера. Количественные признаки (измерительные) основываются на применении методов математики. При этом в основном используют константные (антропологические) точки, которые также плохо просматриваются на изображениях. Тем не менее в данном случае можно позаимствовать метод угловых измерений признаков лица, предложенный Н.В. Завизистом (см. рис. 2) [7]. Разница заключается в том, что центром сходящихся лучей следует выбирать достоверно видимый элемент внешности, предпочтительно антропометрическую точку головы. Соблюдение вышеуказанных рекомендаций дает возможность повысить результативность производства портретных экспертиз по низкокачественным видеоизображениям, представляющим наиболее сложные объекты исследования. При этом решение об использовании того или иного метода при проведении портретной экспертизы принимается экспертом самостоятельно, исходя из качества отображения признаков и возможностей самого метода [8].

Рис. 2. Изображения с разметкой выступающих (видимых элементов) внешности, образующих одноименные углы при совпадении ракурсов

Список литературы

1. URL: <http://www.newizv.ru/society/2012-07-03/165777-kadry-reshajut-ne-vse.html/> (дата обращения: 15 июля 2013 г.).
2. URL: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/1247787.html/> (дата обращения: 15 июля 2013 г.).
3. Булгаков В.Г. Перспективы криминалистического исследования жестикуляции, мимики и артикуляции по материалам видеозаписи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2005. N 7. С. 120-123.
4. Богатырев А.А. Революционное изобретение волгоградских ученых: преступников найдут по походке // Вечерний Волгоград. 2013. N 25.
5. Булгаков В.Г. Возможности использования информации о динамических признаках человека в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2010. N 1. С. 64-68.
6. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: курс лекций. М.: Щит-М, 2011. 160 с.
7. Завизист Н.В. Применение угловых измерений признаков лица в портретной криминалистической экспертизе. Киев, 1970. 32 с.
8. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: учеб. пособие / под ред. Ю.М. Дильдина. Ч. 1. М., 2010. 568 с.

References

1. Available at: <http://www.newizv.ru/society/2012-07-03/165777-kadry-reshajut-ne-vse.html/> (Accessed 15 July 2013).
2. Available at: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/1247787.html/> (Accessed 15 July 2013).
3. Bulgakov V.G. *Perspektivy kriminalisticheskogo issledovaniya zhestikulyatsii, mimiki i artikulyatsii po materialam videozapisi* [Prospects for forensic investigation gestures, facial expression and articulation of video materials]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* – Herald of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence, 2005, no. 7, pp. 120-123.
4. Bogatyrev A.A. *Revoljucionnoe izobretenie volgogradskikh uchenykh: prestupnikov naydut po pokhodke* [A revolutionary invention Volgograd scientists: criminals find gait]. *Vecherniy Volgograd* – Evening Volgograd, 2013, no. 25.
5. Bulgakov V.G. *Vozmozhnosti ispol'zovaniya informatsii o dinamicheskikh priznakakh cheloveka v raskrytii i rassledovanii prestupleniy* [The possibility of using the information about the dynamic characteristics of a human in the detection and investigation of crimes]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute* – Herald of Vladimir Law Institute, 2010, no. 1, pp. 64-68.
6. Zinin A.M. *Gabitoskopiya i portretnaya ekspertiza* [Gabitoskopiya and portrait expertise]. Moscow, Shchit-M Publ., 2011. 160 p.
7. Zavizist N.V. *Primenenie uglovykh izmereniy priznakov litsa v portretnoy kriminalisticheskoy ekspertize* [Application of angular measurements facial features in the portrait of forensic examination]. Kiev, 1970. 32 p.
8. *Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. Ch. 1.* [Typical research methods expert evidence. Part 1]. Moscow, 2010. 568 p.

ЯДЖИН Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
yadzhinw@mail.ru
Кафедра организации
расследования преступлений
и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

YADZHIN N.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
yadzhinw@mail.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ЕГОРОВ В.А.,
Questtime@mail.ru
Следственный отдел;
Межмуниципальный отдел МВД России
«Варгашинский» Управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
по Курганской области,
641230, пос. Варгаши,
ул. Социалистическая, 63

EGOROV V.A.,
Questtime@mail.ru
The investigation department;
Intermunicipal Department
of the MIA of Russia
"Vargashinsky" of the
Department of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
for the Kurgan region,
Socialisticheskaya St. 63, Vargashi,
641230, Russian Federation

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Реферат. Рассматриваются организационные, правовые и информационные особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи. Проводится анализ словосочетаний «мошенничество, совершенное с использованием сотовой связи» и «мошенничество, совершенное с помощью мобильных средств связи», видов преступлений, совершенных с использованием средств связи, и специфика определения территориальной подследственности на стадии возбуждения уголовного дела. На основе анализа уголовных дел представлен алгоритм действий преступника по совершению преступлений с использованием средств мобильной связи. В зависимости от выполнения условий и последовательности унифицированного алгоритма наиболее часто встречающегося способа совершения преступления определяются стадии совершения преступления. Проводится анализ обстоятельств, подлежащих выяснению при разрешении материала предварительной проверки по факту совершенного преступления. Предлагаются пути решения проблемы в зависимости от способа совершения преступления и сложившейся следственной ситуации, возникающей в ходе проверки сообщения о преступлении и предварительного расследования. Специфика совершения преступлений с использованием средств мобильной связи создает проблемные вопросы квалификации совершенного деяния и применения закона в зависимости от стадии совершенного преступления, определения места и времени его окончания, что требует разъяснения на законодательном уровне. Проблема расследования и документирования преступных действий обусловлена недостаточной организацией взаимодействия между правоохранительными органами и учреждениями. Кроме того, имеющиеся пробелы и недостатки действующего законодательства, охраняющего конфиденциальную информацию, и возможности уголовно-процессуального законодательства не соответствуют современным потребностям практики расследования преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи.

Ключевые слова: сотовая связь; мобильные средства связи; мошенничество; организационно-правовое обеспечение расследования; информационное обеспечение расследования преступления.

ORGANIZATIONAL, LEGAL AND INFORMATION SUPPORT OF INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF MOBILE COMMUNICATION

Abstract. Organizational, legal and information peculiarities of investigating crimes committed with the use of means of mobile communication are analyzed. The phrases “fraud committed with the use of mobile communication” and “fraud committed with the use of means of mobile communication”, as well as types of crimes committed with the use of mobile communication and specificity of determining territorial jurisdiction at the stage of initiating a criminal case are analyzed. Basing on the analysis of criminal cases, the algorithm of criminal’s actions for committing crimes with the use of means of mobile communication is presented. Depending on the circumstances and the sequence of criminal’s actions in the most common method of committing such crimes the stages of committing crime are determined. Analysis of the circumstances to be clarified while conducting preliminary investigation is carried out. According to the way of committing crime and investigation situation during verification of reported crime and preliminary investigation, the ways of solving the problem are proposed. The specifics of the considered crimes causes problematic issues concerning the qualification of the committed act and the application of law depending on the stage of the crime, place and time of its termination, that requires clarification at the legislative level. The problem of investigation and documentation of criminal acts is determined by the lack of cooperation between law enforcement bodies and institutions. Besides, gaps and shortcomings of the current legislation protecting confidential information and possibilities of criminal procedure law don’t meet the needs of modern practice of investigating crimes committed with the use of means of mobile communication.

Keywords: mobile communication; means of mobile communication; fraud; organizational and legal support of investigation; information support of crime investigation.

Современные глобальные сети и мобильная связь благодаря простоте доступа из любой точки нашей планеты используются для управления счетами денежных средств посредством текстовых или голосовых команд без посещения банковских учреждений, что вызывает интерес не только у законопослушных граждан, но и у преступников, которым научно-технический прогресс облегчает совершение преступлений, создание схем сокрытия преступных действий, а впоследствии – уход от уголовного наказания.

Технологическая составляющая при совершении преступлений дает преступнику возможность донести необходимую информацию до потенциальной жертвы и при совершении хищения безналичных денежных средств обеспечить свою анонимность, безопасность, получить деньги, не вступая в непосредственный контакт.

Преступник длительное время остается вне поля зрения правоохранительных органов. Как правило, доказать его причастность к совершенному преступлению органам предварительного расследования сложно. Уголовные дела приостанавливаются в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а причиненный потерпевшим ущерб остается зачастую не возмещенным.

На практике своевременное обнаружение совершенного преступления, пресечение преступных действий вызывает значительные сложности, так как преступление носит транстерриториальный характер. При установлении обстоятельств

совершенного преступления продолжительность исполнения запросов организациями и учреждениями увеличивает сроки расследования и затрудняет возможность изобличения преступника.

Рассматриваемый вид преступности начал активно развиваться с 2008 г. Ежегодно количество случаев мошенничества, совершенного с использованием средств мобильной связи, в разных регионах в среднем увеличивается не менее чем на 10 %. Так, например, тенденция роста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи, наблюдается на территории Курганской области, где в течение 2013 г. зарегистрировано 1 357 сообщений с последующим возбуждением уголовных дел по фактам мошенничества, совершенного с использованием сотовой связи. Из них направлено в суд 78 уголовных дел, остальные уголовные дела по расследованным преступлениям приостановлены на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ*.

В 2014 г. на территории Курганской области зарегистрировано уже 2 175 преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи, в результате чего рост их количества составил 60,3 %, преступники установлены в 6,8 % совершенных преступлений (2013 г. – 7,6 %). В 2014 г. в суд направлены уголовные дела по 154 преступлениям, что на 80,8 % больше, чем за 2013 г. (78). Это произошло за счет многоэпизодных уголовных дел.

* Сведения получены из АИСС «Статистика – Регион».

Доля преступлений, по которым установлены совершившие их лица, составила 6,8 % (2013 г. — 7,6%). За 5 месяцев 2015 г. на территории Курганской области возбуждено 1 111 уголовных дел по фактам мошенничества, совершенного с использованием средств мобильной связи (2014 г. — 737, увеличение на 50,7 %), приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ — 750 уголовных дел (2014 г. — 644, увеличение на 16 %). Лица, совершившие преступления рассматриваемого вида, установлены по 110 преступным эпизодам (2014 г. — 49). На территории г. Кургана зарегистрировано 805 преступлений (2014 г. — 398, рост в 2 раза), на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ приостановлено 504 уголовных дела (2014 г. — 280), Лица, совершившие преступления рассматриваемого вида, установлены по 89 преступлениям (2014 г. — 33)*.

На основании анализа практики деятельности Следственного отдела УМВД России по Курганской области за 11 месяцев 2015 года нами сделан вывод о том, что в среднем срок расследования уголовных дел составил от 5 до 10 месяцев. Отчасти это обусловлено низким качеством расследования: возвращение уголовных дел для производства дополнительного следствия; неполнота следствия; неверная квалификация действий обвиняемых; нарушение сроков; несоблюдение установленной процедуры применения процессуального права и т.п.

В последнее время в связи с участвовавшими случаями совершения преступлений с использованием средств связи в средствах массовой информации все чаще встречаются словосочетания — «мошенничество, совершенное с использованием сотовой связи» и «мошенничество, совершенное с помощью мобильных средств связи». Следует отметить, что указанные понятия не являются тождественными.

Сотовая связь — это объект нематериального мира, электромагнитные волны, распространяющиеся на расстоянии от приемника к передатчику и обратно, передающие информацию, декодируемую специальными средствами и преобразующие ее в звуковую, цифровую и т.д.

Мобильные средства связи — это устройства, способные принимать, отправлять информацию в сетях сотовой связи, объ-

екты материального мира, сохраняющие следы преступления. Таким образом, орудием преступления выступает мобильный телефон, модем, т.е. любое устройство, которое подключено к сети сотовой связи, а сотовая связь — это средство совершения преступления.

Информация, как правило, передается в виде звуковых, цифровых и световых сигналов, которые воспринимаются человеком либо обрабатываются специальным оборудованием для использования в последующем.

По российскому законодательству мошенничество отличается от кражи способом совершения. Таковым является обман или злоупотребление доверием. Исходя из специфики, ложная информация может быть передана потерпевшему как в виде звуковых сигналов, так и в виде текстовой информации, которая им воспринимается. Управляемое лицо — потерпевший — выполняет действия, указанные мошенником, причиняя таким образом себе материальный ущерб.

Для возбуждения уголовного дела и привлечения к уголовной ответственности мошенника необходимо наличие всех признаков состава преступления. В зависимости от материального ущерба действия мошенника квалифицируются по различным частям статьи 159 УК РФ при условии виновно совершенного действия с прямым умыслом, направленного на завладение денежными средствами потерпевшего.

Обязательным элементом умысла является осознание лицом не только фактических обстоятельств совершаемого им деяния, но и общественной опасности, то есть способности причинить вред охраняемым законом объектам уголовно-правовой охраны, в данном случае — собственности граждан.

Обстоятельства совершения преступления с использованием средств мобильной связи сопряжены с некоторыми трудностями их квалификации, так как встречаются разнообразные способы обмана и достижения преступных целей. В разных регионах Российской Федерации правоприменительная практика квалификации преступных деяний относительно стадии совершения преступления в зависимости от выполнения объективной стороны отличается** [1, с. 213]:

* Сведения получены из АИСС «Статистика — Регион».

** Объективная сторона — это внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным правом объект.

действия при различных условиях квалифицируются как приготовление (ч. 1, 2 ст. 30 УК РФ), покушение (ч. 3 ст. 30 УК РФ), оконченное преступление (ч. 1 ст. 29 УК РФ).

В результате анализа ряда уголовных дел за 2011-2015 гг., возбужденных по фактам совершения преступлений с использованием средств мобильной связи, выявлено, что в подавляющем большинстве случаев алгоритм действий был следующим:

1) направление СМС-сообщения с ложной информацией, содержащей предложение перезвонить на указанный мошенником номер:

а) в сообщении отсутствует информация о предполагаемой сумме;

б) в сообщении указана предполагаемая сумма;

2) получение мошенником от потерпевшего сведений о наличии банковских карт:

а) потерпевший сообщает требуемые сведения;

б) потерпевший осознает обман и отказывается сообщать сведения либо проводить операции;

3) перевод управляемым потерпевшим безналичных денежных средств на указанные мошенником счета:

а) денежные средства поступают в пользование мошенника;

б) денежные средства возвращаются потерпевшему в результате своевременного поступившего в банковское учреждение сообщения о мошеннических действиях.

В зависимости от выполнения условий и последовательности вышеуказанного унифицированного алгоритма наиболее часто встречающегося способа можно определить стадию совершения преступления.

Так, факты звонков, поступления СМС-сообщений, не содержащих сведений о сумме подлежащих списанию денежных средств, ошибочном зачислении денежных средств, сбоях на банковском сервере, резервировании денежных средств, необходимости звонка на указанный в сообщении номер для получения консультации либо отмены произведенной банковской операции, предложений о выполнении определенных действий, которые не могут повлечь списание денежных средств, и т.п. не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

В этом случае более целесообразно говорить о приготовлении к преступлению, которое характеризуется:

1) объективными признаками: для совершения преступления созданы условия, но преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам;

2) субъективными признаками: умышленный характер создания условий для совершения преступления.

При наличии в СМС-сообщении указания о сумме денежных средств, подлежащих перечислению, например, в автоматически сформированном СМС-сообщении для подтверждения операции перевода денежных средств, если потерпевший осознает, что в отношении его совершается мошенничество, не переводит денежные средства, то в этом случае в действиях посягающего имеется состав покушения на мошенничество, преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, то есть не по субъективным, а по объективным причинам. В случае перечисления денежных средств образуется состав оконченного преступления, квалифицируемого в зависимости от обстоятельств по соответствующей части статьи 159 УК РФ. Причиненный материальный ущерб соответствует сумме списанных денежных средств.

В случае звонка мошенника потерпевшему либо потерпевшего по указанному в сообщении телефонному номеру и подтверждения потерпевшему ложной информации, указанной в поступившем сообщении, попытки получить сведения о наличии банковских карт, конфиденциальной информации, использование которой позволит получить доступ к банковскому счету, образуется покушение на преступление, при условии отсутствия причинения реального материального ущерба будет иметь место покушение на сумму денежных средств, находящихся на счете потерпевшего.

Если лицо сообщает о несчастных случаях с родственниками, называя конкретную сумму денежных средств, подлежащих перечислению, независимо от наличия либо отсутствия указанной денежной суммы у потерпевшего, то в данном случае деяние образует покушение на затребованную денежную сумму, в случае передачи какой-либо суммы образует

оконченное преступление на переданную денежную сумму.

При зачислении денежных средств на счет, указанный мошенником, преступление следует считать оконченным даже в случае возврата денежных средств при обращении потерпевшего или иного лица с заявлением об ошибочно проведенной операции*.

Так, неустановленное лицо, используя федеральный телефонный номер 8800***, принадлежащий номерной емкости ОАО «Межрегиональный Транзит Телеком», совершило мошенничество в отношении гр. Л., который перечислил безналичные денежные средства на лицевой счет мошенника, открытый в «FOREX CLUB INTERNATIONAL LIMITED», однако последний не смог подтвердить законность перечисления денежных средств, они возвращены потерпевшему администрацией компании**.

В зависимости от способа совершения анализируемого мошенничества также имеет место совокупность преступлений, предусмотренных статьями 159 и 272 УК РФ***.

М. направил потерпевшему И. СМС-сообщение, содержащее заведомо ложные сведения о блокировке банковской карты. Последний позвонил по номеру телефона, указанному М., и сообщил реквизиты банковской карты. М., используя сеть Интернет, ввел их в систему дистанционного банкинга, получив от потерпевшего коды доступа, автоматически сформированные системой безопасности, осуществил доступ к охраняемой законом банковской тайне, после чего перевел со счета потерпевшего денежные средства****.

На практике существует проблема определения территориальной подследственности преступлений рассматриваемого вида [2, с. 2821-2825]. Как представляется, некото-

рые сотрудники неверно применяют положение ч. 2 ст. 152 УПК РФ, в которой указано, что если преступление начато в одном месте, а окончено в другом, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления. Как отмечалось выше, преступление окончено в момент зачисления денежных средств на счет, указанный мошенником, при незачислении денежных средств имеет место покушение на мошенничество.

Объективная сторона мошенничества – сознательное сообщение заведомо ложных сведений для хищения имущества или получения иной имущественной выгоды. Местонахождение мошенника будет местом выполнения объективной стороны преступления. Например, в случае совершения звонка, распоряжения мошенником денежными средствами на территории различных административно-территориальных единиц место производства предварительного следствия определяется руководителем следственного органа после возбуждения уголовного дела по месту совершения объективной стороны преступления, местонахождения мошенника в момент обмана.

К обязательным обстоятельствам, подлежащим выяснению при разрешении материала предварительной проверки в порядке статей 144-145 УПК РФ, по факту преступления, совершенного с использованием средств мобильной связи, на стадии возбуждения уголовного дела, а затем после его возбуждения являются:

- 1) сведения об открытых в банках счетах и движении по ним;
- 2) сведения от операторов сотовой связи, иных операторов, оказывающих телекоммуникационные услуги;
- 3) сведения от учреждений, выступающих посредниками при безналичном перечислении денежных средств.

При достаточной конспирации преступника безналичные перечисления денежных средств могут осуществляться в несколько банков и по различным направлениям до момента их вывода в наличный эквивалент или иным образом для получения имущественной выгоды. Отсутствие возможности своевременного обнаружения и фиксации преступных действий в сфере телекоммуникационных услуг позволяет совершать мошенничество в течение продолжительного периода времени. Не организована возможность быстрого доступа к информационным базам выше-

* См. п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2007 г. N 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

** Уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ (Уголовное дело N 09-1156-15 // Архив СУ УМВД России по Курганской области).

*** См. постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2007 г. N 51.

**** Уголовное дело N 09-1054-15 по обвинению М. // СУ УМВД России по Курганской области.

указанных учреждений. Обмен информацией между участниками телекоммуникационного рынка организован таким образом, что информационный след об операции отражается в базах первого и второго участника, последний может быть одним из огромного количества посредников – «временным пунктом». Например, для установления движения денежных средств необходимо направить запросы всем участникам последовательно, раскрывая цепочку пересылки денежных средств.

Как правило, исполнение запросов составляет от 1 до 3 месяцев, в результате чего срока, предусмотренного УПК РФ для предварительного следствия по уголовному делу (2 месяца), может не хватить, а при некоторых обстоятельствах может истечь срок давности привлечения к уголовной ответственности.

Законом, регулирующим отношения в сфере оперативно-розыскной деятельности, предусмотрено оперативно-розыскное мероприятие – наведение справок*, которое может носить как гласный, так и негласный характер. Его целью является получение информации путем направления запроса соответствующему юридическому, физическому лицу, осуществляемого в рамках оперативно-поискового дела, дела оперативного учета либо по поручению органа предварительного следствия, дознания в порядке уголовно-процессуального закона. Однако возможность получения некоторой информации, ограничивающей права граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, допускается только на основании судебного решения.

В связи с этим, изучив практику применения п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», мы пришли к выводу, что судами по-разному толкуются положения закона. Так, некоторые суды связывают действие нормы и судебного контроля лишь с возможностью обращения в порядке режима секретности по соответствующему оперативному делу, что отрицательно влияет на результативность первоначальных оперативно-поисковых мероприятий по совершению преступления на стадии возбуждения

уголовного дела, другие суды разрешают ходатайства оперативного сотрудника, поступившие на основании поручения следователя, без заведения соответствующего оперативного дела. Для устранения противоречий в трактовке норм вышеуказанного закона предлагаем дополнить абзац 2 ст. 8 данного закона и изложить его в следующей редакции: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения по поступившему ходатайству на основании статьи 7 настоящего Федерального закона и при наличии информации...».

Следует заметить, что рассматриваемый закон связывает проведение оперативно-розыскных мероприятий по материалам предварительной проверки в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ и по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно**. Таким образом, при совершении преступлений с помощью средств мобильной связи с признаками состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159 УК РФ, по которому предварительное расследование производится в форме дознания, отсутствуют какие-либо возможности для сбора доказательств совершенного преступления, документирования преступной деятельности, следствием чего является безнаказанность мошенника, а запись телефонных разговоров является одним из основных доказательств при отсутствии показаний привлекаемого к уголовной ответственности лица.

Информация о телефонных соединениях мошенника предоставляет возможность выявления новых преступных эпизодов, установить место совершения преступления, местонахождение мошенника в момент совершения объективной стороны преступления, его передвижение и, возможно, местонахождение, выявить преступные связи.

Сведения об операциях, о счетах и вкладах в банковских учреждениях в соответствии со статьей 26 Федерального зако-

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 29 июня 2015 г. // Рос. газ. 1995. 18 авг.; 2015. 3 июля.

** См. чч. 1, 2 ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

на от 2 декабря 1990 г. N 395-1 «О банках и банковской деятельности»* относятся к банковской тайне. Справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан выдаются по уголовным делам, находящимся в производстве, при наличии согласия руководителя следственного органа. При этом норма исключает направление запроса на стадии возбуждения уголовного дела. Таким образом, у следователя и дознавателя отсутствует возможность получить информацию, содержащую банковскую тайну, до возбуждения уголовного дела, так как это разрешение прямо не указано в статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», а также отсутствует норма, регулирующая основание судебного разрешения в порядке УПК РФ, что является недопустимым пробелом в действующем законодательстве.

Этой же нормой предусмотрена возможность получения справок по операциям и счетам на основании судебного решения должностными лицами органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд в порядке, предусмотренном статьей 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, произошел перекося в возможности добывания информации на стадии возбуждения уголовного дела – отсутствие таковой в рамках УПК РФ и ее наличие при проведении оперативно-розыскных мероприятий, что, по нашему

* Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. N 27. Ст. 357.

мнению, является неверным и требует внесения изменений как в УПК РФ, так и в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности».

Подводя итог изложенному выше, сделаем следующие выводы:

1. Специфика совершения мошенничества с использованием средств мобильной связи порождает проблемы правоприменения и квалификации совершенного преступного деяния в зависимости от стадии совершенного преступления, определения места и времени его окончания, что требует разъяснения на нормативном уровне.

2. Совершенствование организации установления лица, совершившего преступление с помощью мобильных средств связи, расследование уголовного дела в современных условиях обуславливают необходимость внесения изменений в действующее законодательство, регулирующее оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, путем предоставления возможности лицу, производящему предварительное расследование, использовать возможности оперативно-розыскных мероприятий.

3. Проблема расследования и документирования преступных действий обусловлена недостаточной организацией взаимодействия между правоохранительными органами и учреждениями, опосредованно участвующими в совершении преступлений.

4. Имеющиеся пробелы и недостатки действующего законодательства, охраняющего конфиденциальную информацию, и возможности процедурного права не удовлетворяют потребностям современной практики расследования преступлений, совершенных с использованием средств мобильной связи.

Список литературы

1. Курс уголовного права: учебник для вузов: в 5 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. 624 с.
2. Кривошеков Н.В. Определение подсудственности при рассмотрении сообщения и расследовании уголовных дел о «телефонных мошенничествах» // Концепт. 2014. Т. 20. N 2. С. 2821-2825.

References

1. *Kurs ugolovnogo prava. V 5 t. T. 1: Obshchaya chast'* [The course of criminal law. In 5 volumes. Vol. 1: Generalities]. Moscow, Zertsalo Publ., 2002. 624 p.
2. Krivoshchekov N.V. *Opreделение podsledstvennosti pri rassmotrenii soobshcheniya i rassledovanii ugolovnykh del o "telefonnykh moshennichestvakh"* [Determining jurisdiction when considering the reports and the investigation of criminal cases "Toll fraud"]. *Kontsept* – Concept, 2014, Volume 20, no. 2, pp. 2821-2825.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

ДОНГ Ш., DONG Sh.,
LLD, доцент, LLD, associate professor,
fwb196886@163.com fwb196886@163.com
Китайский университет China University of Political Science and Law,
политологии и права, Xitucheng Road 25, Haidian District,
100088, Китайская Народная Республика, Beijing, 100088,
округ Хайдянь, Пекин, Кситученг 25 People's Republic of China

ЛИ Кс., LI X.,
LLD, PhD, доцент, LLD, PhD, associate professor,
xingan.li@tlu.ee xingan.li@tlu.ee
Школа управления, права и общества; School of Management, Law and Society,
Таллиннский университет, Tallinn University,
10120, Эстония, Таллин, Нарва МНТ 29 Narva MNT 29, Tallinn, 10120, Estonia

ЗАЩИТА ЛИЧНОЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ДИЛЕММЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КИТАЯ

Реферат. Представлены результаты исследования характерных особенностей социальных сетей в свете обеспечения неприкосновенности частной жизни, защиты от преступных посягательств и связанной с этим потенциальной виктимизации пользователей в Китае и других государствах мира. Дано определение социальных сетей, показаны тенденции увеличения правонарушений, совершаемых в сетевом пространстве. Исследованы различные риски и угрозы личной пользовательской информации, размещаемой в социальных сетях: помимо ее сознательного раскрытия широко распространено пассивное разглашение таких сведений из-за недооценки угроз (несанкционированный доступ к счетам, «взлом» и нарушение неприкосновенности частной жизни, злоупотребление анонимностью пользователей). В сетевом общении совершаются различные посягательства на частную жизнь, как известные ранее, так и новые. С учетом правоохранительной практики Китая и опыта, накопленного другими странами, представлены два подхода к обеспечению неприкосновенности личной информации в сетях (первый основан на анонимности пользователей, второй — на их реальной идентификации). Обоим подходам свойственны дилеммы в области защиты пользовательской информации и режима пользования услугами. Ситуация дополнительно осложняется значительными различиями в социально-культурных традициях пользователей и политико-правовых концепциях государств, гражданами которых они являются. Сказанное делает невозможным создание транснациональных правил в условиях различий в национальном законодательстве. Международная инициатива здесь зависит от лучшего способа защиты конфиденциальности и более успешного правоприменения. На вопрос о том, должна ли такая защита основываться на анонимности пользователя или требовать всеобщей реальной идентификации, может ответить только практика.

Ключевые слова: социальные сети; безопасность; совершение преступлений; конфиденциальность; личная информация; правоохранительная практика Китая.

PROTECTION OF USER'S PERSONAL INFORMATION ON SOCIAL NETWORKS: DILEMMAS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CHINA

Abstract. The results of the study of characteristic features of social networks in the light of ensuring privacy, protection from criminal encroachments and potential victimization of users in China and other countries of the world are presented. The definition of social networks is given. The tendency of increase in social networking crimes is shown. Various risks and threats to personal user information posted on social networks are analyzed: besides its deliberate disclosure, passive disclosure of such information is also widespread due to the underestimation of threats (unauthorized access to accounts, hacking and violating privacy, the abuse of anonymity of users). Network communication is a subject to various privacy threats: both previously known and new ones. Taking into account the law enforcement practice of China and the experience of other countries, two approaches to ensure privacy in networks are presented (the first one is based on the anonymity of users, the second one — on their real identification). Dilemmas in the field

of protection of user information and mode of use of the service are inherent in both approaches. The situation is complicated by significant differences in social and cultural traditions of users and legal and political concepts of different states. In terms of differences in national legislation it's impossible to create some transnational rules. In this case the international initiative depends on the best way to protect the confidentiality and more successful law enforcement. Only practice can answer the question of whether such protection should be based on the anonymity of user or require universal real identification.

Keywords: social networks; security; commission of crime; confidentiality; personal information; law enforcement practice in China.

Введение. Развитие информационных технологий и повсеместное использование Интернета не только разделяет, но и интегрирует общество. Все больше и больше людей существуют в режиме двойной жизни: онлайн (в сети) и офлайн (не в сети), при этом режим жизни «онлайн» преимущественно сопряжен с функционированием социальных сетей. Вовлечение пользователей в социальные сети и участие в них равносильно чужеродному проникновению в их бытие, частную жизнь, душу, эго, в область конфиденциальности и личной безопасности. В предыдущих исследованиях был сделан вывод о том, что информационные системы могут быть целью, способом, маршрутом, местом и средством совершения преступления, а также могут использоваться для приготовления к совершению других преступлений (Li, 2008, p. 131). В равной мере этот вывод применим и к социальным сетям.

Таким образом, основная цель статьи состоит в исследовании характерных особенностей социальных сетей в свете обеспечения неприкосновенности частной жизни, защиты от преступных посягательств и связанной с этим потенциальной виктимизации пользователей. Именно под таким углом зрения социальные сети воспринимались авторами. Иные, в том числе весьма значительные их особенности, не были предметом настоящего исследования. При этом важно отметить многочисленные положительные возможности социальных сетей, которые способствуют повышению социального благосостояния или используются для предупреждения, выявления и пресечения правонарушений. Потенциальную ценность для исследования также представляет вопрос об установлении ограничений в социальных сетях.

В следующих после введения разделах рассмотрены зоны рисков и опасностей функционирования социальных сетей с точки зрения посягательств на неприкосновенность частной жизни пользователей,

а также вопросы их виктимизации. В заключительном разделе представлены результаты исследования.

Увеличение количества правонарушений, связанных с социальными сетями. В последние годы социальный порядок в киберпространстве находится в центре внимания правоохранительных органов (Li, 2009). Ситуация осложняется появлением новых направлений услуг, предлагаемых сервисами социальных сетей. Здесь нужно сделать оговорку. Условия использования социальных сетей, услуги, предлагаемые социальными сетями, сайты социальных сетей – это очень популярные и хорошо известные в информационном обществе явления (одни и те же или очень похожие), которые обобщенно будут названы сервисами социальных сетей. Такие сервисы называются и определяются по-разному. Известно, что в настоящее время социальные сети не ограничиваются статусом только веб-сайта, их использование возможно как с помощью компьютера, так и мобильных приложений. Вот почему термин «социальные сети» наиболее целесообразен. При этом авторы здесь намеренно избегают специального подробного обсуждения смысловых разногласий, возникающих при толковании этих терминов и их определений, а равно при фактическом оказании таких услуг.

Для достижения поставленной цели авторами принимается следующее наиболее удобное определение. Социальные сети – это «веб-сервисы, которые позволяют одним пользователям (1) на открытом или полуоткрытом (общедоступный профиль в условиях ограниченного доступа) Интернет-ресурсе (2) сформировать список других пользователей, с которыми устанавливается желаемое соединение (3) в условиях совпадения с ответным списком желаемых соединений, сделанных другими пользователями» (Boyd and Ellison, 2007). Согласно трактовке Федерального бюро расследований США социальными сетями признаются интернет-

сервисы, которые позволяют людям общаться и обмениваться информацией с группой (ФБР, 2015).

В соответствии с таким определением сервисы социальных сетей могут быть предоставлены (получены) с веб-сайтов или персональных компьютеров (мобильных приложений), в отдельных случаях — обоими способами. Например, социальная сеть QQ имеет как самостоятельное приложение, так и веб-сайт, способствующий работе разных элементов этой сетевой службы. Говоря о языках социальных сетей, следует назвать английский язык, с которым общепринятые услуги одновременно доступны и на многих других языках (MySpace, Facebook, LinkedIn, Twitter, Google+ и другие). Некоторые из услуг могут быть доступны только в ограниченном языковом пространстве. Например, в социальной сети QQ в первую очередь используется китайский язык, но в базовой версии услуги сети также доступны на английском языке. В социальной сети WeChat используется упрощенный и традиционный китайский, английский, немецкий языки и т.д.

Вследствие универсально открытой природы сайтов и мобильных приложений объем и качество оказываемых услуг не должны зависеть от конкретных условий, в которых находится их потребитель. Тем не менее в отдельных случаях услуги социальных сетей доступны пользователям из разных стран в неодинаковом объеме. Например, услуги Facebook, MySpace, Twitter, Google+, как правило, недоступны пользователям в Китае из-за цензуры, системы фильтрации контента и иных ограничений, установленных как государством, в котором находятся потребители услуг, так и администрациями самих социальных сетей.

Популярны и доступны в Китае социальные сети LinkedIn и Tumblr, а также ResearchGate, воспринимаемые прежде всего как социальные сети для исследователей. В то же время длительное существование внутреннего контента и услуг этих социальных сетей будет остановлено потенциалом специального ресурса — Great Firewall*. Тем

* Точное определение и оригинальные технологии использования этого сетевого ресурса не были описаны в литературе. Как правило, это наименование используется для обозначения созданной Правительством Китая системы строгой цензуры и фильтрации интернет-контента.

не менее, по сравнению с Северной Кореей, китайские социальные сети, несмотря на установленные ограничения, достаточно открыты. При этом другие услуги социальных сетей общедоступны, потому что предоставляются по установленным официальным правилам. Это означает, что явления и деяния, имеющие место среди пользователей, присутствующих в одной географической точке, могут иметь место среди таких же пользователей (в том числе злоупотребляющих правом и причиняющих вред), находящихся в другой части мира.

К услугам социальных сетей прибегают все большее количество людей по всему миру. По имеющимся прогнозам, в конце 2015 года пользоваться Интернетом будут 3,2 млрд человек (ITU 2015, p. 1)**. При этом к концу 2015 года ожидается появление более чем 7 млрд абонентов сотовой связи, а скорость распространения соответствующих услуг составит 97 % (ITU 2015, p. 2). Несмотря на то, что определение количества пользователей социальных сетей невозможно, было подсчитано, что среди всех интернет-пользователей около 74 % представителей взрослой аудитории пользуются услугами социальных сетей (Pew Research Center 2015 года). Авторы не располагают фактами, опровергающими или подтверждающими точность приведенных расчетов, и это не так важно для исследования. Достаточно того, что названные цифры отражают примерное положение дел и фиксируют тенденции в трансформации социальной жизни, показывая глубину проникновения и степень влияния социальных сетей на жизнь личности в нашем обществе.

Одновременно с выявленными тенденциями распространения социальных

** По данным сайта Internetlivestats, текущие оценки численности пользователей Интернета доставляются по алгоритму RTS «Worldometers», обрабатывающему данные, разработанные на основе статистического анализа информации Международного союза электросвязи (МСЭ), специализированного учреждения ООН по информации и коммуникационным технологиям, а также официального источника глобальных статистических данных (The World in 2014: ICT Facts and Figures — ITU, Measuring the Information Society — ITU MIS Report 2013, Internet Users Data — World Bank Group, The World Factbook: Internet Users — U.S. Central Intelligence Agency, United Nations Population Division — U.N. Department of Economic and Social Affairs).

сетей растет и количество правонарушений, так или иначе связанных с ними (как выявленных, так и совершенных). Так, в Великобритании обнародованы данные о том, что в 2011 году около 12,3 тыс. предполагаемых преступлений (в том числе убийств, изнасилований, сексуальных преступлений против детей, случаев применения насилия, похищений, угроз убийством, запугиваний свидетелей и мошенничества) были доведены до сведения полиции с помощью сервисов популярной социальной сети Facebook (Doyle, 2012). По данным китайского государственного СМИ People's Daily (He & Ma, 2014), около 85 случаев использования популярной китайской социальной сети WeChat стали официальным поводом для судебного разбирательства в судах пяти городов только в одной провинции Гуандун в 2012-2013 гг.

В настоящее время злоумышленники также обращаются к услугам социальных сетей. Было подсчитано, что в 81 % попыток совершения преступлений, предпринятых в Интернете, использовались социальные сети, главным образом Facebook и Twitter, обеспечивающие правонарушителям идеальные условия получения личных данных от ничего не подозревающих физических лиц (Pew Research Center, 2015). Не лучшим образом выглядит картина преступлений, совершаемых «оффлайн» (вне сети): для приготовления к грабёжам, мошенничеству и сексуальным преступлениям также используются социальные сети. Так, 78 % грабителей признались в том, что своих жертв они нашли в социальных сетях (там же). Таким образом, предоставляя пользователям множество новых возможностей для общения и сотрудничества, сервисы социальных сетей также создают серьезные риски и опасности для их жизни, здоровья и имущества.

Угрозы личной информации в социальных сетях. Безопасность (защищенность, конфиденциальность) пользователя всегда была важным элементом при подключении к компьютерной сети, что актуально и сегодня, при интеграции в социальные сети. Пользователи по-разному понимают пределы такой конфиденциальности, дискуссии о ее степени всегда дифференцируются в зависимости от групп интересов и культурного контекста. В статье не будут приводиться детальные

и множественные аргументы по этому вопросу, так как неприкосновенность частной жизни будет рассмотрена в корреляции с особенностями поведения пользователей социальных сетей.

Если спроецировать законы социальных сетей на реальное социальное общение, то количество участников такого общения должно все больше и больше расти посредством привлечения родственников, друзей и коллег. Представьте себе знакомую схему, когда друг вашего друга может присоединиться (путем добавления) к общению с помощью любого «прямого» друга. Тем не менее такой «друг друга»* в реальной жизни столкнется с серьезными «коммуникативными» трудностями в присоединении к общению, поэтому эти законы не действуют в реальной жизни.

Тем не менее пользователи социальных сетей и их «друзья друзей» легко входят в более близкие отношения, чем это возможно во внесетевом общении. Обычно информация о пользователе доступна «друзьям», «друзьям друзей», «друзьям друзей друзей» и т.д. Иногда профили пользователей находятся полностью в свободном доступе, в то время как в реальной жизни эта информация была бы доступна только узкому кругу родственников, соседей или близких друзей; существовала бы только в официальных архивах и, конечно, носила бы конфиденциальный характер. Можно утверждать, что в социальных сетях повсеместно и в каждый момент времени существуют «доски объявлений», на которых оглашается информация, которая в традиционной жизни считается частной.

Социальные сети сами значительно трансформировали принципы приватности. Дать характеристику личности в оффлайн-обществе — значит потратить много времени, усилий и энергии. Характеристика личности в киберпространстве, в социальных сетях происходит в несколько кликов компьютерной мыши: различные аспекты социально-демографической информации,

* Другом друга для пользователя является лицо, состоящее в социальной сети в категории «друзья» у лица, которое состоит в категории «друзья» у самого пользователя. В социальной сети (в отличие от реального взаимодействия) коммуникация между пользователем и «другом» его «друга» не требует обязательного посредничества самого «друга».

физическое состояние, семейная жизнь, образование, опыт работы, хобби, достижения, награды, ежедневная деятельность, привычки потребления, финансовое положение, категория жилья, марка автомобиля, время в пути и направления движения, психологическое состояние и особенности характера, политические взгляды, информация о родственниках, а также аналогичные сведения о сетевых «друзьях».

Обычные средства массовой информации при информировании о публичных мероприятиях и общественных деятелях ограничены собственными ресурсами и иными возможностями, в результате большая часть жизни общества не охватывается дискурсом масс-медиа. В то же время социальные сети успешно имитируют атмосферу средств массовой информации: пользователи совмещают роли корреспондентов и зрителей. В среде китайских пользователей это называется «Zi meiti» (само-медиа). Таким образом, каждый участник социальной сети может быть ее собственным корреспондентом и должен быть готов пропагандировать ее внутрисетевую обновляемую информацию и одновременно, как и вся аудитория пользователей, слушать, читать, отслеживать и наслаждаться контентом, взаимодействовать с другими в связи с потреблением информации. В то время как пользователи не задумываясь или совершенно сознательно публикуют большое количество конфиденциальной информации на страницах популярных социальных сетей, формируя новости и другой обновляемый контент для своей аудитории в целях ее информирования либо по другим причинам, часть этой информации может быть незаконно присвоена и использована в преступных интересах (UNODC, 2012, p. 11).

Иными словами, по сравнению с традиционными СМИ скорость и диапазон распространения информации таких само-медиа значительно увеличиваются, тогда как их управляемость, напротив, все более затрудняется. По оценке ФБР, данной в 2015 году, «как только информация о Вас размещается на сайте социальной сети, она перестает быть личной. Чем больше информации Вы о себе разместите, тем более Вы уязвимы. Даже при всех принимаемых мерах обеспечения безопасности возможна утечка информации».

С момента размещения частной информации в социальных сетях она гипотетически становится общедоступной в Интернете вне зависимости от пространственных и языковых границ. История функционирования социальных сетей подтверждает, что угрозы конфиденциальности возрастают в связи с готовностью большинства пользователей поделиться частной информацией, в том числе конфиденциального характера, в тех сегментах сети, которые доступны для отдельных пользователей (групп пользователей) из числа родственников, друзей и коллег, или даже в публичном онлайн-пространстве. Все это делает такую информацию доступной, в том числе и для тех пользователей, которые вообще не связаны с ее распространителем. В основе такого поведения может лежать мотивация самораскрытия (самопрезентации), через которую конфиденциальные сведения становятся общедоступными. Таким образом, использование в незаконной деятельности конфиденциальных сведений как общедоступной информации является одной из основных проблем функционирования социальных сетей.

Активное и сознательное раскрытие пользователем конфиденциальной информации совершается, как правило, вследствие недооценки угроз собственной безопасности. Другим аспектом проблемы является «пассивное» разглашение конфиденциальной информации, что гораздо чаще сопровождает функционирование социальных сетей. Несанкционированный доступ к конфиденциальной информации влечет ее хищение другими пользователями, связанными или не связанными друг с другом. Таким образом, в совокупности активное и пассивное разглашение личной информации существенно повышает риски конфиденциальности в сетевом пространстве. Учитывая легкость получения личных сведений о пользователе в социальных сетях и принимая во внимание способы ее криминального использования, можно сделать вывод о низкой эффективности противодействия такому противоправному поведению с помощью традиционных юрисдикционных средств.

В результате значительные массивы пользовательских данных, в том числе личная информация, изображения, аудио- и видеоматериалы, попадают в руки

властей, посторонних, рекрутеров и даже общественности (Ai et al, 2009, p. 278). По информации ФБР 2015 г., в связи с интеграционными механизмами функционирования социальных сетей, используя которые пользователи делятся личной информацией, они и их коллеги открыты для атак. Чем больше информации находится в совместном доступе, тем более вероятно, что кто-то под маской обычного пользователя может путем обмана получить личные данные, загрузить вредоносное программное обеспечение или обеспечить вход на сайты с ограниченным доступом.

Администрация социальных сетей и провайдеры их услуг не информируют пользователя об опасности разглашения личной информации, а механизмы обеспечения конфиденциальности в социальных сетях не настолько развиты, чтобы защитить пользовательские данные. Пользователи не могут контролировать объем личной информации, которая может быть разглашена другими пользователями (Ai et al, 2009, pp. 272-274). Иными словами, природа социальных сетей содержит множественные возможности формирования опасной для конфиденциальных личных данных среды.

Несанкционированный доступ к пользовательским аккаунтам. Нарушение неприкосновенности жилища (несанкционированное проникновение), имеющее место в обычной жизни, независимо от причинения иного вреда, уже образует уголовно наказуемое деяние в соответствии с национальным законодательством многих государств. Когда эти государства определяли последствия незаконного проникновения в цифровом пространстве, многие из них установили уголовную ответственность за такие действия как за несанкционированный доступ к информационным системам, информационным ресурсам и сведениям об учетной записи.

С момента появления несанкционированного доступа установлено разграничение между обычным и вредоносным «взломом» аккаунта. Обычным «взломом» считается несанкционированный доступ, за которым не следует повреждение или незаконное использование информации. Вредоносный «взлом» аккаунта может использоваться для совершения других преступлений, в том числе хищения кредит-

ной информации, преследования законных владельцев, мошеннических действий в социальных сетях, приобретения конкурентных преимуществ, незаконного обогащения, угроз общественной безопасности и даже террористической деятельности.

В то же время зачастую последствия обычного взлома аккаунта и несанкционированного доступа к личной информации могут влечь значительно более тяжкие последствия для пользователей социальных сетей. Доступная злоумышленникам социально-демографическая информация, персональные данные, финансово-экономические сведения, конкретная характеристика распорядка дня и особенностей поведения лиц делают их потенциальными жертвами различных преступлений, поскольку значительно облегчают их отслеживание, поиск и преследование, а в крайних случаях – похищение и убийство.

Дилеммы всеобщей анонимности пользователей. Существуют различные решения по обеспечению защиты личной информации в социальных сетях. В зависимости от требований национальных правовых систем государств такие решения можно объединить в два подхода. Первый подход основан на анонимности пользователей, а второй – на их реальной идентификации. В действительности оба подхода существуют как идеальные модели, плюсы и минусы которых будут рассмотрены далее.

Анонимность в социальных сетях – это наиболее спорная тема, которая охватывает широкий спектр юридических вопросов. Правозащитные организации настаивают на анонимности пользователей, потому что в противном случае подлинные личные данные пользователей находятся в прямом и беспрепятственном доступе и могут быть незаконно использованы государственными структурами, корпорациями, преступниками и пранкерами, что приведет к онлайн-цензуре и нарушению свободы слова, к массовой и целенаправленной слежке и сбору данных, к ущемлению интересов гражданского общества (Kaue, 2015, p. 3). Можно согласиться с тем, что анонимность пользователя обеспечивает свободу выражения мнений, защиту пользователей от незаконной деятельности и сохранение конфиденциальных данных.

«Шифрование и анонимность пользователя – сегодня это ведущие средства обеспечения онлайн-безопасности, позволяющие защитить свою частную жизнь, дающие возможность просматривать, читать и обмениваться информацией без чье-то бы то ни было вмешательства любым пользователям, в том числе журналистам, организациям гражданского общества, представителям этнических и религиозных групп, преследуемых из-за их сексуальной ориентации или гендерной идентичности, активистам, ученым, художникам и другим, кто пытается осуществить свои права на свободу мнения... Методы шифрования и анонимности личности, повышение компетентности пользователей в их применении следует поощрять» (там же, р. 21).

При всех достоинствах анонимность пользователя не всегда играет конструктивную роль в вопросах поддержания общественного порядка, и в этом ключе анонимность в Интернет-пространстве обсуждается уже долгое время. При обеспечении конфиденциальности анонимность также вызывает различные проблемы. С точки зрения интересов безопасности анонимность киберпространства значительно затрудняет отслеживание пользователя правоохранительными органами. Установлено, что наряду с этим сетевая анонимность способствует формированию криминальной мотивации одних пользователей при одновременной виктимизации других пользователей, что требует от правоохранительных органов решения этих проблем на разных уровнях доступа к информации, включая закрытые технологии (Li, 2014). Высокие коммуникативные возможности в сочетании с анонимностью пользователя в Интернете усыпляют бдительность и всегда облегчают совершение преступления. В многочисленных уголовных делах о преступлениях, подготовка или совершение которых осуществлялись с использованием Интернета (например, стalkerы и убийцы, осуществляющие обнаружение, преследование и домогательство жертв), преступник чаще всего действовал анонимно. Кроме того, ресурсы Интернета, в частности социальные сети, активно используются международным терроризмом (Weisburd, 2011; UNODC, 2012).

Сегодня общение с «друзьями» из социальных сетей затруднительно в усло-

виях полной анонимности. Тем не менее вследствие природы социальных сетей опосредованные связи могут сохранить анонимность от начала до конца. С увеличением количества «слоев соединений» степень анонимности возрастает. Например, пользователь обычно в достаточной степени знает своего друга в социальных сетях. Они могут легко получить личную информацию друг о друге как оффлайн, так и онлайн. В дальнейшем сетевом общении «другом друга» или «коллегой коллеги» выступает тот, кто может иметь доступ к онлайн-информации пользователя, не имея при этом возможности получить такую информацию оффлайн из первых рук. Тенденция возрастает с увеличением «слоев соединений». В конце концов в статусе сетевых «друзей» или «коллег» пользователя могут находиться другие пользователи, вообще с ним не знакомые. В то время как одни пользователи используют свое настоящее имя и публикуют достоверную личную информацию, другие могут сохранять ту или иную степень приватности либо анонимности в среде друзей или коллег.

Анонимность при коммуникации в социальной сети, равно как и в оффлайн-сообществе, ущемляет тех, кто раскрывает свое реальное имя. В киберобществе это влияет на дифференциацию между добром и злом. Доказано, что многие отклонения, свойственные традиционному обществу, перекочевали в онлайн-структуру общества, образующие виртуальную реальность, а также и то, что в самой виртуальной реальности возникли многие отклонения, не существовавшие ранее. Установлено, что большинство таких отклонений, проявившихся онлайн, возникло внезапно. Таким образом, неверно полагать, что девиации всех этих «друзей» или «коллег» возникли исключительно в условиях анонимного нахождения в виртуальной реальности. Ближе к истине то, что многие из них уже изначально испытывали жадность, ненависть и страсть по отношению к тем или иным людям.

В традиционном обществе, как говорит пословица, друзья познаются в беде. Но сегодня анонимного сетевого «друга», добавленного через множественные опосредования, может интересовать ваша собственность, деньги и личная жизнь.

Виртуальная анонимность глубоко связана с киберпреступностью, так как она существенно снижает риск быть обнаруженным и пойманным (Li, 2005). Резонно утверждать, что сетевая анонимность стимулирует преступную мотивацию. После совершения преступления анонимность злоумышленника также препятствует его выявлению, раскрытию и расследованию.

Дилеммы всеобщей реальной идентификации пользователей. Реальная идентификация пользователя — это второй подход к обеспечению защиты личной информации в социальных сетях. Это означает, что учетные записи пользователей активируются только после проверки идентичности всех пользователей. Легитимные пользователи могут определить их реальные соединения только тогда, когда все пользователи подтвердили свою идентичность. При этом добросовестные пользователи не застрахованы от того, что их подлинная личная информация будет доступна лицам, использовавшим при регистрации недостоверную информацию, что также может квалифицироваться как вторжение в их частную жизнь. Таким образом, не существует абсолютной защиты личной информации реальных пользователей со стороны других пользователей, использующих поддельную информацию.

В Китае во многих онлайн-сервисах реализовано требование реальной идентификации пользователя. Самым новым актом в этой сфере являются обнародованные Китайским национальным Интернет-информационным бюро «Правила управления учетной записью в Интернете», вступившие в силу с 1 марта 2015 г., в соответствии с которыми «имена пользователей Интернет, упомянутые в этих правилах, относятся и к именам пользователей или лиц, зарегистрированных или используемых в блогах, микроблогах, сервисах мгновенного общения, форумах, комментариях и других подобных информационных Интернет-ресурсах» (статья 2 Правил управления именем учетной записи в Интернете).

Уже на протяжении более чем двух десятилетий китайское законодательство требует физического присутствия человека для открытия банковских счетов путем подтверждения его реального имени с помощью идентификационной карты. В управлении социальными сетями реальная

идентификация пользователя также строго необходима. Статья 5 названных правил требует, чтобы поставщики информационных интернет-услуг соблюдали принцип: «негласная реальная идентификация — первоначальный добровольный выбор», то есть требование к регистрации аккаунта получателя информационных интернет-услуг только после прохождения его физической аутентификации в реальном времени. Например, для регистрации личной платформы WeChat, на которой можно публиковать личные тексты, фотографии, аудио- и видеозаписи, пользователь должен связать собственную кредитную карту с аккаунтом WeChat. И хотя зарегистрировать обычную учетную запись WeChat гораздо легче, в том числе даже анонимно, учетная запись платформы WeChat требует строгой привязки к банковской информации пользователя*.

Реальная идентификация всех пользователей является идеальным способом защиты их частной жизни «от всех других пользователей, использующих недостоверную информацию». Тем не менее риски посягательств на частную жизнь также существуют и со стороны достоверно зарегистрированных пользователей. Угрозы неприкосновенности частной жизни не так очевидны в условиях, когда все пользователи в случайном порядке используют как подлинную, так и вымышленную информацию. Если же большинство лиц используют достоверную информацию, то поддельные сведения используют только нечистые на руку лица, при этом для пользователей первой группы возникают большие риски раскрытия их частной информации перед пользователями второй группы. Следовательно, система всеобщей реальной идентификации является эффективным, но не совершенным механизмом.

На международном уровне использование Интернета в борьбе с преступностью и терроризмом неизбежно включает в себя наблюдение и сбор информации, касающейся подозреваемых (UNODC, 2012, p. 14). Личная информация пользователей (персональные данные и сведения о личной жизни) должна быть защищена от незаконных посягательств. Условия законно-

* Удостовериться в этом требовании можно, посетив домашнюю страницу: URL: <https://mp.weixin.qq.com/>

го вмешательства в личную жизнь должны быть подробно описаны в национальном законодательстве, так же как должны быть установлены гарантии от связанных с этим злоупотреблений (там же).

Конечно, когда мы говорим о всеобщей реальной идентификации пользователей в Китае, мы должны учитывать цель такой системы. В первую очередь это пресекает публикацию пользователями анонимных политических текстов, лишает пользователей возможности злоупотреблять услугами и, если это все-таки произойдет, нарушитель может быть легко обнаружен и реально идентифицирован. Осознавая и принимая риски посягательств на конфиденциальность пользователей, государственные структуры эффективно распознают и контролируют любые неблагоприятные проявления, что в определенной степени защищает самих пользователей. Как бы то ни было, в таком подходе еще много проблемных, нерешенных вопросов.

Выводы. Как было показано, социальные сети стали центральным элементом жизни современных людей. Естественно, что обычные общественные явления и процессы также проникают в сетевое пространство. Наряду с новыми возможностями для общения и сотрудничества социальные сети создают для пользователей риски и опасности посягательств на их жизнь, здоровье, имущество.

Защита личной информации всегда была важна при подключении к компьютеру, в том числе и в социальной сети. Помимо сознательного активного раскрытия личной информации из-за недооценки угроз существует и пассивное разглашение конфиденциальной информации, что гораздо чаще сопровождается функционированием социальных сетей. Социальные сети подвергаются различным посягательствам, связанным с

несанкционированным доступом к счетам, «взломом» и нарушением неприкосновенности частной жизни, а также злоупотреблением анонимностью пользователей. Социальные сети повлекли как известные, так и новые посягательства на частную жизнь, связанные с ранее существовавшими и новыми методами их совершения.

Существуют различные способы обеспечения неприкосновенности личной информации в социальных сетях. В зависимости от национального права такие решения объединены авторами в два подхода: анонимность пользователей и реальная идентификация пользователей. В действительности оба подхода сопровождают дилеммы в области защиты пользовательской информации и пользования услугами. Ситуация дополнительно осложняется значительными различиями в социально-культурных традициях пользователей и политико-правовых концепциях государств, гражданами которых они являются.

Сказанное делает невозможным создание транснациональных правил в условиях различий в национальном законодательстве. Международная инициатива здесь зависит от лучшего способа защиты конфиденциальности и более успешного правоприменения. На вопрос о том, должна ли такая защита основываться на анонимности пользователя или требовать всеобщей реальной идентификации, может ответить только практика.

Благодарности. Авторы высоко ценят помощь и выражают признательность профессору Профессионального колледжа полиции Монголии (Хух-Хото) Ли Чжишену и профессору Столичного университета экономики и бизнеса (Пекин) Чжан Сину за тестирование доступности социальных сетей в Китае.

References

1. Ai, H., Maiga, A. & Aimeur, E. (2009). Privacy Protection Issues in Social Networking Sites. In Proceedings of The 7th IEEE/ACS International Conference on Computer Systems and Applications, AICCSA 2009, Rabat, Morocco, May 10-13, 2009. doi: 10.1109/AICCSA.2009.5069336.
2. Boyd, D. & Ellison, N. (2007). Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13 (1), article 11.
3. China National Internet Information Office. (2015). Internet User Account Name Management Regulations. Beijing: China National Internet Information Office.
4. Doyle, J. (2012). A Facebook crime every 40 minutes: From Killings to Grooming as 12,300 Cases Are Linked to the Site. Retrieved 30 May, 2015. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2154624/A-Facebook-crime-40-minutes-12-300-cases-linked-site.html>

5. FBI (The Federal Bureau of Investigation). (2015). Internet Social Networking Risks. Retrieved 30 May 2015. Available at: <http://www.fbi.gov/about-us/investigate/counterintelligence/internet-social-networking-risks>
6. He, L. & Ma, Y. (2014). Liyong Weixin Fanzui Anjian Pinfa, Guangdong Fayuan Jianyi SHiming Renzheng. People's Daily. 11 August, 2014, p. 4.
7. International Telecommunication Union (ITU). (2015). ICT Facts & Figures 2015. Switzerland: International Telecommunication Union.
8. Kaye, D. (2015). Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression. Geneva, Austria: The United Nations Human Rights Council 29th Session.
9. Li, X. (2008). Cybercrime and Deterrence: Networking Legal Systems in the Networked Information Society, doctoral dissertation, Turku, Finland: University of Turku, Faculty of Law.
10. Li, X. (2009). Social Order in Cyberspace. Hyderabad, India: ICFAI University Press.
11. Li, X. (2014). Phenomenal Exploration into Impact of Anonymity on Law and Order in Cyberspace. *Kriminologija i socijalna integracija*, vol.22, no. 2. pp. 102-123.
12. Pew Research Center. (2015). Social Networking Fact Sheet. Retrieved 30 May, 2015. Available at: <http://www.pewinternet.org/fact-sheets/social-networking-fact-sheet/>
13. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). (2012). The Use of the Internet for Terrorist Purposes. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.
14. Weisburd, A. A. (2011). Jihadist Use of Social Media: How to Prevent Terrorism and Preserve Innovation, testimony of A. Aaron Weisburd, Director, Society for Internet Research, before the United States House of Representatives Committee on Homeland Security, Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence, 6 December 2011.

ЗИГМУНТ О.А., SIEGMUNT O.A.,
 PhD, доцент, PhD in Criminology, associate professor,
 olga.siegmunt@uni-hamburg.de olga.siegmunt@uni-hamburg.de
 ХафенСити университет Гамбурга; HafenCity University Hamburg,
 20457, Überseeallee 16, 20457, Hamburg,
 Федеративная Республика Германия, Federal Republic of Germany
 г. Гамбург, Юберзееаллее, 16

ПЕТРОВСКИЙ А.В., PETROVSKIY A.V.,
 кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
 anton-petrovski@yandex.ru associate professor,
 anton-petrovski@yandex.ru
 Кафедра уголовного права и криминологии; Chair of criminal law and criminology;
 Кубанский государственный университет, Kuban State University,
 350040, г. Краснодар, Stavropolskaya St. 149, Krasnodar, 350040,
 ул. Ставропольская, 149 Russian Federation

КИБЕР- И ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНОСТЬ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Реферат. Проводится сравнительный анализ российского и германского уголовного законодательства, устанавливающего признаки и иные особенности преступлений в кибер- и интернет-сфере. Федеральным управлением уголовной полиции ФРГ определено, что киберпреступность включает все преступления, совершаемые с использованием оборудования для сбора, обработки и передачи информации или средств связи, либо совершаемые в отношении них, где в узком смысле она включает такие деяния, в которых центральную роль играет использование элементов электронной обработки данных. Уголовное законодательство Германии не предусматривает отдельной главы и классически относит большинство указанных деяний к имущественным преступлениям. Российский законодатель дает определение кибер- и интернет-преступности путем кодификации норм, предусматривающих деяния, перечисленные в главе 28 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Описываются определения кибер- и интернет-преступлений, содержащиеся в международно-правовых документах. В Конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях рассматриваются вопросы криминализации деяний, направленных против компьютеров или совершенных при их помощи. В Германии было проведено два объемных виктимологических исследования, в которых изучался, в частности, и опыт пострадавших от кибер- и интернет-преступлений. В этих проектах респонденты опрашивались по четырем видам кибер- и интернет-преступлений: ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет, фишингу, фармингу и компьютерному мошенничеству. На примере ущерба, причиненного использованием вредоносного программного обеспечения, рассматривается сходство и различия формулировок во всех четырех анализируемых в этой статье источниках: Конвенции Совета Европы, российском и германском законодательстве и криминологических опросах.

Ключевые слова: киберпреступность; интернет-преступность; криминологическое исследование; сравнительный анализ; Россия; Германия.

CYBER AND INTERNET CRIME IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY AND THE RUSSIAN FEDERATION: POSSIBILITIES FOR A COMPARATIVE RESEARCH

Abstract. The paper provides the comparative analysis of Russian and German criminal legislation concerning the characteristics and particular features of cyber and internet crimes. The Federal Criminal Police Department of Germany determines that cyber crime includes all crimes committed with the use of information and communication technologies or crimes against such technologies. Cyber crime includes acts where full or partial use of electronic data processing elements plays a central role. German criminal legislation doesn't contain a separate chapter concerning cyber and computer crimes, and classifies most of these acts as property crimes. Russian legislation defines cyber and internet crime by codification of norms provided in Chapter 28 of the RF Criminal Code ("Crimes in the sphere of computer information"). The definitions of cyber and internet crimes contained in international legal

documents are described by the authors. For instance, Council of Europe Convention on Cybercrime addresses the issues of criminalization of acts wherever a computer is a target or a tool in a crime. Two victimological studies were conducted in Germany in the last few years. In particular, the experience of victims of cyber and internet crimes was examined. Respondents were asked about four kinds of cyber and internet crimes: damages caused by using malware, phishing, pharming, and computer fraud. The similarities and differences of the wordings of all four sources analyzed in this article – Council of Europe Convention on Cybercrime, Russian and German criminal legislation, criminological surveys – are considered by the example of damages arising from the use of malware.

Keywords: cyber crime; internet crime; criminological research; comparative analysis; Russia; Germany.

Эмпирическое исследование кибер- и интернет-преступности обусловлено эволюцией преступного профессионализма – использованием новых компьютерных технологий преступниками при совершении деяний, признаки которых не содержатся в уголовно-правовых нормах [1], а также отставанием уголовного законодательства европейских государств и России от криминальной действительности, порождающей высокую латентность и незащищенность граждан [2]. В литературе используются различные понятия: кибер-, интернет-, компьютерная, цифровая преступность, или преступления в сфере компьютерной информации. В настоящей статье предлагается использовать понятие кибер- и интернет-преступности.

Под кибер- и интернет-преступностью мы понимаем совокупность совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени преступных деяний, предметом которых выступают компьютерные сети, компьютерное программное обеспечение, носители компьютерной информации, сетевая информация, а средством совершения являются компьютерная техника либо компьютерные, электронно-информационные технологии.

В Конвенции Совета Европы N 185 о компьютерных преступлениях, подписанной 23 ноября 2001 г. в Будапеште* (далее – Конвенция), рассматриваются вопросы криминализации деяний, направленных против компьютеров или совершенных при их помощи. Здесь выделяются четыре группы правонарушений: 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, 2) правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств, 3) правонарушения, связанные с содержанием данных, 4) правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

Группа преступлений против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем включает в себя неправомерный преднамеренный доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части (ст. 2 Конвенции), неправомерный перехват компьютерных данных (ст. 3); противоправное воздействие на компьютерные данные (повреждение, удаление, ухудшение качества, изменение или блокирование) (ст. 4); противоправное создание серьезных помех функционированию компьютерной системы (путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокирования компьютерных данных) (ст. 5); противозаконное использование устройств (ст. 6).

Группа правонарушений, связанных с использованием компьютерных средств, включает в себя подлог (фальсификацию данных) с использованием компьютерных технологий (ст. 7) и мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8).

Группа правонарушений, связанных с содержательной стороной данных, включает в себя правонарушения, связанные с производством, распространением, предоставлением в пользование, приобретением и владением порнографической продукцией с участием детей (ст. 9).

Группа правонарушений, связанных с нарушением авторского права и смежных прав, включает в себя деяния, которые совершаются умышленно, в коммерческом масштабе и при помощи компьютерной системы (ст. 10).

В январе 2003 года был принят дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации, цель которого заключалась во введении уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем.

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Положения Конвенции являются первой попыткой определения нормативного поля компьютерной преступности на межгосударственном уровне и носят рекомендательный характер для стран-участников. Государства, подписавшие эту Конвенцию, вправе сами определять уровень мер наказания в отношении правонарушителей. Это могут быть как уголовно-правовые или административные меры, так, например, и меры технического характера.

Из 47 стран – участниц Совета Европы Конвенцию ратифицировали 39 и подписали еще 6 стран*. Российская Федерация Конвенцию не подписала, Федеративной Республикой Германия она была подписана в ноябре 2001 г., а ратифицирована в марте 2009 г.

По определению Федерального управления уголовной полиции ФРГ, киберпреступность охватывает все преступления, совершаемые с использованием оборудования для сбора, обработки и передачи информации или средств связи, или совершаемые в отношении них, где в узком смысле она включает такие деяния, в которых центральную роль играет использование элементов электронной обработки данных [3, с. 5].

Уголовное законодательство Германии не предусматривает отдельной главы и классически относит большинство анализируемых деяний к имущественным преступлениям. При этом персональный компьютер и компьютерные технологии используются в качестве средства или предмета совершения преступления. Виды преступных деяний, формирующие так называемую киберпреступность, включают в себя: 1) мошенничество с использованием компьютера; 2) мошенничество в отношении права доступа к средствам коммуникации; 3) фальсификацию данных, существенных для доказательств, введение в заблуждение при оформлении правовых отношений посредством обработки данных; 4) изменение данных, компьютерную диверсию; 5) шпионаж данных; пиратство в отношении программного обеспечения (включая посягательства) [4, с. 5].

* Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://www.coe.int/de/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185/signatures> (по состоянию на 10 нояб. 2015 г.).

Киберпреступность в широком смысле классифицируется по признаку роли в правоотношении персонального компьютера и Интернета, поэтому можно выделить преступления, направленные против компьютера или интернет-сети или совершенные с использованием компьютера либо Интернета [5].

В немецкой юридической науке выделяются, например, следующие составы киберпреступлений:

1) преступления, совершенные посредством высказываний (включая распространение порнографии (§ 184ff. УК ФРГ), изображение насилия (§ 131 УК ФРГ), нанесение оскорблений (§ 185ff. УК ФРГ), экстремистская пропаганда (§§ 130, 86, 86a УК ФРГ);

2) вторжение в личную сферу (включая нарушение конфиденциальности (§ 201 УК ФРГ), нарушение личной сферы жизни посредством произведения съемок (§ 201a УК ФРГ), преследование (§ 238 УК ФРГ);

3) мошенничество и компьютерное мошенничество (включая мошенничество (§ 263 УК ФРГ) и компьютерное мошенничество (§ 263a УК ФРГ);

4) атаки программного и аппаратного обеспечения (включая хищение (компьютерной) информации (§ 202a УК ФРГ), перехват данных (§ 202b УК ФРГ), подготовку к хищению (компьютерной) информации и перехвату данных (§ 202c УК ФРГ), изменение данных (§ 303a УК ФРГ), компьютерную диверсию (§ 303b УК ФРГ);

5) подделка документов при помощи компьютера (включая подделку документов (§ 267 УК ФРГ), фальсификацию данных, существенных для доказательств (§ 269 УК ФРГ), фальсификацию технических данных, записанных в память на электронных носителях (§ 268 УК ФРГ);

6) прочие компьютерные преступления (включая получение выгоды от выполненной работы обманным путем (§ 265a УК ФРГ), азартные игры (§ 284ff. УК ФРГ), повреждение устройств телекоммуникации (§ 317 УК ФРГ) [6].

Российский законодатель дает определение кибер- и интернет-преступности лишь посредством кодификации деяний, перечисленных в главе 28 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Сюда относятся три состава преступлений: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272

УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ).

Реальность киберпреступности опережает активность законодателя, поэтому многие авторы предлагают расширить список преступлений, относящихся к этой категории. Так, некоторые авторы выделяют только те составы преступлений, при которых Интернет может быть использован для совершения непосредственно общественно опасного деяния [7, с. 52].

В целом российские ученые определяют интернет- и киберпреступность как совокупность преступных деяний, связанных с использованием компьютеров, информационных технологий и глобальных сетей [8, с. 46], однако есть предложения отнести к данным деяниям всю информационную сферу [9, с. 136-139] либо делить киберпространство в зависимости от количества пользователей, технических особенностей на широкое и узкое, где киберпреступность в широком понимании – это все преступные деяния в сети, а в узком – это преступные деяния в сетях, не включенных в глобальную сеть Интернета [10], и т.д.

Наша собственная идея расширения перечня кибер- и интернет-преступлений включает объединение их по предмету и средству совершения преступления, а именно:

1) деяния, направленные на незаконное завладение, изъятие, уничтожение либо повреждение компьютерных программ, содержащих информацию, либо сетей и носителей информации как таковых, где компьютерная информация является предметом преступного посяательства: нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283.1 УК РФ); внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3 УК РФ);

2) преступления, направленные на получение несанкционированного доступа

к компьютерной информации, модификацию, предполагающую неправомерное использование компьютерных программ и сетей либо распространение вредоносных программ, т.е. предметом преступного посяательства является нормальная деятельность программного обеспечения и компьютерных сетей: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ);

3) преступления, в которых компьютеры и другие средства компьютерной техники используются в качестве орудия или средства совершения преступлений и умысел виновного лица направлен на причинение вреда личности, общественному порядку, нравственности, завладение чужим имуществом путем использования программного обеспечения, компьютерных либо телекоммуникационных сетей: клевета (ст. 128.1 УК РФ); нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ); вымогательство (ст. 163 УК РФ); незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ); неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ); публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ); незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ); изготовление и оборот материалов и предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ); организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ); организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2

УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ).

За два года в Германии было проведено два объемных виктимологических исследования, в ходе которых изучался и опыт пострадавших от кибер- и интернет-преступлений. Первый опрос – «Барометр безопасности в Германии»* – был проведен Высшим управлением полиции Германии при сотрудничестве с шестью исследовательскими институтами и университетами [11, с. 171] в период с июня 2010 г. до мая 2013 г.** Второй опрос – «Безопасность и преступность в Нижней Саксонии»*** – был проведен Высшим управлением полиции земли Нижняя Саксония в феврале – марте 2013 г.****

В этих проектах респонденты опрашивались по четырем видам кибер- и интернет-преступлений: ущерб, нанесенному использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет, фишингу, фармингу и компьютерному мошенничеству. Вопросы были сформулированы следующим образом.

1. Ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет:

– произошло заражение компьютера, потеря данных или был нанесен ущерб и устранение этих проблем потребовало больших затрат (независимо от того, произошло ли это из-за вирусов, «червей»

* «Barometer Sicherheit in Deutschland – BaSiD».

** Опрос граждан проводился по телефону, использовались как существующие домашние номера, так и генерированные по принципу случайности номера мобильных телефонов. Вся выборка включает основную выборку (репрезентативную для всех земель), дополнительную выборку (в пяти землях) и ономастическую выборку (только граждане турецкого происхождения) [12]. Окончательная выборка включает в себя в общей сложности 35 503 опрошенных. Доля участия составила соответственно: 19,4 % основной выборки, 20,9 % дополнительной выборки и 15,9 % ономастической выборки [11].

*** «Sicherheit und Kriminalität in Niedersachsen».

**** Граждане опрашивались при помощи анкет, которые рассылались по почте. Первоначальную выборку составляли 40 000 респондентов, доля участия составила 47 %, окончательная выборка включила 18 940 лиц [11; 13].

или «троянов») («Барометр безопасности в Германии»);

– компьютер умышленно заражался вирусами, «червями» или «троянами» и это повлекло за собой потерю данных или материальный ущерб («Безопасность и преступность в Нижней Саксонии»).

2. Фишинг:

– получение электронной почты с фальшивым адресом отправителя, в которой респондента настоятельно просили указать конфиденциальные данные клиента, например номер счета, PIN-код или код для выполнения банковских операций в режиме онлайн («Барометр безопасности в Германии»);

– респондент ввел свои данные, например номер счета или PIN-код, после получения электронной почты с фальшивым адресом отправителя, в которой его настоятельно просили их указать («Безопасность и преступность в Нижней Саксонии»).

3. Фарминг:

– перенаправление на фальшивую интернет-страницу, на которой респондент при регистрации должен был ввести (или вводил) персональные данные доступа, как, например, при онлайн-банкинге («Барометр безопасности в Германии»).

Респондента перенаправили на фальшивую интернет-страницу, на которой респондент при регистрации вводил данные необходимые для доступа, как, например, при онлайн-банкинге («Безопасность и преступность в Нижней Саксонии»).

4. Компьютерное мошенничество:

– при использовании Интернета путем злоупотребления доверием респондента ему был нанесен материальный ущерб («Безопасность и преступность в Нижней Саксонии»).

В начале 2015 года была реализована вторая волна опроса «Безопасность и преступность в Нижней Саксонии». В исследовании принимали участие, кроме Нижней Саксонии, также Мекленбург-Передняя Померания и Шлезвиг-Гольштейн. Кибер- и интернет-преступности была посвящена большая часть проекта. Помимо видов преступлений, по которым уже проводился опрос, в анкету были включены и новые вопросы. Они задавались в общей сложности по девяти видам компьютерных преступлений.

1. Ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет:

– мой компьютер был до такой степени заражен вирусами, «червями» или «троянами», что это повлекло за собой потерю данных или материальный ущерб.

2. Неправомерное использование персональных данных при пользовании Интернетом:

– мои персональные данные были неправомерно использованы при пользовании Интернетом (например, кража CVV-кода (Card Verification Value) и номера банковской карты, данных кредитной карты, неправомерное использование права доступа к компьютеру, кража денег с виртуального счета или электронного почтового ящика – в случаях кроме онлайн-банкинга).

3. Хакерская атака:

– на мой онлайн-банкинг была совершена хакерская атака.

4. Компьютерное мошенничество:

– при использовании Интернета было злоупотреблено моим доверием, вследствие чего я понес материальный ущерб; мошенничество при покупке или продаже изделий или товаров через компьютерную сеть Интернет.

5. Вымогательство или блокировка прибора:

– Вы пострадали от вымогательства или блокировки прибора.

6. Абонементные ловушки интернет-провайдеров:

– Вы пострадали от интернетной абонемент-ловушки.

7. Сталкинг (преследование):

– Вы стали жертвой сталкинга (намеренное и неоднократное преследование и обременение своим присутствием или вниманием).

8. Сексуальные домогательства и потребность к действиям сексуального характера:

– Вы пострадали от сексуальных домогательств или Вас понуждали к действиям сексуального характера (например, требование вступления в сексуальные отношения, комментарии сексуального характера).

9. Психологическое насилие:

– Вы стали жертвой психологического насилия (например, посредством фо-

тографий, постановки в неловкое положение, угроз).

В повторном исследовании два вида преступлений – ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет, и компьютерное мошенничество – были полностью взяты из предыдущего исследования. По результатам первого исследования, от них пострадало основное количество жителей, 9,9 % и 2,9 % соответственно [2]. От фишинга и фарминга пострадали соответственно 0,4 % и 0,9 % жителей [2]. О причинах столь редкого упоминания респондентами двух последних преступлений можно только догадываться. Это может быть связано, во-первых, с тем, что люди редко становятся жертвами этих деяний, во-вторых, с субъективным восприятием респондентами собственного виктимного опыта, когда они не воспринимают произошедшее с ними как преступный акт.

Каковы бы ни были причины, вопросы о фишинге и фарминге в анкете больше не задавались. Вместо этого был включен вопрос о неправомерном использовании персональных данных при пользовании Интернетом, который отчасти отражает содержание фишинга и фарминга, но ограничивает пространство действия деяниями, не связанными с онлайн-банкингом. Вопросы по остальным шести видам преступлений были введены в анкету впервые.

Ряд преступлений, изученных в ходе виктимологического опроса, встречаются в перечне Конвенции. Так, например, неправомерное использование персональных данных при пользовании Интернетом соответствует содержанию ст. 3 Конвенции «Неправомерный перехват компьютерных данных» или компьютерное мошенничество соответствует содержанию ст. 8 Конвенции «Мошенничество с использованием компьютерных технологий». Тем не менее правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав, как и правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, с содержательной стороны представлены лишь частично. Как и исследования пользования респондентами порнографической продукцией в Интернете.

Проведение виктимологических исследований может позволить законодателям и правоприменителям более четко

сформулировать элементы составов кибер- и интернет-преступлений, расширить границы судебного толкования норм уголовного кодекса и провести первоначальную унификацию с уголовным законодательством европейских государств в рамках разрабатываемого проекта уголовного кодекса ЕС.

Для проведения международных исследований кибер- и интернет-преступности необходима общая содержательная база для всех стран-участниц. Идеальным вариантом для этого могла бы стать классификация деяний на основе Конвенции Совета Европы.

В отличие от российского уголовного законодательства все виды киберпреступности, признаваемые таковыми как в узком, так и в широком смысле в Германии, в той или иной форме встречаются в списке Конвенции.

В дальнейшем в качестве примера рассмотрим формулировки ущерба, нанесенного использованием вредоносного программного обеспечения во всех четырех анализируемых в этой статье источниках: Конвенции Совета Европы, российском и германском законодательстве и криминологических опросах.

В Конвенции вредоносное программное обеспечение понимается как средство, способствующее совершению компьютерных преступлений, а его использование не является отдельным правонарушением*. Так, Организация европейского сотрудничества и развития (OECD) определяет его как общее понятие, употребляемое для обозначения программного обеспечения, внедренного в информационную систему для причинения вреда этой или другим системам, или же для его использования в иных целях, нежели те, для которых оно предназначалось их владельцами; вредоносное программное обеспечение может получить дистанционный доступ к информационной системе, записать и отправить данные с этой системы третьим лицам без разрешения и знания пользователя, скрыть, что информационная система была подвержена опасности, сделать непригодными меры безопасности, повредить информационную систему или другим образом оказать воздействие на данные и целостность системы [14, с. 10].

* См. Методическую рекомендацию о новых видах вредоносных программ.

В Конвенции намеренно не уточняются конкретные виды вредоносного программного обеспечения, например вирусы, «трояны» или «черви», поскольку его виды быстро дополняются новыми, а уже существующие перестают использоваться и поэтому быстро устаревают.

Использование вредоносного программного обеспечения является в соответствии с Конвенцией не отдельным правонарушением, а средством совершения преступлений и правонарушений. Так, вредоносные программы могут использоваться для получения доступа к компьютерным системам (ст. 2), для осуществления перехвата компьютерных данных (ст. 3), вызывают повреждение, удаление, порчу, изменение или же стирание компьютерных данных (ст. 4) и т.д.

Уголовный кодекс ФРГ не содержит отдельного состава преступления о создании, распространении или использовании вредоносного программного обеспечения. В статье 273 УК РФ вредоносное программное обеспечение определяется как компьютерные программы либо иная компьютерная информация, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств защиты компьютерной информации. Здесь, как и в Конвенции, не упоминаются отдельные виды, но создание, распространение или использование таких программ выделены в отдельный состав преступления.

В виктимологических опросах дается однозначное определение видов вредоносного программного обеспечения — вирусы, «черви» или «трояны». Употребление этих видов обусловлено тем, что они являются наиболее распространенными и известны практически всем пользователям компьютеров и Интернета. Этот факт способствует быстрому пониманию содержания вопроса респондентами. Содержание такого деяния, как ущерб, нанесенный использованием вредоносного программного обеспечения через Интернет, по большей части отражено в статьях 303a (изменение данных) и 303b (компьютерная диверсия) Уголовного кодекса ФРГ.

Итак, данная статья представляет собой первый шаг на пути к эмпирическому исследованию кибер- и интернет-преступ-

лений в международном контексте. Трудность проведения такого исследования в рамках даже одного государства связана, например, со сложностью найти точные формулировки деяний, которые верно отражают составы преступлений, описанные в уголовном законодательстве страны. Для получения объективного результата и проведения сравнительных исследований необходимо к кибер- и интернет-преступности отнести совокупность преступных деяний, в которых предметом выступают компьютерные сети, компьютерное программное обеспечение, носители компьютерной информации, сетевая информация, а средством совершения являются компьютерная техника либо компьютерные, электронно-информационные технологии, совершенных на определенной территории за промежуток времени.

Необходимо отметить наличие и в германском, и в российском уголовном законодательстве, ответственности за хищение имущества и причинение иму-

щественного вреда путем модификации результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы, что позволяет изучать по аналогии данные составы в рамках криминологических исследований. Однако, высока вероятность трудности проведения такого рода исследований, потому что сфера пользования компьютерами и Интернетом очень быстро развивается, как изменяются виды и формы преступной деятельности. Уголовное законодательство стран не всегда своевременно реагирует на общественно опасные изменения. В связи с этим процессы криминализации и кодификации деяний не всегда смогут точно отражать общественную реальность и могут значительно различаться между странами, как, например, между Россией и Германией. Удачным решением в таком случае может быть ориентация на принятые на международном уровне определения кибер- и интернет-преступлений, зафиксированные в Конвенции Совета Европы.

Список литературы

1. Тропина Т.Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. N 3. С. 86-95.
2. Зигмунт О.А. Компьютерная преступность в Германии // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: сб. материалов междунар. Балтийской криминолог. конф. Ч. 1. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 157-159.
3. Bundeskriminalamt (Hrsg.) (2011). Cybercrime: Bundeslagebild 2011. Bundeskriminalamt: Wiesbaden, S. 5.
4. Bundeskriminalamt (Hrsg.) (2013). Cybercrime: Bundeslagebild 2013. Bundeskriminalamt: Wiesbaden, S. 5.
5. Marbeth-Kubicki, A. (2010). Computer- und Internetstrafrecht. München: Verlag C.H. Beck.
6. Hilgendorf, E., Valerius, B. (2012). Computer- und Internetstrafrecht. Heidelberg [u.a.]: Springer.
7. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.
8. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. N 24. С. 46-52.
9. Фоменко А.И. Криминологические проблемы создания российской системы борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 18. С. 136-139.
10. Побегайло А.Э. Кибертерроризм как актуальная криминологическая и уголовно-правовая проблема // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна: сб. материалов междунар. Балтийской криминолог. конф. Ч. 1. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 82-83.
11. Siegmunt, O., Gluba, A. (2014). „...die im Dunklen sieht man nicht“. Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform, 97 (2), S. 169-174.
12. Schiel, S., Dickmann, C., Gilberg, R., Malina, A. (2013). Repräsentative Bevölkerungsbefragung im Rahmen des BaSiD-Teilvorhabens „Sicherheitsgefährdungen durch Kriminalität“. Methodenbericht. Bonn: infas.
13. Landeskriminalamt Niedersachsen (Hrsg.) (2013). Befragung zu Sicherheit und Kriminalität in Niedersachsen: Bericht zu Kernbefunden der Studie. Hannover.
14. OECD (2007). Malicious Software (Malware): A Security Treat to the Internet Economy (Online-Resource: <http://www.oecd.org/sti/40724457.pdf/>).

References

1. Tropina T.L. *Bor'ba s kiberprestupnost'yu: vozmozhna li razrabotka universal'nogo mekhanizma?* [Fighting cybercrime: whether it is possible to develop a universal mechanism?]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* – International justice, 2012, no. 3, pp. 86-95.

2. Siegmunt O.A. *Komp'yuternaya prestupnost' v Germanii* [Computer crime in Germany]. *Prestupnost' i sotsial'nyy kontrol' v obshchestve postmoderna. Ch. 1* [Crime and social control in the postmodern society. Part 1]. St.-Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. Pp. 157-159.
3. Bundeskriminalamt (Hrsg.) (2011). *Cybercrime: Bundeslagebild 2011*. Bundeskriminalamt: Wiesbaden, S. 5.
4. Bundeskriminalamt (Hrsg.) (2013). *Cybercrime: Bundeslagebild 2013*. Bundeskriminalamt: Wiesbaden, S. 5.
5. Marbeth-Kubicki, A. (2010). *Computer- und Internetstrafrecht*. München: Verlag C.H. Beck.
6. Hilgendorf, E., Valerius, B. (2012). *Computer- und Internetstrafrecht*. Heidelberg [u.a.]: Springer.
7. Dremljuga R.I. *Internet-prestupnost'* [Internet crime]. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House, 2008.
8. Nomokonov V.A., Tropina T.L. *Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza* [Cyber crime as a new criminal threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* – Criminology: yesterday, today and tomorrow, 2012, no. 24, pp. 46-52.
9. Fomenko A.I. *Kriminologicheskie problemy sozdaniya rossiyskoy sistemy bor'by s prestupleniyami v sfere vysokikh tekhnologiy* [Criminological problems of creation of the Russian system of struggle against crimes in the sphere of high technologies]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* – Criminology: yesterday, today and tomorrow, 2010, no. 18, pp. 136-139.
10. Pobegaylo A.E. *Kiberterrorizm kak aktual'naya kriminologicheskaya i ugovovno-pravovaya problema* [Cyberterrorism as a relevant criminological and criminal legal problem]. *Prestupnost' i sotsial'nyy kontrol' v obshchestve postmoderna. Ch. 1* [Crime and social control in the postmodern society. Part 1]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. Pp. 82-83.
11. Siegmunt, O., Gluba, A. (2014). „...die im Dunklen sieht man nicht“. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, 97 (2), 169-174.
12. Schiel, S., Dickmann, C., Gilberg, R., Malina, A. (2013). *Repräsentative Bevölkerungsbefragung im Rahmen des BaSiD-Teilvorhabens „Sicherheitsgefährdungen durch Kriminalität“*. Methodenbericht. Bonn: infas.
13. Landeskriminalamt Niedersachsen (Hrsg.) (2013). *Befragung zu Sicherheit und Kriminalität in Niedersachsen: Bericht zu Kernbefunden der Studie*. Hannover.
14. OECD (2007). *Malicious Software (Malware): A Security Treat to the Internet Economy*. Available at: <http://www.oecd.org/sti/40724457.pdf>

ИМАНОВ И.А., IMANOV I.A.,
7252352@prokuror.kz 7252352@prokuror.kz
Прокуратура Южно-Казахстанской The Prosecutor's Office
области, of South Kazakhstan region,
160011, Республика Казахстан, Tauke Khan St. 97, Shymkent, 160011,
г. Шымкент, ул. Тауке-хана, 97 Republic of Kazakhstan

СИСТЕМА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Реферат. Дается характеристика системы правовых актов прокуратуры Республики Казахстан, которую образуют акты прокурорского надзора и акты, регулирующие вопросы организации и деятельности прокуратуры. Обосновывается тезис о том, что прямым показателем эффективности деятельности органов прокуратуры является качество выносимых ими правовых актов. Акты органов прокуратуры рассмотрены в их связи с прокурорским надзором за исполнением законов о противодействии коррупции. Проанализирован имеющийся опыт наиболее эффективных актов надзора. Отмечено, что протест как акт прокурорского надзора является одной из наиболее оперативных форм прокурорского реагирования на выявленные нарушения действующего законодательства Республики Казахстан. Показано, что акты прокурорского надзора – это наиболее явная, очевидная форма доведения до населения, заинтересованных физических и юридических лиц информации, связанной с проблемами соблюдения законности в той или иной сфере. В целях дополнения теоретического материала эмпирическими данными приведены примеры из проведенного автором в рамках диссертационного исследования анкетирования сотрудников центрального аппарата и территориальных подразделений органов прокуратуры Республики Казахстан. Сделан вывод о том, что разъяснение прокурором содержания закона должно быть приравнено к официальному толкованию. Внесено предложение о том, что следует законодательно предусмотреть ужесточение ответственности должностных лиц за неоднократное некачественное рассмотрение либо игнорирование прокурорских актов, а также о необходимости дополнить статью 8 Закона Республики Казахстан «О прокуратуре» основаниями, по которым могут быть отозваны акты реагирования, и четко определить категории актов, по которым необходимо обязательное согласование.

Ключевые слова: коррупция, органы прокуратуры, акты прокурорского надзора.

THE SYSTEM AND EFFECTIVENESS OF ACTS OF PROSECUTOR'S SUPERVISION IN FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. The characteristics of the system of legal acts of the Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan, which is constituted of acts of prosecutor's supervision and acts regulating the issues of organization and activities of Prosecutor's office is given. It's argued that an indicator of efficiency of the prosecuting authorities' activities is the quality of issued legal acts. The acts of prosecuting authorities are considered in their relation to the prosecutor's supervision over execution of laws on combating corruption. The existing experience of the most effective acts of supervision is analyzed. It's noted that the protest as prosecutorial supervision act is one of the most efficient forms of prosecutor's response to violations of the current legislation of Kazakhstan. It's shown that acts of prosecutor's supervision is the most obvious form of communicating information related to the problems of observance of law in a particular area to the public, physical and legal persons. In order to complement the theoretical material by empirical data, some examples of the survey of employees of the central apparatus and territorial divisions of the prosecuting authorities of Kazakhstan are given. It's concluded that the prosecutor's explanation of the law content should be equated with the official interpretation. It's proposed to toughen officials' responsibility for repeated poor quality examination or ignoring prosecutor's acts, as well as to supplement Article 8 of the Law of the Republic of Kazakhstan "On Prosecutor's Office" by the grounds for revoking the acts of response and to clearly define the categories of acts which need obligatory approval.

Keywords: corruption, prosecutor's office, acts of prosecutor's supervision.

Целью данного исследования является раскрытие особенностей системы правовых актов прокуратуры в структуре обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии

коррупции в Республике Казахстан (далее – РК).

В системе правоохранительных органов прокуратура занимает особое место. Ее функцией является надзор за реализацией

цией конституционной идеи демократического, правового и социального государства, получившей свое воплощение в действующем законодательстве. Данная идея реализуется в действиях государственных органов, которые должны создавать необходимые условия для обеспечения конституционных прав и свобод личности, законных интересов государства и юридических лиц.

Органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законности в стране независимо от статуса государственных органов и должностных лиц. Это закреплено в статье 83 Конституции РК: «Прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики. Прокуратура представляет интересы государства в суде, а также в случаях, порядке и в пределах, установленных законом, осуществляет уголовное преследование»*. Данная норма также содержится в Законе РК от 21 декабря 1995 г. N 2709 «О Прокуратуре»**.

Укажем, что прямым показателем уровня эффективности деятельности органов прокуратуры является качество выносимых ими правовых актов.

Правовые акты органов прокуратуры, по сути, являются актами политико-правового волеизъявления, вносимыми через особые надзорные органы посредством общеобязательных юридических норм и заявлений.

В статье 18 «Система правовых актов прокуратуры» (глава 3 «Правовые акты прокуратуры») Закона РК «О Прокуратуре» определено, что систему правовых актов прокуратуры составляют:

* Конституция Республики Казахстан. Алматы: LEM, 2012. 76 с.

** URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004024#sub_id=180000 (дата обращения: 20 марта 2015 г.).

1) акты прокурорского надзора: протест, постановление, предписание, заявление, санкция, указание, представление, обращение, предостережение, разъяснение закона;

2) акты, регулирующие вопросы организации и деятельности прокуратуры: приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции.

При этом акты прокурорского надзора, приостанавливающие действие нормативных правовых актов, подлежат опубликованию, а положения и инструкции прокуратуры утверждаются приказами соответствующих прокуроров.

Рассмотрим подробнее данные акты в связи с прокурорским надзором за исполнением законов о противодействии коррупции.

Статья 19 «Протест» Закона РК «О прокуратуре» регламентирует правовые отношения в части принесения протеста. Так, указано, что прокурор приносит протест на противоречащие Конституции, законам и актам Президента Республики нормативные и иные правовые акты, решения и действия государственных органов и должностных лиц. Это происходит в рамках надзорной деятельности и фактически является осуществлением функции правовой экспертизы.

Следует отметить, что Законом РК от 29 сентября 2014 г. N 239-V «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам разграничения полномочий между уровнями государственного управления»*** в Закон РК от 24 марта 1998 г. N 213-І «О нормативных правовых актах»**** внесены изменения в виде исключения антикоррупционной экспертизы как самостоятельного вида экспертных работ по действующим нормативным правовым актам и их проектам. В частности, в статье 22 Закона РК «О нормативных правовых актах» пункт 1 изложен в следующей редакции:

«1. По проектам нормативных правовых актов может проводиться научная экспертиза (правовая, лингвистическая, экологическая, финансовая и другая) в за-

*** URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31609276#sdoc_params (дата обращения: 20 марта 2015 г.).

**** URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009108 (дата обращения: 20 марта 2015 г.).

висимости от правоотношений, регулируемых данными актами.

По проектам нормативных правовых актов, вносимых на рассмотрение Парламента Республики Казахстан, проведение научной экспертизы в зависимости от регулируемых ими правоотношений обязательно, за исключением случаев внесения проектов законодательных актов в порядке законодательной инициативы Президента Республики Казахстан, когда научная экспертиза может не проводиться».

Эти поправки, внесенные в действующее законодательство, фактически поставили органы прокуратуры в положение единственного субъекта антикоррупционной экспертизы. Иначе говоря, исключительное право органов прокуратуры на принесение протеста на противоречащие Конституции, законам и актам Президента Республики нормативные и иные правовые акты, решения и действия государственных органов и должностных лиц, в том числе в части наличия коррупциогенных норм, означает, что анализ указанных выше актов, решений и действий должен включать в себя элементы антикоррупционной правовой экспертизы.

При этом протест как форма деятельности прокурора приносится в орган или должностному лицу, принявшим незаконный акт, решение, или в вышестоящий орган либо вышестоящему должностному лицу. В таком же порядке опротестовываются незаконные действия органа или должностного лица.

Это означает, что протест используется непосредственно для устранения выявленных недостатков и преследует цель восстановления нарушенных норм права. Если речь идет о противодействии коррупции, то устранение выявленных нарушений должно проводиться незамедлительно, что обеспечит нанесение наименьшего вреда и предупредит совершение новых коррупционных правонарушений.

Следует отметить, что протест прокурора подлежит рассмотрению соответствующим органом или должностным лицом в течение десяти календарных дней. Прокурор вправе установить иной срок рассмотрения протеста, обусловленный необходимостью подготовки и принятия по нему решения, но не менее десяти календарных дней. А сроки рассмотрения протеста в суде определяются законами Республики

Казахстан. При этом орган или должностное лицо обязаны известить прокурора о дате рассмотрения протеста.

Срочность рассмотрения протеста и регламентация обязательности извещения о факте и сроке рассмотрении принесенного протеста, указывают на важность обращения особого внимания со стороны должностных лиц, в том числе руководителей государственных органов, на акты, выносимые прокурором в области отмены и устранения последствий принятия незаконных акта, решения, совершения незаконных действий органа или должностного лица.

В связи с этим Законом РК «О Прокуратуре» предусмотрено, что в протесте прокурор требует отмены незаконного акта, либо приведения его в соответствие с Конституцией и законами, либо прекращения незаконного действия должностного лица и восстановления нарушенного права. Более того, прокурор вправе приостановить исполнение опротестованного акта либо действия до принятия решения по протесту. Однако при этом опротестование законов не приостанавливает их действие.

В целом следует отметить, что протест как акт прокурорского надзора является одной из наиболее оперативных форм прокурорского реагирования на выявленные нарушения действующего законодательства Республики Казахстан.

Статья 20 «Постановление» Закона РК «О Прокуратуре» регламентирует правовые отношения в части вынесения постановления. Так, указано, что прокурор, в зависимости от характера нарушения закона, выносит постановления по уголовному делу, о возбуждении дисциплинарного производства, производства об административном правонарушении. Прокурор выносит постановление о производстве проверки применения закона, о производстве выемки, досмотра, наложения ареста, об отмене или снятии мер запретительно-ограничительного характера, о приостановлении действия незаконного правового акта о принудительном исполнении требований прокурора, о доставлении (приводе), а также в иных случаях, предусмотренных законом.

Постановление прокурора как форма реагирования на выявленные нарушения законности и правопорядка имеет властно-распорядительное значение, устанавли-

ливающее обязательство физических или юридических лиц устранить выявленные нарушения законности и правопорядка.

В случае выявления коррупционного факта прокурор постановляет, что необходимо возбуждение производства в дисциплинарном, административном или уголовном порядке. В иных коррупционных случаях прокурор имеет право на инициирование проведения выемки, досмотра, ареста. Также может быть принято решение о том, что принятые меры запретительно-ограничительного характера не соответствуют действующему законодательству.

Следует отметить, что постановление прокурора подлежит обязательному исполнению уполномоченным органом или должностным лицом в установленный законом срок, а при отсутствии такового – в срок, установленный прокурором. О результатах исполнения постановления прокурору сообщается незамедлительно. Неисполнение постановления прокурора в установленные сроки влечет ответственность, предусмотренную законами Республики Казахстан.

Статья 21 «Санкция» Закона РК «О прокуратуре» устанавливает порядок реализации правовых отношений в части выдачи санкции. Прокурор дает санкцию (согласие) на обыск и (или) выемку в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в том числе негласных следственных действий, затрагивающих охраняемые Конституцией и законом права и интересы граждан, задержание иностранцев или лиц без гражданства для выдворения; доступ государственных органов и их должностных лиц (за исключением должностных лиц Национального Банка Республики Казахстан) к документам, содержащим банковскую тайну, в иных случаях, прямо предусмотренных законом.

Санкция (согласие) на совершение указанных действий либо отказ в ее (его) даче оформляется прокурором резолюцией и подписью на постановлении должностного лица после изучения материалов, на основании которых испрашивается санкция, в течение двадцати четырех часов.

Прокурор дает согласие на действие ведомственных нормативных правовых актов по вопросам оперативно-розыскной

и иной деятельности, которая может повлечь ограничение прав свобод человека и гражданина.

Следует подчеркнуть, что санкция как правовой акт не является исключительной прерогативой сотрудников органов прокуратуры.

В Казахстане введен институт следственного судьи, в результате чего существенно расширен судебный контроль. Следственному судье передан ряд санкций, которые ранее давала только прокуратура [1]. Более того, согласно действующему казахстанскому законодательству, все действия, затрагивающие конституционные права человека, могут производиться только с санкции прокурора или суда. В целом следует отметить, что внедрение судебного контроля в лице следственного судьи продиктовано объективной необходимостью и направлено на повышение эффективности отечественного правосудия. Следственный судья фактически решает вопросы санкционирования ряда процессуальных и следственных действий [2].

Помимо этого, следственный судья вправе рассматривать жалобы на все решения и действия следователя и прокурора по делу, в том числе на прокурорские санкции. Также до 2020 года планируется поэтапно передавать суду санкции на все следственные действия, затрагивающие конституционные права [1].

Переходя к анализу содержания статьи 22 «Указание» Закона РК «О Прокуратуре», подчеркнем, что прокурор дает указания:

- 1) органам досудебного расследования в связи с расследованием уголовных дел;
- 2) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность и негласные следственные действия;
- 3) в других случаях, установленных законодательством.

В том случае, если дается непосредственное указание Генерального Прокурора Республики Казахстан нормативного характера по вопросам оперативно-розыскной деятельности, негласных следственных действий и досудебного расследования, то такое указание является обязательным для исполнения всеми органами следствия и дознания, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и негласные следственные действия [2].

Статья 23 «Заявление» Закона РК «О прокуратуре» определяет, что прокурор в соответствии с действующим законодательством Республики Казахстан вправе обратиться с иском заявлением в суд о признании недействительными действий и актов органов и должностных лиц, а также об устранении нарушений законов для восстановления нарушенных прав и защиты интересов государства, физических и юридических лиц.

Речь идет о тех случаях, когда акты прокурорского надзора отклонены либо не рассмотрены в установленный законом срок. При этом прокурор вправе вплоть до рассмотрения заявления судом приостановить своим постановлением действие опротестованного акта [2].

Важным правовым актом прокуратуры является предписание. Регламентируемое статьей 24 Закона РК «О прокуратуре» предписание об устранении нарушения закона вносится прокурором в письменном виде и направляется в тот орган или тому должностному лицу, которыми допущены нарушения закона. Предписание, помимо этого, также может быть направлено тому органу или должностному лицу, которые обладают полномочиями устранить допущенное нарушение.

Важность данного акта подчеркивается ситуационностью его применения. Законом предусмотрено, что предписание вносится в тех случаях, когда нарушения закона носят очевидный характер, могут причинить существенный вред правам и свободам человека и гражданина, а также охраняемым законом интересам юридических лиц, общества и государства. При этом важно отметить, что предписание не выносится на нормативные правовые акты. Действующее законодательство используется в предписании исключительно в целях указания на то, какая именно норма какого именно нормативного акта нарушена. Однако прокурор не имеет права ограничиться в предписании только описанием нарушения акта. Он обязан также описать характер правонарушения и, что самое важное, дать конкретные предложения о мерах по устранению нарушения и указать срок, в течение которого данное нарушение должно быть устранено.

Предписание как акт прокурорского надзора следует вносить исключительно при совокупности признаков, предусмотренных

Законном РК «О Прокуратуре», а именно, когда нарушение закона:

1) носит явный характер;

2) может причинить существенный вред правам и свободам человека и гражданина, а также охраняемым законом интересам юридических лиц, общества и государства;

3) требует незамедлительного устранения.

Предписание не может выноситься на нормативные правовые акты*.

Еще более важным и существенным актом прокурорского надзора является такой документ прокурорской деятельности, как представление. Представление вносится прокурором в следующих случаях:

1) выявление нарушений законности в целях их устранения;

2) установление причин и условий, способствующих совершению преступлений и других правонарушений, в целях их устранения;

3) выявление фактов лишения неприкосновенности лиц, обладающих этим правом в соответствии с Конституцией Республики Казахстан в целях восстановления, погнутых прав;

4) в иных случаях, установленных законом.

Помимо этого, статья 25 Закона РК «О прокуратуре» устанавливает, что орган либо должностное лицо, которым направлено постановление, должны рассмотреть данный документ и обязательно принять меры по устранению нарушений законности, а также причин и условий, способствующих им, в сроки, установленные прокурором, но не позднее тридцати календарных дней.

При этом прокурор, издавший представление, имеет право принять участие в процедуре рассмотрения представления. По этой причине прокурор должен быть заблаговременно, а именно не позднее трех календарных дней до дня рассмотрения представления, извещен о времени

* Инструкция по организации прокурорского надзора за применением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в социально-экономической сфере: утв. приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 2 сент. 2014 г. N 85. URL: <http://medialawca.org/posts/11-11-2014/85218.html> (дата обращения: 31 мая 2015 г.).

и месте рассмотрения представления. Независимо от присутствия либо отсутствия прокурора, издавшего представление, на процедуре его рассмотрения в соответствующем органе или при должностном лице указанный орган либо должностное лицо обязаны в трехдневный срок сообщить о результатах рассмотрения данному прокурору.

В 2010 году Закон РК «О прокуратуре» пополнился статьей 25-1, регламентирующей такой правовой акт прокуратуры, как предостережение. Предостережение — это правовой акт прокурорского надзора, объявляемый в письменной форме прокурором физическим и юридическим лицам. Предостережение объявляется в целях предупреждения правонарушений, обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина или при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях. Содержание предостережения включает информацию о недопустимости нарушения закона, а также предупреждение об установленной законом ответственности за указываемые нарушения.

Одновременно со статьей 25-1 в закон была внесена статья 25-2, в которой детально регламентированы вопросы выступления сотрудников органов прокуратуры Республики Казахстан с обращениями.

Обращения могут быть направлены к должностным лицам, государственным органам, юридическим и физическим лицам в целях обеспечения законности, предупреждения правонарушений, а также обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Обращение может быть распространено в средствах массовой информации или иным публичным способом.

В связи с этим отметим, что обращение как правовой акт не носит конкретного, индивидуального, точечного характера, а скорее направлено на предупреждение как можно большего количества заинтересованных лиц о воздержании от совершения тех или иных действий.

Особая миссия органов прокуратуры как правоохранительного органа наиболее ярко проявляется в таком правовом акте прокуратуры, как разъяснение закона.

Разъяснение гражданам и организациям содержания той или иной нормы

закона производится прокурором при наличии весомых оснований считать, что незнание либо неправильное понимание законов физическими либо юридическими лицами может повлечь нарушения законов либо прав и свобод гражданина или неограниченного круга лиц.

Нередки случаи, когда разъяснение закона требуется по анализируемому проекту правового акта.

Данное право органов прокуратуры непосредственно вытекает из части 1 статьи 83 Конституции РК: «Прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики».

Следует отметить, что органы прокуратуры не являются монополистами на дачу разъяснений действующего законодательства. Каждый уполномоченный орган, а наиболее часто таким выступает министерство юстиции, может давать разъяснение норм действующего законодательства в пределах своей компетенции. Этим разъяснение отличается от официального толкования, на чем настаивают органы прокуратуры.

В то же время ученые-правоведы считают, что разъяснение норм действующего законодательства, даваемое органами прокуратуры, следует приравнять к официальному толкованию закона. Так, доктор юридических наук профессор Л.Т. Жанузакова утверждает: «...правом официального толкования закона, по сути, обладает и прокурор. Согласно ст. 26 Закона РК от 21 декабря 1995 г. “О Прокуратуре” при наличии достаточных оснований полагать, что незнание или неправильное понимание законов физическими либо юридическими лицами может повлечь нарушения законов либо прав и свобод гражданина или неограниченного круга лиц, прокурор разъясняет содержание закона. В случаях несоответствия закону проекта правового акта прокурор разъясняет требование за-

кона органу или должностному лицу, принимающему акт.

Разъяснение закона является актом прокурорского надзора. Но ведь это составная часть правотолкующего процесса, которая направлена на доведение реального смысла правовой нормы до других лиц. Первая часть этого процесса — уяснение — происходит в сознании самого прокурора, который, прежде чем разъяснить содержание закона, должен понять его сам. Разъяснение прокурора связано с конкретным жизненным случаем — когда прокурор видит угрозу нарушения закона со стороны того или иного физического или юридического лица, оно адресовано конкретному лицу, поэтому оно также носит казуальный характер. При этом указанное полномочие носит упреждающий характер, поскольку его задача — не допустить неправильного понимания и применения закона, его нарушения. Таким образом, есть все основания полагать, что и прокуроры осуществляют официальное толкование законов» [3].

Аналогичную позицию занимает главный эксперт — начальник отдела конституционного, административного законодательства и государственного управления Института законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан М. Габдуалиев: «Введение института официального разъяснения законодательных актов прокурором направлено на развитие потенциала Конституции и систематизацию действующего механизма разъяснения прокурором содержания закона» [4].

В целях дополнения теоретического материала эмпирическими данными приведем примеры из проведенного нами анкетирования сотрудников центрального аппарата и территориальных подразделений органов прокуратуры.

Так, на вопрос: «Считаете ли Вы круг правовых актов органов прокуратуры достаточным?», — 98,5 % опрошенных ответили утвердительно. В то же время поступили такие единичные ответы, как: «Следует внести изменения в Закон “Об органах прокуратуры”», «Наоборот, надо сокращать», «Считаю недостаточным. Полагаю необходимым добавить к актам прокурорского реагирования полномочия приостанавливать все опротестованные действия и бездействие (правовые акты) юридических лиц. Такие

действия привели бы к своевременному устранению нарушений. Например, при строительстве какого-либо объекта и выявлении нарушений прокуратура имела бы право приостановить стройку, чтобы в случае признания ее судом незаконной виновное лицо не могло бы ставить вопрос о законченном строительстве, вложении средств и возмещении расходов».

Таким образом, подавляющее большинство практиков подчеркивают эффективность и жизнеспособность действующей системы актов прокурорского надзора. В то же время имеющаяся критика указывает на наличие помех для успешной судебной перспективы по действующим действиям, наносящим ущерб законным интересам физических, юридических лиц и государства. На вопрос: «Требуется ли изменения процедура вынесения, согласования, отзыва и контроля за соблюдением актов прокурорского реагирования?», — подавляющее большинство респондентов ответили, что не требуется. Следовательно, данная процедура устраивает практически всех сотрудников органов прокуратуры. В то же время было получено достаточно большое количество ответов, свидетельствующих о наличии недостатков в данных процедурах. Разберем более подробно альтернативные ответы.

1. «Необходимо добиваться их реального исполнения», — этот ответ свидетельствует о том, что акты прокурорского надзора не исполняются так, как это следует по закону.

2. «Необходимо изменить подход к возврату актов прокурорского реагирования нижестоящих прокуратур не как замечания, а как рекомендацию», — этот ответ говорит о следующем. Акты прокуратуры нижестоящих прокуроров (прокуратур) могут быть отменены, изменены или отозваны вышестоящими прокурорами (прокуратурами) (статья 16 Закона РК «О Прокуратуре»). При этом факт отмены, изменения или отзыва (возврата) преподносится как установление недостатка в работе нижестоящего органа, сотрудника, как факт, являющийся основанием для признания необходимости вынесения наказания для нижестоящего прокурора (прокуратуры). На наш взгляд, Закон РК «О Прокуратуре» не содержит норм, которые бы позволили сделать вывод о правильности и обоснованности

ванности такого подхода. Следовательно, анализируемый ответ может стать основой аргументированного предложения.

3. «Необходимо изменить отношение вышестоящих прокуроров к протестам горрайпрокуроров, в частности, к их отзывам и оставлению без удовлетворения. “Гонка” за показателями здесь совершенно не уместна! Тем самым мы “бьем” по конституционной неприкосновенности и самостоятельности прокурора и невольно делаем их зависимыми от судей. При этом процедура согласования должна быть на усмотрение прокурора. На мой взгляд, в данном вопросе вышестоящей прокуратуре можно вмешиваться только лишь по результатам анализа эффективности протестов, т.е. когда слишком много протестов оставляется без удовлетворения либо когда прокурор увлекается их внесением и отзывом безосновательно». Действительно, в отдельных случаях указанные нами выше процедуры могут превратиться в факты произвола со стороны вышестоящих прокуроров (прокуратур).

4. «Отзыв акта прокурорского реагирования не должен засчитываться, поскольку своевременный отзыв не влечет за собой последствий», – мнение, аналогичное двум предыдущим. Допущенные нижестоящими прокурорами ошибки при вынесении актов прокурорского надзора могут быть своевременно исправлены путем изменения, отмены, отзыва вышестоящим прокурором. Однако позволим себе не согласиться с мнением о том, что ошибка не должна фиксироваться как таковая, поскольку в противном случае исчезает превентивный эффект и в последующем вынесший неправильный акт прокурор может снова допустить те же самые недочеты.

При этом подчеркнем, что согласно указанной выше Инструкции по организации прокурорского надзора за применением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в социально-экономической сфере вышестоящие прокуроры по результатам проверки законности и обоснованности актов прокурорского надзора наделены правом:

1) приостанавливать действие актов прокурорского надзора в случае возникновения сомнения в их законности и обоснованности до принятия окончательного решения;

2) отзывать акты прокурорского надзора в случае нарушения компетенции, установленной законами и данным приказом;

3) отменять акты прокурорского надзора в случае установления их противоречия Конституции, законодательным актам, указам Президента Республики Казахстан, приказам и указаниям Генерального прокурора».

5. «Процедура при возбуждении и согласовании уголовного дела длительна и теряет оперативность», – этот ответ респондента свидетельствует о затяжном характере процедуры согласования актов прокурорского надзора в отдельных прокуратурах.

6. «Надо повысить статус и процессуальную самостоятельность прокурора городов и районов, вносить прокурорские акты в вышестоящие органы без согласования с областной прокуратурой», – данное мнение продолжает уже начатый выше анализ сферы иерархии прокуроров в процедуре вынесения актов прокурорского надзора.

7. Считаю необходимым согласиться со следующим предложением: «В статье 8 Закона РК “О Прокуратуре” предусмотрен порядок обжалования действий и актов прокурора, согласно которому акты нижестоящего прокурора могут быть отменены либо изменены вышестоящим прокурором по своей инициативе либо по обращениям физических и юридических лиц. Вместе с тем на сегодняшний день законодательно не урегулирована процедура согласования отзыва актов прокурорского реагирования. Таким образом, необходимо дополнить основания, по которым могут быть отозваны акты реагирования, а также четко определить категории актов, по которым необходимо обязательное согласование».

8. «Необходимо изменить процедуру направления актов надзора в областные органы... через областную прокуратуру, то же самое в центральные органы через Генеральную прокуратуру», – данный ответ свидетельствует о проблемах межведомственного взаимодействия государственных, в том числе правоохранительных и специальных, органов.

Так, например, 30 января 2013 года Генеральный прокурор РК А. Даулбаев в ходе совещания Президента Республики Казахстан с руководителями правоохра-

нительных органов по вопросам противодействия преступности и коррупции в РК, ситуации с незаконным оборотом наркотических средств, по вопросам защиты прав и свобод граждан назвал одним из основных достижений за последнее время в работе правоохранительных органов преодоление межведомственного противостояния и конкуренции. Как отметил глава надзорного ведомства, это явление длительное время наблюдалось между силовыми органами и наносило непоправимый вред общему делу. «Мы добились слаженной работы всей правоохранительной и судебной системы», — подчеркнул А. Даулбаев [5]. Следовательно, проблемы не решены до конца, хотя есть уверенность, что они находятся на стадии устранения.

9. «Следует ужесточить ответственность должностных лиц за некачественное и поверхностное рассмотрение прокурорских актов», — ответ респондента, указывающий на то, что не все акты прокурорского надзора и не всеми должностными лицами рассматриваются одинаково тщательно и ответственно. Здесь поднимается важный вопрос — акт надзора в части его исполнения сам должен подлежать надзору!

10. «Необходимо вернуться к прежней системе составления отчетности, внесения актов надзора», — таково мнение прокуроров, принявших участие в анкетировании.

«Прежде всего, необходимо ужесточить и ввести требование об учете и контроле за качеством внесения и их рассмот-

рения. При этом следует оптимизировать само согласование акта реагирования, поскольку это служит бюрократическим барьером и ограничивает осуществление самостоятельного надзора, а также противоречит принципу независимости», — всего два человека отметили, что согласование акта реагирования превращено в бюрократическую процедуру.

Подводя итог исследования, отметим, что акты прокурорского надзора — это наиболее явная, очевидная форма доведения до населения, заинтересованных физических и юридических лиц информации, связанной с проблемами соблюдения законности в той или иной сфере. В связи с этим возникающие в данной сфере проблемные вопросы должны быть решены в кратчайшие сроки на основе научного анализа и данных эмпирического исследования мнения практиков о деятельности органов прокуратуры.

Выводы и предложения:

1. Разъяснение прокурором содержания закона должно быть приравнено к официальному толкованию.

2. Следует предусмотреть на законодательном уровне ужесточение ответственности должностных лиц за неоднократное некачественное исполнение либо игнорирование прокурорских актов.

3. Необходимо дополнить статью 8 Закона РК «О Прокуратуре» основаниями, по которым могут быть отозваны акты реагирования, а также четко определить категории актов, по которым необходимо обязательное согласование.

Список литературы

1. Судам будут переданы санкции на все следственные действия. URL: <http://vmeste.com.kz/?p=5191> (дата обращения: 25 марта 2015 г.).
2. Законы, вступающие в силу с 1 января 2015 года. URL: <http://kapital.kz/gosudarstvo/36326/zakony-vstupayucshie-v-silu-s-1-yanvary-2015-goda.html> (дата обращения: 25 марта 2015 г.).
3. Жанузакова Л.Т. Проблемы толкования норм права в свете реализации Закона Республики Казахстан «О нормативных правовых актах». URL: <http://medialawca.org/posts/03-10-2012/65783.html> (дата обращения: 24 мая 2015 г.).
4. Габдуалиев М.Т. К вопросу об актах официального толкования и официального разъяснения нормативных правовых актов: пределы и возможности законодательного регулирования. URL: <http://m.zakon.kz/4662806-k-voprosu-ob-aktakh-oficialnogo.html> (дата обращения: 23 мая 2015 г.).
5. Даулбаев А. В Казахстане преодолено межведомственное противостояние силовых органов // Агентство «Казинформ». URL: <http://ns1.inform.kz/eng/article/2530582> (дата обращения: 25 мая 2015 г.).

References

1. *Sudam budut peredany sanktsii na vse sledstvennye deystviya* [The courts will be given authorization to all investigative actions]. Available at: <http://vmeste.com.kz/?p=5191> (Accessed 25 March 2015).

2. *Zakony, vstupayushchie v silu s 1 yanvarya 2015 goda* [Laws come into force on January 1, 2015]. Available at: <http://kapital.kz/gosudarstvo/36326/zakony-vstupayucshie-v-silu-s-1-yanvarya-2015-goda.html> (Accessed 25 March 2015).

3. Zhanuzakova L.T. *Problemy tolkovaniya norm prava v svete realizatsii Zakona Respubliki Kazakhstan "O normativnykh pravovykh aktakh"* [Problems of interpretation of the law in the light of implementation of the Law of the Republic of Kazakhstan "On normative legal acts"]. Available at: <http://medialawca.org/posts/03-10-2012/65783.html> (Accessed 25 March 2015).

4. Gabdualiev M.T. *K voprosu ob aktakh ofitsial'nogo tolkovaniya i ofitsial'nogo raz'yasneniya normativnykh pravovykh aktov: predely i vozmozhnosti zakonodatel'nogo regulirovaniya* [To a question on the interpretation of acts of official and an official explanation of normative legal acts: the limits and possibilities of legal regulation]. Available at: <http://m.zakon.kz/4662806-k-voprosu-ob-aktakh-oficialnogo.html> (Accessed 25 March 2015).

5. Daulbaev A. *V Kazakhstane preodoleno mezhvedomstvennoe protivostoyanie silovykh organov* [Kazakhstan has overcome the opposition interagency law enforcement agencies]. *Agentstvo "Kazinform"* [The agency "Kazinform"]. Available at: <http://ns1.inform.kz/eng/article/2530582> (Accessed 25 March 2015).

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

<p>СИДОРОВА М.В., кандидат педагогических наук, margo48057@yandex.ru Кафедра административного права и административной деятельности органов внутренних дел; Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 302027, г. Орел, Игнатова, 2</p>	<p>SIDOROVA M.V., Candidate of Pedagogical Sciences, margo48057@yandex.ru Chair of administrative law and administrative activities of the internal affairs bodies; Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Ignatova St. 2, Orel, 302027, Russian Federation</p>
---	--

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Реферат. Приведены показатели состояния дисциплины и законности в органах внутренних дел. Отсутствие профессионализма и пренебрежительное отношение к закону, присущие отдельным сотрудникам, формируют устойчивое негативное отношение населения ко всей системе органов внутренних дел. Понятия «законность» и «дисциплина» в деятельности ОВД являются однопорядковыми, но не тождественными. Законность в деятельности полиции означает неукоснительное соблюдение правовых предписаний независимо от того, чем руководствуется сотрудник в процессе их реализации. Дисциплина в органах внутренних дел предполагает не просто формальное выполнение предписаний государства, но и ответственное отношение к исполнению профессиональной деятельности. Дисциплина охватывает соблюдение как правовых, так и других социальных норм и связана главным образом с реализацией обязанностей (юридических, моральных и т.д.). Служебная дисциплина в органах внутренних дел отличается сознательным и добровольным характером исполнения ее требований; в то же время она обеспечивается принуждением, которое может применяться непосредственным руководителем ОВД к ее нарушителям, и убеждением. Законность по отношению к дисциплине выступает как требование, а дисциплина – это его исполнение, воплощенное в поведении, основанном на повиновении не только нормативному установлению, но и индивидуальному приказу вышестоящего должностного лица. В основе нарушения дисциплины и законности лежат факторы как внутреннего (правовой нигилизм, низкий уровень общей и профессиональной культуры, отклонения нравственно-психологического характера), так и внешнего (изъяны, существующие в правоохранительной системе, отражающие негативные традиции в реализации правоохранительных функций) характера.

Ключевые слова: законность; дисциплина; кадровая политика МВД России; органы внутренних дел; соотношение законности и дисциплины в органах внутренних дел.

THE RELATION OF LEGALITY AND DISCIPLINE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Abstract. The indicators of the state of discipline and legality in the internal affairs bodies are presented. The lack of professionalism and disregard of the law, inherent to individual employees, form a stable negative attitude of the population to the entire system of internal affairs bodies. The concepts of "legality" and "discipline" in the activities of law enforcement bodies are comparable, but not identical. The issue of legality concerning the police activities means the strict observance of legal regulations, regardless of what the employee is guided by while implementing them. Discipline involves not only formal compliance with the requirements of the state, but also a responsible attitude towards performing professional activities. Discipline includes the observance of both legal and other social norms, and is mainly related to the implementation of responsibilities (legal, moral, etc.). Discipline in internal affairs bodies is characterized by conscious and voluntary nature of complying with its requirements. At the same time, it is ensured by coercion, which can be applied by the head of the police department against violators of discipline, as well as persuasion. Legality in relation to discipline is a requirement, and discipline in relation to legality is complying with its requirements, embodied in the behaviour based

on the obedience to both normative regulations and individual orders of a superior officer. The basis of breach of discipline and legality are factors of internal (legal nihilism, low level of professionalism, moral and psychological deviations) and external (shortcomings of law enforcement system, reflecting the negative traditions of implementation of law enforcement functions) nature.

Keywords: legality; discipline; personnel policy of the MIA of Russia; internal affairs bodies; the relation of legality and discipline in the internal affairs bodies.

Проблемы обеспечения законности и соблюдения дисциплины в деятельности органов внутренних дел всегда находились в центре внимания общественности, а также органов власти и управления. Поэтому укрепление дисциплины и законности является одной из важных задач, стоящих перед государством.

В руководящих документах МВД России указывается на персональную ответственность руководителей разного уровня, их положительный пример в вопросах укрепления дисциплины и законности среди подчиненного личного состава вверенных подразделений.

В настоящее время, в условиях второй волны реформирования, МВД России, определяя концептуальные основы ведомственной кадровой политики, исходит из необходимости формирования нового профессионально-нравственного облика сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, оптимизации кадрового потенциала полицейских и иных подразделений министерства.

Так, в 2014 году усилия руководящего состава подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов МВД России, а также сотрудников подразделений по работе с личным составом органов внутренних дел были сосредоточены на выполнении требований Директивы МВД России от 12 ноября 2013 г. N 2 «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России в 2014 г.», решений коллегии МВД России по обеспечению надлежащего уровня дисциплины и законности в служебных коллективах, а также реализации Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации*. Ожи-

* Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 2 янв. 2013 г. N 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

даемой реакцией государства на положение дел в МВД России явилась разработка проекта Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации (на период до 2020 г.)**, направленной на воспитание новой формации сотрудников и руководителей, т.е. построение жесткой вертикали по кадрам и усиление персональной ответственности руководителей за каждого сотрудника. Кадровая вертикаль должна работать с момента подбора кадров и до момента выхода человека на пенсию. Все это время лица, ответственные за кадры, должны контролировать поведение сотрудника в рамках подразделения. В связи с этим МВД России прорабатывает идею о реформировании образовательной системы нашего ведомства, которая также будет отвечать за своих обучающихся [1, с. 2].

Как показывают результаты общественного мнения, граждане требуют прежде всего высокопрофессионального подхода к защите их жизни, здоровья, имущества. При этом прежняя модель взаимоотношений, основанная на контроле, приоритете государственного принуждения, себя исчерпала.

Анализ состояния служебной дисциплины и законности в 2014 году показал, что в МВД России достигнуты положительные результаты по снижению уровня правонарушений среди сотрудников органов внутренних дел в 37 территориальных органах МВД России на региональном уровне***.

Впервые за три года на 14,3 % (с 273 до 234) уменьшилось количество дорожно-транспортных происшествий, произошедших по вине сотрудников, находившихся в состоянии алкогольного опьянения.

** Проект Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 г.). URL: <http://skuvdt.ru/know/i/13> (дата обращения: 30 янв. 2015 г.).

*** Обзор о состоянии служебной дисциплины и законности среди личного состава органов, организаций и подразделений системы МВД России в 2014 году.

Вместе с тем увеличилось на 5,4 % (с 958 до 1 010) число сотрудников, совершивших должностные преступления, в том числе злоупотребивших должностными полномочиями, — на 25,6 % (со 160 до 201).

По-прежнему не все руководители являются для подчиненных образцом добросовестного исполнения служебного долга. К уголовной ответственности привлечено 270 лиц начальствующего состава, в том числе за получение взяток — 56, злоупотребление должностными полномочиями — 47.

На 21 % возросло число сотрудников, привлеченных к дисциплинарной ответственности за совершение проступков, связанных с нарушениями норм уголовно-процессуального права.

По отрицательным основаниям уволены со службы 690 правонарушителей. За допущенные недостатки в организации работы по предупреждению нарушений служебной дисциплины и законности 1 986 руководителей различного уровня привлечены к дисциплинарной ответственности, 64 из них уволены со службы в органах внутренних дел*.

Анализ состояния служебной дисциплины и законности в подразделениях МВД России в 1 полугодии 2015 года позволил констатировать факт отсутствия должной настойчивости в выполнении обозначенных задач руководством МВД России в Директиве МВД России от 27 февраля 2015 года N 1 «О мерах по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел Российской Федерации» и соответственно улучшения общего состояния служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел. В указанный период наблюдается негативная тенденция в состоянии служебной дисциплины в 2/3 территориальных органах внутренних дел Российской Федерации, отсутствует динамика в улучшении ситуации, несмотря на принимаемые меры**.

Практика показывает, что непрофессионализм, который проявляют некоторые

сотрудники органов внутренних дел, их пренебрежительное отношение к букве закона приводят к тому, что у населения создаются негативные стереотипы отношения ко всей системе органов внутренних дел, в том числе возможности утверждения режима законности, принципов неприкосновенности личности, защиты ее чести и достоинства.

В связи с этим особый интерес вызывает осмысление не только сущности таких правовых категорий, как «законность» и «дисциплина», и их соотношения в деятельности органов внутренних дел, но и причин нарушения дисциплины и законности сотрудниками органов внутренних дел, а также принимаемых мер в системе МВД России, направленных на их обеспечение.

Понимание законности относится к проблемным вопросам права, изучению которых посвящено немало работ. Однако в сфере обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел (полиции) ее содержание исследовано значительно меньше.

Анализируя содержание законности применительно к отдельным сферам общественно-правовой и государственно-правовой деятельности, И.А. Краснов подчеркивает, что «законность является неотъемлемым элементом любой правовой деятельности... На стадии реализации норм права законность означает строгое следование государственных органов и должностных лиц действующим законам, иным нормативным правовым актам, которыми закреплена их компетенция, порядок разрешения дел и пересмотра актов применения права, вступивших в законную силу» [2, с. 2].

В.С. Афанасьев отмечает, что содержание законности в значительной степени зависит от состава ее субъектов. «Исключение кого-либо из состава субъектов законности создает иллюзию необязательности исполнения ими правовых предписаний. Происходит сужение законности, и она из общесоциального, политико-правового явления превращается в явление значительно более узкое, связанное с деятельностью ограниченного круга субъектов. Сужение круга субъектов законности разрушает идею всеобщности, всеобщности правовых предписаний, равенства всех перед законом, что на деле при-

* Обзор о состоянии служебной дисциплины и законности среди личного состава органов, организаций и подразделений системы МВД России в 2014 году

** Обзор о состоянии служебной дисциплины и законности в органах, организациях и подразделениях МВД России за 6 месяцев 2015 года.

водит к размыванию режима законности» [Цит. по: 3, с. 77].

Служебная дисциплина и законность тесно взаимосвязаны. Выполняя служебные обязанности, сотрудник должен использовать средства, соблюдать процессуальные правила и тактические приемы, предусмотренные либо допускаемые законами и иными правовыми актами. Все требования законности, обращенные к государственным служащим (сотрудникам органов внутренних дел), составляют одновременно и содержание дисциплины. С другой стороны, дисциплинарные нормы могут основываться и на моральных требованиях, служебных ритуалах, этикете и традициях, прямо не регламентированных правовыми предписаниями [4, с. 5].

Таким образом, законность, являясь принципом деятельности органов внутренних дел, требует от каждого сотрудника правильного исполнения законов и ведомственных нормативных актов, усвоения и использования в своей служебной деятельности правовых знаний, правомерного поведения как при исполнении должностных обязанностей, так и вне службы, предупреждения и пресечения противоправных действий со стороны граждан и должностных лиц. Нарушения законности, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в отличие от дисциплинарных проступков, всегда отрицательно сказываются на обеспечении правопорядка и ущемляют права, свободы, законные интересы граждан и организаций.

В связи с этим особенно недопустимо, если сотрудник органов внутренних дел в своей служебной деятельности не соблюдает предписания правовых норм и сам нарушает права и свободы человека. На этом фоне создается атмосфера страха и неуверенности граждан, усиливается их беспокойство, растет отчуждение и недоверие к власти, происходит культивирование вседозволенности, правового нигилизма и пренебрежения к закону.

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» законность закреплена в качестве принципа деятельности полиции, который, обладая признаками всеобщности и повсеместности, выражается в следующем: 1) полиция осуществляет

свою деятельность в точном соответствии с законом; 2) всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, предусмотренным федеральным законом; 3) запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий; 4) в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей запрещается ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства; 5) применение мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом; 6) МВД России обеспечивает контроль законности решений и действий должностных лиц полиции.

Указанные нормы определяют также порядок их действий, которому они должны следовать. Это и есть законодательное выражение законности как базового правового режима деятельности правоохранительных органов [5, с. 102].

Таким образом, законность можно определить как принцип функционирования полиции, сущность которого заключается в реализации служебных полномочий в строгом соответствии требованиям нормативных правовых актов. Иначе говоря, сотрудник ОВД, с одной стороны, сам должен соблюдать закон, а с другой — стоять на его страже, демонстрируя образец законопослушания и неотвратимости государственного порицания нарушителей строго в правовых рамках.

Высокая степень значимости законности в деятельности ОВД обусловлена следующим.

1. ОВД представляют собой самую многочисленную правоохранительную государственную структуру.

2. ОВД имеют особое функциональное предназначение, круглосуточный режим работы, достаточно разветвленную сеть служб и подразделений, наиболее приближенных к местам проживания и нахождения граждан, что предполагает постоянный

контакт с населением по широкому спектру правоохранительных вопросов.

При этом необходимо уточнить, что в последнее время наметился положительный сдвиг в оценке гражданами российской полиции. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного в 2014 году среди граждан России. На вопрос о том, как полиция справляется со своими обязанностями, 19 % граждан ответили «плохо» (в 2008 г. работу сотрудников милиции таким образом оценили 30 % респондентов). Оценку «удовлетворительно» дали 44 % опрошенных (в 2008 г. — 36 %), а «хорошо» или «отлично» — 21 % (в 2008 г. — 12 %). При этом наиболее критичными стали жители мегаполисов, а наиболее удовлетворенными деятельностью современной полиции — жители сел, поселков и малых городов. Впервые за последние десять лет количество тех, кто считает, что отношение населения к полиции положительное, превысило количество тех, кто уверен в критическом отношении сограждан к полицейским, — соответственно 39 и 37 %*.

Практика показывает, что мнение общественности о деятельности органов внутренних дел складывается из степени соблюдения дисциплины и законности, в первую очередь сотрудниками, которых население хорошо знает (служащих в ГИБДД, подразделениях участковых уполномоченных полиции и патрульно-постовой службы), т.е. теми, кто несет службу в общественных местах и по месту проживания граждан. Такое общественное мнение нередко искажается еще и за счет полярной оценки приоритетов в деятельности органов внутренних дел и понимания ее целей гражданами.

3. ОВД обладают внушительными властными полномочиями, предоставляющими возможность применения различных мер принуждения; они принимают большое количество правовых актов управления, в том числе нормативного и процессуального характера, имеющих существенное значение для конкретных индивидов, законность которых должна быть предметом постоянного внимания.

4. Права и обязанности сотрудников органов внутренних дел не могут быть за-

конодательно урегулированы до мельчайших деталей, и в связи с этим нередко реализуются в рамках служебного усмотрения в соответствии с конкретной ситуацией. Таким образом, сотрудники наделяются дискретными полномочиями, относительной свободой административного и уголовно-процессуального усмотрения, позволяющей исполнять служебные функции наиболее эффективно.

Подобное неизменно порождает определенное противоречие между законностью и целесообразностью, требующее своего обязательного разрешения.

5. Сотрудникам органов внутренних дел приходится соблюдать режим законности в обстановке упреждающей активности правонарушителей, используя предусмотренный законом арсенал различных мер противодействия, делая это строго персонифицированно, в необходимых и достаточных количественных и качественных параметрах, не посягая на права и интересы законопослушных граждан.

Большое влияние на состояние законности в органах внутренних дел оказывает морально-психологический климат в коллективе, уровень профессиональной подготовленности сотрудников, обстановка требовательности и нетерпимости к нарушениям дисциплины в сочетании с комплексной воспитательной работой и социальной обеспеченностью личного состава.

Не меньшее значение имеет правильный подбор и расстановка сотрудников на конкретные должности, повышение их квалификации, своевременная ротация кадров, системно выстроенная дисциплинарная практика, информационное обеспечение служебной деятельности и др.

Практика показывает, что упрочение таких институтов, как поручительство и взаимная ответственность сотрудников и руководителей, и сложившаяся в последнее время тенденция привлечения к ответственности как сотрудника, совершившего проступок или преступление, так и непосредственного руководителя за упущения по службе, приведшие к совершению данного деяния, нецелесообразны, несправедливы и бесперспективны.

В итоге самому преступнику по законодательству Российской Федерации гарантируется справедливое наказание с учетом его вины и право на реабилитацию,

* Отношение граждан к полиции. URL: <http://novaygazeta.livejournal.com/2512440.html> (дата обращения: 30 янв. 2015 г.).

а к руководителю, даже при условии его личной многолетней безупречной службы государству, за деяние другого применяется увольнение из органов внутренних дел (безальтернативно). Полагаем, что необходимо исходить из индивидуализации каждого происшествия, использовать оценочные критерии к деятельности руководителя и его участию в процессе обучения и воспитания личного состава. При выявлении фактов упущения с его стороны нецелесообразно прибегать к крайним мерам (что приведет к размыванию профессионального ядра подразделения), необходимо предоставить ему возможность реабилитации.

Что касается поручительства, то на практике оно носит подчас формальный характер. Руководитель вынужден «находить» поручителей из числа личного состава, а они на момент рассмотрения вопроса о приеме на службу в органы внутренних дел Российской Федерации вообще не знают кандидата. А ведь личное поручительство — это гарантия перед руководством органа внутренних дел того, что порученный в период службы будет безупречно выполнять свои обязанности, соблюдать законность и служебную дисциплину.

Законности как режиму, методу или принципу деятельности органов внутренних дел угрожают различные обстоятельства и явления действительности, наиболее значимым из которых является коррупция. Коррупция изменяет сущность законности, деформирует правовую основу функционирования ОВД, делает соблюдение правовых норм выборочным, а весь механизм обеспечения правопорядка неэффективным. Несмотря на то, что МВД России осуществляется комплекс организационных и практических мероприятий, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений коррупционной направленности, данное негативное явление имеет место, более того, сохраняется тенденция к его росту.

Что касается дисциплины в современных условиях, то особую актуальность приобретает служебная дисциплина среди личного состава органов внутренних дел, поскольку ее нарушение представляет серьезную опасность для эффективности их оперативно-служебной деятельности, дискредитирует в глазах населения МВД России как институт государственной власти.

В специальной литературе отсутствует единообразный подход к выяснению сущности дисциплины. Одни исследователи рассматривают ее как цель и результат воспитания, средство достижения определенных целей (А.С. Макаренко, М.И. Калинин и др.) [6; 7]. Другие анализируют дисциплину комплексно, с двух взаимосвязанных сторон: как определенный порядок в организации и деятельности какого-либо коллектива и как подчинение этому порядку, его соблюдение членами коллектива (А.А. Абрамова, Д.А. Гавриленко, В.М. Манохин, Е.В. Шорина, Ц.А. Ямпольская и др.) [8, с. 333]. Иначе говоря, комплексное понимание дисциплины наиболее полно охватывает ее содержание и форму.

В самом широком смысле слова дисциплина — это определенный порядок поведения людей, отвечающий сложившимся в обществе нормам права и морали, а также требованиям той или иной организации.

Служебная дисциплина является разновидностью государственной дисциплины. Она выступает как один из принципов организации правоохранительной деятельности и имеет для органов внутренних дел особое значение.

В теории служебная дисциплина понимается как наиболее общее понятие, охватывающее соблюдение служащими органов внутренних дел предписаний и требований законов и подзаконных нормативных правовых актов, в т.ч. локальных, а также индивидуальных правовых предписаний, включая такие, как должностные инструкции, распоряжения и указания непосредственных руководителей, т.е. всей совокупности правовых предписаний, обязательных к исполнению сотрудниками органов внутренних дел [9, с. 207].

Детальную правовую регламентацию институт служебной дисциплины в органах внутренних дел получил с принятием Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* и Дисциплинарного устава органов внутренних дел**.

* Рос. газ. 2011. 7 дек.

** О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 окт. 2012 г. N 1377 // Рос. газ. 2012. 12 нояб.

Правовые и нравственные нормы, которые регламентируют деятельность правоохранительных органов, являются правовыми и нравственными компонентами служебной дисциплины в органах внутренних дел и образуют содержательный аспект данного понятия.

Нравственный компонент служебной дисциплины представлен в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих* и в полном объеме должен быть реализован в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Обеспечивать и поддерживать служебную дисциплину — это значит пресекать ее нарушения, предупреждать их, принимать меры к ликвидации причин, порождающих данные нарушения, наказывать виновных, создавать атмосферу неотвратимости ответственности, воспитывать сотрудников органов внутренних дел путем строжайшего соблюдения закона. Большую роль в обеспечении служебной дисциплины играют нормы, регламентирующие обязанности и права должностных лиц, а также контроль и проверку их исполнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что служебная дисциплина сотрудников органов внутренних дел имеет ряд присущих только ей специфических особенностей, основывается на строгом единоначалии как важном условии поддержания ее и твердого порядка в органах внутренних дел, не ограничивается пределами исполнения обязанностей по службе и распространяется на поведение сотрудников органов внутренних дел вне служебной деятельности.

Служебная дисциплина в деятельности органов внутренних дел обеспечивается за счет личной ответственности каждого сотрудника, в том числе за выполнение им своих должностных обязанностей. В связи с этим высокий уровень служебной дисциплины — это не только показатель здоровой атмосферы в коллективе, но и

один из факторов обеспечения эффективной работы в масштабе министерства или ведомства, а также в локальном масштабе (подразделения).

Управление состоянием служебной дисциплины в определенной степени представляет собой решение комплекса социально-психологических проблем. Эти проблемы существуют в дисциплинарных подсистемах различных уровней, а не только в низовом звене — служебном коллективе.

Так, исследователи отмечают ряд причин, способствующих нарушению служебной дисциплины. Среди них:

- экономические причины, которые отражают сложность экономической ситуации в стране. Специфичность данного вопроса проявляется сегодня и в органах внутренних дел. Имеет место недостаточное финансирование сотрудников органов внутренних дел в условиях реформирования системы МВД и, как следствие этого, ухудшение работы подразделений ОВД;

- политические — нестабильность политической системы, излишняя суверенизация субъектов федерации, аполитичность большей части населения государства, коррумпированность государственных структур, в том числе и отдельных сотрудников правоохранительных органов, а также не отлаженная государственная и внутриведомственная система контроля за законностью в сфере управления;

- идеологические причины, обусловленные рядом духовно-культурных факторов, среди которых большое влияние на состояние законности оказывают: беспринципность некоторых руководителей в их отношении к нарушению сотрудниками служебной дисциплины; падение престижа службы в ОВД, в результате чего имеют место случаи, когда сотрудниками ОВД становятся отнюдь не самые морально чистоплотные и ответственные граждане; недостаточный культурный уровень сотрудников органов внутренних дел; деформация правосознания и т.п.;

- юридические причины, заключающиеся в слишком широком понимании законности и дисциплины; несоответствии отдельных нормативных правовых актов положениям Конституции РФ, необоснованности их принятия, противоречивости и внутренней несогласованности; недо-

* Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г. (протокол N 21) // Официальные документы в образовании. 2011. N 36. С. 2.

статках в системе мер ответственности за нарушение законности и т.д.;

— организационные причины: слабый внутриведомственный контроль за соблюдением законности; недостаточный контроль за исполнением приказов и распоряжений; недостаточный уровень информационно-аналитической работы в подразделениях органов внутренних дел и др.

Психологическое направление решения задач по профилактике нарушений служебной дисциплины заключается в том, что определенные проступки, неадекватное поведение и многие негативные явления «поведенческого уровня» связаны с особенностями функционирования психики индивида и «психологических механизмов обеспечения дисциплины». Так, если в одних случаях происшествия с личным составом сводятся к дисциплинарной неготовности сотрудников исполнять свои должностные обязанности, то в других случаях психологические проблемы порождаются выраженными личностными особенностями, которые противодействуют мерам дисциплинирования, дезорганизуют служебную деятельность и коммуникативное взаимодействие, препятствуют динамичному и всестороннему развитию личности. Кроме того, существующие условия несения службы создают чрезмерные психические нагрузки на личный состав и ограничивают применение имеющихся механизмов дисциплинирования.

К числу актуальных дисциплинарно-психологических проблем, существование которых возможно в системе, относятся:

- мотивационные проблемы обеспечения дисциплины;
- проблемы организаторской и методической некомпетентности субъектов психолого-воспитательной работы;
- проблемы психической дезорганизации.

Так, отдельные сотрудники не имеют требуемой дисциплинарной мотивации и (или) не умеют вести себя организованно, в соответствии с правилами внутреннего распорядка, служебными традициями, а руководители различных уровней не имеют достаточных умений, чтобы последовательно и уверенно упорядочивать деятельность своих подчиненных.

Социальным источником проблем в области служебной дисциплины может

служить существующее в определенных слоях общества неуважение к закону, праву, власти, неприятие мер, направленных на поддержание общественного порядка. Именно с социально-правовым сознанием индивида связана его готовность (или неготовность) идти на ограничения своей свободы и потребностей ради достижения общей организованности и безопасности.

У некоторых сотрудников служебная дисциплина занимает периферическое (второстепенное) положение в структуре личностных ценностей. Здесь в полном объеме проявляется одна из закономерностей атрибуции ответственности, согласно которой недисциплинированность, как правило, приписывается другим, но не относится к себе.

Кроме того, в адаптационный период имеет место низкая осведомленность молодых сотрудников в вопросах организации служебной деятельности, непонимание существа и значимости нормативного поведения, что обуславливает некоторый рост числа нарушений служебной дисциплины в начале службы. В то же время впоследствии у сотрудников может сформироваться и доминировать чрезмерная самоуверенность в правильности поведения, пренебрежение к «малозначительным» с их точки зрения уставным формальностям, что также способствует ухудшению дисциплинарных показателей.

Помимо названных факторов, совершение дисциплинарных проступков сотрудниками во многом может определяться неблагоприятным социально-психологическим климатом в служебных коллективах.

К числу причин, порождающих дисциплинарно-психологические проблемы, также следует отнести все те условия, события и управленческие решения, которые не позволяют сформироваться адекватной мотивации сотрудника. Если дисциплинированность не поощряется, если она контрастирует с поведением других сотрудников (которым правила «не писаны»), если для того, чтобы соблюдать установленный порядок, требуются значительные усилия (психические, физические и т.п.), то индивидуальные «внутренние запасы» дисциплинированности быстро «истощаются».

Исходя из сказанного, приходим к выводу, что исследуемые понятия в орга-

нах внутренних дел можно охарактеризовать как однопорядковые, но не совсем тождественные явления, это всего лишь тесно сопряженные между собой социальные факторы, которые имеют ряд характерных отличительных особенностей, заключающихся в следующем:

– законность в органах внутренних дел означает неукоснительное соблюдение правовых предписаний, причем не имеет значения, чем руководствуется сотрудник органов внутренних дел в процессе их реализации;

– дисциплина в органах внутренних дел предполагает не просто формальное выполнение предписаний государства, но и ответственное отношение к исполнению профессиональной деятельности. Дисциплина включает в себя соблюдение требований как правовых, так и других социальных норм. Она связана главным образом с реализацией обязанностей (юридических, моральных и т.д.). Служебная дисциплина в органах внутренних дел отличается своим сознательным и добровольным характером исполнения со стороны сотрудника ОВД, но в то же время она обеспечивается и принуждением, которое может применяться непосредственным руководителем ОВД к ее нарушителям, и убеждением.

Есть различия и иного порядка. Законность – это требование, в то время как дисциплина – это само поведение, основанное на повиновении, в том числе не только нормативному установлению, но и индивидуальному приказу вышестоящего должностного лица.

Борьба за дисциплину есть одновременно борьба и за укрепление законности. Борьба за законность – это одновременно и борьба за дисциплину в самых различных областях общественной деятельности. Без дисциплины и организованности нельзя представить себе режим законности, а без строгого соблюдения законов нет и твердой дисциплины. Дисциплина и законность неразрывны.

Проблемы причинности нарушений служебной дисциплины и законности сотрудников органов внутренних дел, имеющих системные черты и свойства, специфику проявления, говорят о необходимости скорейшего осуществления практических мероприятий, направленных:

1) на создание отлаженной системы работы руководителей всех уровней с личным составом, отвечающей требованиям законности при исполнении возложенных на сотрудников обязанностей и реализации предоставленных им прав;

2) обобщение итогов комплексного инспектирования территориальных органов и учреждений органов внутренних дел, имеющих низкие показатели в служебной деятельности, и результатов проведенных в отношении личного состава служебных проверок;

3) совершенствование института наставничества, разработку с учетом специфики служб примерных программ наставничества, подбора наставников и стимулирования их труда;

4) организацию среди сотрудников, в службах и подразделениях состязательности за добросовестное отношение к порученному делу, знание и владение профессиональными навыками, умение ориентироваться в государственно-правовой политике, взаимодействие с гражданами и общественностью.

Практика показывает, что в основе нарушения дисциплины и законности лежат факторы как внутреннего, так и внешнего характера. К числу первых могут быть отнесены правовой нигилизм, низкий уровень общей и профессиональной культуры, отклонения нравственно-психологического характера. К числу вторых могут быть отнесены изъяны, существующие в правоохранительной системе, отражающие негативные традиции в реализации правоохранительных функций [10, с. 19].

Таким образом, современное общество желает видеть в сотрудниках органов внутренних дел своих защитников от преступных посягательств, людей с глубоким пониманием гражданской позиции и социальной значимости своей деятельности, прочными духовно-нравственными основами, обладающими высокой культурой поведения.

Для сотрудников органов внутренних дел соблюдение дисциплины и законности – не просто желаемое, а необходимое «качество», так как на них возложена большая ответственность – служить Родине, добросовестно выполнять служебный долг, дорожить своей честью.

Список литературы

1. URL: <http://izvestia.ru/news/540803#ixzz3S1kmCnRy> (дата обращения: 7 февр. 2015 г.)
2. Краснов И.А. Специфика законности в федеративном государстве: на примере Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2007.
3. Денисова А.В. К вопросу о понятии законности в административном процессе // Научный портал МВД России. 2014. N 1 (25).
4. Лазарев В.В., Афанасьев В.С., Гранат Н.Л. Обеспечение законности в деятельности органов внутренних дел. М., 1993.
5. Румянцев Н.В. Законность как базовый правовой режим деятельности органов внутренних дел // Закон и право. 2011. N 6.
6. Макаренко А.С. Соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1957.
7. Калинин М.И. Избранное. М., 1958.
8. Гавриленко Д.А. Государственная дисциплина: (Сущность, функции, значение) / под ред. А.П. Шергина. М.: Наука и техника, 1988.
9. Административное право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / Т.М. Занина, Ю.Н. Канибер, В.А. Кудин, С.А. Сойников. М.: ЦОКР МВД России, 2005.
10. Иванова Т.Е. Организация профилактической работы по поддержанию служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел // Вестник кадровой политики МВД России. 2008. N 4.

References

1. Available at: <http://izvestia.ru/news/540803#ixzz3S1kmCnRy> (Accessed 7 February 2015).
2. Krasnov I.A. *Spetsifika zakonnosti v federativnom gosudarstve: na primere Rossiyskoy Federatsii. Dokt. Diss.* [The specifics of the rule of law in a federal state: the case of the Russian Federation: Doct. Diss.]. Kazan, 2007.
3. Denisova A.V. *K voprosu o ponyatii zakonnosti v administrativnom protsesse* [On the question of the legality of the administrative process]. *Nauchnyy portal MVD Rossii* – Scientific portal of the Russian Interior Ministry, 2014, no. 1 (25).
4. Lazarev V.V., Afanas'ev V.S., Granat N.L. *Obespechenie zakonnosti v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Rule of law in the internal affairs bodies]. Moscow, 1993.
5. Rumyantsev N.V. *Zakonnost' kak bazovyy pravovoy rezhim deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [The legality as the basic legal regime of internal affairs bodies]. *Zakon i pravo* – Law and the Legislation, 2011, no. 6.
6. Makarenko A.S. *Sochineniya. V 7 t. T. 1* [Essays. In 7 volumes. Volume 1]. Moscow, 1957.
7. Kalinin M.I. *Izbrannoe* [Favourites]. Moscow, 1958.
8. Gavrilenko D.A. *Gosudarstvennaya distsiplina: (Sushchnost', funktsii, znachenie)* [State discipline: (Essence, function, value)]. Moscow, Nauka i tekhnika Publ., 1988.
9. Zanina T.M., Kaniber Yu.N., Kudin V.A., Soynikov S.A. *Administrativnoe pravo. V 2 ch. Ch. 1* [Administrative Law. In 2 parts. Part 1]. Moscow, 2005.
10. Ivanova T.E. *Organizatsiya profilakticheskoy raboty po podderzhaniyu sluzhebnoy distsipliny i zakonnosti v organakh vnutrennikh del* [Organization of preventive work to maintain service discipline and legality in the internal affairs bodies]. *Vestnik kadrovoy politiki MVD Rossii* – Herald of the Russian Interior Ministry personnel policy, 2008, no. 4.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ВВЕДЕНСКАЯ О.Ю.,
Spark2589@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
350005, г. Краснодар,
ул. Ярославская, 128

VVEDENSKAYA O.Yu.,
Spark2589@mail.ru
Chair of criminalistics;
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Yaroslavskaya St. 128,
Krasnodar, 350005,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Реферат. Широкие возможности сети Интернет, наряду с развитием общественных отношений, порождают феномен интернет-преступности. Рассмотрение особенностей интернет-преступности является одним из средств борьбы с ней. Отмечено, что такие особенности отражены в элементах криминалистической характеристики интернет-преступлений, что позволяет уверенно отличать эти преступления от преступлений в сфере компьютерной информации. Предложена классификация интернет-преступлений. В целях определения особенностей следообразования при совершении преступлений посредством сети Интернет в ходе проведенного исследования выявлены и проанализированы наиболее распространенные из них на сегодняшний день. Определены особенности и элементы образования следов при совершении таких преступлений. Обосновывается необходимость выделения интернет-преступлений в отдельный вид. Обозначена ценность полученных результатов исследования как для криминалистики в целом, так и для борьбы с рассматриваемым видом преступлений. Установлено, что основным элементом следовой картины интернет-преступлений являются «информационные следы». Дано описание их содержания. Отмечено, что такие следы относятся к малоизученным криминалистикой. Подчеркнуто, что свое доказательственное значение информационные следы не могут нести в отрыве от своей формы и среды — без виртуальных следов, также новых для криминалистики. В ходе проведенного исследования интернет-преступления разделены на группы согласно особенностям и механизму их совершения, на основании анализа которого установлены оставляемые рассматриваемыми преступными воздействиями следы, особенности и механизм их образования и места возможного обнаружения. Подчеркивается, что механизм образования следовой картины иных интернет-преступлений, не освещенных в проведенном исследовании, будет аналогичен какой-либо группе рассмотренных.

Ключевые слова: Интернет, преступность, след, механизм, криминалистика.

CHARACTERISTICS OF LEAVING TRACES WHILE COMMITTING INTERNET CRIMES

Abstract. Internet possibilities, along with the social relations development, generate the phenomenon of Internet crime. Considering Internet crime characteristics is one of the means to combat it. It's noted that such characteristics are reflected in the elements of the criminalistics characteristics of Internet crimes, that allows to distinguish them from crimes in the sphere of computer information. Classification of Internet crimes is given. The most common crimes committed over Internet today are identified and analyzed by the author in order to determine the peculiarities of leaving traces while committing them. The characteristic features and elements of leaving traces while committing Internet crimes are defined. The necessity of classifying Internet crimes as separate type of crimes is substantiated. The value of the results of the research for criminalistics and combating the analyzed type of crime is underlined. It's established that the main elements of the trace pattern of Internet crimes are "information traces". Their content is described. It's noted that such traces are poorly studied by criminalistics. It's stressed that information traces can't have their evidentiary value in isolation from their form and environment — without virtual traces, which are also new to criminalistics. Basing on the research results, Internet crimes are divided into groups according to the characteristics and the mechanism of their commission. The traces of Internet crimes, the characteristics and the mechanism of leaving such traces, possible places of their detection are determined. It's emphasized that the mechanism of leaving traces while committing other Internet crimes is similar to the group considered in the research.

Keywords: Internet, crime, trace, mechanism, criminalistics.

Практически безграничные возможности глобальной сети Интернет в области передачи и обработки информации, обеспечивающие коммуникацию в разных формах, совершение финансовых операций, торговлю и другое, с одной стороны, делают Интернет благодатной средой для развития общественных отношений, с другой стороны, это влечет за собой возникновение такого негативного социального явления, как интернет-преступность.

До недавнего времени интернет-преступления рассматривались только в рамках класса преступлений в сфере компьютерной информации. Сегодня Интернет принят на вооружение преступниками любых категорий, являясь не только способом (30 %), но и средством совершения «традиционных» преступлений (46 % — средство подготовки преступлений, 24 % — средство их сокрытия)*, выходя таким образом за ранее обозначенные рамки.

Интернет-преступность как новый вид преступности представляет особый интерес для исследователей. Имеющиеся в научной литературе классификации интернет-преступлений даны в основном в зависимости от объектов преступного посягательства и в силу темпов развития интернет-преступности постоянно расширяются и видоизменяются. В связи с этим такие классификации быстро устаревают и не могут в полной мере отражать реальную картину. Данный факт позволяет нам предложить новую криминалистически значимую классификацию интернет-преступлений — преступлений, при совершении которых свойства сети Интернет использованы в качестве способа их совершения, и преступлений, где такие свойства использованы в качестве средства их совершения. Очевидно, что предложенная классификация не подвержена временному фактору.

Кроме того, с развитием сетевых технологий появились новые преступные деяния и способы их совершения в гло-

бальной сети Интернет, ранее не известные правоприменительной практике. Присущие Интернету свойства (удаленность, виртуальный характер сети Интернет — возможность отражения свойств реального мира в совокупности с отсутствием физических свойств, анонимность, неперсонифицируемость, отсутствие централизации, программируемость, реализация функций хранения, воспроизведения и транспортировки информации любого характера) делают возможным использование сети Интернет как в качестве способа, так и в качестве средства совершения преступлений и отражены в особенностях элементов криминалистической характеристики. Благодаря этому рассматриваемый вид преступлений отличается от преступлений в сфере компьютерной информации, обуславливая их повышенную общественную опасность и необходимость выделения в отдельную группу для организации эффективной борьбы с ними, делая их объектом научного исследования в области юриспруденции.

Не является исключением криминалистическая наука, исследующая в числе прочих вопросы закономерности возникновения информации о следах преступления. Анализ следов преступления и особенностей их образования позволяет установить механизм совершенного преступного деяния.

Еще основоположником криминалистики было отмечено, что путь исследования, идущий от механизма преступления через его признаки к методу расследования, характеризует глубинную сущность криминалистического анализа (Гросс Г., 1908).

Термин «след» может быть употреблен как в процессуальном, так и криминалистическом значении. Процессуальное значение указанного понятия заключается в том, что полученная с его помощью информация используется для формирования доказательственной базы и впоследствии отражается в процессуальных документах. Криминалистика же рассматривает понятие «след» в более широком смысле и включает в него всю совокупность получаемой информации, которая может быть использована как для розыскных действий, так и для выдвижения поисковых версий, определения направления действий следователя.

* Результаты проведенного автором исследования особенностей интернет-преступности показали, что на сегодняшний день возможности сети Интернет используются в качестве способа совершения для 30 % преступлений в общей массе интернет-преступности, 46 % — как средство подготовки и 24 % — в качестве средства сокрытия совершенного преступления.

Следы преступления принято делить на идеальные и материальные [1, с. 73]. Идеальные следы преступления отображают событие в сознании человека, знания об их свойствах заимствуются из таких наук, как психология, социология и т.п., показания свидетелей и потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, экспертов и т.п.

Материальные следы преступления являются традиционным объектом криминалистического исследования, составляют содержание учения о следах (трасологии) и включают в себя следы-отображения, следы-предметы и следы-вещества – различные договоры, записи, распечатки, литературу, следы красителей, тонеров, смазок, средства компьютерной техники и т.п.

В.А. Мещеряков дополняет предложенную классификацию, выделяя виртуальные следы, оставленные в ходе совершения компьютерных преступлений [2, с. 74-76].

По мнению А.Г. Волеводза, «виртуальные следы» – данные о происхождении информации: таблицы размещения файлов (FAT, NTFS или другие), системные реестры операционных систем, отдельные кластеры магнитного носителя информации, файлы и каталоги хранения сообщений электронной почты, файлы конфигурации программ удаленного доступа и иное [3, с. 4].

В.Е. Козлов считает, что «виртуальный след» – это система команд ЭВМ, где виртуальный объект будет являться следообразующим [4, с. 144].

Современная криминалистика также отмечает существование новых, малоизученных информационных следов совершения преступлений. Однако еще Д.А. Турчин прогнозировал их появление, отмечая возможность дальнейшей углубленной дифференциации следов внутри каждого образования или группы [5, с. 91].

Такие следы отражают особую среду – информационную и представляют собой электронные коды и сигналы, передаваемые на уровне пользователей, предполагая наличие источника, носителя, владельца (потребителя) и среды.

Информационные следы существуют на электронных и иных материальных носителях, наделены физическими свойствами виртуальных следов, но, в отличие от них, и конкретным информационным

содержанием, в связи с чем не могут быть отнесены ни к одному из элементов традиционной классификации следов преступлений.

В то же время информационный след, представленный в отрыве от среды и первоначальной формы, уже не несет своего истинного доказательственного значения.

Проведенное исследование* позволяет сделать вывод, что современная преступная интернет-деятельность оставляет за собой материальные следы, – так считают 24 % опрошенных, идеальные следы в виде показаний потерпевших, свидетелей и подозреваемых (обвиняемых) – 22 %, виртуальные следы в виде кэш-файлов, IP-адресов, журналов историй, log-файлов и т.п. – 27 % и 27 % опрошенных отмечают, что одним из важнейших элементов следовой картины рассматриваемой категории преступлений является информация, оставленная преступниками в сети Интернет, либо как следствие их контакта с жертвой (переписка, фотографии, всевозможные записи и т.п.).

Таким образом, элементами следовой картины, оставляемой интернет-преступлениями, являются традиционные следы (материальные и идеальные), а также новые, малоизученные криминалистикой виды следов – виртуальные и информационные, фиксации и изъятию которых должно быть уделено особое внимание, обусловленное их свойствами.

А.Л. Осипенко указывает на особую сложность обнаружения следов интернет-преступлений, обуславливая этот факт особенностями сети Интернет. Подчеркивая, что следы преступных действий будут распределены по множеству объектов (компьютерная система жертвы, преступника, провайдера, промежуточные сетевые узлы и т.п.) [6, с. 11].

Механизм следообразования может быть определен как особая форма протекания процесса, имеющая своим итогом образование следа, обусловленного спецификой следового контакта, процесс

* Автором в период с мая по сентябрь 2015 г. проведено анкетирование 1 363 сотрудников следственных и оперативных подразделений УМВД России регионального уровня по вопросам, касающимся особенностей современной интернет-преступности.

воздействия на объекты окружающей обстановки.

Таким образом, элементами следообразующего механизма являются:

- а) преступное действие;
- б) совершаемое им воздействие на объекты окружающей обстановки;
- в) оставшиеся в результате такого воздействия следы.

В рамках проведенного исследования нами рассмотрены особенности образования следовой картины, оставляемой в ходе совершения наиболее распространенных на сегодняшний день в российском сегменте сети Интернет преступных деяний (такие преступления занимают 70 % в общей картине преступлений, совершаемых посредством использования сети Интернет). Для более детального изложения данного вопроса разделим рассматриваемые преступные деяния на группы, с учетом механизма следообразования и особенностей реализации объективной стороны:

1. Интернет-мошенничество (онлайн-мошенничество):

– интернет-попрошайничество – на страницах Интернета (сайты, социальные сети) зачастую появляются объявления с просьбами об оказании различного рода помощи. Пользователи Интернета, ознакомившись с данной просьбой и приняв решение об оказании помощи, перечисляют деньги на счета мошенников. Зачастую в сети приведены реальные истории, сопровождающиеся фотографиями реальных людей, однако эти люди могут не знать о сборе денег для них и, соответственно, никогда не получают собранных средств;

– брачные аферы – злоумышленники, используя чужие фотографии людей, от их имени завязывают переписку с желающими вступить в отношения. После возникновения доверительных отношений от мошенников к новому интернет-знакомому поступает просьба о финансовой помощи. Получив деньги, мошенник перестает выходить на связь и удаляет аккаунт;

– мошенничество, связанное с Интернет-магазинами. Сюда входит торговля на страницах сети Интернет поддельными товарами, товарами ненадлежащего качества, товарами сомнительного происхождения и свойств, действие которых не подтверждено официальными исследова-

ниями. Злоумышленник под видом менеджера интернет-магазина предлагает оплатить 100 % стоимости товара на номер электронной платежной системы (Qiwi, Яндекс.Деньги, МОБИ.Деньги и т.п., характеризующиеся обезличенностью их владельца), после оплаты продавец на связь не выходит, выполнив обязательства не в полном объеме или не выполнив их вовсе. Известны и случаи обмана со стороны покупателя;

– уведомления о выигрыше – пользователь получает сообщение (в виде электронного письма либо в виде всплывающего окна) о выигрыше (телефона, автомобиля, денежной суммы и т.п.), однако для его получения необходимо перечислить на счет злоумышленников необходимую сумму. После перечисления требуемых денежных средств преступники вместе с полученными деньгами исчезают;

– фишинг – вид мошенничества, осуществляемый с целью получения реквизитов банковской карты (ст. 159.3 УК РФ) либо электронного кошелька (ст. 159.6 УК РФ), электронной почты и любых других. В сети Интернет реализуется путем рассылки сообщений от имени банков, платежных и других систем с просьбами авторизоваться, помочь системе в устранении неполадок и т.п., введя реквизиты, обеспечивающие доступ к интересующему злоумышленников ресурсу.

Имеются и другие разновидности интернет-мошенничества, связанные с использованием как электронной почты, так и интернет-сайтов [7, с. 182].

В целом действия интернет-мошенников сводятся к четырем этапам:

- размещение информации;
- процесс взаимодействия с жертвой;
- получение денежных средств;
- сокрытие совершенного преступления.

Очевидно, что интернет-мошенники будут нацелены на обеспечение анонимности своих действий. В связи с этим полагаться только на установление их IP-адреса не следует. Онлайн-мошенничество оставляет за собой множество следов технического характера: регистрационные данные доменного имени, log-файлы и прочие следы взаимодействия с регистратором доменных имен, следы при настройке DNS-сервера, поддерживающего домен

интернет-мошенников; данные аккаунта пользователя; следы взаимодействия (настройки) с хостинг-провайдером; следы рекламы веб-сайта, переписка с жертвами, следы приема заказов, указанные реквизиты платежной системы, следы ввода и вывода денежных средств, следы управления счетами и т.п. Вышеперечисленные следы будут находиться как на сервере, так и в системах преступника и его жертвы.

2. Распространение вирусов:

– фейки – создается внешне аналогичная страница, как правило, известного и часто используемого ресурса (поисковой системы, социальной сети, порносайта, платежной системы), при переходе на которую, ошибочно приняв за реальную, в систему пользователя попадает компьютерный вирус. Дальнейшее зависит от целей создания вируса. Кроме того, после ввода на фейк-странице своих личных данных, необходимых для авторизации, злоумышленникам открывается доступ к аккаунту пользователя;

– «письма счастья» – пользователю приходит на электронную почту письмо, вызывающее необходимость перейти по содержащейся в письме ссылке. В случае осуществления перехода по указанной ссылке устройство заражается вирусом, который получает доступ к любым логинам, паролям и счетам;

– интернет-вымогательство – на страницах Интернета зачастую поверх просматриваемой страницы всплывает окно с какой-либо информацией, как правило, рекламного характера или с предложением каких-то услуг, сообщение об обнаружении уязвимости системы. Для того чтобы воспользоваться предложенными услугами, ознакомиться с информацией, либо закрыть всплывшее окно, необходимо перейти по предложенной ссылке. Пользователь, совершив требуемые действия, инфицирует свою компьютерную систему вирусом (например, TrojanEncoder 19/20), который попадает в систему путем скрытой загрузки, шифрует все файлы, после чего самоликвидируется, требуя за расшифровку файлов перечислить на счет злоумышленников определенную сумму.

В компьютерной системе преступника могут быть обнаружены: коды вредоносных программ, антивирусное программное обеспечение для тестирования

вредоносной программы, программные средства для управления вредоносной программой. Кроме того, в компьютерной системе жертвы может находиться сама вредоносная программа, зашифрованные ей файлы, письма с указанием реквизитов счетов или с контактной информацией, отчеты и статистика антивирусного программного обеспечения. Существуют программы, самоликвидирующиеся по команде, поступившей от лица, управляющего ей, а также по командам пользователя либо автоматически. Однако исполняемый код вирусной программы тем не менее останется в системе жертвы и в случае проведения компьютерной экспертизы будет являться доказательством.

3. Распространение противоправной информации в сети:

– распространение информации экстремистского характера – размещение на страницах сети Интернет, как правило, социальных сетей и наиболее посещаемых ресурсов, документов, статей, видеороликов, содержащих публичные призывы, как в скрытой, так и в явной форме (содержание оценивается судом и операторами связи*) к экстремистской деятельности;

– распространение информации о продаже наркотических средств и психотропных веществ, а также иных предметов и веществ, запрещенных к гражданскому обороту на территории Российской Федерации, об оказании незаконных услуг.

– клевета, оскорбление, кибербуллинг (электронное издевательство) – распространение на общедоступных и часто посещаемых интернет-ресурсах клеветнических, оскорбительных либо унижающих честь и достоинство личности материалов.

При размещении противоправной информации преступник может действовать самостоятельно и ограничиться одним или несколькими ресурсами, а также прибегнуть к помощи профессиональных спаммеров или специального программного обеспечения для массовой рассылки.

Необходимо также учитывать стремление преступника к обеспечению собственной анонимности. Следовая картина

* О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 398-ФЗ // Рос. газ. Федеральный вып. 2013. 30 дек.

будет зависеть от способа размещения информации противоправного характера. В случае размещения противоправной информации силами самого преступника необходимо просматривать log-файлы веб-сервера, аккаунты социальных сетей, анализировать трафик, при размещении с использованием специальных программ просматриваются настройки, следы их запуска. Кроме того, особое значение имеет сама размещенная противоправная информация, ее форма и содержание.

В данной группе выделяются:

– распространение материалов порнографического содержания – происходит в социальных сетях либо создаются отдельные сайты. Распространение материалов порнографического содержания может быть связано и с мошенническими действиями, когда пользователь перечисляет денежные средства за просмотр (скачивание) порно-ролика, указывая реквизиты своей банковской карты, получает сообщение о временных сбоях в работе сайта. До того момента, как пользователь осознает, что в его отношении совершено мошенничество, злоумышленники имеют полный доступ к его счету;

Следовая картина будет включать и следы, оставляемые интернет-мошенничеством, описанные в п. 1.

4. Нюкинг – неправомерные действия, вызывающие отказ в обслуживании удаленным компьютером, направленные на «зависание», «обрушивание» сайта или даже сервера. Реализуется путем производства DOS-атак (Denial of Service) либо DDOS-атак (Distributed Denial of Service), основанных на массовой передаче запросов на определенную сетевую систему в такой форме, объеме и с такой периодичностью, что атакуемая система не может справиться с обработкой всех поступающих запросов, начинает давать сбои или даже прекращает работу («зависает») [6, с. 176]. Кроме того, атаки могут проводиться как с использованием уязвимостей системы, так и без него. Как правило, данные деяния квалифицируются по ст. 272 УК РФ и являются одной из разновидностей неправомерного доступа к компьютерной информации, так как происходит процесс блокирования доступа к компьютерной информации.

Нюкинг включает в себя поиск (создание) программного обеспечения для осу-

ществления атак, может сопровождаться организацией зомби-сетей (компьютеров-ботов) путем их инфицирования, оставляя за собой программное обеспечение для управления ботами, следы его эксплуатации, настройки, логи провайдеров, через сети которых проходила атака, log-файлы компьютерной системы жертвы, отражающие контрмеры к атаке, следы контрольных запросов, поступающих от системы преступника к ресурсу жертвы, с целью проверить эффективность атаки, иной технический инструментарий для осуществления нюкинга.

5. Хакинг:

– «взлом» интернет-сайтов, электронной почты, любого хранилища компьютерной информации. Реализуется, как правило, путем поиска уязвимостей системы. Квалифицируется по статьям УК РФ в зависимости от наступивших последствий;

– дефейс – изменение внешнего вида интернет-ресурса, как правило, титульной страницы или иной информации сайта после получения доступа к директории, где хранятся данные веб-сервера, либо с использованием уязвимостей веб-сервера. Является одной из разновидностей неправомерного доступа к компьютерной информации.

Как и в рассмотренных выше деяниях, преступник стремится к обеспечению своей анонимности. В данном случае следов остается, как правило, немного. Есть вероятность обнаружить в компьютерной системе, с которой осуществлялись преступные действия, следы исследования веб-сайта и возможностей доступа к нему. При наличии транзитных компьютерных систем необходимо искать вышеуказанные следы в log-файлах транзитного провайдера. Компьютерная система преступника должна содержать переработанную измененную страницу, программное обеспечение для поиска уязвимостей на сервере и в промежуточных компьютерных системах, осуществления неправомерного доступа со следами эксплуатации, например, в настройках.

6. Нарушение авторских и смежных прав:

– крекинг – снятие защиты с программного обеспечения или с продукта в целях его последующего бесплатного использования (ст.ст. 272, 146 УК РФ, если

программа защищена законодательством об авторских правах и является объектом проката). Состоит из непосредственных действий по снятию защиты с программного обеспечения, его записи на электронный носитель и последующего распространения в оффлайне.

В данном случае виртуальных следов преступления образуется немного и они сводятся, как правило, только к программному обеспечению, установленному на компьютере преступника для снятия защиты. Здесь имеет место понятие контрафактности (контрафактными являются экземпляры произведения и фонограммы, изготовление и распространение которых влечет за собой нарушение авторских и смежных прав), которое, как обозначено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не является юридическим*;

– неправомерное воспроизведение произведений авторства – доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения)**.

Следами будут являться статистика сервера о записи на него файла (upload), статистика сервера обращений пользователей к данному файлу, свидетельствующая о его доступности, следы записи файла на сервер с компьютерной системы подозреваемого, локальные копии этих файлов.

7. Социальные сети. Они становятся одним из важных атрибутов взаимодействия в современном обществе. Для одних пользователей – это средство общения, а для других – приличный заработок и площадка для достижения конкретных политических, социальных и экономических задач [8, с. 72]. В ходе общения в социальных сетях злоумышленник, войдя в доверие и заинтересовав пользователя, может вовлечь его в преступную деятельность или совершить в отношении его преступление

(оборот порнографии, распространение экстремистской идеологии, вовлечение несовершеннолетних в незаконную деятельность и т.п. – квалификация в зависимости от наступивших последствий). Кроме того, зачастую от пользователей, находящихся в контакт-листе, приходят сообщения с просьбами перейти по указанной ссылке и проголосовать за кого-либо. Далее действия развиваются по схеме, описанной в п. 2. Все рассмотренные выше группы преступных действий могут быть совершены в социальных сетях. Таким образом, при поиске следов преступлений, совершенных либо подготовленных в социальных сетях, следует провести аналогию с какой-либо из ранее рассмотренных групп преступлений, тем не менее выделяя такие особенности следообразования в социальных сетях, как наличие аккаунта, его привязка к адресу электронной почты либо к номеру мобильного телефона, архив сообщений, статистика активности на странице пользователя.

Итак, можно сделать вывод о том, что основным элементом следовой картины интернет-преступлений будут являться информационные следы. Среди таких следов для всех рассмотренных преступных деяний могут быть характерны чаты, блоги, переписка, фотографии, skrinshots страниц, содержимое аккаунтов пользователей различных сайтов, сервисов, и т.п.

На завершающем этапе совершенного преступления преступником реализуются действия по его сокрытию. Конкретные действия будут зависеть от умысла, целей совершения преступления и особенностей обстановки. Например, для сокрытия преступлений корыстной направленности решаются вопросы по легализации похищенного имущества или средств. Кроме того, в целях сокрытия могут привлекаться сообщники, на имя которых будет отправлен товар из интернет-магазина либо на счет которых переведены денежные средства, и т.п.

Однако, несмотря на многообразие следов, оставляемых преступной интернет-деятельностью, 61 % опрошенных отмечают, что попытки их уничтожения не предпринимались, что позволяет сделать вывод о безразличном отношении интернет-преступников к содеянному и уверенности в собственной безнаказанности, а также об их явном непрофессионализме.

* О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. N 15 // Рос. газ. Федеральный вып. 2006. 28 июня.

** См. п. 11 ст. 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В рамках настоящего исследования рассмотрен механизм образования следовой картины, образованной совершением наиболее распространенных на сегодняшний день интернет-преступлений. Полага-

ем, что механизм образования следовой картины иных интернет-преступлений будет аналогичен какой-либо группе рассмотренных.

Список литературы

1. Филиппов А.Г. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Спарк, 2000.
2. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001.
3. Волеводз А.Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. N 1.
4. Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М.: Горячая линия – Телеком, 2002.
5. Турчин Д.А. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983.
6. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2009.
7. Атаманов Р.С. Основы методики расследования мошенничества в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
8. Гусейнадзе Ф.Ф. Социальные сети как новая угроза безопасности государства // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. N 7.

References

1. Filippov A.G. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow, Spark Publ., 2000.
2. Meshcheryakov V.A. *Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: pravovoy i kriminalisticheskiy analiz* [Crimes in the sphere of computer information: legal and forensic analysis]. Voronezh, Voronezh State University, 2001.
3. Volevodz A.G. *Sledy prestupleniy, sovershennykh v komp'yuternykh setyakh* [Traces of crimes committed via computer networks]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2002, no. 1.
4. Kozlov V.E. *Teoriya i praktika bor'by s komp'yuternoy prestupnost'yu* [Theory and practice of the fight against cyber crime]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2002.
5. Turchin D.A. *Teoreticheskie osnovy trasologicheskoy identifikatsii v kriminalistike* [Theoretical bases of technical identification and forensic science]. Vladivostok, Far Eastern University Publishing, 1983.
6. Osipenko A.L. *Setevaya komp'yuternaya prestupnost': teoriya i praktika bor'by* [Network computer crime: theory and practice]. Omsk, Omsk Academy of the MIA of Russia, 2009.
7. Atamanov R.S. *Osnovy metodiki rassledovaniya moshennichestva v seti Internet. Kand. Diss.* [The basic methodology of the investigation of fraud on the Internet. Cand. Diss.]. Moscow, 2012.
8. Guseynadze F.F. *Social'nye seti kak novaya ugroza bezopasnosti gosudarstva* [Social networks as the new threat to the security of the state]. *Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve* – Law and order in modern society, 2011, no. 7.

НАДУЕВ М.Н.,
maxi2007@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и прокурорского надзора;
Коми республиканская академия
государственной службы и управления,
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Коммунистическая, 11

NADUEV M.N.,
maxi2007@mail.ru
Chair of criminal procedure
and prosecutor's supervision;
Komi republican academy
of public service and management,
Kommunisticheskaya St. 11, Syktyvkar,
167982, Republic of Komi,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СОКРЫТИЯ ДАННЫХ О ЛИЧНОСТИ КАК МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА СТАДИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Реферат. Рассматриваются последние изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, позволяющие применять положения о сокрытии данных о личности на стадии проверки сообщения о преступлении. Обозначены основные противоречия и проблемы, связанные с реализацией новых положений, предложены пути их решения. Особое внимание обращено на сложности засекречивания лиц на стадии подачи ими заявления о преступлении, а также указано на пробелы в законодательстве при рассмотрении анонимных заявлений, предложены различные пути их решения. Для начала проверки по анонимным заявлениям и последующего сокрытия данных о заявителе предлагается создание обязательного учета анонимных заявлений и проведение по ним соответствующих проверок в рамках уголовного процесса. При этом полные данные об анонимном заявителе, в случае его установления, должны быть известны только лицу, проводящему проверку, и должны храниться по правилам секретного делопроизводства. В дальнейшем, если подтвердятся факты, изложенные в заявлении, и будет возбуждено уголовное дело, заявитель может приобрести статус потерпевшего или свидетеля и его повторное засекречивание уже не требуется. Для минимизации количества допущенных к сведениям о лицах, в отношении которых применяются меры безопасности, предлагается установить определенный порядок регистрации таких заявлений и исключить возможность передачи материалов и уголовных дел от одного следователя к другому. Также важно предупреждать негативное воздействие на заявителя, если по его заявлению было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: мера безопасности; сокрытие данных о личности; проверка сообщения о преступлении.

THE PECULIARITIES OF APPLYING THE CONCEALMENT OF THE IDENTITY AS A SECURITY MEASURE AT THE STAGE OF CHECKING THE REPORTED CRIME

Abstract. The article examines recent changes in the criminal procedure legislation, allowing to implement the provisions on concealment of the identity at the stage of verification of reported crime. The main contradictions and problems associated with the implementation of new provisions are outlined, ways of their solution are proposed. Particular attention is paid to the complexity of classifying the persons at the stage of reporting crime. The gaps in the legislation concerning the consideration of anonymous statements are indicated. Various ways to solve these problems are proposed. It's proposed to create a system of compulsory registration of anonymous statements and carrying out their appropriate checking within the framework of criminal proceedings before starting verification of anonymous statements and subsequent concealment of the data about the applicant. Full data about the anonymous applicant should be known only to the person conducting the verification, and must be stored according to the rules of secret proceedings. Further, if the facts stated in the application are confirmed and criminal case is initiated, the applicant may acquire the status of a victim or witness and his re-classification is not required. To minimize the number of persons having access to the information on persons who are subject to security measures, it's proposed to establish a specific procedure for registration of such statements and to exclude the possibility of transferring the materials and criminal cases from one investigator to another. It's important to prevent negative impact on the applicant if it was decided to refuse to initiate a criminal case.

Keywords: security measure; concealment of the identity; verification of reported crime.

В настоящее время соблюдение конституционных прав и свобод граждан во всех сферах жизнедеятельности является одной из важнейших задач государства. С момента введения в 2001 году в действие УПК РФ органами следствия и суда активно нарабатывалась практика по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства на всех его стадиях. Многие авторы занимались исследованием эффективности применения мер безопасности и проводили статистические обобщения [1, с. 192-194; 2]. Несмотря на это, до сих пор остается ряд положений, требующих более детального изучения и урегулирования.

Особый интерес для нашего исследования представляют те способы защиты граждан, которые закреплены в УПК РФ и относятся к уголовно-процессуальным мерам безопасности. Среди них наиболее интересной и перспективной, на наш взгляд, является мера безопасности, предусмотренная ч. 9 ст. 166 УПК РФ, — сокрытие данных о личности при производстве следственных действий.

Цель данной работы заключается в выявлении проблем реализации данной меры безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении, а также акцентировании внимания на тех противоречиях, которые существуют в действующем законодательстве.

Прежде всего, обозначим, как звучит действующая редакция ч. 9 ст. 166 УПК РФ: «При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности». Далее в данной статье раскрывается порядок действий следователя, который решил применить указанную меру безопасности. Однако здесь нас интересует возможность применения сокрытия данных о личности на стадии рассмотрения сообщения о преступлении.

До 2013 года законодатель был категоричен в этом вопросе и допускал возможность применения такой меры безопасности только в связи с участием в следственном действии. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уго-

ловного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* были внесены изменения в ст. 144 УПК РФ, касающуюся порядка рассмотрения сообщения о преступлении, а диспозиция статьи была дополнена ч. 1.1, которая гласит: «...При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой ст. 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении».

Данная новелла представляется весьма своевременной и, на наш взгляд, требует дополнительных разъяснений. Бесспорно, что цели, которые преследовал законодатель, — самые благие: максимально защитить от противоправного поведения и угроз лиц, обладающих информацией о преступлении, но опасаящихся заявлять об этом в правоохранительные органы. В то же время, данные изменения противоречат некоторым действующим нормам УПК РФ, и это требует законодательного урегулирования.

Во-первых, в ч. 1 ст. 140 УПК РФ предусмотрено всего четыре повода для возбуждения уголовного дела и, соответственно, начала процессуальной проверки. Фактически лицо может самостоятельно сообщить о преступлении лишь двумя способами — 1) путем подачи письменного или устного заявления либо 2) путем написания протокола явки с повинной. Два других способа — направление материалов проверки прокурором и составление рапорта об обнаружении признаков преступления — не относятся к непосредственному обращению гражданина и являются отдельными поводами для проведения проверки. Особенно ясно это указано в диспозиции ст. 143 УПК РФ, где рапорт рассматривается как сообщение «...полученное из иных источников, чем указанные в статьях 141 и 142 настоящего Кодекса...». Таким образом, если лицо становится жертвой преступления или его очевидцем и боится сообщать о нем, то ему гарантируется возможность применения положений ч. 9 ст. 166 УПК РФ еще на стадии подачи заявления. Но тут возникает очень важный вопрос: как реализовать это положение на практике? Проблема заключается в том, что в ст. 141 УПК РФ, регламентирующей

* Рос. газ. 2013. 6 марта.

порядок подачи устного и письменного заявления, определены строгие требования в части сообщения информации о заявителе, а также о его документах, удостоверяющих личность. Так, если заявителю известно о готовящемся или совершенном преступлении, и он, опасаясь за собственную безопасность или безопасность своих близких, желает остаться неизвестным и подает анонимное заявление, то согласно ч. 7 ст. 141 УПК РФ «анонимное заявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела». Следовательно, если заявитель из-за наличия, возможно, реальных угроз его жизни и здоровью подает анонимное заявление, то оно не подлежит проверке в порядке ст.ст. 144, 145 УПК РФ, так как анонимные заявления даже не подлежат регистрации в книге учета сообщений о преступлениях.

Наиболее разумным решением в этом случае, на наш взгляд, было бы введение обязательного учета анонимных заявлений и проведение по ним соответствующих проверок. При этом полные данные об анонимном заявителе, в случае его установления, должны быть известны только лицу, проводящему проверку, и должны храниться по правилам секретного делопроизводства. В дальнейшем, если подтвердятся факты, изложенные в заявлении, и будет возбуждено уголовное дело, заявитель может приобрести статус потерпевшего или свидетеля и его повторное «засекречивание» уже не требуется. Практическая значимость реализации этой идеи заключается в том, что: 1) значительно снизится доля латентных преступлений, когда лицо боится обращения в правоохранительные органы от своего имени, с указанием своего места проживания и регистрации (а это обязательные атрибуты заявления) в связи с возможным оказанием на него или его близких родственников противоправного воздействия; 2) в случае возбуждения уголовного дела не понадобится повторная процедура «засекречивания» лица, являющегося заявителем, следовательно, и временной промежуток реализации данной меры безопасности увеличивается, а значит, повышается и ее эффективность.

Во-вторых, законодателем при введении данной нормы не дано никаких разъяснений по поводу субъектов применения

этих положений. Следует учитывать, что ч. 9 ст. 166 УПК РФ регламентирует действия следователя. Однако что делать заявителю, когда он обращается с заявлением и общается вначале с представителем дежурной части ОВД или иным сотрудником? Кто в этом случае будет нести ответственность за обеспечение сохранности данных о личности, если заявитель попросил о применении данной меры безопасности? Полагаем, что принятие подобных заявлений должно осуществляться только следователем, который в дальнейшем и будет проводить проверку сообщения о преступлении. В случае, если требуется передача материалов в иной орган или другому следователю, необходимо обеспечить максимальную защиту конфиденциальных данных о личности и хранение конверта с данными в защищенном месте.

В-третьих, полагаем целесообразным обратить внимание на применение данной меры безопасности в случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Законодатель не уточнил, как должен действовать следователь с засекреченными сведениями в случае принятия такого решения. Если взять за основу позицию, согласно которой сохранение в тайне данных о личности прекращается с момента вынесения вышеуказанного постановления, то фактически мы ставим под угрозу жизнь и здоровье любого заявителя или очевидца преступления. Прежде всего представляет угрозу сама возможность ознакомления с материалами проверки всех заинтересованных лиц, которым было направлено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. С другой стороны, данное решение об отказе в последующем может быть отменено и возбуждено уголовное дело, а секретные сведения уже стали доступными иным участникам процесса. Весьма риторически будет звучать вопрос о том, пожелает ли будущий потерпевший или свидетель давать правдивые показания, зная о том, что все его данные уже известны.

Считаем необходимым уделить внимание тому, каким образом решается данная проблема в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран. Одной из главных особенностей многих зарубежных правовых систем является фактическое отсутствие самой стадии возбуждения уго-

ловного дела. В связи с этим в некоторых странах временной аспект начала применения уголовно-процессуальных норм, связанных с обеспечением безопасности личности, теряет свою актуальность. «Так, во Франции первой стадией является дознание, проводимое до возбуждения уголовного преследования (публичного иска); в то время как акт возбуждения уголовного преследования служит «естественной границей», отделяющей дознание от предварительного следствия» [3]. В США также нет единого акта о возбуждении уголовного дела, в связи с чем вопрос времени начала мер государственной защиты увязывается только с наличием поводов и оснований для их применения.

Безусловно, что в нынешних реалиях, при строгом обособлении стадии возбуждения уголовного дела, не учитывать временной интервал начала применения данной меры безопасности мы не можем. Данная особенность нашего уголовного процесса не раз становилась почвой для дискуссий в среде ученых-процессуалистов, занимавшихся проблемами обеспечения безопасности. Так,

Г.П. Химичева еще в 2003 г. в своем диссертационном исследовании предлагала включить в УПК РФ норму, предусматривающую применение мер государственной защиты к заявителю и только к нему [4]. Иное мнение было высказано И.В. Новиковым, который предложил внести изменения сразу в несколько норм УПК РФ и предусмотреть возможность обеспечения безопасности не только заявителя, но и всех иных лиц, которые каким-либо образом связаны с ним [5]. Данная позиция, на наш взгляд, была более правильной и логичной, что нашло отражение в принятии поправок к УПК РФ, не ограничивающих возможность применения мер безопасности только одним лишь заявителем.

К сожалению, таких пробелов и противоречий в части применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве еще очень много. Надеемся, что критический взгляд правоприменителя и творческая инициатива законодателя позволят в ближайшие годы выработать эффективные механизмы защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Лозовицкая Г.П., Краснова К.А., Дьяченко Н.Н. Состояние обеспечения применения мер государственной защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. N 4. С. 192-194.
2. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2004.
3. Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. N 2. С. 142-148.
4. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
5. Новиков И.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства на стадии приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении // Современное право. 2011. N 2. С. 102-105.

References

1. Lozovitskaya G.P., Krasnova K.A., D'yachenko N.N. *Sostoyaniye obespecheniya primeneniya mer gosudarstvennoy zashchity v otnoshenii poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva* [Provision of application of measures of state protection for victims, witnesses and other participants in criminal proceedings]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal* – Gaps in Russian legislation. Law Journal, 2010, no. 4, pp. 192-194.
2. Epikhin A.Yu. *Kontseptsiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti v sfere ugovnogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [The concept of human security in criminal proceedings. Doct. Diss.]. Syktyvkar, 2004.
3. Khimicheva G.P. *Vozbuzhdeniye ugovnogo dela: problemy pravovoy reglamentatsii i sovershenstvovaniya deyatel'nosti* [Criminal proceedings: problems of legal regulation and improvement activities]. *"Chernye dyry" v rossiyskom zakonodatel'stve* – "Black Holes" in Russian legislation, 2003, no. 2, pp. 142-148.
4. Khimicheva G.P. *Dosudebnoye proizvodstvo po ugovnym delam: Kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti. Dokt. Diss.* [Pre-trial proceedings in criminal cases: concept of improving criminal procedure. Doct. Diss.]. Moscow, 2003.
5. Novikov I.V. *Obespecheniye bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva na stadii priema, registratsii i proverki soobshcheniya o prestuplenii* [Ensuring the safety of participants in criminal proceedings at the stage of admission, registration and verification of reports of crime]. *Sovremennoye pravo* – Modern Law, 2011, no. 2, pp. 102-105.

СЕРЕДНЕВ В.А.,
naganov1910@mail.ru
Кафедра права, философии
и социальных дисциплин;
Арзамасский филиал Нижегородского
государственного университета
им. Н.И. Лобачевского,
607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36

SEREDNEV V.A.,
naganov1910@mail.ru
Chair of law, philosophy and social sciences;
Arzamas branch of Nizhny Novgorod State
University named after N.I. Lobachevsky,
K. Marksa St. 36, Arzamas, 607220,
Russian Federation

ПОЛИГРАФНЫЕ ПРОВЕРКИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: АРГУМЕНТЫ «ПРОТИВ»

Реферат. Оценивается применение полиграфных проверок при получении доказательств по уголовным делам. Аргументируется, что на протяжении истории изобретались различные механизмы изобличения человека во лжи. Рассмотрена история полиграфа с момента его создания и до настоящего времени; изучены мнения ряда ученых по поводу механизма его работы. В результате проведенного анализа мнений различных ученых-процессуалистов автор приходит к мнению, что полиграф не может устанавливать достоверность сведений проверяемых, не является научным средством борьбы с ложными показаниями обвиняемых, подозреваемых. На основе данных о механизме действия полиграфа сделан вывод о недопустимости использования полиграфа в уголовном процессе. Приводятся доказательства того, что в основе использования полиграфа для проверки достоверности показаний лежит неверное представление о том, что отклонение физиологических реакций организма человека «зависит от чувства страха, испытываемого им, когда ему задаются вопросы, на которые он не может ответить правдиво, не подвергая себя риску осуждения». Кроме того, использование полиграфа противоречит принципу оценки доказательств по внутреннему убеждению. Аргументируется, что полиграфные проверки не обеспечивают получение объективных знаний об обстоятельствах совершенного преступления (собрание, проверка и оценка доказательств виновности и невиновности лица), потому что реализуют исключительно обвинительный уклон в отношении тестируемого. Любое техническое средство, если оно само и методика его применения научно обоснованы, может быть применено экспертом, следовательно, применение полиграфа допустимо при производстве экспертизы и при участии специалиста-психолога для получения заключения эксперта, что требует отдельного исследования.

Ключевые слова: полиграф, «детектор лжи», исследования, ложь, доказательства, информация, уголовный процесс.

POLYGRAPH TESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ARGUMENTS AGAINST

Abstract. The use of polygraph tests in obtaining evidence in criminal cases is evaluated. Throughout the history different mechanisms for exposing liars were invented. The history of polygraph since its creation to the present day is investigated. The views of scholars in the field of criminal procedure regarding the mechanism of its work are studied. Basing on the results of the analysis of different scholars' opinions, the author comes to the conclusion that polygraph can't determine the accuracy of the information. It's not a scientific means of combating false testimony of the accused and suspects. Analyzing the mechanism of polygraph's action, the author concludes that the use of polygraph in criminal proceedings is inadmissible. It's proved that the basis for using polygraph to check the accuracy of the testimony is the misconception that the deviation of physiological reactions of human body "depends on the sense of fear experienced by the person being asked the questions he cannot answer truthfully without putting himself at risk of conviction". Besides, the use of polygraph is contrary to the principle of evaluation of evidence by internal belief. It's argued that polygraph test doesn't provide obtaining objective knowledge about the circumstances of the crime committed (collecting, checking and evaluating evidence of guilt and innocence of the person), because it implements the accusatory bias against the tested person. Any technical device, justified by scientific research, can be applied by an expert, therefore, the use of polygraph is admissible while conducting expertise. Participation of psychologist is necessary to obtain an expert opinion, that requires a separate study.

Keywords: polygraph, lie detector, studies, lie, evidence, information, criminal proceedings.

История полиграфа («детектора лжи»)

Первым «детектором лжи» был плетизмограф — прибор для измерения кровенаполнения сосудов и изменений пульса. Впервые его использовал в своих экспериментах в 1877 г. итальянский физиолог А. Моссо. В дальнейшем многие исследователи продолжили работу в этом направлении. Чезаре Ломброзо предложил для выявления обмана использовать достижения физиологии. В конце XIX в. он начал измерять у подозреваемых давление крови, в то время как их допрашивала полиция, и утверждал, что он может определить, когда они лгут. В 1914 г. профессор австрийского университета (г. Грац) Витторио Бенусси, изучавший проблемы психофизики, опубликовал данные своих исследований динамики процесса дыхания, показывающие, что частота и глубина дыхательных циклов и отношение продолжительности вдоха к продолжительности выдоха меняется, когда обследуемый лжет [1, с. 9]. В 1933 г. Леонард Килер — сотрудник лаборатории научных методов раскрытия преступлений при Северо-Западном университете — сконструировал полевой переносной полиграф, в конструкцию которого был добавлен канал измерения сопротивления кожи. Л. Килер сконструировал первый полиграф — «детектор лжи», специально предназначенный для выявления у человека скрываемой информации [1].

В данной статье мы будем ссылаться на работу «Детектор лжи» профессора В.А. Варламова, русского ученого, практически единственного специалиста в области полиграфных проверок, а также создателя первого в СССР чернильно-пишущего «детектора лжи».

Несмотря на то, что в свое время в Советском Союзе, как и во всем мире разрабатывались методы экспериментальной психофизиологии для раскрытия преступлений, в 1937 г. Генеральная прокуратура СССР обрушилась на эти исследования, расценив новые разработки как покушение на основы процессуального права. Все эти исследования были приостановлены. Думается, что при этом верно утверждали о невозможности использовать физиологические процессы для диагностики искренности. Так, Н. Полянский пишет: «Можно не сомневаться, что опыт профессора А. Лурии представляет собой серьезный инте-

рес для психологов. Но их значение, как и значение других сходных по заданию экспериментов, в судебно-следственном деле более чем сомнительно... практических выводов, с точки зрения их применения при расследовании уголовных дел, из этих выводов сделать нельзя» [2, с. 53]*.

И действительно, при расследовании убийства оператор полиграфа задает вопросы тестируемому, например: «Вы знаете, кто совершил убийство?», «Вы совершили убийство?», «Какая Ваша роль в совершении убийства?», «Куда Вы спрятали труп после убийства?» и т.п. Полагаем, что данные вопросы нарушают презумпцию невиновности, являются оскорбляющими по отношению к тестируемому, унижают его честь и достоинство. С точки зрения М.С. Строговича, «ничего нового в этом “новом направлении” нет, все это хорошо было известно инквизиционному процессу: обвиняемого в убийстве подводили к трупу и наблюдали, как он реагировал на это, при допросе иногда велся “протокол поведения”, в котором фиксировалось поведение допрашиваемого: дрожание голоса, побледнение и покраснение и т.п. “Новое направление” только снабдило старые методы всяческими приборами, тестами, диаграммами и т.п., ничего не прибавив к их “научности”. Пожалуй, методы инквизиционного процесса выигрывают в своей примитивности и откровенности по сравнению с “научными” гнусностями представителей “нового направления”» [3, с. 114-115].

На самом деле, методика применения полиграфа есть не что иное, как инквизиционные методы, имевшие место в истории, с помощью которых от лиц, заподозренных в совершении преступлений получали показания. В КГБ, МВД в интересах служебно-оперативной деятельности полиграф применяется с начала 90-х гг. XX в. 1994 год можно считать началом массового внедрения полиграфа в России. В основу использования полиграфных обследований был положен опыт США, адаптированный к российским условиям. Следует согласиться с тем, что «слепо переносить зарубежный опыт в Россию — задача неблагоприятная. Социально-юри-

* Лурия Александр Романович — советский психолог, основатель отечественной нейропсихологии.

дическая культура США настолько отличается от российской, что сравнивать их вообще невозможно» [1, с. 25]. В свое время И.Ф. Пантелеев выступал против американизации уголовного процесса СССР, и в частности высказывался о внедрении в уголовное судопроизводство полиграфа: «Их вовсе не смущает, что сами инициаторы этого псевдонаучного метода исследования, буржуазные криминалисты, не применяют его там, где нужна точная и объективная информация. Многие из них предлагают прекратить его применение вообще...» [4, с. 226]. Действительно, о какой-либо достоверной информации, полученной с помощью полиграфа, даже не может быть и речи! Профессор И.Ф. Пантелеев указывал, что в середине 60-х гг. XX в. в США была создана комиссия под председательством Мосса для выяснения той роли, которую играет полиграф при проверке благонадежности служащих и выработки инструкции о порядке пользования им. После проведенного исследования Мосс отрицательно отозвался о полиграфе, заявив, что «детектора лжи» — прибора, работающего на строго научной основе, — в действительности не существует [4, с. 227].

Допустимость использования полиграфа в уголовном процессе

Действующее уголовно-процессуальное законодательство должно исключать использование в доказывании показаний, полученных с помощью полиграфа. Эти способы получения доказательственной информации осуществляются без контроля за ходом процедуры со стороны допрашиваемого лица [5, с. 148; 6, с. 109], которое превращается из субъекта уголовного судопроизводства в беспомощный объект исследования.

В настоящее время нельзя не высказать критических суждений по поводу появляющихся в литературе попыток смягчить акценты относительно использования полиграфа, чтобы все-таки одобрить его внедрение в доказательственную деятельность. Так, М.А. Сильнов утверждает: «Мы не исключаем возможности непроцессуального применения при допросе полиграфа, с согласия допрашиваемого, в целях получения ориентирующей информации, формирующей у следователя представление об особенностях личности допрашиваемого, типичных

для него поведенческих реакций и т.д.» [7, с. 17]. Более того, существуют ведомственные нормативные акты, разрешающие применение полиграфа*. Допрос — процессуальное действие, и ни о каком «непроцессуальном применении» чего бы то ни было при допросе не может быть речи. Смягчение акцента лишь вуалирует порочную идею применения полиграфа в доказывании при проведении судебно-психофизиологических экспертиз (далее — СПФЭ). Несмотря на вышесказанное, апологеты использования полиграфа для целей уголовного судопроизводства заявляют: «Новый вид экспертизы оказался востребованным судебно-следственной практикой и результаты многих десятков (может, и сотен) СПФЭ принимаются судами различных инстанций в качестве доказательств. Вместе с тем следует отметить, что технология и практика производства СПФЭ находится в стадии становления» [8, с. 64].

И хотя отношение к полиграфу («детектору лжи») очень противоречиво, тем не менее все сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, — измеряет интенсивность проявлений возбуждения вегетативной нервной системы (ВНС), то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека [1]. То же самое происходит и с поведенческими признаками обмана. Полагаем, что изменения в поведенческих сигналах, т.е. изменения в мимике, в голосе, в различной жестикуляции еще не указывают на признаки лжи как таковой. Это всего лишь сигналы эмоционального возбуждения или свидетельства работы мышления, которые могут выражать не только гнев или испуг, но также отчаяние, растерянность и т.д.

Следует отметить, что операторы детектора лжи никогда не делают свои окончательные выводы о показаниях тестируемого, используя только показания полиграфа. Они всегда пользуются имеющейся у них информацией о результатах предварительного расследования. Кроме того, опытные операторы уделяют внимание мимике, голосу, жестам и манере говорить и в ходе предтестовой беседы, и при

* Об утверждении порядка использования полиграфа при опросе граждан: приказ МВД России от 28 дек. 1994 г. N 437; Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность ОВД: приказ МВД России от 12 сент. 1995 г. N 353.

самом тестировании, и в беседе после его окончания. Люди очень часто пропускают поведенческие признаки обмана, неверно интерпретируют их или просто заблуждаются в их отношении. В этом случае уместно привести высказывание И.Н. Якимова: «В протоколе совершенно недопустимы отметки о том, как держал себя во время допроса допрашиваемый, волновался ли или менялся в лице, колебался при даче ответов, проявлял нерешительность и т.п., так как они не могут быть объективны и всегда носят, в качестве наблюдения, субъективный характер, в то же время не дают ничего важного по существу дела. Опытные следователи указывают, что внешними признаками лживости допрашиваемого, когда он дает свое показание, являются перемена окраски лица, неестественный румянец или внезапная бледность, дрожь в теле, подергивание рук, беспорядочные быстрые движения тела, облизывание языком пересыхающих губ, глотание воздуха, как будто его недостаточно, но этим правилам доверяться особенно нельзя, так как они могут происходить вообще от душевного волнения, связанного с процедурой допроса, и тем менее допустимо отмечать о них в протоколе» [9, с. 325]. Позиция известных советских процессуалистов по рассматриваемому вопросу была четко и однозначно выражена М.С. Строговичем: «То или иное поведение обвиняемого на допросах, тон даваемых им ответов на вопросы, манера держаться и другие подобные обстоятельства, конечно, не могут рассматриваться как самостоятельные доказательства виновности ввиду того, что они могут проистекать из причин, не связанных с исследуемым по делу событием» [10, с. 378]. Полиграф не читает мысли и не обнаруживает ложь, а всего лишь регистрирует физиологическую активность и изменения ее параметров.

Наша позиция по данному вопросу такова: даже если когда-нибудь, что мало вероятно, технология «детектора лжи» будет усовершенствована до такой степени, что будет абсолютно исключать ошибку прибора, все равно его данные будет опасно считать доказательствами в процессуальном смысле этого слова. Более того, в настоящее время, как указывает профессор Ю.К. Орлов, «наряду с использованием, в последние годы в следственной практике сложил-

ся порочный путь “втягивания” результатов КИПП (криминалистические исследования с применением полиграфа), полученных специалистом, в уголовный процесс в качестве доказательств» [11, с. 313-321]. Иначе говоря, в процессе использования полиграфа имеет место устранение различия между заключением эксперта и специалиста, что отрицательно сказывается на допустимости доказательств в уголовном процессе. Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 21 декабря 2010 г. N 28 внес разъяснения, в которых определил разграничение функций эксперта и специалиста*. В частности, в нем указано: «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования, должна быть произведена судебная экспертиза» (п. 20 постановления).

Любая идея государства, в данном случае идея использования полиграфа, находит отражение в уголовном судопроизводстве, и данная концепция поддерживается и растолковывается Верховным Судом РФ как высшим судебным органом государственной власти. Мы имеем в виду то, что хотя целью науки является деятельность, направленная на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности, тем не менее идеология и уголовная политика государства имеет, как правило, доминирующую роль.

Если ставить вопрос о противопоставлении индивидуальной человеческой воли, с одной стороны, и такого общественного блага, как безопасность, — с другой, то полиграф является прямым наследником дыбы. В конечном счете при воздействии на волю человека у него просто «сдают» нервы и он проявляет свою слабость.

Если в средние века палачи стремились сломить волю человека с помощью физической силы или дыбы, то современный образованный эксперт действует иным способом — обманом. Непосредственно перед испытанием полиграфом нужно ввести заподозренного в состояние стресса.

* О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. N 28 // Бюллетень ВС РФ. 2011. N 2.

Механизм действия полиграфа

Полиграф непрерывно фиксирует динамику психофизиологических реакций лица на вопросы, задаваемые полиграфологом. «Успех» в большей мере зависит от опыта оператора, поскольку объективных показателей лжи не существует. Ему необходимо суметь связать физиологические параметры, такие как неритмичное дыхание, учащение сердечного ритма, подъем давления крови, с психологическими и, что самое главное, правильно интерпретировать их. Таким образом, окончательное решение основывается на изменении общей картины реакций, а не на четко определенных критериях. Следовательно, это скорее не наука, это искусство с примесью шарлатанства. В ответ на задаваемые вопросы у проверяемого на полиграфе человека возникают физиологические реакции ВНС, проявляющиеся в виде изменений в ритмике и амплитуде дыхания, замедлении или учащении пульса, колебаниях артериального давления и т.д. Некоторые из этих изменений, такие как учащение дыхания, потоотделение, бледность и румянец, можно заметить и без детектора. Детектор лишь более тщательно регистрирует их, отражая даже самые незначительные изменения, которые невозможно заметить невооруженным глазом, а также фиксируя все другие проявления деятельности ВНС, такие как, например, пульс, который внешне заметить невозможно [1].

В настоящее время полиграф способен очень точно зафиксировать изменение потоотделения ладоней, кровяного давления и дыхания, причем чувствителен даже к малейшим сдвигам. Но что из этого, в сущности, может следовать? Считается, что если подозреваемый сообщает заведомую ложь, то у него изменяется состояние голосовых связок, которые производят несколько искаженный звук за счет нерегулярного изменения основной частоты вибрации. Почему, собственно говоря, если кто-то лжет, то у него должно измениться состояние голосовых связок? Может быть, и изменится, если человека очень сильно напугать или начать морально «прессовать». По физиологическим реакциям нельзя точно установить природу вызвавшего их процесса (положительная или отрицательная эмоция, ложь, испуг, боль, какие-либо ассоциации и т.д.). «Нельзя, например, согласиться с

предложениями об использовании в следственной и судебной практике аппаратов, регистрирующих состояние и изменение физиологических параметров организма, происходящих под влиянием тех или иных эмоций, в частности, волнения или страха (полиграфы, вариографы и др.), — писала П.С. Элькинд, — фиксируя соответствующие данные, такие аппараты не в состоянии установить их причину: является ли эмоциональное возбуждение результатом волнения, испытываемого человеком от того, что он впервые оказался перед следствием и судом, от возмущения несправедливостью, от страха быть изобличенным или по иной причине» [12, с. 3].

Очевидно, что баланс нервных процессов является одной из ведущих характеристик при формировании адаптационных реакций на эмоциогенный раздражитель (т.е. того, кто способен вызывать ту или иную эмоцию). «Когда в результате многократного предъявления одного и того же вопроса в центральной нервной системе человека образуются устойчивые связи между вопросом и некоторыми физиологическими реакциями, например величиной артериального давления. Они могут сохраняться в течение нескольких дней и недель. В этот период предъявление аналогичных вопросов всегда будет вызывать мощную психофизиологическую реакцию и, как следствие, повышение АД (даже если тестируемый не совершал преступления)» [1, с. 56].

Разработчики полиграфа сами утверждают, что «при проведении полиграфных проверок в состоянии аффекта может оказаться и не причастный к расследуемому преступлению человек» [1, с. 67]. Сторонники использования полиграфа нацеливают «...убедить опрашиваемого, что полиграф — это серьезная машина и практически не ошибается» [1, с. 67]. «Объясните ему, (как бы случайно, вскользь), что это одна из последних моделей, что Вы провели с ее помощью не одну сотню обследований и, к счастью, при этом не было допущено ни одной ошибки» [1, с. 120]. Тестируемый попадает в зависимость к оператору полиграфа и некий гипнотический транс. «Имеется множество свидетельств того, что человек, пожертвовавший своей внутренней независимостью и подчинившийся авторитету, склонен под-

менять собственный опыт опытом авторитета. Наиболее впечатляющая иллюстрация этого может быть обнаружена в ситуации гипноза, когда человек подчиняется авторитету другого и в состоянии гипнотического сна готов думать и чувствовать так, как его «заставляет» гипнотизер. Даже после пробуждения от гипнотического сна пациент подчиняется внушению, считая при этом, что следует собственному желанию и инициативе. Если гипнотизер, например, внушил пациенту, что в определенный момент тот почувствует холод и должен будет надеть пальто, в постгипнотической ситуации пациент испытывает внушаемое ему чувство и будет действовать соответственно, будучи убежденным, что его чувства и поступки основаны на реальности и инициированы его собственным мнением и волей» [13, с. 256].

Сторонники использования полиграфа указывают: «Тактически правильно построенное и проведенное собеседование обеспечивает до 50 % успеха проверок с использованием полиграфных устройств» [1, с. 117]. Возникает вопрос: к какому следственному действию или оперативно-розыскному мероприятию относятся сторонники использования полиграфа такое действие, как собеседование? И что это вообще за действие, например, в уголовно-процессуальном доказывании, которое обеспечивает до 50 % достоверности информации. В предтестовой беседе, как указывают сторонники использования полиграфа, для получения достоверной информации нужно пытаться в вежливой форме убедить тестируемого, и нередко путем обмана, что полиграф работает безотказно и не делает ошибок. «Можно привести пример из жизни ваших «друзей», когда парня «чуть не засадили», и только полиграфные проверки помогли установить истину» [1, с. 118].

Очевидно, что в предтестовой беседе оператор полиграфа пытается также установить способность тестируемого, к восприятию информации и проведению с ней мыслительных операций, поскольку основная роль полиграфа — фиксация возбужденной реакции организма тестируемого на вопросы, связанные с совершением преступления. Апологеты использования полиграфа не отрицают того момента, что «если перед Вами сидит человек с гибкой

и подвижной нервной системой, при хорошем уровне мыслительных процессов он может практически мгновенно принять решение о способе противодействия тестированию, что намного усложнит проводимую процедуру полиграфной проверки» [1, с. 120]. Или есть, например, определенные лица, которые в силу своей субкультуры или без таковой имеют отрицательное отношение к власти вообще и к правоохранительным органам в частности, а поскольку они «злятся на власть» во время тестирования, естественно, полиграф фиксирует все эмоции без разграничений.

Об ограничениях при проведении полиграфных проверок

В литературе указывается на определенные функции в организме человека, которые при известных обстоятельствах могут оказывать влияние на качество полиграфных проверок. Все состояния организма связаны с «неадекватной его работой» даже независимо от применения к нему полиграфа. Выделяются следующие состояния организма: 1. Острая сердечная недостаточность; 2. Вторая половина беременности или период резко выраженной интоксикации; 3. Тестирование несовершеннолетних или очень пожилых людей; 4. Умственная отсталость; 5. Употребление наркотиков или сильнодействующих лекарств; 6. Состояние алкогольного опьянения; 7. Сильная усталость; 8. Острая боль; 9. Острый период психопатии, шизофрении и эпилепсии.

Иными словами, граждане находятся в таком состоянии, при котором дополнительное эмоциональное напряжение может нанести вред организму [1, с. 45]. Если у обследуемого совершенно отсутствует критика своего поведения и не возникает ощущения опасности при опросе, то он и так все расскажет, и проводить полиграфные обследования нет необходимости, а также налицо притупление физиологических реакций на предъявляемые вопросы.

Относительно тестирования несовершеннолетних следует отметить, что сложность полиграфной проверки данной группы определяется их неспособностью до конца понять как смысл, так и социальную значимость вопроса. Часто дети за счет безграничной фантазии настолько входят в роль преступника, что это ведет к значительному искажению ответов на предъяв-

ляемые вопросы [1, с. 46]. Говоря о фантазии и о понимании смысла обследования на полиграфе, уместно привести случай из личной практики. В конце 90-х годов XX века при неизвестных обстоятельствах из оружейной комнаты дежурной части Арзамасского ГОВД пропал карабин с оптическим прицелом. Были установлены все лица, которые в период возможной пропажи карабина несли службу в дежурной части, а также в следственно-оперативной группе (СОГ) и в определенные периоды находились непосредственно вблизи оружейной комнаты во время выдачи табельного оружия членам СОГ. Автор данной статьи, будучи членом СОГ, как и остальные ее участники, в определенный день, по письменному заявлению в «добровольно-принудительном» порядке был подвергнут тестированию на полиграфе. Во время постановки автору вопросов оператор вдруг говорит: «Товарищ старший лейтенант, Вы о чем-то не о том думаете, как маленький ребенок фантазируете, что ли?.. Нужно думать об обстоятельствах преступления...». Автор ответил: «Как я могу думать об обстоятельствах совершения преступления, если я его не совершал?».

Следует заметить, что об обстоятельствах преступления может знать как лицо, причастное к преступлению, так и лицо, просто осведомленное о совершении преступления. В связи с этим нужно говорить о том, что в некоторых случаях это действительно так, в спорных случаях, очевидно, следует ограничиться констатацией наличия у испытуемого не информации о причастности, а информации об осведомленности о тех или иных обстоятельствах события, учитывая возможность случайного источника такой информации. Необходимо указать также, что налицо элиминирование понятия «теория доказательств» и ее выхолащивание, прямая атака на доказывание в уголовном процессе.

Кроме того, важно учитывать особенности использования «либерально-бездуховной машинки» (полиграфа) в отношении именно русских людей. Полиграф является изобретением западной цивилизации, его изобретатели не учли и не могли учесть одного нюанса. У человека все же есть душа, именно «душа» в понимании русской топики, и есть совесть. Анализ западной литературы по социоло-

гии, психологии, философии показывает, что западные (европейские) авторы не пытаются изучать феномен души человека. У других народов нет славянского понятия «совесть», этот феномен в западной матрице если и рассматривается, то как «внутреннее знание» [14, с. 269]. Западная научная парадигма отрицает присутствие в человеке души. Вот и изобрели апологеты либеральных ценностей – «электрический шокер», с помощью которого решили «будоражить нервные окончания», ничего не зная о душе. Душу же человека может понять только человек, но никак не электрический прибор с набором определенных функций.

Что такое жизнь? Очевидно, этохождение в среде себе подобных, а человеческая жизнь именно по-русски – это жизнь души. Используя понятия «душа», русский человек может описать свое состояние, свои переживания (душа к чему-то лежит или нет; дело не по душе или наоборот и т.д.). Русский человек при общении с окружающими соприкасается с ними именно душой (жить душа в душу, тянуть за душу, говорить по душам, стоять над душой и т.д.).

А совесть? Это внутреннее судилище русского человека, его внутренний долг перед всем обществом. Совесть в душе человека есть основной признак топики русского человека. Если убить совесть в русском человеке, наступает смерть его души. Любая попытка изъятия из русской топики души расценивается нами как нашествие вируса, как эпидемия, как тяжелое заболевание. Зарубежные ученые, которые изобрели полиграф, по своей сути, являются людьми без совести, путем обмана желающими получить нужные показания при использовании детектора лжи. Обратим внимание, как в западной философии рассматривается понятие жизни, например у Ф.Ницше: «...жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого... аннексия и по меньшей мере эксплуатация...» [15, с. 183]. Такое понятие чуждо русскому человеку.

Уголовно-процессуальный аспект проблемы

Думается, что использование полиграфа в психологии и смежных с ней науках возможно и даже необходимо, но не

в уголовном процессе для получения доказательственной базы.

Статья 49 Конституции Российской Федерации закрепляет презумпцию невиновности в уголовном судопроизводстве. Статья 50 запрещает использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона. Статья 51 устанавливает право человека не свидетельствовать против самого себя. В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются сведения, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Часть 2 ст. 77 УПК РФ устанавливает, что признание вины обвиняемым может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по делу доказательств. В соответствии со ст. 87 УПК РФ проверка доказательств производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, а также путем установления их источников, получения иных доказательств. Статья 88 УПК РФ предусматривает, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а доказательства в совокупности — достаточности.

Более того, мы убеждены, что целью использования полиграфа является не получение объективных знаний об обстоятельствах совершения преступления (например, следователь должен собирать, проверять и оценивать доказательства, не только указывающие на виновность лица, но и доказательства, которые могут говорить о его невиновности, что является механизмом объективного исследования обстоятельств преступления), если оно имело место, а цель состоит именно в обвинительном уклоне в отношении тестируемого лица.

Далее, считаем необходимым высказать свою точку зрения по поводу оценки результатов СПфЭ, указывая на то, что апологеты использования в доказывании результатов СПфЭ, пишут: «Для суда в принципе не может быть никакой ориентирующей информации: он оценивает имеющуюся в деле совокупность доказательств по своему внутреннему убеждению (ст. 17 УПК РФ) и выходит за рамки

этой совокупности не может. Суд не вправе принимать во внимание какую-либо иную информацию, которая заведомо не может иметь никакого доказательственного значения. Любая информация ориентировочного характера — это незаконное воздействие на формирование внутреннего убеждения суда, которое влечет опасность создания какой-то предварительной психологической установки, предубеждения...» [8, с. 67]. Во-первых мы считаем, что само определение доказательства, данное в УПК РФ, в настоящее время не имеет смысловой нагрузки. Информация как таковая — это, по сути, знание, лишённое смысла. А доказательствами должна быть не просто информация, а знания, наполненные смыслом, являющиеся средством убеждения, например властных субъектов уголовного судопроизводства, в частности суда. В связи с этим все высказывания в контексте типа: «суд не вправе принимать иную информацию», «это незаконное воздействие на формирование внутреннего убеждения» и т.д., по сути, не имеют обоснования. Во-вторых, при оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ) доминирующее значение имеет убеждение, которое представляет собой твердо устоявшиеся взгляды человека на что-либо, поэтому убежденного человека (в нашем случае, например, судью) вряд ли можно «отформатировать» с помощью предоставленной информации. Убеждения наряду с другими элементами, такими как вера, идеалы, ценностные ориентации, являются стержнем мировоззрения человека. Роль совести при оценке доказательств наряду с убеждениями также имеет первостепенное значение. Мы указывали выше, что совесть является внутренним судилищем человека перед обществом.

Поэтому мы считаем, что любое техническое средство, если оно само и методика его применения научно обоснованны, может быть применено экспертом, т.е. применение полиграфа может стать допустимым при производстве экспертизы и при участии специалиста-психолога для получения заключения эксперта, но этот вопрос требует отдельного исследования.

Итак, полиграф — «детектор лжи» не может использоваться для получения допустимых доказательств в уголовном процессе по следующим причинам:

1. В основе использования полиграфа для проверки достоверности показаний лежит неверное представление о том, что отклонение физиологических реакций организма человека «зависит от чувства страха, испытываемого им, когда ему задаются вопросы, на которые он не может

ответить правдиво, не подвергая себя риску осуждения»;

2. При использовании полиграфа имеет место покушение на принципы правосудия, одним из которых является принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Список литературы

1. Варламов В.А. Детектор лжи. 2-е изд. М.: ПЕР СЭ-Пресс, 2004. 352 с.
2. Прукс П. Уголовный процесс: научная «детекция лжи». Инструментальная диагностика эмоциональной напряженности и возможности ее применения в уголовном процессе. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1992. 200 с.
3. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 276 с.
4. Пантелеев И.Ф. Некоторые вопросы психологии расследования преступлений // Труды ВЮЗИ. Вып. XXIX. М., 1971. 227 с.
5. Ларин А.М. Обязанности доказывания и проблема допустимости доказательств, в частности, показаний свидетелей // СССР – Англия: юстиция и сравнительное правоведение: материалы советско-английского симпозиума. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. С. 136-141.
6. Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. Правовые аспекты / науч. ред. Л.Д. Кокорев. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. 151 с.
7. Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе. Досудебные стадии. М.: МЗ Пресс, 2001. 112 с.
8. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Использование полиграфа в уголовном процессе: рекомендации по оценке экспертизы // Уголовный процесс. 2013. N 8. С. 64-73.
9. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике (новое издание, перепечатанное с издания 1925 года). М.: Лекс Эст, 2003. 496 с.
10. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / отв. ред. Б.С. Никифоров. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.
11. Орлов Ю.К., Холодный Ю.И. Процессуальные проблемы применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 октября 2012 г. М.: Буки Веди, 2012. С. 313-321.
12. Элькинд П. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство // Советская юстиция. 1977. N 3. С. 7-8.
13. Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. А.В. Александровой. М.: Астрель, 2012. 314 с.
14. Миронова Т.Л. Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
15. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Казус Вагнер. Антихрист. Ессе Номо. Человеческое, слишком человеческое. Злая мудрость: [пер. с нем.]. Минск: Харвест, 2012. 879 с.

References

1. Varlamov V.A. *Detektor lzhi* [Lie detector]. Moscow, PER SE-Press Publ., 2004. 352 p.
2. Pruks P. *Ugolovnyy protsess: nauchnaya "detektsiya lzhi" Instrumental'naya diagnostika emotsional'noy napryazhennosti i vozmozhnosti ee primeneniya v ugovolnom protsesse* [Criminal proceedings: scientific "lie detection". Diagnostics emotional tension and the possibility of its use in criminal proceedings]. Tartu, University of Tartu Press, 1992. 200 p.
3. Strogovich M.S. *Uchenie o material'noy istine v ugovolnom protsesse* [The doctrine of material truth in a criminal proceeding]. Moscow, 1947. 276 p.
4. Panteleev I.F. *Nekotorye voprosy psikhologii rassledovaniya prestupleniy* [Some questions of the psychology of crime investigation]. Trudy VYuZI. Vyp. XXIX [Proceedings VYUZI. Edition XXIX]. Moscow, 1971. 227 p.
5. Larin A.M. *Obyazannosti dokazyvaniya i problema dopustimosti dokazatel'stv, v chastnosti, pokazaniy svideteley* [The burden of proof and the issue of admissibility of evidence, particularly the testimony of witnesses]. SSSR – Angliya: yustitsiya i sravnitel'noe pravovedenie. Materialy sovetsko-angliyskogo simpoziuma [USSR – England: Justice and comparative law]. Moscow, 1986. Pp. 136-141.
6. Panyushkin V.A. *Nauchno-tekhnicheskij progress i ugovolnoe sudoproizvodstvo* [Scientific and technological progress and criminal proceedings. Legal aspects]. Voronezh, Voronezh State University Publishing, 1985. 151 p.
7. Sil'nov M.A. *Voprosy obespecheniya dopustimosti dokazatel'stv v ugovolnom protsesse (dosudebnye stadii)* [Issues of admissibility of evidence in criminal proceedings. The pre-trial stage]. Moscow, MZ Press Publ., 2001. 112 p.

8. Orlov Yu.K., Kholodnyy Yu.I. *Ispol'zovanie poligrafa v ugovnom protsesse: rekomendatsii po otsenke ekspertizy* [The use of polygraph in criminal proceedings: the recommendations of the evaluation examination]. *Ugovnyy protsess* – Criminal proceedings, 2013, no. 8, pp. 64-73.
9. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugovnoy tekhnike i taktike* [Forensics. Guide to the criminal techniques and tactics]. Moscow, Leks Est Publ., 2003. 496 p.
10. Strogovich M.S. *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse* [Material truth and the forensic evidence in the Soviet criminal trial]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 384 p.
11. Orlov Yu.K., Kholodnyy Yu.I. *Protsessual'nye problemy primeneniya poligrafa pri rassledovanii ugovnykh del* [Procedural problems of polygraph application in criminal cases]. *Aktual'nye problemy primeneniya norm ugovno-protsessual'nogo prava pri rassledovanii prestupleniy* [Actual problems of application of the rules of criminal procedure in the investigation of crimes]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2012. Pp. 313-321.
12. El'kind P.S. *Nauchno-tekhnicheskij progress i ugovnoe sudoproizvodstvo* [Scientific and technological progress and criminal proceedings]. *Sovetskaya yustitsiya* – The Soviet justice, 1977, no. 3, pp. 7-8.
13. Fromm E. *Chelovek dlya sebya* [A man for himself]. Moscow, Astrel', 2012. 314 p.
14. Mironova T.L. *Bronya geneticheskoy pamyati* [Armor genetic memory]. Moscow, Algorithm Publ., 2014. 352 p.
15. Nitsshe F. *Po tu storonu dobra i zla. Kazus Vagner. Antikhris. Esse Homo. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe. Zlaya mudrost'* [Beyond Good and Evil. Case of Wagner. Antichrist. Ecce Homo. Human, all too human. Wicked Wisdom]. Minsk, Harvest Publ., 2012. 879 p.